

Борис Акунин

ЧЕРНЫЙ ГОРОД

НОВЫЙ ДЕТЕКТИВ

Борис Акунин

ЧЕРНЫЙ
ГОРОД

Annotation

Действие нового романа об Эрасте Фандорине происходит накануне Первой мировой войны в Баку, великолепном и страшном городе нефти, нуваришей, пламенных террористов и восточных разбойников. На этот раз великому сыщику достался противник, победить которого, кажется, невозможно...

- [Борис Акунин](#)

- [Охота на Одиссея](#)
- [Нет, не разлюбила!](#)
- [Дерево, клинок, иней](#)
- [Самый восточный город Запада](#)
- [Настоящий экшн](#)
- [Банquet в Мардакянах](#)
- [Кара-Гасым](#)
- [Фандорина передают из рук в руки](#)
- [Опытная женщина с безупречной репутацией](#)
- [Странная компания](#)
- [Острые ощущения](#)
- [Свободен! Свободен!](#)
- [Охота закончена](#)
- [Фандорин задерживается](#)
- [Запах жасмина](#)
- [Новый ракурс](#)
- [Большая политика](#)
- [Бой с ракообразным](#)
- [Белый человек в черном городе](#)
- [За приятным разговором](#)
- [Страшная сказка](#)
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)

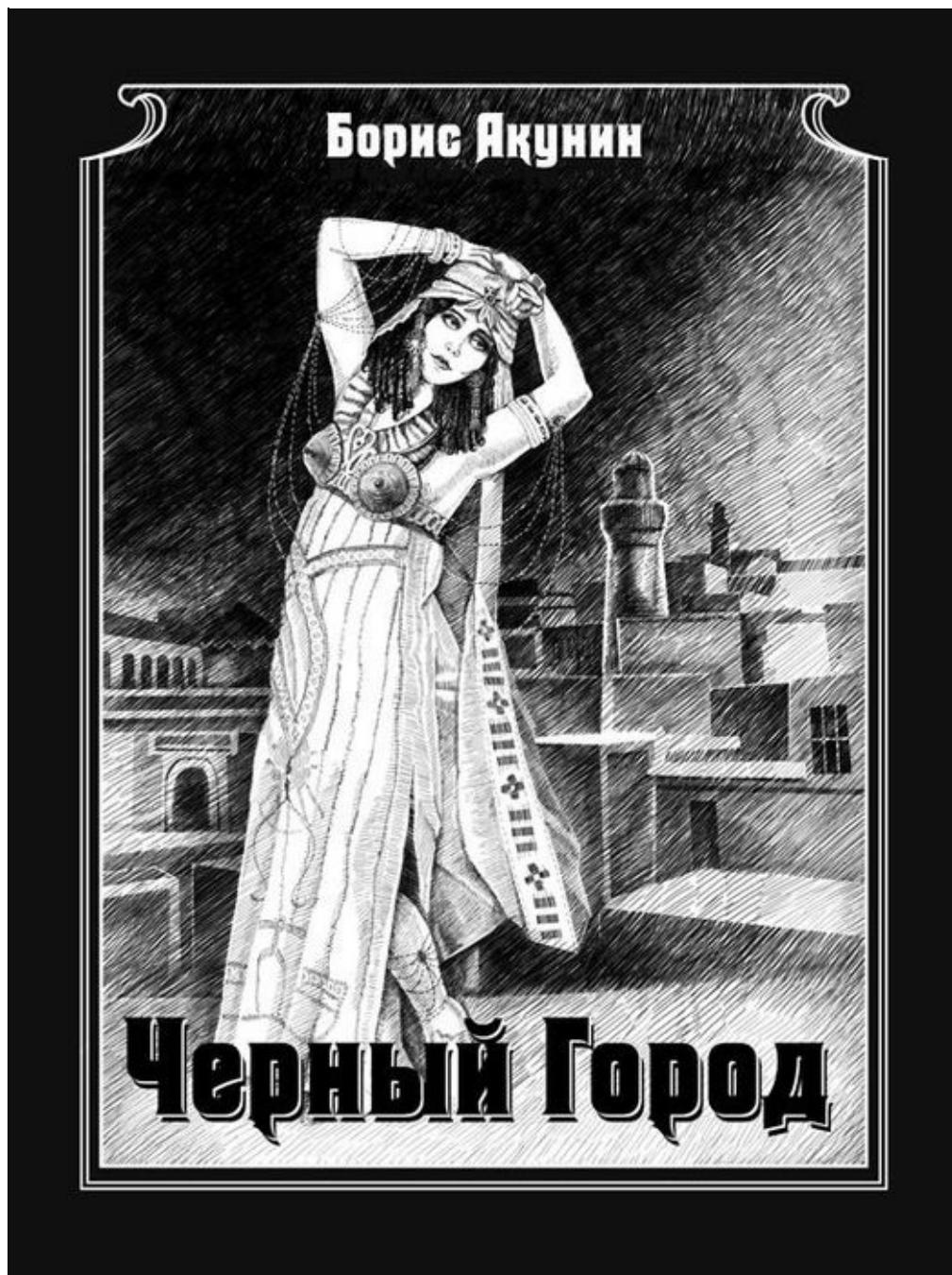
Благодарим Вас за использование нашей библиотеки [Librs.net](#).

Борис Акунин

Чёрный город

От автора (во избежание недоразумений):

Я с совершенно одинаковой симпатией отношусь и к азербайджанцам, и к армянам, глубоко уважаю обе эти нации и продолжаю надеяться, что они помирятся.

Охота на Одиссея

— ...Одиссей пошел от залива по лесной тропинке к тому месту, которое ему указала Афина. Но не дошел туда. *Исчез!*

Последнее слово ночной визитер прошептал с таким ужасом, что задрожали кончики нафабренных усов. На погоне с императорским вензелем вспыхнул блик от лампы.

Абсурд, подумал Эраст Петрович. Химера. Сидишь в гостиничном номере, читаешь «Вишневый сад», в очередной раз пытаешься понять, почему автор назвал эту невыносимо грустную пьесу комедией. Вдруг врывается сумасшедший в генеральском мундире и начинает нести околесицу. Про Одиссея, про Афину, про какой-то «манлихер» с оптическим прицелом. Через слово повторяет: «Вы один можете спасти честь старого солдата». В выпущенных глазах слезы. Будто ожил персонаж из ранней чеховской пьесы — той поры, когда Антон Павлович был молод, здоров и сочинял водевили.

— Зачем вы мне всё это рассказываете? За к-кого вы, собственно, меня п-принимаете? — спросил Фандорин, от раздражения заикаясь сильней обычного.

— То есть как? Разве вы не Эраст Петрович Фандорин? Я ошибся номером? — в ужасной панике вскричал незваный посетитель.

Он вообще-то представился, этот чудак. Да Фандорин и так бы его узнал. Личность известная. Столичные карикатуристы очень похоже изображают торчащие усы, монументальный нос, седую бороденку. Генерал Ломбадзе, собственной персоной. Градоначальник Ялты, где августейшее семейство проводит по три-четыре месяца в году. Поэтому небольшой крымский городок имеет особый статус, а его управитель наделен чрезвычайными правами и полномочиями. Самодурство и всеподданнейшее рвение ялтинского начальника давно стали притчей во языцах. Левые газеты прозвали генерала «придворным мопсом» и шутят, что по утрам он в зубах приносит его величеству тапочки.

— Да, я Фандорин. Так что же?

— Ага! Мне докладывают обо всех приезжих! — торжествующе воздел палец Ломбадзе. — Вы знаменитый сыщик. Прибыли из Москвы. Не знаю, какое расследование привело вас в мой город, но вы должны немедленно бросить все дела!

— И не подумаю. Я член к-комиссии по наследию Чехова и приехал в Ялту по приглашению сестры покойного. Через месяц исполняется десять лет со дня кончины Антона Павловича, я участую в подготовительных мероприятиях.

Это была истинная правда — в почтенную комиссию Эраста Петровича пригласили после одного небольшого расследования, в ходе которого он помог найти пропавшую рукопись писателя.

Однако генерал сердито фыркнул.

— Так я вам и поверил! Послушайте, меня не интересует, на кого вы сейчас работаете! Здесь дело колossalной важности! Жизнь государя в опасности! До рассвета всего два часа. Говорят же вам: Одиссей не явился к условленному месту. Теперь он бродит где-то вокруг Ливадийского дворца, и в руках у него «манлихер» с оптическим прицелом! Это катастрофа!

В голову Фандорину одновременно пришли две совершенно несвязанные мысли (была у его мозга такая странная особенность). Во-первых, он вдруг понял, почему «Вишневый сад» комедия. Это пьеса, написанная чахоточным больным, который предчувствует, что его грустная жизнь закончится фарсом. Скоро он умрет на чужбине, и его привезут назад в вагоне-холодильнике с надписью «устрицы». Типично чеховский прием комедийного снижения трагической ситуации.

А во-вторых, в заполошном бреде градоначальника забрезжил смысл.

— Одиссей — это террорист? — остановил Фандорин бестолковое многословие его превосходительства.

— Очень опасный! Четырнадцать лет в розыске! Невероятной изворотливости! Отсюда и кличка!

— Афина — это ваш агент-провокатор?

— Что за терминология! Достойнейшая дама, которая сотрудничает с нами из патриотизма. Она член большевистской партии. Когда Одиссей явился к ней, назвал пароль и объяснил, что хочет умертвить венценосца... — Генерал захлебнулся от переполнявших его чувств. — ... Афина, разумеется, сообщила в Охранное.

— Почему вы немедленно его не арестовали? Правильно ли я понял, что вы сами снабдили его с-снайперской винтовкой?

Ломбадзе вытер платком багровый лоб.

— Одиссей поручил Афине добыть для него оружие и обеспечить проход в Особую зону, — промямлил он. — Я подумал, что будет эффектней, если мы возьмем злодея на месте предполагаемого цареубийства с оружием в руках. Тогда он не отделается каторгой, а пойдет на

виселицу...

«Ну а ты получишь награду за спасение государя», мысленно завершил Фандорин несложную логическую цепочку.

— Надеюсь, винтовка неисправна?

Градоначальник запыхтел.

Ялтинский градоначальник

— Одиссей чрезвычайно въедливый тип. Никому не доверяет. Если бы он обнаружил, что сточен боек или, допустим...

— Ясно. Прицел, очевидно, тоже в идеальном состоянии? П-превосходно. И ваша дура Афина провела Одиссея прямиком на территорию царского имения?

— Нет-нет! Территория, расположенная непосредственно вокруг резиденции, находится в ведении чинов дворцовой полиции. Афина провела злоумышленника только через внешнее оцепление Особой зоны — мои люди охраняют периметр Царской тропы.

Эраст Петрович знал, что так называется терренкур, проложенный по приморским горам от Ливадийского дворца до Гаспры. По этой живописной аллее, если верить «Придворной хронике», царь совершает ежедневные променады в одиночестве либо в интимном кругу. Посторонним на Тропу хода нет.

— Но терренкур, если я не ошибаюсь, длиной в шесть верст. Сверху сплошные утесы. Там можно устроить з-засаду в ста разных местах!

— В том-то и беда. Афина указала Одиссею тропинку и велела идти по ней. Наверху уединенная площадка, где мерзавцу было бы очень удобно расположиться — местность просматривается как на ладони. Если б мы взяли там террориста с винтовкой, никакой адвокат, хоть сам Керенский, не спас бы его от эшафота. Конечно, я не собирался рисковать жизнью его величества. Мерзавца схватили бы еще затемно. Утром его величество проснулся бы, а дело уже сделано...

«Тапочки доставлены», подумал Фандорин.

— Благодаря вам Одиссей получил оружие и теперь бродит непонятно где среди гор и кустарников на территории в несколько тысяч десятин. Ну и пусть себе б-бродит, — пожал плечами Фандорин. — Доложите государю. Обойдется денек без Царской тропы. Пока дворцовая полиция и ваши люди не прочешут всю зону.

Его превосходительство вскочил со стула.

— А если убийца сумел прокрасться в дворцовый парк? Или засел где-нибудь снаружи —

на холме, на дереве? Он ведь может выстрелить и через окно! У него оптический прицел! Вы не знаете, что это за человек. В Баку он застрелил четырех агентов, пытавшихся его задержать. Это дьявол! — Генерал понурился. — Кроме того, если государь узнает подробности... — Он всхлипнул. — Тридцать лет беспорочной службы... Позор, отставка...

Последнее соображение Фандорина не тронуло, но от первого отмахнуться было невозможно.

— Досье Одиссея при вас?

Ломбадзе поспешил вынуть из портфеля пухлую папку.

— Ради Всевышнего, скорее! Государь просыпается в семь. Первое, что делает, распахивает окна...

Настоящее имя у Одиссея было непримечательное: Иван Иванович Иванцов. Буква «ц», всунувшаяся в абсолютно бесцветное прозвание ближе к концу, придавала фамилии легкую насмешинку, издевательское прицыкивание. Впрочем, как этого субъекта звали на заре жизни, не имело значения. Дальше следовал длинный перечень фальшивых имен и подпольных кличек. Имена Фандорин пропустил, клички прочел очень внимательно. По тому, какие прозвища человек себе выбирает, можно кое-что понять о его характере. Судя по этому параметру, преступник был любителем пернатых — клички были сплошь птичьи («Одиссеем» его окрестила Охранка).

На нелегальное положение революционер перешел очень давно. Ни разу не арестовывался, а стало быть, антропометрии не подвергался и отпечатки пальцев не снимались. Эраст Петрович задержал взгляд на единственной фотографии, снятой в первый год нового столетия. С карточки смотрел студент с веселыми глазами и крепко сжатым ртом. Лицо это Фандорину сильно не понравилось: умное, волевое, притом с чертовщинкой. Из таких юношей при определенном стечении жизненных обстоятельств получаются чрезвычайно опасные индивидуумы. Эраст Петрович знал это по собственному примеру.

Своей революционной карьерой Одиссей полностью оправдывал физиognомический прогноз. Убийство двух губернаторов, поставки оружия для московского восстания 1905 года, дерзкие экспроприации. Личный представитель большевистского вождя «Ленина» (даже Фандорину, далекому от политического сыска, эта кличка была известна), сообщник кавказского боевика «Кобы» (про такого Эрасту Петровичу слышать не доводилось). В последнее время местопребывание неизвестно. Предполагалось, что объект уехал за границу. Ну, если и уезжал, то, выходит, вернулся.

— Ладно. — Эраст Петрович вернул папку. — Едем в к-курятник.

— Куда?

— В курятник, куда вы запустили лису.

Его превосходительство задохнулся от возмущения.

— Не смейте так говорить о резиденции Помазанника, венчанного России на царство самим Богом!

— Лучше бы Господь обвенчал Россию с каким-нибудь другим ж-женихом, подаровите, — отрезал Фандорин, быстро одеваясь. — Не кипятитесь, генерал. Пока мы будем препираться, Россия может овдоветь.

Аргумент подействовал. Градоначальник сам подал Фандорину пиджак. К экипажу они спустились бегом.

— А нельзя обнаружить злоумышленника, не заезжая во дворец? — вкрадчиво спросил генерал, пригнувшись к самому уху москвича — колеса слишком грохотали по бульжнику. — Я столько слышал о ваших аналитических способностях.

— Здесь нужен не аналитик, а с-следопыт. В любом случае придется будить начальника

дворцовой полиции.

Ломбадзе горестно вздохнул.

Ехали берегом. Море перед рассветом почти совершенно слилось с черным небом, но по самой границе двух стихий уже пролегла светящаяся кайма.

Со Спиридоновым, начальником царской охраны, Эрасту Петровичу приходилось сталкиваться и прежде. У обеих сторон встреча оставила малоприятные воспоминания, поэтому обошлись без рукопожатий.

Надо отдать полковнику должное. Поднятый с постели, он не задал ни одного ненужного вопроса, хоть и наступил брови при виде Фандорина. Суть дела ухватил моментально. Ломбадзе еще воздевал руки, заклинал, дрожал усами, а полковник уже не слушал. Он напряженно размышлял.

Этот тридцатисемилетний офицер, сделавший молниеносную карьеру сначала в Жандармском корпусе, а затем в Охранном отделении, был одним из самых ненавидимых людей в России. Счет революционеров, повешенных его стараниями, шел на десятки; отправленных в каторжные работы — на сотни. Четыре раза его пытались убить, но полковник был осторожен и увертлив. Именно за эти качества его не так давно назначили начальником Дворцовой полиции — кто лучше Спирионова обережет священную особу императора? Злые языки поговаривали, что полковник отлично устроился: двести превосходно обученных телохранителей защищали от террористов не только царя, но и самого Спирионова.

Первая же реплика полковника подтвердила его репутацию человека дальновидного.

— Хорошо, генерал, — прервал он причитания градоначальника. — Я не буду докладывать императору. Если мы решим нашу маленькую проблему до пробуждения его величества.

Фандорин поразился лишь в первое мгновение. Потом понял: неслыханное великолодущие объясняется очень просто. У Спирионова появилась возможность сделать ялтинского наместника своим вечным должником.

Далее скромной на слова полковник обернулся к сыщику.

— Раз вы здесь, — сказал он, не называя Фандорина по имени, — значит, у вас уже есть план. Выкладывайте.

Эраст Петрович так же холодно спросил:

— Где находится царская купальня? Всем известно, что перед завтраком государь плавает в море, в любую погоду.

— В конце вон той аллеи. Как видите, дорожка надежно укрыта деревьями и абсолютно безопасна.

— А к-купальня? Тоже укрыта?

Полковник нахмурился и покачал головой.

— Тогда три вещи, — пожал плечами Фандорин. — Прочесать территорию вокруг дворца. Это раз. Выставить караулы за оградой на всех точках, откуда можно вести п-прицельный огонь по окнам. Это два. Однако я уверен, что террорист засел где-нибудь на возвышенности, откуда просматривается купальня. Есть поблизости такое место?

Летняя имперская резиденция

— Почему вы так в этом уверены? — вмешался Ломбадзе. — Негодяй может устроить засаду на всем протяжении Царской тропы!

— Помолчите, — оборвал его Спиридовонов. — Одиссей понимает, что государя предупредят об опасности. Прогулки по Царской тропе сегодня не будет. Но резона отказываться от купания у императора нет — ведь это территория парка, а сюда и мышь не проскочит... Есть такое место, — продолжил он, уже обращаясь к Фандорину. — Лимонная роща на холме. До купальни метров пятьсот. Хороший стрелок, пожалуй, из снайперской винтовки не промахнется. Вы правы. Там мы его и сцепаем.

Чины дворцовой охраны

Они вышли за ворота: полковник с четырьмя агентами и Фандорин. Песчаная дорожка в сиянии зари казалась малиновой.

— Я понимаю, почему вы не взяли с собой генерала. Он пыхтит, как паровой к-каток. Но почему только четыре охранника? — с любопытством спросил Эраст Петрович.

— Это лучшие из моих волкодавов. Чем меньше людей, тем больше шансов взять Одиссея живьем... Вон она, лимонная роща. Марш вперед, ребята, вас учить не надо. А вы, сударь, птица вольная. Желаете размяться — милости прошу.

Агенты разделились: двое нырнули в кусты слева от дорожки, двое справа. Сам полковник предпочел остаться на месте. Лезть через кусты, рискуя нарваться на пулю, в его намерения не входило. Фандорин подумал-подумал и двинулся вперед. Не для того, чтоб «размяться». Интересно было посмотреть, каковы в деле спиридовонские «волкодавы».

Он успел сделать всего несколько шагов, когда сверху ударил выстрел. По горам прокатилось эхо, а полковник издал странный, хрюкающий звук, заставивший Эраста Петровича обернуться.

Спиридовон стоял, нелепо растопырив руки. Его глаза закатились кверху, будто пытаясь разглядеть собственный лоб. Прямо посередине там чернела аккуратная дырка. Покачавшись, убитый рухнул на спину. Из кустов выскочили «волкодавы», кинулись к своему начальнику. Отовсюду — слева, справа, снизу, сверху — доносились крики и топот. Это бежали на выстрел со своих постов ялтинские жандармы и агенты дворцовой полиции.

Фандорин ринулся туда, откуда секунду назад прогремел выстрел. Сыщик несся по склону зигзагом, огибая лимонные деревья. Это упражнение, называемое «инадзума-басири», входило в его программу ежедневных экзерциций, поэтому на вершине он оказался уже через две минуты.

Но все равно опоздал. На земле лежала винтовка с оптическим прицелом. Под ней белел листок.

Это был отпечатанный на гектографе приговор, который партия вынесла «кровавой собаке» Спиридовону. Внизу приписка карандашом:

«Приведен в исполнение 14 (1) июня 1914 г. Всем, кто помог, мерси. А ваш коронованный остолоп нам даром не нужен. Он наш главный союзник в борьбе с царизмом.

Vash Odissей».

Из зарослей на Эраста Петровича вылетел очумевший жандарм с револьвером.

— Ты кто? — гаркнул он, готовый палить.

— Я б-болван, — глухо ответил Фандорин, наливаясь краской. Не от быстрого подъема — от бешенства.

Однажды, много лет назад, с ним уже случилось нечто подобное. Но тогда Эраст Петрович был не повинен в случившемся, зато сегодня — непростительная оплошность! — сам вывел добычу на охотника...

Нет, не разлюбила!

За десять дней ярость не прошла, а лишь опустилась до катастрофически низкой температуры. Обыкновенно люди в гневе быстро вспыхивают и так же быстро перегорают. Фандорин же в таком состоянии (для него очень редком) словно бы застывал, и, если ярость не обретала выхода, в душе Эраста Петровича наступал ледниковый период.

Из Ялты он возвращался, будто наполненный бурлящим азотом, который, как известно, закипает при температуре минус двести градусов. Должно быть, таким же морозным пламенем питается неистовство чертей, обитающих в буддийском Лотосовом Аду, где царит вечный холод.

«От меня отвернулась удача, — горько думал Фандорин по пути с Курско-Нижегородского вокзала домой. — Много лет она была мне верна, я принимал ее дары как нечто само собой разумеющееся, а любовь Фортуны взяла и иссякла».

— Потому что болванов никто не любит! — пробормотал он вслух, так что извозчик оглянулся и спросил: «Чего изволите?»

— Б-быстрей езжай, — хмуро сказал пассажир, хотя торопиться ему было некуда и домой ехать совсем не хотелось.

Были времена, когда, возвращаясь к себе, в тихий флигель, спрятавшийся в глубине сонного Сверчкова переулка, Эраст Петрович предвкушал отрадную передышку от суety, сладость временного отшельничества и уединенных, приятных занятий. Но благословенная эпоха канула в прошлое.

Сверчков (Малый Успенский) переулок. Современный вид

Выйдя из коляски, Фандорин остановился подождать, пока выгрузят чемоданы. С тяжелым сердцем глядел он на два правых окна, завешанные розовыми шторами. Чувство унижения, душевной усталости еще больше усилилось.

Эраст Петрович вздохнул. Он догадывался, с какого именно момента лишился расположения Фортуны. Кроме самого себя винить в этом было некого.

Однако в следующий миг сухое лицо помягчело, а губы под идеально подстриженными черными усиками даже раздвинулись в улыбке.

На крыльце выскоцил Маса, слуга и единственный на свете друг. Его круглая физиономия сияла счастьем. За две недели на голове у японца отросли волосы — густой, жесткий бобрик. «Надо же, наполовину седой, — удивился Фандорин. — Тоже стареет. Сколько ему уже? Пятьдесят четыре».

Обычно Маса брился наголо — кинжалом из острейшей в мире стали «тамахаганэ». Но во

время отлучек господина японец позволял волосам отрасти: во-первых, в знак печали, а во-вторых, «сътобы горова перестара дысять, а то сриськом много мысрей». Он считал, что, если господина рядом нет, то и мозг напрягать незачем. Пусть подремлет.

За тридцать шесть лет совместной жизни слуга научился понимать настроение Эраста Петровича с одного взгляда, без слов.

— Совсем прохо? — Поцокал языком, принимая саквойж и портплед. Однако не посторонился, загораживая Эрасту Петровичу вход во двор. — Не надо носичь в дом сторъко зра. Пусчъ останется тут.

Он был прав. Злобу лучше оставить снаружи, а то поселится в доме — трудно будет выгнать.

Фандорин отвернулся, чтобы не обжечь ни в чем не повинного японца своим ледяным пламенем. Закрыл глаза, отрегулировал дыхание — начал изгонять из души бесплодный гнев.

После убийства Спириданова он попытался найти преступника по свежим следам. Но первые, самые драгоценные часы ушли на унизительные и бесполезные объяснения с дворцовой полицией, Охранным отделением, жандармами, придворным ведомством и прочими инстанциями, заботящимися о безопасности и благополучии его величества. О застреленном полковнике почти не вспоминали. Все были скандализованы тем, что террорист оказался так близко от священной особы императора. Каждый чин трясясь за свою должность, все кричали, сваливали друг на друга ответственность — как обычно и случается, если в непосредственной близости от трона происходит чрезвычайное происшествие. Ялтинский градоначальник благоразумно слег с приступом грудной жабы, приключившимся прямо в момент доклада государю, — и тем заслужил себе прощение. В конце концов, ко всеобщему облегчению, вину свалили на того, кто уже не мог оправдаться — то есть на покойника. Разве не он по своей должности был обязан заботиться о безопасности резиденции? Во имя общественного спокойствия смерть Спириданова была объявлена естественно-скоропостижной, а со всех посвященных истребовали подпиську о неразглашении.

Лишь когда утихла административная истерика, Эраст Петрович получил возможность работать. Однако, хоть проторчал в чертовой Ялте больше недели, ни на какой след так и не вышел. Одиссей явился ниоткуда и исчез в никуда.

Он несомненно знал, что Афина — двойной агент, и отлично использовал это обстоятельство в своих целях. Уловка, которую он применил, чтобы исполнить приговор над Спиридановым, в традиции японских «крадущихся» называется «убить комара на хвосте у тигра»: то есть сбить с толку противника, сделав вид, будто преследуешь большую цель, а на самом деле поразить малую. Товарищ Одиссей, большевистский ниндзя, исполнил классическую манипуляцию безукоризненно.

Несколько раз Фандорин продолжительно беседовал с Афиной, в которой не оказалось ничего божественного. Баба хитрая и даже изворотливая, но совсем не умная, что, впрочем, типично для двойных агентов.

Выяснилось, что телосложения Одиссея сухощавого, росту среднего, волосы коротко стриженные, бородка и усы «умеренные», особых примет нет и вообще «глазу зацепиться не за что» — большое спасибо за такой словесный портрет. По юношеской фотографии Афина преступника не опознала — очень сильно изменился.

Ни на снайперской винтовке, ни дома у Афины преступник не оставил ни единого отпечатка пальцев — наверняка специально этим озабочился. Можно было подумать, что он, словно бесовское наваждение, привиделся одной только агентке, за ее грехи, а в реальности никакого Одиссея не существовало.

О том, что это не черт, а живой человек, свидетельствовали две маленькие оплошности,

которые все-таки допустил этот сверхъестественно предусмотрительный субъект.

Во-первых, записка, оставленная на месте убийства. Даже не сама записка (графологический анализ ничем не обогатил картины), а подпись.

В 1905 году, согласно досье, бывший Иванцов называл себя Дроздом; на заре романтической революционной юности, в студенческом кружке, его звали Соколом. В донесении Тифлисского жандармского управления четыре года назад мелькнул некий Стриж, по описанию похожий на неуловимого Ивана Ивановича. При таком орнитологическом фетишизме специалисты из Охранки, раз уж они увлекаются античностью, должны были бы окрестить объекта Фениксом — за живучесть и несгораемость. Однако в секретной документации революционер проходит как Одиссей. И из подписи следует, что он это знал. Вывод: у преступника есть источник информации внутри какого-то из розыскных ведомств.

Впрочем, очень возможно, что, подписываясь агентурным прозвищем, товарищ Одиссей не совершил никакой оплошности, а просто хотел лишний раз показать язык правоохранителям — продемонстрировать, что ни в грош их не ставит.

Кое-какая польза от этой подсказки тем не менее была. Зная, что у Одиссея в дворцовой полиции, Охранке или Жандармском есть свой информатор, Фандорин не стал никому рассказывать о второй зацепке.

Начальственная истерика так запугала дуру Афину, что на официальных допросах она только плакала и каялась, не сообщая ничего нового. Фандорин же разговаривал с ней по-другому — сочувственно, по-отечески, хотя иногда хотелось треснуть неприятную даму по башке за тупость и ненаблюдательность. Во время четвертой по счету беседы Афина вспомнила одну мелочь.

Одиссей кому-то телефонировал, затворив дверь кабинета. Афина прижалась ухом к створке и с полминуты подслушивала. (Звонок Фандорин потом отследил, но это ничего не дало. Абонент разговаривал с будкой на ялтинской телефонно-телеграфной станции.) Однако память у Афины была натренированная, поскольку агентов учат запоминать подслушанное слово в слово. Эраст Петрович проверил: женщина без труда повторила даже длинную фразу, произнесенную на японском.

Разговор, верней обрывок разговора, был такой:

Одиссей: «Отправляйся и проверь, всё ли по плану. Ровно через неделю буду на месте, подробно доложишь...»

После короткой реплики: «Где? Ну, давай в черном городе, у хромого. Там безопасно».

Снова короткая пауза, и потом: «Да, трехчасовым. Всё, бывай».

Вот и вся зацепка.

Итак, через неделю после разговора Одиссей намеревался куда-то прибыть «трехчасовым» — вероятно, поездом. Про пароходы так не говорят, потому что их прибытие зависит от погодных условий.

Какой город у Одиссея и его неизвестного собеседника называется «черным»?

Чертову уйму времени Фандорин проторчал над железнодорожным расписанием Российской империи, проверяя, в какие города поезда приходят в три часа ночи и в три пополудни. Таковых пунктов оказалось двадцать семь — за вычетом самых дальних вроде Дальнего Востока и Маньчжурии, куда из Ялты за неделю не доберешься. Ничего «черного» в названии этих городов не было, и даже ассоциаций не возникало.

Может быть, это название какого-нибудь заведения: «Черный Город»? На всякий случай

Эраст Петрович отправил срочный запрос в акцизный департамент министерства финансов. Но нет, никаких трактиров, пивных и прочих заведений со столь инфернальным названием в регистрах не значилось. Вероятно, название было не официальное, а разговорное, для своих.

Вот и весь итог восьмидневного расследования. Две хилые ниточки, первая из которых, скорее всего, никакая не ниточка, а издевательство, вторая же оборвана и никуда не выводит.

Жизненная мудрость: «Благородный муж не выедает себе печеньку из-за того, что невозможно исправить, а пожимает плечами и следует своим Путем дальше». Надо будет вечером записать в Никки. Хотя нет, это банальность, вариация на тему древней молитвы: «Боже, дай мне мудрости смириться с тем, чего я не могу изменить; дай мне мужества изменить то, что я могу изменить; дай мне ума отличить одно от другого».

Ум сказал Эрасту Петровичу: «Тут ничего поделать нельзя». Мудрость закряхтела — и согласилась.

— Всё, я в порядке, — сказал Фандорин слуге. — Безмятежен, как Будда. Подвинься, дай пройти.

Маса почтительно посторонился, освобождая проход, и сказал по-японски:

— Есть новость, которая улучшит вам настроение, господин. Справа пусто.

Эраст Петрович снова посмотрел на розовые занавески. Настроение действительно улучшилось.

— Госпожа задерживается, ничто не омрачит ваш покой, — продолжил японец. — Можете идти прямо в туалетную комнату. Ванна наполнена водой, я подготовил свежую юкату и наряд для рэнсю, если вы захотите взбодриться.

— Откуда ты узнал, что я приеду? — удивился Эраст Петрович, услышав про готовую ванну. — Я ведь не д-давал телеграммы?

— Я ждал вас каждый день. А теперь извините, мне нужно привести себя в порядок. — Маса виновато провел ладонью по жесткому ежику. — Только скажите мне: после ванны вы будете отдыхать или делать рэнсю?

— Рэнсю.

На крыльце Фандорин взбежал легкой походкой, скинул шляпу, стянул летние перчатки. Покосившись на дверь, что вела в правую половину дома, прошел прямо в туалетную.

В ванне, как положено, плавали куски льда, вынутые из погреба. Быстро раздевшись, Эраст Петрович погрузился в обжигающую воду с головой и стал считать до ста двадцати. Он умел задерживать дыхание на две минуты, а если очень нужно, то и на две с половиной. Черт из Лотосового Ада, прочно обосновавшийся в душе, не выдержал холода и сбежал.

Купальщик вскочил на ноги, выплеснув целый гейзер разлетающихся брызг. Схватил проволочную мочалку и стал яростно ею растираться. Кровь понеслась по жилам.

На пятьдесят девятом году жизни Фандорин пребывал в лучшей физической форме, чем десять или двадцать лет назад. Человеческое тело, как и дух, при правильном развитии не стареет, а обретает новые возможности. Случись нынешнему Эрасту Петровичу сойтись в рукопашной схватке с собою тридцатилетним, у молодого Фандорина не было бы ни одного шанса.

Вытираясь полотенцем, хозяин дома разглядывал себя в зеркале не без удовольствия. Эрасту Петровичу всегда нравилась собственная внешность. Да, волосы совершенно седые (немного лосьона «Бриллиант-блю» придают им элегантную белизну), зато усы интригующе черны (безо всяких ухищрений, естественным образом). Морщины на лице есть, но именно такие, какие должны быть, — не след пороков, а рисунок характера. Торс будто высечен из мрамора — в настоящий момент розового, поскольку кожа раскраснелась от ледяной воды и металлического

трения.

— Готов? — закричал Эраст Петрович, выходя из ванной уже одетый в черный облегающий наряд «крадущихся». Этот костюм, очень удобный для физических упражнений, шился из тончайшего и в то же время прочнейшего шелка, а скатывался в свиток немногим толще сигары.

— Хай! — послышалось в ответ.

Маса уже сидел в гостиной на столе, подобрав ноги. Свежевыбранный и надраенный специальной бархоткой череп сверкал, как солнце. Глаза японца были закрыты плотной повязкой, пальцы сжимали рукоять длинного кожаного бича.

— Я вас слышу, господин.

— Естественно. Дай мне минуту подготовиться...

Взойдя на перевал пятидесятилетия, Фандорин решил, что не будет спускаться по закатному склону, как это делают люди, заранее смирившиеся с возрастным увяданием, а будет карабкаться выше. Глядишь, окажется, что высшая точка жизни еще впереди. В канун каждого нового года он ставил перед собой две новые задачи на ближайшие двенадцать месяцев: одну для тела, другую для духа. Вот и получилось, что на шестом десятке Эраст Петрович достиг больших успехов в самосовершенствовании, чем за всё предыдущее существование. Иногда самому становилось удивительно, сколько новых возможностей — интеллектуальных и физических — обнаружил он в себе за эти восемь лет. Правы мудрецы, утверждающие, что большинство людей используют ресурсы, заложенные в них Богом или природой, лишь в очень малой степени — слегка зачерпывают верхний слой, почти никогда не касаясь глубинного, где и таятся главные сокровища. Чтобы добраться до этих залежей, нужно как следует поработать, но усилия эти щедро вознаграждаются.

«Физическую» программу 1914 года Фандорин решил посвятить шлифовке тонкого и сложного искусства «нимподзюцу», разработанного средневековыми ниндзя. «Искусство потайной ходьбы» — наука необычайно трудная. Настоящий мастер может перемещаться до такой степени бесшумно, что даже самый острый слух не уловит ни единого звука. Однажды учитель, облачившись в черное и вымазав сажей лицо, продемонстрировал юному Эрасту Петровичу возможности «нимподзюцу»: пробежал ночью вдоль всей цепочки часовых, охранявших дворец микадо. Никто и головы не повернул, хотя сэнсэй совершил свою прогулку у них прямо перед носом.

Это «дзюцу», как все у японцев, представляло собой целую философию — как достичь гармоничного слияния с тканью мира. В свое время юный Эраст Петрович был не готов постичь истинный смысл бесшумности, из всех потаенных наук эта давалась ему хуже всего. Учитель был терпелив и снисходителен. Говорил, что западные варвары по своей конституции и духовной температуре мало пригодны для «нимподзюцу». Они как дикая трава в поле: чуть подует ветерок — начинают шелестеть. Сердце у них громко стучит, дыхание не слушается. А нужно превратиться в камень. В двадцать пять лет Фандорин превращаться в камень еще не умел, вот теперь и наверстывал.

Маса относился к этим занятиям с горячим одобрением, поскольку, следя примеру господина, проходил собственный курс самосовершенствования — оттачивал «бэндзюцу», «искусство бича». Термин он изобрел сам, японские ниндзя до такой науки не додумались. Однако в свое время, путешествуя по Дикому Западу, Маса восхищался тем, как ловко орудуют бичами американские ковбои. Никакой практической пользы в этом его нынешнем увлечении не было, просто японцу нравилось щелкать четырехметровой кожаной косицей и сшибать ею всякие мелкие предметы. Он уже мог снять нагар со свечи, не погасив пламени; шлепнуть на обоях муху, не оставив пятна; сдуть у господина пылинку с плеча. Это дурацкое хобби Фандорин

терпел только потому, что оно помогало делать рэнсю.

Доведя сердцебиение до одного удара в две секунды и «утопив» дыхание, так что диафрагма почти перестала двигаться (это называлось «дышать кожей»), Эраст Петрович прошелестел:

— Можно.

В тот же миг Маса нанес молниеносный удар по тому месту, где стоял господин, — только господина там уже не было. Совершенно беззвучно он отскочил на сажень в сторону.

Хвост кусачей змеи разочарованно пополз по паркету назад, к столу. Маса навострил уши, пытаясь определить, в какую сторону переместился Фандорин.

— Как же я соскучился сидеть здесь один, — с обманчивой ленцой, да еще позевывая, болтал слуга. — С вашей стороны было жестоко уезжать без меня. Лишь одно обстоятельство немного скрасило мою печаль.

— Какое же? — поинтересовался Эраст Петрович, падая на пол.

Бич хлопнул по стене у него над головой. Фандорин без шороха, без шелеста откатился в угол и вскочил.

— В меня влюбилась очень-очень красивая женщина Курася из швейной мастерской на улице Покуровка.

Маса был повернут в ту сторону, где Эраста Петровича уже не было, но это ничего не значило. Японец отлично умел лупить своей длинной плеткой и через плечо. Поскольку женскую красоту Маса масштабировал по весу и объему — чем больше, тем краше, — если «Курася» (очевидно, «Клаша») считалась у него «очень-очень красивой», это означало, что в ней никак не меньше пяти пудов веса.

Поняв, что не заинтриговал господина своим сообщением и что ответа не будет, Маса сменил тему.

— А помните, как в прошлом году в меня была влюблена красивая Фурося?

Эраст Петрович молча пожал плечами.

— Наверное, не помните, дело давнее. Так вот, Фурося родила мальчика и хотела отдать его в Воспитательный дом, но передумала, потому что я обещал положить на имя младенца (забыл спросить, как она его назвала) тысячу рублей. Вы ведь дадите мне тысячу рублей, господин?

— Тысячу?

Хлоп по плинтусу. Мимо!

Фандорин, мелко переступая, заскользил вдоль стены.

— Дам, конечно. Только п-прошу тебя... — Прыжок, удар по пустоте. — ...Будь аккуратней, иначе ты меня разоришь.

На этот раз бич описал хитрую длинную дугу, охватившую половину гостиной, но Эраст Петрович уже находился на противоположном конце комнаты.

Маса задумался — что-то вспомнил.

— Скажите, господин, а у вас может быть сын? Лет десяти или двенадцати?

— Почему ты... — скачок — ...спросил?

— Несколько дней назад приходил странный мальчик. Похожий на вас. Спрашивал, где вы. Такой потерянный. Будто искал отца.

Фандорин усмехнулся. Слуге давно уже не удавалось зацепить его бичом по-честному, поэтому в ход шли всякие хитрости, призванные ослабить концентрацию. Маса мечтал о том, чтобы у господина появился сын или хотя бы дочь, и сильно осуждал Эраста Петровича за бездетность.

— А еще пришло письмо от вашей супруги.

В левой руке сидящего появился конверт.

Эраст Петрович слегка поморщился.

— Письмо ты, разумеется, прочел?

Конверт был запечатанный, но Фандорин хорошо знал повадки своего помощника. Маса, конечно же, прочитал, а конверт заклеил ради соблюдения приличий, которые, с его точки зрения, являются фундаментом бытия.

Бич чуть покачивался. Эраст Петрович тоже — на цыпочках.

Вздохнув, Маса разжал кулак, придерживая рукоять двумя пальцами. Понял, что сегодня ему не повезет. На риторический вопрос он не ответил.

— Что-нибудь важное? — спросил Фандорин.

— Мне так не показалось. — Дипломатичное пожатие плечами. — Если бы случилось что-нибудь важное, Симон-сан прислал бы телеграмму. Вы не хотите читать письмо, господин? Я могу пересказать его своими словами. А могу и не пересказывать. Письмо написано ради последней строчки — вам будет довольно прочесть только ее.

Он протянул конверт, Эраст Петрович, полагая, что рэнсю уже закончено, шагнул вперед.

Точный удар обжег ему спину и плечо.

— Ты что?! Мы ведь закончили!

— Мы заканчиваем, когда вы скажете «фусё», а вы этого не сказали, — засмеялся японец.

Он снова занес бич, и Фандорин быстро сказал:

— Всё, всё!

— О, как приятно побеждать! Бацу!

Это означало «штраф»: сорок четыре приседания, держа победителя на плечах.

Уговор есть уговор. Эраст Петрович сел на корточки, Маса зашел сзади, допятился до стены, лязгнул там чем-то и с торжествующим рыком запрыгнул на господина.

Поднимать плотно сбитого японца было тяжело. Штраф давался Фандорину с трудом. Он даже расстроился и пообещал себе как следует поработать с грузами. Ялтинское безделье не прошло даром.

— Уф, как же ты отъелся! — наконец не выдержал Эраст Петрович.

— Неправда, — с достоинством отвечал Маса. — Я мало ел. Не было аппетита. Очень переживал из-за нашей разлуки.

— Но ты стал тяжелее!

— Это потому что я держу вот это.

И слуга высунул из широкого рукава юката десятикилограммовый диск от штанги.

— Скотина, з-зачем ты это сделал? Я чуть не надорвался!

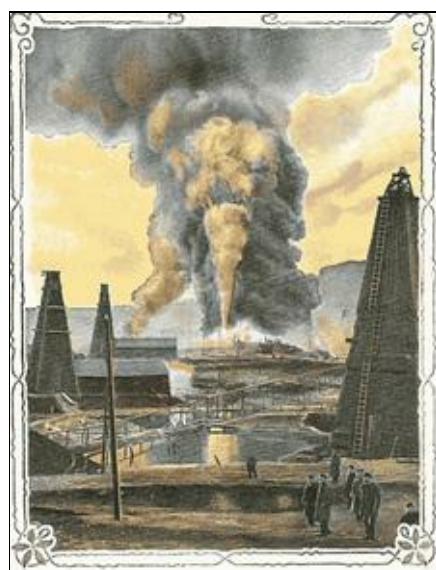
— Чтобы вы почувствовали, господин, как тяжело было мне из-за вашего недоверия. Почему вы не вызвали меня, когда у вас случилась неприятность? Я знаю: в Ярте что-то произошло. Иначе вы не задержались бы так надолго.

Утирая пот, Фандорин хмуро сказал:

— Ладно, давай письмо.

Верного помощника он не вызвал в Крым, потому что стыдно было выглядеть жалким болваном, которого обвели вокруг пальца.

Жена Эраста Петровича, знаменитая артистка, находилась в закавказском городе Баку, на съемках очередной картины. В конверте оказалось не письмо — открытка. На цветной, аляповато раскрашенной фотографии, которую Фандорин толком не разглядел, было запечатлено нечто огнедышащее. Кажется, извержение вулкана. О, эта вечная любовь к эффектности и драматичности!

Открытка, посланная Фортуной

Обычно такие карточки посылают без конверта — на то они и открытки, но супруга Эраста Петровича позволить себе такого не могла. С ее подписью открытку укради бы на почте, что уже случалось. Ясно было и почему она написала не на обычном листке: на карточке мало места, можно обойтись очень коротким посланием.

Скользящим, будто стремящимся поскорее убежать, но в то же время чрезвычайно изящным почерком на обороте черно-красной картинки было выведено:

«Ах, милый, милый, если б Вы только знали, как безумно я без Вас скучаю! Здесь невыносимая тоска — всё банкеты, приемы, пикники и прочая смертельно надоевшая рутина. Со съемками не ладится, их окончание всё откладывается и откладывается. Я предчувствую, что это будет либо моя самая лучшая, либо самая худшая роль. Ужасней всего, что здесь наступили инфернальные жары. Я телеграфировала в ателье Рубе, чтобы мне срочно сшили по имеющейся у них мерке тропический гардероб. Прошу Вас оплатить счет и как можно скорее выслать мне заказ.

Изнемогающая без Вас, Клара».

Маса был прав: суть содержалась в самой последней строчке: оплатить и выслать. Что ж, съемки затягиваются — это прекрасно. А когда закончатся, можно будет куда-нибудь уехать с Масой.

Улыбнувшись, Фандорин рассеянно поглядел на картинку.

Нет, не вулкан. Пожар.

Поле, все утыканное нефтяными вышками, столб черного дыма, зарево вполнеба. Ну понятно: Баку.

Внизу мелко подпись:

«Большой пожар на нефтяных промыслах т-ва „Бранобель“ в Черном Городе близ Баку».

Маса недоверчиво спросил:

— Неужели вы все-таки ее любите, господин? Только что были мрачнее тайфуна, и вдруг

лицо осветилось солнцем.

Со счастливой улыбкой Эраст Петрович сказал:

— Она меня не разлюбила!

Японец разинул рот.

— Наверное, я недостаточно хорошо понимаю по-русски. Позвольте мне прочитать письмо еще раз.

— Фортуна на меня больше не дается, мы п-помирились, — сказал ему Фандорин и с необычной для него сентиментальностью поцеловал фотокарточку — будто богиню удачи в капризные губы.

Дерево, клинок, иней

Поезд шел от Тифлиса до Баку одиннадцать часов, отправляясь в путь за полночь и прибывая к месту назначения в пятнадцать ноль ноль. Именно этим маршрутом — никаких сомнений — проследовал несколько дней назад хитроумный Одиссей, радуясь тому, как ловко он одурачил идиота градоначальника, тупую дворцовую полицию и некоего джентльмена-сыщика, тоже изрядного болвана. Террорист ехал на какую-то важную встречу, которая должна была состояться у некоего «хромого» в Черном Городе — так назывался район богатейших нефтяных промыслов, вплотную примыкавший к Баку.

До прибытия оставалось немногим более получаса. На окне трепетали легкие белые шторы. День был знойный, и хоть по купе гулял сквозняк, облегчения он не приносил — по лицу будто водили горячим полотенцем.

Ландшафт удручал тоскливостью. Ни травинки, ни деревца, ни пятнышка зелени. Буро-желтая, совершенно голая местность, на которой кое-где дыбились плешиевые холмы да белели солончаки. Жить в этой пустыне было невозможно, смотреть на нее — скучно, и Фандорин уже хотел отвернуться, но тут на горизонте показался лес. Он был не слишком густой, однако состоял из высоких деревьев — судя по пирамидальной форме, хвойных, а над их верхушками висела огромная туча, низкая и черная. Появилась надежда, что вскоре грянет гроза и слипшийся от жары воздух посвежеет.

— Вон Черный Город, батенька, — послышалось через открытую дверь. В коридоре стояли, покуривая, два горных инженера из соседнего купе. — Надобно опустить стекло, сажи налетит.

Пейзаж на подъезде к Баку

Эраст Петрович пригляделся: не деревья это были, а вышки. Деревянные и металлические, высокие и не очень, они заполняли всю равнину. Пожалуй, это зрелище напоминало не лес, а кладбище, тесно уставленное черными обелисками. Почти так же плотно торчали фабричные трубы. Всё это дымило, чадило, выкидывало вверх клубы копоти. То, что показалось путешественнику грозовой тучей, на самом деле было очень плотным смогом.

Заскрежетали тормоза, поезд замедлил ход. Свернулся на дублирующие пути.

— Встречных пропускаем, — сказал тот же голос. Очевидно, один из инженеров был бакинцем или, во всяком случае, хорошо знал местные обыкновения. — В это время как раз проходят ротшильдовские, нобелевские и манташевские составы. Пожалуй, на полчаса припозднимся.

И действительно, через минуту мимо загрохотал длинный-предлений поезд, состоявший

из черных цистерн.

— Неужто товарняк важнее пассажирского? — удивился собеседник. — Никогда такого не видывал.

— Здесь, батенька, всё подчинено интересам нефти. Особенно сейчас. Начинается стачка. Пока не забастовала железная дорога, из Баку в Батум торопятся перегнать как можно больше нефти, мазута и бензина. Вы же читали в газетах — экспорт нефтепродуктов временно запрещен. Не до жириу. Всё жидкое горючее должно идти на внутреннее потребление. Нефть дорожает день ото дня.

— Если военный флот по примеру английского перейдет с угольного топлива на нефтяное, цены подскочат еще выше. Скажу вам как специалист по дизельным двигателям...

На этом месте разговора Фандорин затворил дверь, потому что цены на нефть, как и дизельные двигатели, его совершенно не интересовали.

— Прибудем на полчаса позже, — с неудовольствием сообщил он Масе.

Тот сидел, блаженно обмахиваясь бумажным веером. Духота японца не утомляла. Ему вообще всё очень нравилось: и дорога, и то, что он вместе с господином, а больше всего цель путешествия.

Во времена, когда Эрасту Петровичу приходилось зарабатывать на жизнь платными расследованиями, Маса тяжко страдал. Говорил, что господин роняет свое достоинство, как оставшийся без службы самурай, который вынужден продавать свой меч за деньги. Однако в Баку, по мнению японца, Фандорин ехал по делу почтенному и благородному — мстить врагу за нанесенное оскорбление.

— Порчяса это нисево, — безмятежно сказал слуга. — Скоро господин успокоится, потому състо мы найдзём Одиссэй-сан.

К врагам господина японец относился с уважением — потому революционер удостоился почтительного «сан».

Эраст Петрович сел, хотел было закурить сигару, но Маса поднял палец и строго сказал по-японски:

— «Никки-до»! Неизвестно, будет ли сегодня время.

Он был прав. Задержку нужно было использовать, чтобы отделаться от Никки.

Поймав себя на этой мысли, Эраст Петрович устыдился. Что значит «отделаться»? Нехорошо так относиться к «Никки-до». Но прошло уже почти полгода, а он все не мог привыкнуть к этой утомительной обязанности.

Если в программе физического самоусовершенствования 1914 года значилось «нимподзицу», то в качестве духовной практики Фандорин решил освоить «Никки-до», «Путь Дневника».

Дневник ведут многие, как на Западе, так и на Востоке. Юные гимназистки записывают в заветную тетрадку свои сердечные переживания, прыщевые студенты предаются ницшеанским грезам, семейные матроны ведут хронику детских болезней и салонных сплетен, писатели причесывают свои мысли ради посмертной публикации в предпоследнем томе полного собрания сочинений (в последнем, как известно, бывают «Письма»). Но человек, который во всяком занятии стремится отыскать способ подняться на более высокую ступеньку бытия, хорошо понимает: настоящий смысл ежедневных письменных излияний в том, чтобы развивать ясность ума и духа. Когда к дневнику (по-японски «никки») относятся подобным образом, это не просто бумагомарание, а Путь, и очень непростой. Посложней, чем квантовая теория, которой Фандорин посвятил весь 1913 год.

Никки положено вести ежедневно. Уважительных причин, по которым разрешалось бы сделать перерыв, не существует. Ни болезнь, ни горе, ни опасность оправданием не являются.

Если ты оказался в пустыне без бумаги и кисти — скреби палочкой по песку. Если потерпел кораблекрушение и плывешь по морю на доске — води пальцем по воде.

Необычайно важен стиль, менять который ни в коем случае нельзя.

Стили в «Никки-до» существуют разные. Можно сосредоточиться на описаниях природы и погоды, чтобы постоянно соотносить внутреннее состояние души с дыханием Вселенной. Другой метод, наоборот, рекомендует отстраниться от внешнего и сконцентрироваться на тончайших нюансах своего внутреннего мира, причем каждый день, желательно в час заката, во что бы то ни стало находить свежий повод для возвышенных слез.

Всего стилей существует около сорока. Фандорин выбрал тот, который называется «Три гармонии». Именно такой лучше всего подходит человеку с кармой разновидности «Февральская ночь на морском просторе» — то есть чередование тьмы и лунных просветов при шквалистом ветре. Чтобы не стать игрушкой волн, муж столь непростой судьбы много обретет, используя формулу «Дерево — Клинок — Иней».

Первый элемент этой красивой триады отвечает за усилия ума и помогает интеллектуальной сфере размеренно крепнуть и подниматься — как тянется к небу растущее дерево. Поскольку ум укрепляется посредством новых знаний, ежедневную запись рекомендуется начинать с какого-нибудь полезного сведения, обретенного за минувший день. Иногда Эраст Петрович попросту брал энциклопедию или научный журнал и выписывал оттуда заинтересовавший его факт. (Полезная, между прочим, привычка.)

«Клинок» — это символическое обозначение ясности и эффективности всякого планируемого действия. Кликообразность поступка очень выигрывает, если вначале изложить свои соображения и выводы на бумаге. Очень мудрая практика — особенно во время трудного расследования, да и вообще, если нужно разобраться в какой-то сложной проблеме или душевной смуте. Эту часть дневникождения Фандорин ценил выше всего.

Хуже обстояло с последним элементом — «Инеем», которым полагалось завершать упражнение. «Иней» — это состояние душевного покоя, просветления и освобождения от суетных тревог. Лучше всего преодолению внутреннего сумбура помогает создание мудрого изречения. Чертовски трудно после утомительного дня исторгнуть из себя что-нибудь мудрое, да еще 365 раз в году! Но критерий строг. Мысль должна быть достаточно глубока, оригинальна и изящно изложена, чтобы ее было не стыдно написать на свитке и повесить в токонома.

Вот с этой морокой больше всего и приходилось мучиться. К примеру, напишешь вечером что-нибудь высокомысленное: «Одно из самых недостойных чувств, какие могут охватить человека, — это ощущение неподъемности принятой на себя ноши и неосуществимости поставленной цели. Если ты добровольно согласился взвалить на себя ношу, считай, что она уже поднята; достижению цели, которую ты перед собой поставил, может помешать только смерть — и то временно, лишь до следующего рождения, когда ты все равно ее достигнешь». Ляжешь спать, гордый собой. А утром, на свежую голову, перечтешь и сплюнешь. Ну и мудрец! То же самое можно сказать куда короче: «Взялся за гуж — не говори, что не дюж». Схалтурить изволили, Эраст Петрович.

Японский язык основательно подзабылся, поэтому писать приходилось по-русски, и не кисточкой — американским вечным пером, но все-таки это был самый настоящий Никки, а не тривиальный европейский дневник. В первый день 1914 года Фандорин торжественно вывел на обороте обложки эпиграф — начало «Записок из кельи» средневекового монаха Тёмэя: «С той поры, как я стал понимать смысл вещей, прошло уже больше чем сорок весен и осеней, и за это время накопилось много необычного, чему я был свидетелем». В чудесной английской тетрадке с металлическими зажимами сменилось уже два стосстраничных блока дырчатой бумаги. Старые записи Эраст Петрович не хранил, а просто выбрасывал — Никки велся не для перечитывания

или, упаси боже, ради потомства, а исключительно во имя самого процесса. Что надобно уму и сердцу, и так останется. Что лишнее — пускай улетает, как сухая листва под ветром.

Итак, Фандорин сел за столик, заставил себя позабыть о духоте, которая из-за остановки поезда сделалась невыносимой, и аккуратно написал пониже сегодняшнего числа (16 июня) иероглиф «дерево».

С «Деревом»-то просто. В дорогу Эраст Петрович запасся путеводителями и справочниками, чтобы получить представление о местности, в которой предстояло работать. За время пути полезная литература была проштудирована, нужные странички заложены, строчки подчеркнуты. Не разбирая, что может пригодиться для дела, а что нет, Фандорин выписывал подряд всё примечательное.

Золотое перо заскользило по бумаге.

«Российская история города Баку насчитывает двести лет. Во время Персидского похода Петр Великий дал приказ генералу Матюшкину „идти к Баке как наишкорее и тщиться оный городок с помощью Божиего конечно достать, понеже ключ всему нашему делу оный“. Его величество даже не представлял себе в свою доэнергетическую эпоху, до какой степени Баку — „ключ всему нашему делу“. В 1859 году, когда этот приморский городок стал губернским центром, здесь проживало семь тысяч человек, а дома были сплошь „азиятской архитектуры“, по преимуществу глинобитные. За минувшие полвека население увеличилось в сорок раз, и это без учета нелегальных рабочих-амшари, которые приезжают на заработки из нищего Ирана и живут в „амшари-паланах“, трущобных кварталах. Сколько в Баку этих бесправных пролетариев нефти, никто не считал и не собирается».

Поколебавшись (для «Дерева» одного этого абзаца было маловато), Фандорин решил переписать из книжки поучительную историю о человеке, которому город был обязан своим головокружительным взлетом.

Сорок лет назад молодой швед Роберт Нобель, брат владельца петербургского оружейного завода, отправился в Ленкорань на поиски орехового дерева, необходимого для производства ружейных прикладов. Нужной древесины Нобель не нашел, однако, проезжая через Баку, заинтересовался нефтью, которая в те не столь отдаленные времена добывалась кустарно, из колодцев, и использовалась лишь в качестве дешевого осветительного масла. Первый промысел Роберт Нобель купил за пять тысяч рублей и нанял всего тридцать рабочих. А в 1913 году на бакинских предприятиях концерна «Бранобель» трудились 30 тысяч человек, прибыль же составила 18 миллионов.

Помимо этого впечатляющего эпизода, который убедительно подтверждал древнюю истину о том, что историю и прогресс толкают вперед люди, умеющие заглядывать в будущее, Фандорин переписал в дневник некоторые сведения о населении города.

«Здесь преобладают два племени: азербайджанские татары, совершенно неправильно называемые персами, и армяне», утверждалось в путеводителе. Однако в этнографическом справочнике коренную народность называют «азербайджанскими тюрками», и как правильнее, непонятно. В 1914 году в губернском городе проживают 101.803 мусульманина, 67.730 русских, 57.040 армян, 1990 грузин, а также «весьма

значительное количество иностранных подданных».

Ну и довольно для «Дерева», решил Эраст Петрович, перечитав написанное. Пора переходить к «Клинку».

Сделал паузу, мысленно перенастраиваясь. Маса заботливо помахал веером перед носом господина, дабы освежить ему голову.

«Зачем ты, собственно, понесся в этот Баку? — спросил себя Фандорин. — Ну то есть, понятно, зачем: чтобы найти Одиссея, который, по всей вероятности, находится где-то здесь. Но зачем тебе Одиссей? Что тебе за дело до полковника Спириданова, который был изрядным негодяjem и, в общем, получил по заслугам?»

А потому что нельзя спускать оскорблений. Никому. Оскорбление, оставшееся без ответа, нарушает баланс справедливости и пятнает карму благородного мужа, сказал себе Эраст Петрович, беспардонно мешая в одну кучу буддизм и конфуцианство.

Христианином Фандорин считать себя никак не мог — не был согласен с этим милосердным учением по ряду принципиальных позиций. Например, касательно всепрощения и заповеди «не убий». За полную приключений жизнь ему приходилось много убивать — притом часто безо всяких угрызений, а иногда даже с радостью. Эраст Петрович был убежден, что при определенных обстоятельствах убивать можно и даже нужно. Как не уничтожить врага, который желает гибели тебе или тем, кто тебе дорог? Или хочет погубить твою страну? Заповедь «не убий» лицемерна, сама церковь всерьез к ней не относится, иначе попы не освящали бы боевые корабли и бронеавтомобили.

И в мести ничего скверного нет, если это не мания и не патология, а справедливое возмездие. Пускай на «Аз воздам» уповают верующие, Фандорин был не из их числа. «А потом, кто знает: может, я и есть орудие Божьего воздаяния, коли уж ничего не происходит без Его воли?» — вдруг пришло в голову Эрасту Петровичу.

Мысль была не ахти какая глубокая, но вполне пригодная для раздела «Иней», поэтому, оставив для «Клинка» две пустые странички, Эраст Петрович вывел красивый иероглиф:

Маса на миг скосил глаза в тетрадку. Он знал, что господин терпеть не может, когда подсматривают в дневник, и всё же не мог удержаться. К философии японец относился с особенным почтением. А когда ему удавалось подсказать Фандорину идею для «Инея», японец был очень горд.

— У меня есть превосходное предложение насчет сегодняшнего «Инея». Одно и то же явление может менять свою суть в зависимости от того, как вы его назовете. Непонятно? — Маса снисходительно усмехнулся. — Сейчас объясню. Сама карма привела вас в город с названием БА-КУ, которое так легко обозначить иероглифами. Проблема в том, что подходящих иероглифов слишком много. Мне сразу приходят на ум четыре разных «ба» и по меньшей мере двадцать «ку». В зависимости от подбора компонентов название города может быть нейтральным, или безобразным, или судьбоносным. Например, если написать «ба-ку» как 場工, это будет «Промышленное место» — точно и сухо. Если 罢垢 — «Мерзкая грязь»; 馬嘔 и вовсе означает «Лошадиная блевотина». Но я предлагаю выбрать имя 婆駄 — «Побег от ведьмы», ибо у меня есть предчувствие, что эта поездка не только позволит вам расквитаться с обидчиком, но и принесет долгожданное освобождение от женщины, которая...

Эраст Петрович отшвырнул ручку и рявкнул:

— Маса!

Японец повинно склонил голову, как бы признавая, что нарушил негласную договоренность — никогда не говорить с господином о его семейных неурядицах, однако, судя по блеску в глазах, раскаяние было фальшивым.

Поняв, что Одиссея следует искать в Баку, Фандорин после первого приступа эйфории скривился, как от зубной боли. Из всех мест на планете с наименьшей охотой он сейчас отправился бы в этот закавказский город.

Эраст Петрович старался по возможности не находиться в одном месте со своей женой. Иногда даже специально придумывал необязательные поездки — как, например, произошло с ялтинским путешествием.

В последний день мая Клара пригласила гостей на «прощание с весной» — у нее была традиция торжественно провожать каждое время года. Заодно предполагалось отпраздновать отъезд на съемки новой фильмы в город Баку. Присутствовать на утомительном мероприятии Фандорину не хотелось, потому он и придумал предлог для поездки в Крым. Вернуться Эраст Петрович предполагал назавтра после отъезда супруги. Однако судьба решила иначе. В Ялте пришлось надолго задержаться, съемки тоже затянулись. Теперь придется ехать в Баку, и встречи с Кларой не избежать.

Что ж, тем больше причин побыстрее отыскать товарища Одиссея — и улизнуть обратно в Москву, пока правая половина дома в Сверчковом переулке благословенно тиха.

За неудачу брака обычно отвечают обе стороны, но Эраст Петрович считал виновником только себя. Ведь не мальчик и знал, с кем собирается связать судьбу. Клара — актриса, этим всё сказано. Можно ли требовать от бабочки, чтобы она всё время сидела на одном цветке? Можно ли ожидать от стрекозы, чтобы она жила по-муравьиному? Можно ли пенять русалке за то, что она не может обходиться без моря? Вот в чем заключалась первая ошибка. Вторая тоже целиком была на совести Фандорина. На свете есть мужчины, которым органически противопоказано жениться. Как можно было, дожив до шестого десятка, не понять про себя такую очевидную вещь?

Главная беда несложившейся семьи в том, что ее очень непросто разъединить, даже если союз не освящен церковью (прежний супруг Клары так и не дал ей официального развода, поэтому брак был гражданским). Разве дело в клочке бумаги! Слово благородного мужа не воробей. Предложил руку и сердце — обратно не отберешь. Над сердцем, положим, человек не властен, но над своей рукой — безусловно.

Когда прошло первое ослепление, оказалось, что между Эрастом Петровичем и его избранницей нет совсем — то есть совсем — ничего общего. Теперь Фандорину казалось, что три года назад он до умалишения влюбился в какого-то другого человека, которого больше нет, а может быть, никогда не было. Ощущение подмены усиливалось еще и из-за того, что женщина, которую Эраст Петрович некогда полюбил, сменила имя. Этого потребовала кинематографическая карьера. Клара Лунная — так ее теперь звали. Фандорина тошнило от манерного, а пожалуй что и пошлого псевдонима, гремящего на всю Россию. Хуже всего, что и в повседневной жизни жена теперь требовала называть ее «Кларой», а на прежнее имя отзываться не желала. Незаживающей раной терзала Эраста Петровича мысль о том, что своей иррациональной влюбленностью он будто перечеркнул память о других, очень немногих женщинах, кого любил прежде. Он оказался недостоин их. Он их унизил, предал.

Как?! Как можно было до такой степени ослепнуть, чтобы потерять голову из-за неумной, взбалмошной, ветреной позёрки! Ветреность, к сожалению, не означала супружеских измен. Клару не интересовали интрижки. Её главным наслаждением, смыслом существования было не

предаваться любви, а влюблять. И синема подходил идеально для этой мании. Прекрасное лицо на экране сводило мужчин с ума, создавая иллюзию близости, но при этом связь оставалась бестелесной. Разве может сцена дать актрисе такое количество поклонников?

Решение уйти из театра в кинематограф созрело у жены Фандорина в тот момент, когда она посмотрела американскую картину «Друзья», где впервые в истории был использован крупный план. Мэри Пикфорд глядела на зрителей в упор своими магнетизирующими глазами, и зал мгновенно покорился.

Мсье Симон, флибустьер российской кинопромышленности и природный психолог, на просмотр новаторской фильмы пригласил театральную артистку нарочно, исподтишка следил за ее реакцией и шепнул: «Имагинэ зал, в котором не тысяча пляс, а миллион, десять миллионов» — и переворот в карьере свершился.

Ах, если бы Клара изменила! — иной раз малодушно мечтал Эраст Петрович. Тогда можно было бы с чистой совестью ее оставить, от души пожелав счастья. Но Клару отлично устраивало ее семейное положение: необременительный, вечно отсутствующий супруг, который не докучает, не мешает артистической жизни, не ревнует. А публике такого предъявить не стыдно — респектабелен, элегантно одет, с импозантными сединами. Несколько раз в год Фандорин отбывал тяжкую повинность — появлялся с женой в свете. Этим его супружеские обязанности, собственно, исчерпывались.

Маса, который вначале был искренне расположен к избраннице господина, без колебаний сделал свой выбор, когда увидел, что брак неудачен.

— Я все-таки договорю. — Маса посмотрел на сдвинутые брови Фандорина и бесстрашно продолжил: — Уверен, что карма направила вас в «Город побега от ведьмы» неслучайно. Вы освободитесь из неволи. Мы заживем весело и свободно, как в старые времена. Вот всё, что я хотел сказать. Мне нет прощения за такую бес tactность. — И опять низко поклонился, очень собою довольный.

А хорошо бы, подумалось Эрасту Петровичу. Сердиться он перестал. Но «инейное» настроение пропало.

Пришлось вернуться к «Клинку». Пожалуй, имело смысл суммировать сведения, полученные в Тифлисском жандармском управлении, выделив полезное и отсеяв ненужное.

«В.-Д. отсутствовал. Принял Турбин. Устранился, передал нач-ку ЖУ Пеструхину. Полезный человек. Wild East. Пом-к град-ка п/полк. Шубин?», — быстро застросил Эраст Петрович, ленясь писать подробнее. Зачем? Никки ведется не для чужих глаз, а самому и так понятно.

Короткая эта запись означала следующее.

Кавказского наместника Воронцова-Дашкова, к которому у Фандорина было рекомендательное письмо, на месте не оказалось. Московского гостя принял временно исполнявший должность генерал Турбин. После пятиминутного разговора, узнав, что речь идет о розыске террориста, его превосходительство поморщился и переправил Эраста Петровича к начальнику жандармского управления полковнику Пеструхину. Предубеждение кадрового военного против политического сыска было понятно, зато жандарм отнесся к цели фандоринской поездки с полным одобрением.

Проблема Одиссея полковника необычайно заинтересовала. Он давно подозревал, что всеми действиями революционного подполья в Закавказье руководит какой-то ловкий

конспиратор, однако на след преступника выйти не удавалось, и даже личность его считалась неустановленной.

От предложения взять с собой в Баку отряд опытных агентов Фандорин отказался, но попросил описать обстановку в городе и порекомендовать какое-нибудь должностное лицо, к которому в случае необходимости можно будет обратиться за помощью.

По поводу обстановки полковник выразился коротко: «Это самое опасное место в Российской империи». В Баку врачаются очень большие, притом шальные деньги. И, как всегда бывает в подобных случаях, особенно на отдалении от центральной власти, в этих изобильных и темных джунглях водится множество зубастых хищников, рвущих друг у друга добычу. Нефтяные бароны грызутся между собой из-за барышей; тюрки и армяне враждуют; очень развит обычай кровной мести; повсюду шныряют иностранные агенты; революционеры всех оттенков занимаются экспроприациями и вымогательством, а кроме того, город кишит обыкновенными уголовниками. Ежедневно случаются нападения на хорошо одетых людей — в этом тучном городе почти у каждого приличного господина в бумажнике изрядная сумма денег, а в кармане золотые часы. Поэтому всякий мало-мальски предусмотрительный человек имеет при себе оружие для самообороны — если не может содержать личную охрану.

— Законность, откровенно говоря, и повсюду-то у нас в России плохо соблюдана, в Баку отсутствует вовсе, — сказал Пеструхин, бравируя либерализмом, что у жандармских офицеров почиталось особенным шиком. — Полагаю, вы этаких городов еще не видывали.

— Отчего же, видел, — ответил Эраст Петрович. — На американском Диком Западе.

Отсюда и запись в дневнике: «Wild East».

С должностным лицом тоже оказалось непросто. Формально руководителем всей правоохранительной машины является градоначальник, отвечающий за порядок в городе и на промыслах.

— Однако полковник Алтынов — человек хоть и храбрый, но, *entre nous soit dit*^[11], весьма недалекий. Бестолков, суетлив. Шуму от него много, а толку мало, — со вздохом сказал Пеструхин. — Сами знаете, каково у нас с кадрами. Беда! Сменить Алтынова нельзя, потому что лично известен государю как герой и вернейший из верных: пережил три покушения, искалечен осколками бомбы. В общем, к градоначальнику относиться не посоветую... Мой коллега, начальник Губернского жандармского управления Клеонтьев назначен в Баку недавно, потерялся от масштаба проблем и заваливает наместничество истерическими рапортами. Боюсь, он вам тоже не подмога. Самый дельный человек, как у нас сплошь и рядом случается, находится не на верхушке иерархии. — Полковник тонко улыбнулся, давая понять, что это правило вполне распространяется и на его собственное положение в Тифлисе. — Рекомендую вам сойтись с помощником градоначальника подполковником Шубиным. Все сложные и деликатные дела, в особенности политического свойства, мы поручаем ему, минуя непосредственного шефа. Шубин тот, кто вам нужен. Я дам ему шифrogramму о вашем приезде.

— Очень прошу этого не делать, — твердо сказал Фандорин, памятую о том, что Одиссей имеет внутри сыскной системы своего осведомителя, который — как знать — может иметь доступ к секретной переписке. — Довольно рекомендательного письма.

На том и расстались.

Вопрос, поставленный после фамилии «Шубин» означал, что Эраст Петрович запланировал для начала присмотреться к «дельному подполковнику». Если в самом деле окажется годен, это сильно упростит задачу.

Поезд, наконец, тронулся, занавески снова зашевелились от ветерка, но Фандорин больше не смотрел в окно — он строчил в дневнике, чтобы отделаться от тягостной повинности. В

конце концов раздел «Иней» обошелся без философских сентенций. «Человек сам выбирает, какой смысл следует придать тому или иному явлению. Этот город станет для меня не „Лошадиной блевотиной“ и не „Побегом от ведьмы“, а иероглифом (баку), означающим „занавес“, — писал Эраст Петрович, гордясь, что вспомнил подходящий омоним без Масиной помощи. — Я опущу занавес в затянувшейся карьере господина Одиссея. Итак, решено: Баку это Город-Занавес».

— Прибываем, прибываем. — По коридору быстро шел кондуктор. — Прибываем в Баку.

Чёрный Город

Поезд начал притормаживать, заскрежетал, остановился. Двери купе хлопали, засидевшиеся пассажиры спешили покинуть вагон, однако Эраст Петрович не торопился.

У него имелась давняя (прямо сказать, не вполне мужская) привычка: не выходить из помещения, пока как следует не проверит, всё ли в порядке с внешностью и нарядом.

Взгляд в зеркало выявил неполную симметричность воротничков и легкую неаккуратность прически. Устранение непорядка заняло некоторое время. В результате Фандорин сошел с поезда самым последним, когда на перроне уже стихали радостные крики встречающих, а часть публики потянулась ко входу в вокзал.

Здание было невиданного для глухой провинции великолепия — будто сказочный дворец из арабской сказки. «Город-нуворищ, — подумал Эраст Петрович, разглядывая узорчатые стены, зубцы на крыше, ажурные верхушки колонн. — Сразу пускает пыль в глаза».

Костюм у Фандорина был летний, наилегчайший, из чудесной кремовой чесучи, но даже в тени жара оказалась нестерпимой. Что же будет на солнцепеке?

Нужно было дождаться, пока разгрузят багаж.

Цивилизованному человеку следует одеваться красиво, удобно и разнообразно, но на сей раз в поездку собирались насекоро. Всё необходимое вместилось в четыре чемодана и два саквояжа, которые Маса уже вытащил на платформу. Однако колossalный сундук с платьями и шляпками Клары следовал отдельно, в багажном отделении.

— Маса, проследи, чтобы поскорее выгрузили, — раздраженно велел Эраст Петрович.

Японец поклонился, исчез, а Эраст Петрович стал раскуривать сигару, оставшись подле вагона.

Толчая на перроне еще не закончилась. Сутились носильщики, кто-то обнимался и лобызился, кто-то разливал по бокалам шампанское, орали зазывалы городских гостиниц.

— Держи! Держи вора! — вопили где-то неподалеку.

Фандорин подавил зевок, думая: вокзалы повсюду одинаковы — самая космополитичная

локация на свете. Вероятно, лет через сто весь мир превратится в один гигантский вокзал, и будет невозможно понять, в какой части планеты ты находишься.

Кто-то мчался по краю платформы — люди шарахались. Крики «держи вора!» неслись за бегущим по пятам. Заливистой трелью раскатился свисток городового.

Жилистый, юркий человек прыжками и зигзагами приближался к Фандорину. Чтобы поймать воришку, довольно было протянуть руку. Но пушки по воробьям не стреляют. Эраст Петрович равнодушно отвернулся.

Ах, какой это было ошибкой!

Поравнявшись с беспечно курящим пассажиром, вор внезапно со всей силы толкнул его в спину.

Шляпа из итальянской соломки полетела в одну сторону, сигара — в другую, а сам Фандорин, ударившись лицом и грудью о железную стенку вагона, рухнул в зазор между поездом и перроном.

Если не расшибся, то лишь потому, что с давних пор владел искусством правильного падения, не раз оберегавшим Эраста Петровича от увечий и даже спасавшим ему жизнь.

Когда падаешь, нужно превратиться в кошку: одни мышцы расслабить, другие напрячь, перераспределить центр тяжести, а главное — преобразовать вертикаль в горизонталь.

О горячий бок вагона Фандорин стукнулся, еще будучи солидным господином в превосходном костюме, а на рельсы приземлился зверем из семейства кошачьих — мягко и нешумно, на четыре лапы.

Ушибиться не ушибся, но полуослеп — из-за контраста между сиянием дня и густой тенью.

Потер глаза. Тряхнул головой.

И не столько увидел, сколько почуял справа, в подвагонном мраке, очень близко, какое-то быстрое движение.

Что-то сверкнуло там — узкое, длинное.

Кинжалный клинок, нацеленный прямо в горло.

Самый восточный город Запада

Если от сотрясения мозга и переломов Фандорина уберегла наука правильного падения, то от кинжала спас другой навык: в миг опасности отключать разум и всецело доверяться инстинктам. Не сознание, не воля, а инстинкт заставил полуоглушенного Эраста Петровича увернуться от удара.

Сталь звонко ударила о закопченную рессору.

Клинок, зажатый в черной руке, немедленно сделал боковое, рассекающее движение, от которого в тесном пространстве отпрянуть было некуда — но Фандорин и не стал этого делать. Он перехватил запястье неразличимого в темноте врага, резко вывернул. Оружие упало на шпалу.

Теперь нужно было обезопасить и вторую руку несостоявшегося убийцы. Не выпуская запястья, Эраст Петрович вытянулся, достал до места, где должен был располагаться левый локоть противника — но пальцы сжали пустой рукав. Однорукий? От неожиданности Фандорин на мгновение ослабил хватку, и неизвестный рывком высвободился. Извернулся всем телом, перекатился под колесной осью, пополз прочь на четвереньках.

Кремовый костюм был все равно загублен, поэтому Эраст Петрович тем же собачьим манером ринулся вдогонку. Ничего кроме подметок и черной полы какого-то длинного одеяния разглядеть было нельзя. Убийца, даром что пользовался только тремя конечностями, полз очень резво и успел вылезти из-под вагона прежде, чем был настигнут.

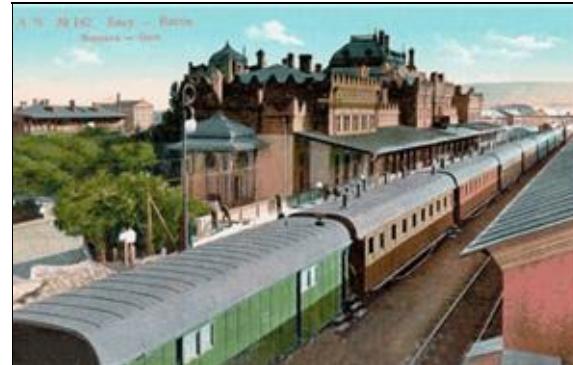
Выбравшись наружу, Фандорин снова наполовину ослеп — теперь уже от солнца. За десять или двадцать секунд, проведенных во мраке, зрачки успели расшириться.

Полусогнутый человек в черной черкеске и серой папахе улепетывал через соседнюю колею, по которой, пыхтя дымом, громыхал паровоз. Убийца проскочил перед самым его буфером, а Эрасту Петровичу пришлось остановиться. Вслед за локомотивом потянулись цистерны, конца им было не видно.

Ушел!

Пробормотав слово, недостойное уст благородного мужа, Фандорин не стал дожидаться, пока проедет длинный состав — в этом не было никакого смысла.

Обратно на платформу он вылез, похожий на черта: весь в мазуте и копоти, с непокрытой головой и растрепавшимися волосами.

Платформы Бакинского вокзала

— Вы не убились? — обступили его свидетели инцидента (вернее, только первой его

половины). — Каков, однако, мерзавец! Сшиб человека и сбежал! Ворье совсем распоясалось! Вам надобно в медицинский пункт.

— Б-благодарю, я совершенно цел, — сквозь зубы ответил добрым самарянам Эраст Петрович, и его оставили в покое.

От багажного вагона возвращался Маса, за ним носильщик катил на тележке Кларин сундук.

— Какой вы грязный! Вы лазили под вагон, господин? — удивился японец. С интересом поглядел на кинжал, зажатый в фандоринской руке. — Красивый *вакидзаси*. Вы лазили за ним? А ножен там случайно не было?

— Где воришка? — спросил Эраст Петрович, озираясь.

— Какой «вориська»?

Обычно господин и слуга разговаривали на смешанном русско-японском наречии, причем каждый пользовался своим родным языком, но случалось, что некоторые слова Маса понимал не сразу.

— За которым тут все гонялись!

— А, *доробо*. Да, бегал какой-то. Убежал, не догнали.

Фандорин снова выругался, теперь по-японски.

— Я не знал, что его нужно поймать, — стал оправдываться Маса. — Мы же приехали в Баку не для того, чтобы ловить вокзальных *вориська*.

Эраст Петрович угрюмо вертел в руках кинжал — хвост удравшей ящерицы. Маса был прав: превосходное оружие из настоящей дамасской стали. Рукоятка слоновой кости, с искусственным рифленым орнаментом.

А это что? Зачем здесь вырезан грубый черный крест?

— Позволю себе заметить, господин, что, хоть *вакидзаси* очень недурен, вряд ли стоило портить из-за него одежду, — сказал японец. — Я бы слазил сам.

Фандорин не ответил. Он сейчас думал не об испорченном костюме.

Это было покушение, отлично продуманное и подготовленное: один сообщник столкнул намеченную жертву с перрона, другой поджидал внизу с обнаженным кинжалом. Любой человек, не обученный искусству выживания, сейчас валялся бы под платформой с перерезанным горлом.

Вопрос вот в чем: преступники хотели убить именно Фандорина, или же он стал случайной жертвой шайки вокзальных уголовников?

Привокзальный сквер

Пожалуй, второе. Единственный обитатель Баку, у которого имелись причины опасаться

Эраст Петровича, не мог знать о его приезде. Тифлисский полковник предупреждал, что в Баку множество разбойников. Должно быть, человек в щегольском костюме и с сигарой выглядел лакомой добычей. Если столкнуть этакого франта под поезд и прикончить, в карманах наверняка найдется чем поживиться. Поражала легкость, с которой бандиты отважились на «мокрое дело», но на Диком Востоке, как и на Диком Западе, человеческая жизнь, вероятно, стоит дешево.

Пока носильщики укладывали чемоданы на тележку, поверх сундука, Фандорин рассказал помощнику о происшествии.

Маса насупил редкие брови.

— Нужно найти однорукого убийцу. Этот человек вас обидел. Обиды прощать нельзя.

— Кроме того, я желал бы удостовериться, что нападение действительно было случайным, — заметил Эраст Петрович, пытаясь оттереть платком пятна на коленях. — Думаю, мы без большого труда отыщем субъекта с такими характерными приметами: пустой рукав, черная черкеска, серая барашковая папаха, мягкие сапоги без каблуков.

— И оторвем ему вторую руку. — Лицо японца просияло кровожадной и в то же время лучезарной улыбкой. — Поездка становится всё интересней, господин. Мы искали одного обидчика, теперь будем искать двоих. Клянусь Иисусом Христом и перерождением души, мне нравится этот город.

Интерьер вокзала

Через великолепный зал ожидания, в котором мог бы разместиться двор восточного владыки, они вышли на привокзальную площадь, почти целиком занятую пышнозеленым сквером, содержание которого в столь жарком климате, на почти безводной почве, должно было стоить городу немалых денег.

Эраст Петрович огляделся, впитывая первые впечатления от Баку.

Ярко. Знайно. Шумно. Пахуче. Суетливо.

Было много извозчиков, частных экипажей, автомобилей, но толкаться среди толпы пассажиров, только чтоб поскорее уехать, не хотелось. Лучше подождать, пока публика разъедется, а тем временем запастись местной прессой.

Газетчики вокруг так и сновали. Их вопли были по большей части непонятны:

— К забастовке присоединились Балаханы!

— На двести двадцать пятой забил фонтан!

— В Мардакянах кровник застрелил Гаджи-Раджаба-Зарбали-оглы!

— В Сараеве убит наследник австрийского престола!

Бакинские новости. 16 июня 1914 г.

Эраст Петрович схватил мальчишку, крикнувшего про Сараево, за плечо:

— Что-что? Дай-ка.

Местная газета «Каспий» перепечатывала сообщение телеграфного агентства «Рейтер»:

«Из Вены. 15 (28) июня в боснийском городе Сараево девятнадцатилетний серб произвел выстрелы из револьвера в эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супругу. Обе августейшие особы были смертельно ранены и вскоре скончались. Австро-Венгерская империя потрясена. Повсюду проходят антисербские манифестации».

Вчера ночью, когда поезд отправлялся из Тифлиса, о покушении еще не было известно.

Рядом, тоже с газетой в руках, дожидался извозчика инженер из соседнего купе. Поклонившись Фандорину, он сказал:

— Бедный Франц-Иосиф! Над ним тяготеет злой рок. Брата казнили мексиканцы. Жену закололи напильником. Сын застрелился. А теперь убили племянника! Что за несчастное семейство эти Габсбурги!

В эпоху, когда Фандорин вынужденно обретался за пределами отечества, ему довелось свести знакомство с «несчастным семейством», для которого он провел одно деликатное расследование, оставшееся тайной для прессы и даже полиции. Несколько раз встречался Эраст Петрович и с императором Францем-Иосифом. Над этим долгожителем, сидящим на престоле уже седьмое десятилетие, принято посмеиваться, однако лоскутная центрально-европейская страна удерживалась на плаву лишь опытом и хитростью старого лиса.

Если собственная империя, Российская, по мнению Эраста Петровича, недужила тяжело, но, может быть, еще не смертельно, то держава Габсбургов дышала на ладан. Государственное образование, в котором одна большая нация попирает множество других, еще может кое-как существовать на задворках Европы и на просторах Азии. Однако посреди просвещенного континента подобный анахронизм не имеет шансов на выживание. В России господствующая народность, великороссия, по крайней мере составляет почти половину, а в Австро-Венгрии немцев, сосредоточивших в руках всю полноту административной власти, — едва пятая часть населения. Фандорин давно пришел к убеждению, что разношерстные по этническому составу, верованиям и культурным традициям народы могут мирно уживаться лишь в том случае, если это всем выгодно и никто не чувствует себя ущемленным в правах. Иначе рано или поздно случится взрыв. Россия пока еще может этой трагедии избежать — если правительство переменит свою конфессиональную и национальную политику по отношению к тридцати миллионам мусульман, десяти миллионам католиков, шести миллионам иудеев и прочим

«второсортным» и «третьюсортным» обывателям. Лишь бы только не произошло внешнего либо внутреннего потрясения.

А Сараевская трагедия вполне может перерасти из проблемы австрийской или австрийско-сербской в более серьезный конфликт. Всем известно, что Россия считает Сербию своей зоной влияния, сербы уповают на царя как на своего покровителя. Не хватало только войны двух инвалидных империй из-за столкновения государственных самолюбий.

«Впрочем, такой исход маловероятен. Не сошли же они с ума. Обменяются нотами, составят конфликтную комиссию, проведут согласительную конференцию. Как-нибудь уладится», — успокоил себя Эраст Петрович.

Тем временем подошла очередь садиться в экипаж. От элегантной пролетки пришлось отказаться — Кларин сундук в нее бы не влез. Взяли фаэтон, длинную двуконную коляску, где багаж можно было уложить и сзади, и на дне.

— Куда прикажешь, эфенди? — спросил чернобородый возница в плоской шапочке.

— На Горчаковскую улицу. Гостиница «Новая Европа».

Фандорин сделался мрачен и собран. Не из-за Австрии и даже не из-за вокзальных разбойников. Надо было укрепить нервы перед встречей с супругой.

С кислой миной смотрел он на дома и улицы Города-Занавеса.

Азия, померещившаяся в константинопольских контурах вокзала, растаяла. Фаэтон подпрыгивал по бульжнику идеально прямого, совершенно европейского проспекта. Дома каменные, в три-четыре этажа. Будто на Петровке или Неглинной. Публика тоже малоинтересная — как в центральной части Тифлиса. То есть попадались прохожие в восточном наряде, но они составляли незначительное меньшинство. Дамы шли с кружевными зонтиками, в воздушных шляпках и светлых платьях, а когда на перекрестке показались две женские фигуры с закрытыми лицами, Маса чуть не вывалился из коляски — всё оглядывался, ужасно заинтригованный. Он никогда еще не бывал на мусульманском востоке.

Бакинки в чадрах встретились им еще несколько раз, и каждый раз японец впивался в них взглядом.

— Должно быть, женщины в Ба-Ку очень умны, — наконец изрек он.

— С чего ты взял?

— Те, кто уродлив, предпочитают прятать лицо. Это ли не свидетельство ума?.. Но встречаются и глупые, — прибавил он минуту спустя. — Вон та тощая кикимора лучше бы завесилась тряпкой.

Русское слово «кикимора» вошло в речевой обиход Масы недавно — понравилось своей звучностью и японообразностью.

А у Фандорина обнаружился новый повод для расстройства. Оказалось, что в Баку мужчин, одетых точь-в-точь как неудачливый убийца (черная черкеска, серая папаха и даже кинжал с костяной ручкой на поясе), довольно много. Из особых примет оставалась лишь однорукость.

Самый надежный способ перебить сгущающуюся хандру — сделать что-нибудь полезное. Кларин сундук может подождать. Не начать ли с подполковника Шубина? Костюм, правда, испачкан, и шляпа потеряна. Ну и ладно.

Карта центральной части города

— Поезжай сначала в градоначальство, — сказал Эраст Петрович вознице, заглянув в карманный путеводитель. — Садовая дом один, знаешь?

— Кто не знает? — певуче откликнулся бородач, полуобернувшись и прикладывая ладонь к груди.

Не желая терять время даром, Фандорин развернул складную карту города. Нужно было как можно скорее разобраться в местной топографии.

«Так... Фаэтон едет через регулярные кварталы, выросшие уже при русских. Где-то слева старый город, бывшая столица Бакинского ханства. Ага, вон за аккуратным, но лысоватым бульваром показалась серо-желтая стена с закругленными зубцами — напоминание о Востоке».

Но по правой стороне, увы, сплошной шеренгой тянулись серые фасады домов французской архитектуры. Фандорин почувствовал некоторое разочарование, как в свое время от знакомства с Иокогамой, в облике которой оказалось так мало экзотики.

«Бесцеремонный паук-Запад всё больше оплетает своей серой паутиной планету. Стандартная архитектура, единообразие одежды, повсюду европейская речь. Вот ведь восточный город, принадлежащий русскому престолу, а улица будто в Ницце, половина вывесок — на французском и немецком».

— Градоначальство, эфенди, — показал фаэтонщик, придерживая лошадей.

В самом конце широкого бульвара — дальше уже шла морская набережная — виднелся красивый особняк: лепной фасад, нарядные балконы, вдоль по тротуару фигурные фонари. Если бы не дежурившие у парадного входа полицейские, невозможно было бы заподозрить, что в этом нарядном палаццо располагается скучное казенное учреждение.

— Жди. Могу задержаться, — сказал Эраст Петрович помощнику.

Внутри здание оказалось еще роскошней, чем снаружи. Вряд ли в каком-нибудь другом градоначальстве империи на интерьер было потрачено столько мрамора и бронзы, а под высоким потолком посверкивала хрустальная люстра — такую хоть в театр. Ее донце, переливающееся всеми цветами радуги, венчал золотой круг с крупно выгравированной надписью «Дар от XXVIII Съезда Нефтепромышленников».

«А-а, ну тогда понятно».

Подождав несколько минут в очереди к окошку дежурного, Эраст Петрович спросил, на месте ли помощник градоначальника Шубин. Нет, был сухой ответ. Подполковник уехал и нынче уже не ожидается.

Пришлось сказать, что к Шубину срочное письмо из канцелярии наместника. Чиновник изобразил вежливую улыбку:

— Если срочное, посоветую поискать господина подполковника в Локанте. По понедельникам об этот час они всегда там.

— Что это такое? — спросил Фандорин, доставая книжечку.

— Ресторан-варьете.

Несколько удивившись, Эраст Петрович не стал записывать адрес увеселительного заведения. С Шубиным лучше было поговорить в серьезной обстановке, без помех.

Получалось, что крюк проделан зря. Сразу приступить к делу не получилось.

— Хорошо, з-заеду позже.

Гостиница «Новая Европа», современное семиэтажное здание, Фандорину не понравилось. Ну Европа, ну новая. Могло бы стоять в Москве или в Берлине. И вся Горчаковская улица была такая же дистиллированно-европейская. Только для Европы было очень уж жарко.

К коляске бросились швейцары — разгружать багаж.

— Только сундук, — сказал Фандорин, а Масе и фаэтонщику снова велел ждать.

Гостиница «Новая Европа»

В вестибюль Эраст Петрович вошел, будто в приемную зубного врача — с выражением кроткой и мужественной готовности к страданию. Приблизился к рецепции.

— Госпожа Клара Лунная у себя?

Надутый портье с подозрением оглядывал запачканный фандоринский пиджак и молчал.

— Разве киносъемочная г-группа остановилась не у вас?

— Точно так-с, у нас. Однако, если вы к госпоже Лунной на предмет автографа, беспокоить строжайше воспрещено. Даже не просите.

Эраст Петрович знал, что Клара превосходно умеет влюблять в себя обслуживающий персонал. Лакеи, официанты, горничные, гримеры всегда грудью встают на ее защиту. Обожание достается Кларе не за щедрые чаевые, а за превосходно сыгранную человечность. Интимно улыбнуться, легко коснуться рукой плеча, а лучше всего доверительно пожаловаться на мигрень или усталость — и сердце маленького человека завоевано.

— Я не за автографом. Передайте госпоже Лунной, что приехал муж.

На щекастом лице служителя сменилась гамма сильных чувств. Недоверие мелькнуло и исчезло — такой солидный господин, пускай в грязном костюме, врать и тем более шутить не станет; оживление (такая новость!); затем почему-то смятение.

— Здесь ли она? — нетерпеливо спросил Эраст Петрович. Разбираться в переживаниях гостиничного портье ему было недосуг.

— Так точно-с, в зале «Трианон». Он заарендан под съемочный павильон. Вся группа там, работают. Господин режиссер очень ругаются, если кто-то помешает, однако ради такого гостя...

Портье изобразил готовность немедленно, сию же секунду, сорваться с места, но Фандорин с облегчением воскликнул:

— Нет-нет! Пусть работают. Велите поднять в номер вон тот сундук, а я оставлю для Клары записку.

— Не угодно ли покамест заселиться?

— Не угодно. Я остановлюсь в другом отеле. У меня в городе свои дела, вся эта суeta будет мне мешать. — Фандорин показал на рабочего в синем халате, который проворно катил через вестибюль какую-то огромную прожекторообразную штуку.

— Понимаю-с...

Однако по изумленной физиономии портье было видно, что он не может взять в толк: кто в здравом уме может отказаться от счастья поселиться в одном номере с Кларой Лунной?!

— Эй, милейший! — поманил Фандорин рабочего. — Когда закончится съемка?

— Через десять минут перерыв. Лампам передых нужен, — ответил тот (вероятно, это был осветитель).

Эраст Петрович заторопился.

— Какая гостиница в Баку самая лучшая?

— Наша, — с достоинством ответил портье.

— Ну а номером вторым какая?

— «Националь». Приличное заведение, но с нами не сравнить. Однако, если в съемке скоро будет перерыв, отчего бы вам не присесть за столик? Я распоряжусь подать оранжаду. А если прикажете — выну из холодильника шампанское.

— Не нужно. Я еще вернусь.

Фаэтонщику повезло — теперь ему предстояла поездка в третий конец.

— «Националь» знаешь?

— Кто не знает, — все с той же флегматичной почтительностью поклонился азиат.

Наврал толстощекий портье — отель «Националь» был респектабельней «Новой Европы». И дороже. Цены на номера заставили Фандорина покачать головой.

Зато здесь было уютно и старомодно, без нуворишеского шика, а вышколенная прислуга встретила нового постояльца так, будто ждала его всю жизнь. Плохо лишь, что до Клариной гостиницы было очень уж близко, всего пять или десять минут пешком. Едва Эраст Петрович успел умыться и переодеться в белую полотняную пару, как раздалось громкое «тук-тук-тук». Прислуга столь энергично не стучит.

«Неужто Клара? Ну разумеется. Чертов портъе сразу же понесся к ней докладывать о приезде мужа и о том, куда тот отправился».

Растягивая губы в вежливой улыбке, Фандорин открыл дверь — и улыбка из натянутой сделалась обыкновенной, естественной.

— Эраст Петрович! Господин Маса!

На пороге, сверкая всеми зубами, стоял молодой франт. Жилет у него был в золотую искорку, напомаженный кок сверкал и лучился, нафиксатуаренные усики торчали хвостиками. Мсье Симон, кинематографический продюктёр, старался выглядеть так же безупречно, как Фандорин, но немного перебарщивал с элегантностью.

Эраст Петрович пожал старому приятелю руку. Масе гость низко поклонился, а японец важно кивнул — такой у них был ритуал. Потом оба просияли.

— Сенка-кун! Какой старый стар, мородец, — похвалил Маса. — Морсина на рбу.

К тридцатилетнему возрасту «мородец» успел прожить уже несколько очень разных жизней, так что, глядя на него, Фандорин иногда задумывался о бездонных ресурсах метаморфизма, заложенного в человеческую натуру и так мало используемого большинством живущих.

Когда-то человек, которого вся киноиндустрия знала под именем «мсье Симон», был малолетним хитровским уголовником, потом заделался натуральным парижанином и энтузиастом «серебряного экрана», а в последние три года опять пустил корни на российской почве. От всех этих пертурбаций и нехватки формального образования речь Симона представляла собой рагу из русского и французского. Когда не хватало нужного слова или оборота, «продюктёр» без колебаний вставлял галльское *mo* и нимало тем не смущался.

— Почему ты не на съемке? — спросил Фандорин.

— Пур куа фэр? — пожал плечами Симон. — Я продюктёр, а там распоряжаются режиссер и киносъемщик.

Цепкий взгляд Эраста Петровича отметил, что за неподдельной радостью молодого человека, кажется, скрывается смущение. С чего бы? Симон конфузливостью никогда не отличался.

— Ваш арриве такая неожиданность! — с несколько преувеличенным энтузиазмом воскликнул продюктёр. — Клара меня не предупредила...

— Это для нее сюрприз. — И Фандорин поменял неприятную тему. — Как движется картина? Я знаю, случилась з-задержка. У тебя опять финансовые трудности?

Как известно, у каждого человека есть своя денежная карма: кому-то деньги сами идут в руки; другой бьется, урабатывается до полусмерти — и вечно сидит на мели. У мсье Симона денежная карма была своеобразной. Золотые ручьи стекались к нему со всех сторон, без видимого усилия, но так же быстро убулькивали дальше, оставляя продюктёра ни с чем. Нет, Симон не шиковал, не пускал деньги на ветер. Он был расчетлив, даже прижимист. Но им владела одна-единственная страсть — снимать кино, и каждую копейку он вкладывал в очередной проект. За первые два года российской жизни Симон сделал шесть картин: три удачные и три провальные, то есть трижды разбогател — и трижды разорился. После очередного банкротства, весь в слезах, он пришел к Фандорину просить в долг. Эраст Петрович дал не только денег, но и совет, изменивший всю жизнь кинопромышленника.

— Тебе не будет удачи с собственными деньгами. Ты не виноват, это такая особенная карма. Попробуй работать с чужими капиталами.

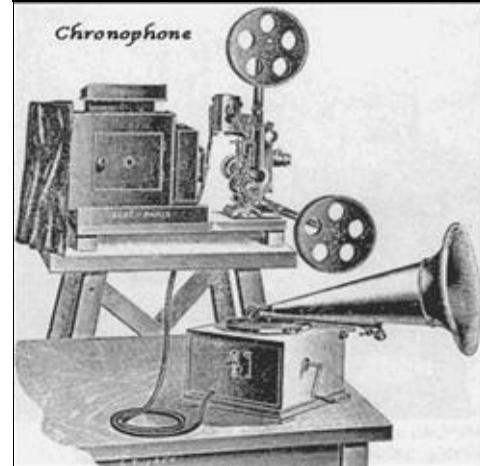
Тогда-то Симон и изобрел новую профессию: снимать картины на средства, привлеченные со стороны, и лично следить за каждым потраченным рублем. Поскольку русского слова для этого ремесла не существовало, Симон пополнил дефицит за счет французского языка — и стал

«продюктёром».

Оказалось, что Симон виртуозно умеет находить деньги и рачительно ими распоряжается. В качестве режиссера на собственных постановках он был не особенно хороши, однако обладал фантастическим чутьем на талантливых людей. Предшествующая его фильма «Гибель Титаника» с Кларой Лунной в заглавной роли собрала рекордную кассу и даже попала на европейский кинорынок. Новую постановку на ориентальную тематику Симон затеял с невиданным размахом и рекордным бюджетом (если верить газетам, чуть не в триста тысяч).

Фандорин правильно рассчитал, что, спросив про съемку, избавит себя от необходимости объяснять причины своего приезда.

— Нет, с деньгами па де проблем. Никогда еще я не был так свободен в расходах. Но эта восточная медлительность! Никакой пунктуалитет! А ведь я замыслил совершить революцию, сделать русский синема первым в мире! О, мсье Гомон еще пожалеет, что не взял меня в партнеры! — Глаза продюктёра загорелись, щеки порозовели — он сел на любимого конька. — Я делаю цветную и звуковую картину, со съемкой на три камеры, с умопомрачительной экзотикой ориенталь, с божественной Кларой Лунной! Мир сойдет с ума!

Не только изображение, но и звук!

— Цветную и звуковую? — заинтересовался Эраст Петрович, считавший своим долгом следить за новинками прогресса во всех технических отраслях. — Как это возможно?

— Очень просто! То есть очень непросто... Кадры будут раскрашены вручную, во всех копиях. А звук будет пререкордэ на граммофонную пластинку. Быен сюр, актеры на крупном плане у нас не говорят — только издали или со спины. Но шум природы, улицы, звуки боя — всё будет натюрель! Эта система озвучивания называется «Хронофон».

— Любопытно, — признал Фандорин. — Может произвести сенсацию. Публика падка на новое.

— О, это лишь половина моего прожэ! На прошлой картине я сделал великий декуверт: для успеха фильмы нужно превращать заглавную актрису в этуаль, сияющую на небе. Я вложил пятьдесят тысяч в печатание афиш, карт-посталь, календарей, я начал издавать иллюстрированный магазин — и на каждой обложке Клара Лунная.

— Да, я видел, — вздохнул Фандорин.

Правая половина дома в Сверчковом переулке была вся завешана произведениями полиграфического искусства: Клара с заломленными руками, Клара с ослепительной улыбкой,

Клара с трагически поднятыми бровями, Клара на коне, Клара на айсберге и прочее, и прочее.

— Вы не представляете, какой это дало эффект! — Симон не заметил тени, пробежавшей по лицу собеседника. — Новая фильма еще не снята, а прокатчики уже завалили нас заявками! Армия Клариных обожателей выросла вдесятеро! Конечно, поклонники создают сертэн дискомфорт — особенно здесь в Баку, где мужчины так пылки и настойчивы, но это только усиливает люмьер, которым окутана настоящая этауль!

Лишь сейчас рассказчик обратил внимание на помрачневшее лицо Эраста Петровича и сбился, сообразив, что мужу вряд ли приятно слушать такое про свою жену. Но долго смущаться было не в характере Симона.

— Есть еще одно последствие этауализации кинематографа. — Он сделал комичную гримасу. — Теперь тысячи женщин мечтают стать этаулями. Театральные актрисы, курсистки, гимназистки, скучающие дамы шлют мне тысячи писем и фотографий. Я стал пользоваться гран-сюксэ у женского пола. Не успеваю делать селексьён.

— Что такое серексьён? — спросил Маса, переставший раскладывать вещи и навостривший уши, как только речь зашла о женщинах.

— Отбор кандидаток на роли. Проверяешь, хороша ли лицом и фигурой, талантлива ли. Негодных отсылаешь.

— Похоже на *casting*, так у англичан называется отбраковка лошадей перед скачками, — поморщился Фандорин.

— Кастиг, — повторил Симон звучное слово. — Звучит солидно. Жестче, чем селексьён. Запомню.

Маса подошел, полуобнял приятеля, заговорил вкрадчиво:

— Сенка-кун, ты борьсёй черовек, очень дзанятой. Тебе нудзен помосьник, дерачь кастиг. Я тебе помогу. Кто учир тебя обрасяться с дзенсинами? Я дзнаю торк в дзенсиах. Рицо, фигура — всё будзет самое рючшее.

Представив себе фильму, в которой сплошь играют актрисы, соответствующие Масиному вкусу, Фандорин содрогнулся.

Но Симон выкрутился:

— Вы забыли о таланте, сенсэй. Только продюктёр может определить, есть ли в актрисе потенсьял коммерсиаль. Даже режиссёры этого не понимают.

Маса задумался.

— А еси дзенсина очень курасивая, но нетарантривая? Неудзери ты ее, бедную, выгоняешь?

— Беру в ассистентки, — хихикнул Симон и посмотрел на часы. — Ой, Эраст Петрович, идемте скорей, пока перерыв. Как только остынут лампы, снова начнется турнаж, и режиссёр к Кларе никого не подпустит. Он у нас сумасшедший.

— Да-да, идем.

Идея провести разговор с Кларой коротко, пока не остыли лампы, Фандорину понравилась. Соблости приличия — и свободен. Можно спокойно заняться делами.

По дороге обратно в «Новую Европу» (из-за жары шли небыстро, старались держаться тени) Симон без остановки рассказывал про картину. Эрасту Петровичу было неинтересно, он слушал вполуха.

— Режиссер у меня полный ку-ку, хоть сейчас в азиль для психов. Мне с ним ужасно повезло, я просто на седьмом небе! — не заботясь о логике, стрекотал Симон. — Я Леона Арта этого сначала взял от дезеспуара. Денег на картину не было. А у него дядя нефтяной прэнс. Хотел сделать из племянника спесьалист, послал учиться в Америку, на нефтяные промыслы. А

Леон в Калифорнии влюбился в кино. Сказал дяде: не хочу нефть, хочу кино. Ву компрене? У Леона есть деньги, но он не знает, как делать кино, а я знаю, как делать кино, но не имею денег. Вы не поверите: когда его встретил, я был просто в бездне отчаяния!

Симон мог находиться только в двух эмоциональных состояниях: либо на седьмом небе, либо в бездне отчаяния, поэтому Эраст Петрович подавил зевок и ничего не сказал.

— Мой прожэ ориэнталь рассыпался, все деньги пропали, кредиторы грозят судом. Я вам рассказывал, как гнусно обманул меня эмир бухарский?

Фандорин покачал головой.

— Ну как же! Это был кошмар, восточное вероломство! Я собрал деньги, чтобы снимать ориэнтальную фильму в натуральном мильё — не в павильоне и не в Крыму, а на самом настоящем Востоке. По сценарию нужен Багдад, но Бухара — это еще лучше. Не так далеко, заграничные паспорта доставать не нужно, а мечети, дворцы, кюполь, эти, как их, минареты — всё, как тысячу лет назад. Договорился с двумя бухарскими министрами. Это была бы сенсасьон! Но перед самым отъездом вдруг началось. Придворная канцелярия написала, что его светлость эмир обеспокоен — не будет ли в картине чего-нибудь зазорного для Бухары. Затребовали на прочтение сценарий. Вообразите! Я сценарий даже актерам читать не даю! За него большие деньги уплачены. Украдут идею — и адъё. Отказал. Раз так, пишут, не приезжайте. Иначе секир-башка. Полный крах! Я в бездне отчаяния. Экспедисьон сорван, скандал в газетах, инвестисёры забрали назад деньги. — Симон схватился за голову, охваченный ужасными воспоминаниями. — И тут Леон Арт. Прочитал в газете про картину. Деньги, говорит, есть. Снимать можно в Баку. Один кондисьон: режиссером будет он. Я согласился, потому что выхода не было. И что вы думаете? Леон оказался безумно талантлив! — в восторге вскричал продюктёр. — Я на седьмом небе! Мы с ним перевернем всю индустрию синематографик!

Они уже дошли до отеля, но Эраст Петрович не спешил войти — показал жестом: рассказывай, хочу дослушать.

У входа группками стояли и курили люди — одни в обычной одежде, другие в тюрбанах и халатах. Значит, перерыв еще не закончился, а Фандорин хотел попасть к Кларе в самую последнюю минуту.

— Что за к-картину ты снимаешь?

— «Любовь калифа». Магия и тайна Востока! Впервые на экране! — Симон поцеловал кончики пальцев. — Не сюжет — марципан! Великий Гарун аль-Рашид, калиф багдадский, по ночам бродит переодетым по Багдаду, чтобы знать жизнь простого народа. Видит в окне красавицу Бибикуль. Кудефудр! Сражен в самое сердце! Но Гарун решает скрыть свой позисьон, чтобы Бибикуль полюбила мужчину, а не владыку.

— Оригинальный сюжет, — не удержался Эраст Петрович.

— И я про то же! Беда в том, что в красавицу влюблен глава ордена убийц-ассасинов злодей Саббах.

— Погоди, — удивился Фандорин, — если ты имеешь в виду Хасана ибн-Саббаха, он жил на три века позднее Гаруна. Во времена аль-Рашида ассасины еще не существовали.

— В самом деле? — Продюктёр не опечалился. — Ну, а у нас так. Неважно. Сейчас будем делать турнаж сцены, от которой все сойдут с ума. Имажинэ: злодей замыслил овладеть красавицей, одурманив ее парами гашиша. Бибикуль во власти сладострастных видений воображает, будто с нею прекрасный юноша, которого она видела из окна, а на самом деле это — Саббах. Леон придумал невероятно смелый мизансэн. Боюсь, в России будут проблемы с цензурой. Думаю, мы сделаем специальный вариант для заграничного проката — без купюр. Клара обнажает ногу до самого колена, а через прозрачную кисею видно грудь. Только вообразите, какая это будет бомба!

Он со счастливой улыбкой воззрился на мрачную физиономию Фандорина. Спохватился, испуганно заморгал. Эраст Петрович думал не про прозрачную кисею, а про то, что, наверное, уже пора идти. Симону он успокаивающе кивнул.

— Тут появляется Гарун, и эта сцена разбивает ему сердце... — все же несколько скомканно завершил рассказ продюктор. — Сейчас будем снимать концовку эпизода, объяснение Гаруна с Бибигуль. Ой, идемте, остается пять минут!

В вестибюле гостиницы народу было еще больше, чем снаружи. Здесь вперемежку разгуливали и болтали друг с другом стражники, молодые люди в коротких модных пиджаках, стриженые барышни с папиросами, рабочие в фартуках. Симон фамильярно приобнял одалиску в шальварах:

— Где Клара?

— Репетирует. Леон нас всех выставил из павильона.

Вдвоем они прошли коротким пустым коридорчиком.

— Я арендовал под съемку банкетный зал, — объяснил шепотом Симон. — Все интерьеры турнируем там, только декорасьон меняем...

Перед дверью, края которой были обиты войлоком, он остановился, приложил палец к губам. Выражение лица сделалось сосредоточенно-благоговейным, будто в церкви перед алтарем.

— Леона нельзя сбивать с настроения, — одними губами прошелестел продюктор. — Он устраивает истерику, отказывается работать. Тогда весь день пропал...

Бесшумно приоткрыл створку. Фандорин заглянул через его плечо.

Окна зала были нагло закрыты щитами. На одном нарисованы купола и минареты, на другом висит большая, ослепительно яркая лампа, очевидно, изображающая солнце или, быть может, полную луну.

Деревянные перегородки, составленные буквой П, огораживали середину помещения. С внешней стороны они были из грубо сколоченных досок, но изнутри увешаны коврами, так что получалась богатая, по-восточному украшенная комната. Сильные прожекторы освещали ее с трех сторон. Стояли две кинокамеры: одна на отдалении, вторая прямо над диваном, где сидели репетирующие.

Клара была с выкрашенными в черный цвет волосами, одета в газовую тунику. Вообще-то восточной красавице полагалось бы носить шальвары, но тогда не было бы видно стройных ножек.

— ...Вот так вот закрываете рукою глаза и сладострастно стонете, — говорил молодой человек в чалме и парчовом плаще. Он приложил кисть ко лбу, изогнул шею и томно протянул:
— О-о-о-о-о...

— Это Леон, — шепотом объяснил Симон. — Прогнал Мозжухина, захотел сам играть калифа. И получается манифик. Талант — он во всем талант!

— Я еще во власти гашиша? — спросила Клара.

Режиссер вскочил, сдернул с головы тюрбан, длинные черные кудри рассыпались по плечам.

— Ах, при чем здесь гашиш! Вы околдованы чувственной страстью, она сильнее наркотика! Вы даже не поняли, что это он! Вам все равно, кто — он, другой! Бывают такие мгновения. Вы любите любовь! Вы женщина!

Он ломал тонкие руки, прижимая их к груди. Красивое лицо, одухотворенное, подумал Фандорин. Даже чрезмерный нос не портит. Похож на Сирено — поэтичный гасконец.

Взволнованная речь режиссера казалась Эрасту Петровичу сумбурной и невразумительной,

но Клара, кажется, отлично всё понимала.

— Ах, в этой сцене нужно не сыграть, а... — Длинные пальцы Леона изобразили в воздухе какую-то арабеску. — Ну понимаете, да?

— Конечно!

— Ну чтобы, как по коже... — Он наклонился и нежно погладил актрису по обнаженной шее — Фандорин удивленно моргнул. — Вот если так, то приятно, да?

— Да, да! — проворковала Клара, прижимаясь щекой к руке режиссера.

— А надо вот так! — Тот царапнул ее. — Чтобы сдирать, чтобы мясо под ногтями, чтоб больно! Это и есть искусство! Чтобы сначала больно, а потом... Понимаете?

— О да!

— А потом в камеру — таким взглядом, долгим, в котором... — Леон опять замахал руками, не в силах найти нужные слова. — Я думал про эту сцену всю ночь. Я стихотворение написал... Оно вам лучше объяснит, слушайте.

Красавицы Востока и Красавец Востока

Клара взорвалась на постановщика снизу вверх сияющим взглядом, очень хорошо памятным Фандорину по недолгому идиллическому периоду их брака. Эраст Петрович вопросительно поглядел на Симона. Тот был красен, глаза опущены.

— Виноват... Недоглядел... — пролепетал продюктёр. — Хотя что я мог?

«Ах вот чем объясняется твоя сконфуженность, — подумал Фандорин и присмотрелся к репетирующей паре внимательней. — Режиссер пылает страстью, это видно по румянцу, по лихорадочному блеску в глазах. Но и Клара влюблена. Или играет влюбленность. Хотя у нее это одно и то же. Так, может быть, Маса был прав, когда предложил наречь Баку „Побегом от ведьмы“? Господи, неужто... Это было бы избавлением! Талантливый режиссер — вот кем Клара способна увлечься всерьез и надолго. У них столько общего».

А господин Арт тем временем декламировал стихотворение. Голос у него был звучный, превосходно модулированный.

Когда-нибудь, быть может, скоро
Я маску тесную сниму
С лоскутьями приросшей кожи.
Мне будет больно — ну и пусть.
Из добровольной той неволи.

Как Одиссей на зов сирены,
Бегу я прочь с постылой сцены.
Всё! Я избавился от боли.
Сорвался смех, утихла грусть.
Молчит партер, умолкли ложи.
В пустую заглянёт тюрьму
И отвернется Терпсихора.

— О, как это прекрасно! — простонала Клара. Великолепные обильные слезы хлынули у нее из глаз. Этот ее «слезный дар» — умение натурально плакать на сцене — всегда потрясал театральных зрителей.

— Чего прекрасного? — пробурчал Симон, очевидно, переживая за Эраста Петровича. — Не в склад не в лад. В сердке стиха вроде начало получаться, а потом опять сикось-накось.

— Отчего же? — возразил Фандорин. — Довольно изящно. Новомодное стихотворение-реверси с зеркальной рифмовкой. В салонах исполняется на два голоса — мужской и женский, под аккомпанемент фортепьяно. Мужчина читает первую строку, женщина приглушенным эхом — последнюю; мужчина — вторую, женщина — предпоследнюю. И так всё стихотворение с обеих сторон.

— А? — переспросил Симон, малочувствительный к изящной словесности.

Нет, изменения еще не случилось, определил Фандорин, глядя, как режиссер благоговейно опускается на одно колено и припадает губами к кончикам Клариных пальцев. Но это вопрос времени. Нужно просто не путаться у них под ногами.

И вдруг опомнился, устыдился. Может ли благородный муж рассуждать таким циничным образом? Особенно если он — муж!

— А что это мы с тобой всё шепчемся? — сердито сказал Эраст Петрович, толкнул дверь и, стуча каблуками, вошел в съемочный павильон.

— О боже!

Увидев неизвестно откуда взявшегося супруга, который направлялся к ней решительной походкой, Клара вскочила, прижала ладони к пылающим щекам.

Поднялся и Леон Арт. Его тонкое, нервное лицо исказилось от ярости.

— Что такое?! Кто посмел?!

— Это мой муж... — пролепетала Клара и попыталась улыбнуться. — Эраст, милый, я, конечно, писала, что безумно скучаю, но зачем же было...

— Я привез ваши наряды, — прервал ее Фандорин. — Сундук уже в номере.

Режиссер смертельно побледнел. Прекрасные черные глаза гения расширились от ужаса и будто остекленели. Эраст Петрович почувствовал себя Медузой Горгоной. Как можно приязненней улыбнулся режиссеру, представился.

Тот подал вялую, слабую руку. Лицо стало трагическим. Казалось, господин Арт сейчас разрыдастся.

— Я остановился в другом отеле, чтобы не мешать вашей работе, — спокойно продолжил Фандорин, обращаясь к жене. — У меня в Баку дела. Я буду очень сильно з-занят. Возможно, мы больше не увидимся. Но я непременно хотел п-показаться и пожелать удачных съемок.

Режиссер ожила на глазах. Белое лицо пошло розовыми пятнами. Зато Клара, кажется, была озадачена и смотрела на супруга вопрошающе.

Испугавшись, что переборщил, Эраст Петрович быстро прибавил:

— Конечно, если у меня выдастся свободное время и совпадет с перерывом в вашей работе,

мы непременно, непременно с-соединимся, чтобы...

Здесь он запнулся, не придумав, для чего им с Кларой так уж нужно соединяться. На помощь пришел Леон Арт, который уже оправился от потрясения.

— Дорогой, несравненный Эраст Петрович, Клара рассказывала мне о ваших занятиях! Я знаю, что вы бываете обременены заботами государственной, колоссальной важности! Клянусь, я сделаю всё возможное, чтобы перестроить график съемок максимально удобным для вас образом!

Так я тебе и поверил, подумал Фандорин — и улыбнулся молодому человеку еще дружелюбней.

— Завтра мой дядя устраивает у себя на даче прием в честь Клары, то есть в честь госпожи Лунной. Это будет событие всебакинского значения! — Леон произнес «всебакинского» очень торжественно — как обычно говорят «всемирного». — Вы приехали очень вовремя!

— Сожалею, но не смогу присутствовать. Дела, — развел руками Эраст Петрович.

— Я очень прошу вас быть там. Ради меня. — Клара нежно улыбнулась ему. — Согласитесь, это странно. Все будут знать, что приехал мой муж, а на празднике в мою честь он отсутствует. Что подумают?

Взгляд и тембр голоса были точно такими же, как в самом начале совместной жизни. Тогда Фандорин сразу таял и был готов исполнять любые ее желания. Но с тех пор слишком многое изменилось. Ничего кроме раздражения эта медовая нежность у него не вызвала.

«Как же мне надоел этот театр Клары Гасуль! В следующий раз, честное слово, полюблю женщину, в которой нет вообще никакого притворства. Женщину, которая что чувствует, то и говорит».

Давать такие обещания было легко. Фандорин был абсолютно уверен, что время любви для него закончилось. И слава богу.

Причина, по которой жена упрашивала его присутствовать на рауте, была понятна. Клара любит только те скандалы, мизансцену которых разработала сама. Здесь же могла возникнуть ситуация, в которой главным поводом для сенсации станет не сама «этуаль», а загадочное отсутствие ее мужа.

— Увы, — сказал Фандорин с жестокосердным удовольствием. — Никак не получится. Прошу п-простить.

В глазах Клары вновь мелькнуло беспокойство. Так бывало, если что-то ускользало от ее понимания.

— У вас съемка. Группа ждет. — Эраст Петрович слегка поклонился режиссеру. — Не смею мешать вашему возвышенному труду.

— Да-да. Пора! — Леон громко захлопал в ладоши. — Дамы и господа, все сюда! Работаем, работаем! — Он повернулся к продюктору. — Мсье Симон, вы помните, что у нас сегодня еще уличный экшн? Нападение ассасинов.

— Конечно! Там потребуются краски заката. Улица перегорожена, рабочие готовятся. К девяти всё будет сан-репрош.

— Негры приехали?

— Жду с сегодняшним пароходом. С этой проклятой забастовкой многие рейсы отменены. Но была телеграмма из Астрахани: отплыли, будут.

— Забастовка, забастовка! Невозможно работать! — топнул ногой режиссер. — Что за сераль без мавров? Неужто съемка опять сорвется? Любая другая группа уже разорилась бы из-за этих простоев!

— С вашим дядюшкой нам это не грозит, — сладко молвил Симон.

В дверь заглянул Маса, которому, видно, наскучило торчать в вестибюле.

— Хоть киргиза доставили! — обрадовался Лион. — Почему не переодет? Сделайте его монгольским евнухом. Переснимем сцену в гареме.

Маса заинтересованно спросил у Фандорина по-японски:

— Что такое *ебнух*?

Было видно, что сняться в кино он совсем не против.

Эраст Петрович перевел:

— *Канган*.

— Нет, *ебнух* не сограсен. Другая рорь есть?

— Может быть, вашей милости угодно сыграть калифа багдадского? — саркастически осведомился Арт и протянул свою украшенную разноцветными стекляшками чалму Масе.

— Что такое *карифу*, господин?

— Арабский сёгун.

Японец остался доволен.

— Хоросё. Карифу мозыно.

И стал пристраивать чалму себе на голову.

— Черт знает что! — Режиссер беспомощно оглянулся на ассистентов и актеров, толпой входивших в павильон. — У меня нервы на пределе, а мне подсовывают полоумного киргиза! Отберите у него мой тюрбан!

— Маса, милый, как я вам рада! — сказала, приблизившись, Клара.

Лицо японца будто окаменело. Он церемонно поклонился.

— Курара-сан...

Актриса горестно вздохнула. Она знала, что давно утратила власть над слугой своего супруга, но время от времени предпринимала попытки растопить лед — увы, неудачные. Наклонившись, что-то вполголоса объяснила Леону.

Тот смущился.

— Ах, простите, сударь... Я принял вас... Мне должны были доставить настоящих киргизов из Красноводска, чтобы... Впрочем, неважно. — Он откашлялся. — Я слышал о ваших театральных успехах. Клара, то есть госпожа Лунная рассказывала... Но кино — совсем другое. Эпизод предлагать такому таланту я не осмелюсь, а большую роль... Видите ли, теперь мода на крупные планы, особенно в профиль. Если анфас у вас очень интересное лицо, то профиль... Профиля у вас маловато.

Оскорбленный до глубины души, Маса отвернулся и сказал Фандорину:

— Зато у него слишком много профиля! Нос, как у каппы!

А Эраста Петровича утягивала в сторону супруга.

— Мой дорогой-преддорогой, как же я рада вас видеть, — тихо и проникновенно говорила она, робко улыбаясь. — Приходите вечером. Мы сядем и будем говорить, говорить. За окном будет ночь, будет дуть ветер, а мы будем вдвоем и наговоримся от души. Меня мучает, что мы так отделились друг от друга. Всё не так, всё глупо, глупо. Я знаю, я слишком актриса, и жена из меня скверная, никуда не годная. Но поверьте, вы дороги мне, и прошлое, когда мы были счастливы, для меня не пустой звук. Право, приходите. Я буду ждать...

«Пьеса „Чайка“. Диалог Заречной и Тригорина из четвертого акта. А на самом деле ей просто что-то от меня нужно. Войдет в роль жены, встречающей мужа после долгой разлуки, заиграется, и закончится это известно чем. Нет, только не всё сначала...»

— Не смогу. Занят. У меня вечером встреча в г-градоначальстве.

— О, я не хочу нарушать ваших планов. Мы встретимся там, где вам удобно. — Клара в секунду переключилась на роль безропотной жертвы. Откуда это? Кажется, из «Последней жертвы» Островского? — Вечером у нас с девяты съемка в Старом городе, это совсем близко от

градоначальства. Умоляю вас, всего несколько минут!

Такая кроткая, молящая о сущей малости. Ну, если на улице и всего несколько минут — это еще ладно.

— Хорошо. П-приду.

— Яков Залманович, золотой мой, сделайте милость, запишите моему мужу адрес сегодняшней вечерней локации! — громко обратилась Клара к ассистенту.

И Фандорин, на которого еще минуту назад никто не смотрел, вдруг оказался в центре всеобщего внимания.

Мамелюки и арапы, наложницы и прислужницы, киносъемщики и электрики с любопытством уставились на мужа Клары Лунной. Кто-то довольно громко прогудел: «Ого! Как в водевиле: те же и грозный муж». В ответ послышалось хихиканье.

Назад в «Националь» Эраст Петрович шел огромными шагами. Подвернувшуюся под ноги пустую бутылку с размаху отшвырнул ударом трости. Одно дело — мечтать об избавлении от постылой жены, и совсем другое — когда тебя считают рогоносцем. Однако второе логически проистекало из первого, с этим надо было как-то примириться.

— Рэнсю! — рявкнул Фандорин едва поспевавшему за ним слуге.

— Какое рэнсю, господин?

— Бег по потолку.

— Хэ, — удивился Маса. — Всё так серьезно?

Настоящий экшн

«Бегом по потолку» называлось упражнение, предписывавшее с разгона как можно выше взбежать по стене, оттолкнуться и, сделав сальто, приземлиться на ноги. Чтобы избавиться от раздражения, Эрасту Петровичу пришлось исполнить этот непростой трюк трижды — лишь после этого душевная гармония начала восстанавливаться. Еще четверть часа он попрактиковался в бесшумном ползании по темному гостиничному коридору. Мимо три раза прошли постояльцы, дважды горничные — и не заметили змеящуюся по полу черную фигуру. Такая тренировка — в условиях, приближенных к боевым, — еще и закаляла нервы: если б Фандорина обнаружили, произошел бы конфуз и скандал, а для благородного мужа нет ничего страшнее, чем оказаться в жалком положении.

Несколько освеженный двойным рэнсю, Эраст Петрович вновь отправился в градоначальство. Маса нес под мышкой кинжал с черным крестом на рукоятке, завернув вещественное доказательство в гостиничное полотенце. Если подполковник Шубин окажется достоин откровенного разговора, надо будет показать ему этот трофей.

Однако на Садовой изгнанное было раздражение накатило с новой силой.

Шубина на месте опять не оказалось. Дежурный посоветовал поискать господина подполковника в казино, «потому что нынче ведь понедельник, и дело уже к вечеру».

«Ничего себе „дельный“! То он в „Локанте“, то в казино. И все же поговорить с Шубиным необходимо. Однако не над рулеточным же столом?»

— П-придется, видимо, отложить встречу на завтра. Когда подполковник приходит на службу?

— Что вы, — удивился чиновник. — Завтра никого из начальников не будет. Ведь у Месропа Карапетовича в Мардакянах банкет.

Сказано было таким тоном, будто всё человечество, включая людей, впервые приехавших в Баку, должны понимать смысл абракадабры «умесропакарапетовичавмардакянах».

Эраст Петрович скрипнул зубами. Первый день бакинского расследования определенно не задался.

Сдержавшись, вежливо спросил, далеко ли отсюда мечеть Мухаммеда, что на улице Кичик-кала в Старом Городе. Предстояло еще выдержать разговор с женой.

Клара не обманула — идти было не более десяти минут.

У старинных ворот, пробитых в глухой крепостной стене, Фандорин на миг замер. Навстречу пахнуло чем-то пряным, сладким, мускусным, но в то же время с отчетливым привкусом гнили, затхлости, слежавшейся пыли. Запах был знакомый — как в старых кварталах Константинополя. Аромат Востока — вот что это такое. Откуда он взялся в нуворищеском, космополитичном Баку?

Но за стеной прятался совсем другой город. Плотно сбившиеся невысокие дома с плоскими крышами, темные щели переулков, желтые каменные мостовые — и толпа, в которой совсем не было людей в европейском платье, а в разноголосом гомоне не звучало ни одного русского слова.

С внутренней стороны к стене лепились навесы, под которыми шла бойкая торговля: там продавали узорчатые ткани, глиняную и медную посуду, фрукты и орехи, сладости, табак, платки, халаты, специи.

Следуя указаниям чиновника, Фандорин свернул в среднюю из расходящихся улочек. Стены домов сдвинулись еще теснее, неба стало не видно, потому что на вторых этажах повсюду торчали деревянные застекленные терраски, а на протянутых между ними веревках сушилось тряпье.

— Третий п-поворот налево, затем второй направо, — бормотал Эраст Петрович. — Маса, не отставай. Потеряешься.

— Не может быть, чтобы здесь жили исключительно умные некрасивые женщины, — сказал японец, провожая взглядом каждую фигуру в парандже (женщин с открытыми лицами здесь не было, ни одной). — В природе такое невозможно. Нужно проверить.

Женщины в чадрах

Как странно, думал Фандорин. Восточный город, спрятанный внутри европейского. Будто идешь по закоулкам константинопольского Беязита. Ведь это Российская империя, это двадцатый век, а словно другой мир и другая эпоха. Возможно ли, чтобы Кузнецкий Мост и эта сказка Шахерезады существовали в пределах одного государства? И сам усмехнулся: что брать Кузнецкий Мост? Европа находилась гораздо ближе, в двухстах метрах отсюда — и ничего, как-то всё это уживается вместе.

— Я обязательно должен заглянуть под черную сетку, — всё переживал Маса. — И под халат, конечно. Вряд ли мы еще когда-нибудь попадем в Баку, эта тайна будет мучить меня.

Второй поворот направо после третьего поворота налево закончился тупиком: слепой стеной без окон и дверей. Пришлось повернуть обратно.

Повсюду — на тротуарах и приступках, на подоконниках, даже на крышах — сидели, лежали, гуляли кошки.

— Мы в кошачьем царстве, — сказал Маса, утирая вспотевший лоб. — Я предпочитаю собак. Но их здесь нет.

— У м-мусульман собака считается нечистым животным.

— Кто бы говорил о чистоте...

Японец зажал нос — они проходили, уже в который раз, мимо кучи гниющих отбросов. У Фандорина возникло подозрение, что это одна и та же помойка и что они вертятся по заколдованныму кругу.

— Мы з-заблудились.

Он попытался спросить дорогу, но женщины молча шарагались от человека в европейском костюме; мужчины отворачивались и шли мимо.

— Такое ощущение, что здесь никто не знает по-русски! — развел руками Фандорин.

Маса, снисходительно наблюдавший за действиями господина, сказал:

— Есть языц, который понимают все. Возьмите веер, обмахните лицо. Оно у вас похоже на вареную свеклу.

Он встал посреди мостовой, поднял руку. В пальцах покачивалась рублевая бумажка.

Сразу же остановились двое прохожих: один в коричневом халате и чалме, с неестественно красной бородой; второй с большими усами, в драной черкеске и облезлой папахе.

— Мечечь Мухамэдо, Кичик-кара, — объявил Маса. И его отлично поняли!

Произошла короткая потасовка: папаха оттолкнула чалму.

— Ходи за мной, пожалуйста!

Через пять минут Фандорин с Масой оказались на месте киносъемки.

На маленькую немощеную площадь, которую окружали покривившиеся дома, пройти было нельзя: все подступы охранялись статными усачами в бараньих шапках, с одинаковыми желтыми кобурами и внушительными кинжалами на поясе. Фандорин предположил, что Симон нанял какую-нибудь местную сторожевую фирму. Очень разумно, с учетом высокого уровня преступности в городе.

Остановились на прилегающей улице, под пузатым минаретом (это и была мечеть Мухаммеда). Здесь сгрудилась вся массовка: статисты, изображающие свиту красавицы, какие-то размалеванные злодеи с кривыми саблями, лошади, ослы, верблюды.

К Кларе было не подступиться. Она сидела на горбатом, лениво жующем дромадере, вся укутанная в шелка, и грациозно дымила пахитской. Два чернокожих раба помахивали над «этуалью» опахалами. Негры были ненастоящие, крашеные. Очевидно, астраханский пароход так и не прибыл.

Режиссер стоял на табурете и беспрерывно кричал в рупор сорванным голосом:

— Янычары и мамелюки, по местам! Ассасины, прячьтесь во дворы! Да не все в один! Господи, нельзя быть такими баранами!

Подошел Симон, с гордостью сказал:

— Снимаем эпизод «Нападение ассасинов». Семь тысяч рублей потрачено на костюмы, оружие и аренду животных. Манифик!

— Разве во времена Гаруна аль-Рашида были мушкетоны? — спросил Фандорин.

— Я взял их напрокат у картины «Штурм Измаила», задешево. Фильма у нас звуковая. Нужны выстрелы. — Продюктёр отвел Фандорина в сторонку. — У меня к вам тре гранд

деманд... Пожалуйста, не отказывайтесь съездить на завтрашний раут. Хозяин очень важный для меня человек. Он много про вас слышал. Знает, что Клара ради вас бросила владетельную особу. А раз вы до сих пор живы, значит, владетельная особа не смеет вам отомстить — по местным представлениям, это единственное возможное объяснение. Если вы приедете туда и скажете про меня что-нибудь лестное, это очень поднимет мой кредит в глазах инвестиссёра.

— Я действительно очень занят. Извини.

— Экутэ, — зашептал Симон. — Я не спрашиваю, какие у вас здесь дела. Наверняка секретные. Но учтите, что Месроп Карапетович может оказаться вам очень утиль. У него повсюду связи.

— Кто может мне оказаться п-полезен? — приподнял бровь Фандорин.

— Месроп Карапетович Арташесов, дядя Леона. Прием в честь Клары состоится на его даче в Мардакянах.

«Так вот где завтра будет подполковник Шубин. Это меняет дело...»

Спросил Эраст Петрович, однако, про другое, чтоб не выдавать своей заинтересованности:

— А я думал, что Леон Арт — француз.

— Нет, его настоящее имя Левон Арташесов. Его дядя — один из столпов города. Завтра в Мардакянах собирается весь бакинский бомонд. Вы меня ужасно обяжете, если замолвите Арташесову-старшему за меня пти-мо!

— Ладно, — как бы против воли согласился Фандорин. — Раз это тебе так нужно.

Ну уж за городом, на даче, я Шубина как-нибудь залучу на небольшой тет-а-тет, подумал он, заражаясь от Симона «смесью французского с нижегородским».

— Мерси, Эраст Петрович! Вы мой совёр!

В толпе зевак, пришедших поглязеть на невиданное зрелище, началось движение.

— Всем, не занятым в съемке, прижаться к правой стороне улицы! Очистить кадр! — закричали ассистенты.

Фандорин встал возле пыльной стены дома, следя за тем, чтоб не запачкаться. Маса стоял рядом, держа под мышкой сверток с кинжалом.

Процессия вытянулась вдоль улицы. Клара на своем верблюде оказалась в самом начале кавалькады. Дождавшись, когда жена посмотрит в его сторону, Эраст Петрович красноречиво показал на часы. Клара умоляюще сложила руки: не уходите!

Теперь все актеры на него пялились. Перешептывались, посмеивались.

Он изобразил беззаботную улыбку. С крепко стиснутыми зубами это было непросто.

— Приготовились! — тонко выкрикнул режиссер. — Верблюд, пошел! По взмаху платка ассасины — вперед! Мамелюки, без команды из ружей не палить! Господа, сегодня исторический день! Мы покажем всему миру, что такое настоящий экшн! Мотор!!!

Массовка пришла в движение. Зазвенели бубенцы, залязгали щиты и сабли, заклубилась пыль.

Эраст Петрович не без интереса наблюдал за происходящим, но Маса, всё еще дуясь на Леона, демонстративно отвернулся и глядел на противоположную сторону улицы, где между домами виднелся утопающий в тени двор.

— Ассасины, пошли!!!

К верблюду подбежали люди в белых хламидах, замахали мечами. Крашеные негры повалились наземь. Клара запрокинула голову, элегантно выставила обнаженные локти. Кричать не кричала — очевидно, звук будет записан позднее.

— Мамелюки, огонь!!!

Загрохотали холостые выстрелы, два десятка стволов изрыгнули пламя и дым.

Внезапно Фандорина чуть не сбило с ног. Это японец ни с того ни с сего вдруг толкнул

господина в плечо.

— Маса, ты что?!

Из-за грохота было ничего не слышно. Маса молча ткнул в стену, перед которой мгновение назад стоял Фандорин. В штукатурке зияла дыра, в центре которой поблескивало донышко застрявшей пули.

Другой рукой японец показал вперед. Проследив за пальцем, Фандорин увидел, что в глубине расположенного напротив двора, над стеклянной галереей второго этажа поднимается дымок.

— Хаяку! — крикнул Маса, бросаясь через массовку. — Быстро! Уйдет!

Эраст Петрович ринулся догонять, не забыв низко пригнуться, чтобы не испортить кадр.

Двор, поверху опоясанный деревянной террасой, они миновали одним махом. Фандорин держал наготове свой новый, изготовленный по спецзаказу «веблей», еще ни разу не опробованный в деле; Маса размахивал трофейным кинжалом. Но никто больше не стрелял.

Взлетев по ветхой лесенке, лепившейся прямо к стене, Эраст Петрович оказался в пыльном, скрипучем ящике длиной в две сажени и шириной в полторы. Терраска была когда-то застекленной, но половина квадратов зияла пустотой. На подоконнике в штативе была установлена винтовка; поблескивало дуло, просунутое через выщербленную ячею; на полу валялась стреляная гильза.

Треснувшая дверь, ведущая внутрь дома, еще покачивалась на ржавых петлях. Кто-то проскочил через нее всего несколько секунд назад.

Маса оттолкнул господина, вбежал первым. Фандорин — за ним, готовый открыть огонь.

Пустое помещение. Нежилое, причем давно. Дыры в полу, облупившиеся стены, клочья пакли с потолка.

Но впереди была еще одна дверь, приоткрытая, и из нее лился свет.

Японец не стал дергать створку, чтобы не терять времени, а в прыжке вышиб всю раму. С грохотом, в облаке щепок и пыли он приземлился на пол с занесенным для удара кинжалом.

А Фандорин остановился на пороге.

Дом оказался не только нежилым, но и полуразрушенным. В комнате отсутствовала внешняя стена. Вместо нее виднелась улица. Закатное солнце поигрывало красноватыми отблесками на стеклянных осколках и черепках, которыми был усыпан пол. Крыша отсутствовала — сквозь голые стропила просвечивало сочное синее небо.

Преследователи подошли к самому краю. Посмотрели влево, вправо.

Стрелявший, конечно, спрыгнул вниз. Свернул за угол, или в соседний двор, или просто растворился среди прохожих. Теперь его было не догнать.

— Бесполезно, — сказал Фандорин. — Вернемся-ка на веранду. Хочу кое-что проверить.

На месте, откуда был произведен выстрел, Эраст Петрович, наклонившись, внимательно рассмотрел винтовку и крепежное устройство.

— Что скажешь? — спросил он распрямляясь.

— Этот человек хорошо подготовился. Он знал, что вы появитесь на месте киносъемки и что здесь будет пальба, никто не услышит винтовочного выстрела. — Маса присел, чтобы определить возможный сектор обстрела. — Хорошая позиция. Видно половину площади и почти всех зевак на улице. Где бы вы ни стояли, все равно оказались бы на линии огня.

— Выводы?

— Очевидные. Надо искать среди тех, кто знал, что в девять часов вы придетете сюда и что на съемках будет шумно.

Фандорин пожал плечами:

— В вестибюле гостиницы мой разговор с Кларой мог подслушать кто угодно. Не

обязательно из киногруппы, там наверняка терлись и посторонние. А еще я спрашивал дорогу в г-градоначальстве, там тоже было немало посетителей. Убийце хватило бы времени обосноваться на веранде, пока мы с тобой плутали по лабиринту улиц.

Маса не стал спорить.

— Тогда еще одно. Нападение на вокзале не было попыткой грабежа. Кто-то очень сильно хочет вас убить, господин.

— Я тебе больше скажу. — Эраст Петрович похлопал по штативу. — Зачем, по-твоему, этот з-зажим?

— Дря твердости прицела. Отдатя меньсе и муська не дрзит, — ответил помощник по-русски. Он покинул родную Японию во времена, когда огнестрельное оружие было там не в чести, и осваивал новую терминологию уже на новых берегах, поэтому предпочитал говорить о винтовках и пистолетах по-русски или по-английски.

— Нет, для стабильности прицела достаточно было бы просто положить дуло на раму, очень удобно.

— *Катанпо!* — хлопнул себя по лбу Маса, вновь переходя на японский.

— Да. Однорукий. И из всего этого следует...

— ...Что Одиссей-сан ждал вашего приезда. Однорукий убийца подослан вашим врагом.

— Вот именно.

Назад через двор Эраст Петрович шел в глубокой задумчивости.

«Итак, версию с вокзальными бандитами можно отставить. Это раз.

Одиссей откуда-то узнал, что в Баку приезжает охотник по его душу. Это два.

Он также знал, каким именно поездом я прибуду. Это три.

И четвертое. К моему приезду он отнесся настолько серьезно, что не поленился организовать один за другим два покушения, в течение всего нескольких часов.

Единственный пункт, где могла произойти утечка, Тифлис. Кто был в курсе дела? Полковник Пеструхин, больше никто. Однако абсурдно подозревать в связях с революционерами начальника жандармского управления. Он сам, подобно покойному Спиридонову, давно приговорен боевиками к смерти!

Какого-то звена в логической цепочке недостает...»

Они вышли на улицу, когда съемка уже закончилась. Воскресшие негры бережно снимали Клару с верблюда.

— Эраст, как мило, что вы меня дождались!

Он подошел, поклонился.

— О чем вы желали со мной говорить? — Вздохнул. — Послушайте, ваши коллеги теперь всегда будут на меня плятиться?

Жена посмотрела на него взглядом беззаветной любви, отработанным на роли Бесприданницы: «Что мне за дело до разговоров! С вами я могу быть везде. Вы меня увезли, вы и должны привезти меня домой!».

Примерно теми же словами и заговорила:

— Что мне за дело? Пускай смотрят. Вы муж мой, а я ваша жена! Нам должно быть всегда и везде вместе! Знаю, я не вправе предъявлять вам претензии. Я бесконечно виновата перед вами, я уделяла вам и нашим отношениям слишком мало внимания. Вся моя душа, всё мое время отданы искусству, этому проклятю, этому опиуму, который иссушает мою жизнь! За это вы вправе жестоко наказать меня, погубить мою репутацию!

«Снова эксплуатация „слезного дара“. Боже, как скучно...»

— Так что вам угодно? — перебил Эраст Петрович. — При чем здесь репутация?

Теперь Клара заплакала по-настоящему. Фандорин знал, как отличить подлинные слезы —

в такие моменты жена переставала «держать лицо», и оно искажалось, становилось похожим на нормальное, человеческое. Но те времена, когда Эраста Петровича трогали эти редкие мгновения естественности, давно прошли. К тому же он отлично понимал, из-за чего сейчас огорчилась Клара: почувствовала, что ее чары больше не действуют.

— Вы меня разлюбили, — всхлипнула она. — Вы стали совсем чужой... Вам нет до меня дела.

— Чего вы хотите? — повторил он, начиная догадываться, из-за чего вся мелодрама. — Чтобы я завтра сопровождал вас к этому вашему б-благодетелю?

— Он не мой благодетель! Ничего подобного! Но от этого человека зависит судьба фильмы, в которую я вложила весь свой талант. О, я умоляю вас! — Она сцепила руки в дурацком жесте, которым пользуются только на сцене, а в жизни — никогда. — Я знаю, как вы не любите многолюдные сборища. Но хотя бы покажитесь там! Не делайте меня мишенью сплетен! Нет ничего постыднее роли жены, которой пренебрегает собственный муж!

— Хорошо. Мы п-приедем одновременно, а потом я уеду.

Клара заморгала. Она не ждала такой быстрой победы.

— Вы не передумаете?

— Нет.

Слезы мгновенно высохли. Лицо озарилось победительной улыбкой.

«Уверена, что нашла новый ключ к моему сердцу: как следует поплакать, и можно вить из меня веревки. Пускай».

— Зачем нам туда ехать, господин? — спросил Маса, когда Фандорин попрощался с Кларой. Японец, конечно же, стоял сзади и подслушивал.

— Для серьезного разговора с Шубиным. Раз Одиссей все равно осведомлен о моем приезде, нет смысла конспирироваться от человека, который может оказаться п-полезен. Нужно узнать, нет ли в полицейских досье какого-нибудь хромого, живущего в Черном Городе. Интересует меня также еще один инвалид: однорукий, но отлично владеющий кинжалом и винтовкой.

Навстречу шел Леон Арт, перепачканный пороховым дымом, но очень довольный.

— Успели! — торжественно объявил он. — В Баку стремительные закаты, но мы вовремя поймали свет!

Действительно — солнце, еще минуту назад освещавшее Старый Город медовым цветом, ушло за крыши, и сразу, безо всякого промежутка, засинели сумерки.

— Ружье из реквизита? — спросил режиссер, посмотрев на винтовку в руке у японца. — Какое некрасивое. Надеюсь, оно не попало в кадр.

Маса невежливо отвернулся, но Леон афронта не заметил.

— Пусть американцы поучатся у нас! Это вам не жалкое «Ограбление поезда»! — Он обвел широким жестом верблюдов, коней, массовку. — Вот что такое истинный размах! Вот что такой настоящий экшн!

Разговор с чертом

Человек, занимавший все мысли Фандорина, в это время находился в нескольких километрах от Баку, в пустом доме.

Пуст был не только дом. Пустовали все окрестные кварталы — с тех пор, как разорился

нефтеперегонный завод Мурсалиевых, находившийся в этой части Черного Города. Цеха замерли, склады были заколочены, рабочие бараки обезлюдили. Хозяин квартиры, хромой Хасан, остался единственным обитателем этого мертвого места, он служил заводским сторожем.

Отличная явка, просто превосходная.

Человек лежал на продавленной койке, закинув руки за голову. Из-за вечного смога в Черном Городе темнело еще быстрее, чем в Баку. Окно только что было светло-серым, и вот стало черным. Ночью дымный воздух проредится, начнут помигивать звезды, но пока в темноте горел только один огонек — папиросы.

По подоконнику, меж раскрытых створок, гулял воробей.

Напротив кровати смутно виднелся приземистый сгорбленный силуэт — там, на стуле, расположился вечный собеседник лежащего.

— Что, небожья птаха, поболтаем? — промурлыкал собеседник.

Воробей как ни в чем не бывало потюкивал клювом. Во-первых, голос обратился не к нему. Во-вторых, никакого голоса не было.

Это человек на кровати разговаривал сам с собой. Мысленно. Задал вопрос он, ответил тоже он, беззвучно:

— Давай, рогатый. Пока не явился Краб, можно и побалакать.

На спинке стула висела куртка. Человек нарочно ее туда пристроил — чтобы было с кем поговорить.

Диалог с воображаемым чертякой давно вошел у него в привычку. Это помогало отфильтровать мысли.

Психически человек был абсолютно здоров, шизофренией не страдал, внутренними раздорами не терзался, к образу Ивана Карамазова и творчеству Федора Достоевского относился юмористически. Но идея разговора с умным, едким, критически настроенным оппонентом была продуктивной. Всегда полезно подвергнуть свои взгляды и планы испытанию скепсисом. В дьявола, как и в боженку, человек, разумеется, не верил, однако к аллегории ангела-революционера, решившего свергнуть небесное самодержавие, относился с одобрением.

Последние недели выдались хлопотные, некогда передохнуть, собраться с мыслями. И вот выдалась минутка поболтать с умным че... — чуть было не подумалось «человеком». Лежащий тихонько рассмеялся.

— Какого лешего ты потащился в Ялту? — укоризненно молвил Черт. — На кой тебе сдался мелкий грызун Спиридонов? Зачем было подвергать себя риску перед огромным делом? Не стыдно тебе, Дятел?

«Дятлом» человека с папиросой звали те, кто знал, чем он занимается на самом деле. Всегда, с самой юности, он брал только птичьи клички. Ему нравились птицы. Потому что летают. А нынешняя кличка возникла из прекрасной, хоть малоизвестной поговорки «Дятел и дуб продалбливает».

— Не дурак ты после этого? — присовокупил силуэт. — Наследил, теперь расхлебываешь.

В жизни никто бы не посмел разговаривать с Дятлом так задиристо. Черт был язвительный, с подковыркой. Но толковый, нередко подсказывал дельное. Другого собеседника, с кем можно поговорить по душам, у человека с птичьим прозвищем на свете не было. И очень хорошо. Один слоняявый поэт сказал: «Никто из людей не остров». А Дятел думал про себя, что он именно остров. Причем большой. Такой большой, что может считаться материком. Как Австралия. Или даже еще больше.

Что такое остров? Это твердь, со всех сторон окруженная бессмысленной, жидкой, волнующейся массой.

— А пошел ты, — ответил Дятел. — Всякий трудовой человек должен иметь право на

отпуск. За это и боремся. У меня всё подготовлено, теперь только ждать. Ну съездил я, развеялся. Что такого?

— Охотишься на Слона, а погнался за крысой. Глупо.

— Зато приятно. Взбодрился.

Легкомысленный диалог прервался.

Вся жизнь Дятла подчинялась одной огромной цели. Ни с кем кроме Черта он про это никогда не разговаривал. А думал часто. Почти всё время.

Еще в раннем детстве увидел в зоосаде огромное, грязное, тупое животное. Слон был гигантский, мальчик — маленький. Но мальчик протянул палец, прищурился: «Паф!» — и представил, как исполин валится, болтая в воздухе бревнообразными ножищами.

Охота, которой отдано столько лет, близится к завершению. Слон обречен, ему не спастись.

Партийное руководство романтически назвало операцию «От тьмы к свету», Дятел же про себя окрестил ее «Слоновья охота».

Зубчатые колесики цепляются одно за другое, молоточки стучат — всё работает, как часовой механизм.

Напали на карету казначейства

Осталось решить последнюю задачку, самую заковыристую: как все-таки быть с охраной? Пока не придумается, приказ отдавать нельзя.

Думай, голова, думай!

Эх, помощников полно, а в самом главном кроме как на себя положиться не на кого. И всегда так было.

Когда после поражения революции направили в Закавказье, задание партии было: наладить финансирование. На этой окраине империи крутятся огромные деньги, а полицейская хватка слабее, чем в центре. В те времена основную ставку делали на эксы: ограбить пароход, обчистить банк и прочие казаки-разбойники. Шума от такого финансирования было много, а проку мало. Самая громкая акция, налет на карету Тифлисского казначейства в 1907 году, принесла четверть миллиона, а что проку? Номера похищенных билетов разослали по всей Европе, и множество товарищей запалились на этих меченых бумажках.

Дятел быстро сообразил, что дело надо ставить по-другому. Тихо, бесперебойно, без полицейских неприятностей. Идеальный плацдарм — не Тифлис, а Баку. Именно здесь бьет самый мощный денежный фонтан, брызги летят во все стороны — только ведра подставляй. А еще тут неисчерпаемый источник революционных кадров: горячие тюрки, пламенные армяне,

боевитый пролетариат. Плюс немаловажный фактор — раскормленная, покладистая полиция.

Постепенно оформилась система, всем удобная, а потому прочная. Строилась она на «добровольных взносах» от крупного капитала. Ведь нефтяной бизнес так уязвим — одна спичка, и от сверхприбыльного предприятия остаются головешки. Это только один из методов, а есть и другие, не менее доходные.

Уже который год всю партию фактически кормил один Дятел-добытчик. Из неиссякаемого бакинского источника растекались денежные ручейки вдаль и вширь, от Питера до Владивостока, от Архангельска до Цюриха. Эффективнейшее, рентабельнейшее предприятие функционировало безупречно. Живи себе, в ус не дуй. Вопрос только: ради чего? Всей этой разбойничьей (какой же еще?) деятельности придавала смысл и оправдание только великая цель: завалить Слона. Без нее Дятел был бы просто вымогатель и шантажист, главарь шайки бандитов. А со Слоном он — предводитель охотников.

— Загонщики тебя не подведут? — нарушил молчание Черт. — Паршивые у тебя егеря, приятель.

Что правда, то правда. С помощниками проблем больше, чем с полицией. Давно известно: паршивый союзник страшнее врага. Беда с бывшими однопартийцами эсерами, с меньшевиками, националистами, а особенно с полоумными анархистами. По-настоящему дальние одни большевики. У остальных в голове мусор.

Ничего. Дятел привык работать с «инвалидами». В Баку калек полным-полно. Такой уж это город, зубастый — кому руку оттяпает, кому ногу. Увечье на производстве — лучшая агитация против капиталистической эксплуатации. Но под «инвалидами» Дятел имел в виду не хромых или безруких, а безмозглых. Ох, сколько же их в революции! Самых разных оттенков, от бледно-розового до густо-красного с отливом в черноту. Масса времени и сил уходит на то, чтобы выстроить отношения между участниками охоты. Армянские «маузеристы» грызутся с тюркскими робин-гудами, надутые эсэры уверены, что они главнее всех, потому что с ними транспортники, меньшевики во всё суют нос и ни черта не делают, идиоты анархисты никому не желают подчиняться.

Да, егеря бестолковы и неорганизованы. Но всё же удалось собрать их вместе. Большинство даже не догадываются, на кого идет охота.

— Тех, кто мешается под ногами, мы подчистим. Чтоб не сорвали дело, — пообещал Дятел собеседнику.

— Не сомневаюсь. Но признался, что с Ялтой ты все-таки сглупил. Притащил на хвосте репей под названием «Фандорин».

— Ты прав, — признал Дятел. — Но осложнение нетрудно исправить. Этот соловей любит петь соло, а значит не особенно опасен. Болезнь всякой гнилой власти в том, что она вытесняет талантливых людей на обочину. С одиночкой, даже очень шустрым, справиться нетрудно.

В эту секунду снаружи, неподалеку, грянули два револьверных выстрела. Это был условный сигнал. В Черном Городе, да еще ночью, можно не стесняться. Если кто услышит пальбу — не удивится.

Дятел повеселел. Все-таки, оказывается, он нервничал из-за «соловья». Верней, из-за того, что своими ялтинскими каникулами поставил под угрозу «Слоновью охоту».

— Что я тебе говорил? — засмеялся Дятел и спустил ноги с кровати. — Вот и Краб. Значит, нет больше никакого Фандорина.

На сигнал полагалось ответить тоже выстрелом.

Дятел вынул из-под подушки «маузер», вскинул руку. От воробья только перышки разлетелись.

А потому что надоел со своим постукиванием.

Банкет в Мардакянах

— Мне в голову пришла идея, которая не приходила еще никому! Мир будет шокэ! После успеха «Калифа» я смогу позволить себе всё! Даже фильму про грязь!

Всю дорогу, от самой гостиницы, Симон не умолкал. Он сел к Фандорину и Масе в их потрепанный кабриолет, самый последний в кортеже, растянувшемся по загородному шоссе. Впереди ехал роскошный черный лимузин, потом три демократичных «форда», и на отдалении — открытый допотопный «парсифаль». Ничего лучше арендовать не удалось. Цены в городе были невиданные. Если в Москве — да хоть бы и в Европе — Эраст Петрович чувствовал себя человеком обеспеченным, то в Баку его достаток сочли бы весьма скромным.

«Парсифаль»

Пятьсот рублей за недельный прокат драндулета, едва выжимающего сорок километров в час!

Баку, безусловно, был самым дорогим городом империи. А может быть, и всего евразийского континента. Если в центральных губерниях человек, имеющий сто тысяч, слыл богачом, то в этом нефтяном эльдорадо состоятельность начиналась с миллиона, и миллионеров на Апшеронском полуострове, вероятно, проживало примерно столько же, сколько во всей остальной России.

Из обеих столиц сюда, как мухи на мед, слетались адвокаты, инженеры, рестораторы, коммерсанты, артисты, профессиональные красавицы. Фандорин прочитал в газете, что у бакинского городского головы неслыханно высокое жалование — впятеро выше, чем у тифлисского, хотя центром Кавказского наместничества был не Баку, а Тифлис.

Оказалось, что и пролетарии здесь зарабатывают очень недурно. Мало-мальски квалифицированный рабочий на буровой вышке или на нефтеочистительной фабрике получал от шестидесяти рублей — как титулярный советник в российской глубинке. А пролетарии еще и бастовали, требовали больше.

Окрестности Баку

«Парсифаль» астматически пыхтел, подпрыгивая на ухабах. Пыль клубилась над скверной дорогой, садилась на стекла автомобильных очков, на плащ, которым Фандорин предусмотрительно прикрыл свой белый смокинг. Солнце стояло в зените, его тяжелые лучи лились отвесно, будто кипящий сироп. Конечно, разумнее было бы взять закрытый автомобиль, но Эраст Петрович выбрал кабриолет нарочно — знал, что жена побоится растрепать прическу.

Так и вышло. Клара с Леоном Артом поехали в присланном дядей «роллс-ройсе», прочие приглашенные члены киногруппы расселись по «фордам», а Фандорин, Маса и присоединившийся к ним продюктор глотали пыль в самом хвосте.

— Фирьма про грязь? — заинтересовался Маса. — А цензура пропусчит?

— Я имею в виду нефть. — Симон показал на виднеющиеся вдали вышки Черного Города (путь в дачные места лежал через него). — Еще никому из кинематографистов не приходило в голову заинтересоваться этой липкой, жирной, черной грязью! А я тут такого насмотрелся, наслушался! Анкруайябл! О-о, это гораздо эффектней, чем добыча золота! Столько страстей, преступлений! Феерик, фантастик! Какие сюжеты, какие типажи! Они просто просятся на экран! Нефтью могут заниматься только люди из железа. Мягкотельые не выживают. Мне рассказали истуар про Алексея Ивановича Путилова, директора трех нефтяных компаний. Он запретил своей дочери брак с молодым человеком, которого та любила. Бедняжка приняла мышьяк. Возлюбленный в день похорон застрелился прямо у ее дверей. И ву савэ, как отреагировал на это Путилов-отец? Он сказал: «Ну, нам еще не хватало дешевой оперетки». Каково?

— Г-гнусно, — ответил Эраст Петрович, притормаживая, чтобы переехать через трубу, врытую в грунт поперек дороги.

— А по-моему, готовая фильма! Или вот вам другой железный человек, директор Горного департамента Сальковский. Покровитель балерин, свой человек на Ривьере, Ротшильды добыли ему орден Лежьон д'Онёр. Ни одно важное решение по нефти не проходит через правительство без Сальковского. Веселый господин — легкий, обаятельный, ничего не боится! Ему предлагают взятку, говорят: «Мы вам заплатим двадцать тысяч и гарантируем полную конфиденциальность». А он в ответ: «Давайте лучше сорок и болтайте кому угодно». Не человек

— круповская броня!

— У нас в империи таких бронированных сколько угодно, — заметил Фандорин, снова тормозя — на сей раз у переезда через узкоколейку, за которой начинался дымный промышленно-промышленный район.

Вышки мелких нефтедобытчиков...

Здесь на перекрестке располагался полицейский околоток, который словно оберегал «чистые» кварталы от преисподни, подступавшей вплотную к Баку. Давеча в поезде, занятый дневником, Эраст Петрович толком не рассмотрел Черного Города. Теперь ему предоставилась такая возможность.

Даже на знаменитых нефтяных полях Техаса он не видел ничего подобного. Здесь действительно всё было черным: стены фабричных корпусов, складов и бараков, круглые бока цистерн, буровые вышки. Черной была земля, по которой во всех направлениях черными змеями расползались бесчисленные трубы. В воздухе летали клочья сажи и копоти. Зато лужи были очень красивыми, переливались густым, радужным перламутром — нефти в них было больше, чем воды.

Наверное, так будет выглядеть планета, когда жадные индустриалисты заполнят заводами каждый клочок пространства, истребив всю зелень, подумал Эраст Петрович. Жизнь задохнется и прекратится. Всё станет таким же черным и мертвым.

— Почему большинство зданий п-пустые? — спросил он. — Я думал, в Баку нефтяной бум, а тут почти не видно людей. Половина вышек не качает. Это из-за забастовки?

— Не только, — ответил Симон. — Здесь ведь как? Кончилась на участке нефть — всё бросают. Или разорится кто. Тут часто разоряются. Ну и забастовка, бьян-сюр.

Однако справа от шоссе показалось предприятие, на котором шла кипучая работа. Дымоходы энергично пыхтели, со всех сторон к высоким стенам тянулись трубы — по земле и по воздуху, на опорных столбах. Наверное, с высоты птичьего полета фабрика (или что это?) напоминала паука, раскинувшего густую паутину.

Сердце Черного города

Симон, однако, использовал другую метафору:

— Это сердце Черного Города. Насосная станция Казенного керосинопровода. Закачивает керосин со всех нефтеперегонок и отправляет его в главную трубу. Имажинэ: отсюда керосин течет чуть не тысячу километров до самого Батума. Вся Россия и вся Европа им кормится.

Казенный? Тогда понятно, почему перед воротами караул из жандармов, а по углам вышки с часовыми. Самую прибыльную часть нефтяного производства государство забрало себе. И это, пожалуй, правильно. К тому же можно не опасаться забастовок. В России на государственных предприятиях не бастуют.

Поехали дальше. Теперь с обеих сторон, близко, потянулись сплошные вышки. Фандорин увидел, как в черной луже, под самыми опорами деревянной пирамиды, копошатся сгорбленные, с ног до головы перепачканные люди. Они передавали по цепочке тяжелые ведра, содержимое которых переливали в большую бочку.

— За такую работу шестьдесят рублей в м-месяц, пожалуй, мало будет, — сказал Эраст Петрович, вспомнив, как удивлялся алчности бакинских пролетариев. — Я бы тоже з-забастовал.

— Эти не бастуют. И шестьдесят рублей им никто не платит. Хорошо если полтинник в день. Видите — вышка старая, разливная, даже без бура. На таких нынче только персы работают. — Симон поежился. — Бrr, оррёр! Вы еще не видите тех, которые внизу, в дыре, нефть черпают. Мне говорили, многие задыхаются, и их засасывает жижа. Никто не достает, не хоронит. Чтоб с полицией не объясняться.

Фандорин содрогнулся, оглянувшись на кошмарную сцену, будто сошедшую со страниц дантова «Ада».

Законы прибыли неумолимы. Зачем платить больше, зачем вкладывать деньги в улучшение условий труда, если кто-то считает за счастье любую работу? Сколько в империи заводов, шахт, рудников, где картина точно такая же или немногим лучше? Государство, которое должно было бы заставлять владельцев обращаться с работниками по-человечески, этой миссией пренебрегает, а при конфликте встает всей своей мощью на сторону капиталиста. Всё это добром не кончится...

В смрадной атмосфере Черного Города зной сделался еще тягостней.

— Довольно странно устраивать раут в середине дня, если живешь в жарком к-климате, — недовольно заметил Эраст Петрович. — Вечером, по крайней мере, не палило бы солнце.

Симон улыбнулся:

— Не беспокойтесь. На вилле у Месропа Арташесова будет прохладно.

— Как это в-возможно? От холода можно спастись при помощи отопления, а от жары

спасения нет. Разве что тень. Но здесь и деревьев-то нет. На этой земле, пропитанной нефтью и солью, ничего не растет!

— Увидите Мардакяны — удивитесь. Это паради! Там научились побеждать жару. Знаете, что придумала компания Нобеля? Они устроили для служащих поселок, где летом в домах всегда 20 градусов. Завозят зимой с гор сотни тонн льда, складывают в специальные погреба и гоняют по трубам компрессором холодный воздух. А у Арташесова штука еще того лучше. Думаю, нигде в мире такого нет.

Кавалькада выехала на равнину. Фабрик и заводов здесь не было, но нефтяные вышки по-прежнему торчали с обеих сторон, хоть и не так густо. Еще через четверть часа на горизонте появилась темно-зеленая полоса.

— А вон и Мардакяны. Нефти там нет, зато сплошные деревья. И бриз, потому что с другой стороны море. Все солидные бакинцы имеют здесь шале или шато.

* * *

Можно было подумать, что автомобиль уехал от города не на два десятка верст, а переместился из одного климатического пояса в другой — из зоны пустынь в субтропики. Улицы тенисты, воздух благоухает свежестью и цветочными ароматами, даже солнце будто помягчело и разнежилось — оно больше не жгло и не слепило, а ласкало и подмигивало через густую листву.

Караван остановился у роскошных золоченых ворот — такие сделали бы честь и Букингемскому дворцу. Вдоль решетчатой ограды, сколько хватало глаз, выстроилась вереница дорогих машин и лаковых ландо. Где-то неподалеку первоклассный оркестр исполнял венский вальс. На ветвях акаций горели разноцветные лампочки, что при свете дня было, пожалуй, излишним.

— Вот как живет Месроп Арташесов, — объявил Симон с такой гордостью, словно всё это великолепие он сотворил собственными руками.

— П-похоже на сбор ополчения. — Фандорин с интересом оглядел людей, стоявших кучками возле автомобилей. Это были грозного вида молодцы: одни в черных каракулевых шапках и бархатных жилетах с серебряными пуговицами, другие в черкесках и серых папахах, трети в белых бешметах — и все вооружены до зубов. — Что это за абреки?

— Телохранители. Здесь, Эраст Петрович, без этого никак. Видели, как во время съемки в Старом городе нас охраняли? Это Месроп Карапетович своих людей прислал, на всякий случай.

Фандорин надущенным платком стер с лица пыль, осмотрел себя в дорожное зеркальце.

— А почему они такие с-свирые? Будто вот-вот устроят перестрелку.

— Се тужур ком са, я уже привык. Которые с деревянными кобурами — это охранники армянских миллионщиков. А которые с кожаными — это охранники мусульманских нефтепромышленников. Армяне любят «маузеры». Тюрки любят револьверы. И те, и другие жуткие бандиты, друг дружку терпеть не могут. Но резни не сделают. Во всяком случае, пока хозяева ладят между собой.

По красной песчаной дорожке, вслед за остальными, гости направились к большому дому тосканской архитектуры, но, не дойдя до него, все повернули вправо — вглубь парка.

— П-почему мы не идем в дом?

— Это вечером, когда наступит прохлада. Там будет банкет и бал. А пока солнце, всё общество внизу.

— В каком смысле?

Симон загадочно ухмыльнулся.

— Такого вы еще не видали. Жамэ.

Теперь стало понятно, что оркестр играет где-то за густой шеренгой плотно сросшихся туй. Звук был странный, словно идущий из земного чрева. И еще слышался плеск воды. Эраст Петрович предположил, что за живой изгородью пруд или фонтан.

— Я буду ждать вас здесь, господзин, — чопорно поклонился Маса.

Фандорин привык к причудам своего помощника и спорить не стал. Хочет — пускай остается. С точки зрения японца вассал обязан сопроводить господина к месту возвышенного празднества, а сам остаться снаружи. Это не унижение, а совсем наоборот — самая что ни на есть спесивая гордыня. Нет более заносчивых и знающих себе цену слуг, чем японцы и англичане. С их точки зрения, всякий человек должен гордиться положением, которое занимает. Один британский батлер как-то признался Эрасту Петровичу, что ни в коем случае не поменялся бы судьбой со своим лордом. В Японии многие самураи наверняка сказали бы то же самое.

— Смотри, будь вежлив со здешними г-головорезами, а то знаю я тебя, — погрозил пальцем Фандорин. — И не трогай служанок. Здесь восток, с этим строго.

Маса с достоинством отвернулся.

Дорожка сделала поворот и вывела к арке, увитой благоухающими розами.

Эраст Петрович шагнул внутрь — и замер. Перед ним зияла пустота, из которой неслись звуки музыки, смех, голоса, журчание воды.

По внутреннему периметру живой изгороди шла узенькая дорожка, обрамленная перилами, а всю середину занимал котлован глубиной метров в тридцать или сорок. С верхней площадки лестницы открывался фантасмагорический вид: в большом бассейне размером с пять или шесть теннисных кортов бил подсвеченный фонтан, вокруг плавало несколько белоснежных лодок, похожих на лебедей. Края водоема тонули в густой тени, где прогуливались или стояли группками многочисленные гости. Симон был прав: столь кардинального способа борьбы со зноем Фандорин никогда еще не видывал, хоть объехал весь божий свет. Невозможно было даже приблизительно вообразить, в какую сумму обошлась хозяину эта причуда.

Загородные виллы нефтяных королей

Спуститься можно было и на лифте, похожем на золоченую бонбоньерку, но у кабины выстроилась очередь из киноартистов, и Эраст Петрович предпочел воспользоваться лестницей.

Внизу, по углам эспланады, выложенной разноцветными мраморными плитами, располагались площадки: на одной играл оркестр, на другой буфет, на третьей столы для игры в карты, на четвертой диванная с кальянами. С каждым лестничным пролетом (их было восемь) жара ощущалась всё меньше, а внизу стало даже прохладно. Высокие стены котлована были оштукатурены и разрисованы фресками с изображением райских кущ. За тремя бархатными драпировками, кажется, находились гроты, вырезанные в каменной породе. На левой портьере была изображена дама в кринолине, на правой — джентльмен в цилиндре (а, понятно); на центральном занавесе красовался герб с геральдическими зверями и маленькой нефтяной вышечкой посередине.

На самой нижней площадке Фандорин остановился. Глаза привыкли к полумраку, и теперь можно было как следует рассмотреть собравшихся.

Публика была пестрая, наполовину европейская, наполовину восточная. Мундиры и смокинги перемежались черкесками; блеск эполет — сверканием золотых газырей и кинжалных рукояток. Дамы тоже выглядели по-разному: кто-то был в открытом платье, с обнаженными плечами, но попадались и женщины в азиатских нарядах, некоторые даже с прикрытыми лицами.

Вдруг по толпе будто прошла волна. Все повернулись к кабине лифта, откуда с обворожительной улыбкой вышла Клара в сопровождении Леона Арта. Она была в узком серебристом платье, подчеркивавшем хрупкость фигуры; режиссер в черном фраке, с рассыпанными по плечам волосами и орхидеей в петлице тоже смотрелся картинкой.

«Красивая пара, — подумал Фандорин. — Зачем им третий лишний? Скорей бы уж...»

Навстречу почетной гостью, кланяясь на ходу, катился толстячок с сияющей посреди неестественно черных волос проплешиной.

— Эраст, Эраст! — с очаровательной беспомощностью стала озираться Клара. — Господа, я сегодня с мужем. Ах, вот он! Господа, милости прошу: Эраст Петрович Фандорин.

Все уставились на счастливого супруга «этуали», и он, скрипнув зубами, сошел по ступенькам.

— Зачем ты мне к-кланяешься? — раздраженно спросил Фандорин продюктора.

— Чтобы все видели, какая вы важная персона, — шепотом ответил Симон. — Иначе уважать не будут.

— На что мне их уважение...

Но ворчание пришлось прекратить. К Эрасту Петровичу уже подошла Клара, с трогательной супружеской заботливостью поправила воротнички (без того идеальные), поцеловала в щеку. Роль любящей жены была отыграна в несколько лаконичных штрихов, по Станиславскому.

Встреча киногруппы с благодетелем и спонсором напоминала августейшую аудиенцию. Первым к дяде приблизился Леон. За ним Эраст Петрович с супругой и почтительно приотставший Симон. Потом первый киносъемщик и два актера, которые вчера исполняли роли главного ассасина и главного мамелюка. Все прочие встали сзади, полумесяцем, раскланялись издали.

Оказавшись лицом к лицу с великим Месропом Карапетовичем, Фандорин почувствовал смутное беспокойство и не сразу сообразил, чем оно вызвано. Разумеется, не богатством бакинского Креза. И не пытливым взглядом маленьких, черных, блестящих, как ягоды кишмиша, глазок: они впились в лицо Эраста Петровича, скосились на племянника, на Клару и снова остановились на Фандорине — теперь ужеочно.

Низенький, кругленький, с сочным губастым ртом, с многочисленными перстнями на пухлых пальцах, господин Арташесов смотрелся опереточным персонажем. Типаж «комический толстяк». Откуда же ощущение дискомфорта?

Вдруг Эраст Петрович понял, в чем дело. Вдвоем с промышленником они образовывали до комичного контрастную пару.

Один шарообразен, другой прям, как палка; у одного черные волосы и седые брови, у другого седые волосы и черные усы; один в черном шелковом смокинге и белых брюках; другой, наоборот, в белом смокинге и черных брюках. Позитив и негатив. Пат и Паташон.

Захотелось побыстрей отойти в сторону, пока все вокруг не начали хихикать. Однако сначала полагалось исполнить необходимый ритуал вежливости.

— Левончик-джан! — сказал Арташесов, продолжая глядеть на Фандорина. — Ай, молодец, что привез дорогих гостей.

— Дядя, я просил меня так не называть! — вспыхнул Леон Арт.

— Кларочка-ханум. — Не обращая внимания на племянника, Месроп Карапетович приложился к ручке звезды. — Это праздник для нас! Приезд вашего уважаемого супруга — двойной праздник.

«А ведь ему со мной тоже неспокойно, — понял Эраст Петрович, уловив во взгляде магната тревожный блеск. — Интересно почему? Вряд ли из-за колористической инверсии».

— Какой почет, какое небесное счастье и для Клары-ханум, и для этого дома! Много, много о вас слышал, драгоценный гость!

На цветистое приветствие хозяина Фандорин слегка кивнул. Протянул вялую руку, которую Арташесов сжал двумя мягкими ладошками.

— Мсье Симон мне о вас тоже рассказывал, — милостиво протянул Эраст Петрович, помня о своем обещании помочь молодому человеку. — Собственно, нанести вам визит я решил по его рекомендации.

Сказать это можно было безо всяких опасений — Клара уже упорхнула. Очевидно, ритуальное представление супруга закончилось, муж ей был больше не нужен. Актрису немедленно окружила толпа кавалеров. Леон Арт нервно потряхивал локонами, свирепо озираясь на Клариных поклонников.

Эраст Петрович обнаружил, что остался с нефтепромышленником наедине. Актеры с киносъемщиком деловитой походкой двинулись в сторону буфета. Симон почтительно ретировался, как бы не осмеливаясь участвовать в беседе столь великих людей. Только напоследок послал Фандорину многозначительный взгляд, означавший: «Я на вас надеюсь!»

Нефтяные бароны

— Уверен, что у Симона большое будущее, — сказал Эраст Петрович. — Я редко ошибаюсь в подобных вещах.

— Я тоже. — Месроп Карапетович тонко улыбнулся. — Я ни в каких вещах не ошибаюсь. Ваш протеже думает, что Арташесов хочет потрафить любимому племянничку: «На тебе

денежки, Левончик-джан, купи себе игрушку». А я не Левончику даю, я мсье Симону даю. Почему не потратить немножко рубликов на хорошее дело? Триста или четыреста тысяч — пустяки. А может выйти интересный гешефт. Я всегда говорю: нельзя ставить только на нефть. Мало ли что. Будет кризис, или упадут цены, или придумают другое топливо, или пролетарии устроят большой пожар, как в пятом году. А кино никуда не денется. Правильно я говорю, дорогой?

Эраст Петрович пожал плечами. В принципе, от хозяина можно было бы уже и отойти. Просьба Клары выполнена, как и просьба Симона. Пора заняться своими делами. И все же Фандорин медлил — хотелось понять, чем объясняются тревожные огоньки в глазах Арташесова.

«Куда это он так нервно посматривает? А, на племянника и Клару. Так вот в чем дело! На востоке ревнивые мужья опасны».

И Эраста Петровича вдруг потянуло на озорство. Наклонившись, он шепнул:

— Не волнуйтесь за племянника. Госпожа Лунная совершенно свободна.

Месроп Карапетович захлопал ресницами, разинул рот. Довольный своей выходкой, Фандорин хотел удалиться, но в это время к ним приблизились двое азиатов и поздоровались так учтиво, что пришлось поклониться в ответ.

Один пожилой, седобородый, в расширом позументами мундире благотворительного ведомства, при ленте и звезде, со шпагой, однако в восточной шапочке, вроде турецкой фески. Второй молод, пышноус, в идеально сидящем фраке — и тоже в туземном головном уборе: перламутрово-жемчужной папахе. Это несомненно были мусульмане.

Первый поздоровался с Месропом Карапетовичем обеими руками (очевидно, здесь так было принято), второй почтительно поцеловал хозяина в плечо. Эраст Петрович много слышал об армянско-турецкой вражде, однако встреча выглядела в высшей степени сердечной.

— Это почтенный Муса Джабаров, миллион пудов нефти в год, — показал Арташесов на молодого. А про пожилого, прижав ладонь к груди и благоговейно понизив голос, сказал: — Его превосходительство трижды почтеннейший Гаджи-ага Шамсиев, два с половиной миллиона пудов.

Вероятно, в Баку объем добываемой нефти был чем-то вроде аристократического титула. Господин Джабаров ходил просто в «почтенных», то есть состоял, скажем, в ранге нефтебарона, а статус «трижды почтеннейшего» соответствовал званию нефтеграфа или нефтемаркиза. Сам Арташесов, судя по поведению мусульманских феодалов, был не меньше, чем нефтегерцог.

Эраста Петровича хозяин представил тоном значительным и несколько загадочным:

— Господин Фандорин из Москвы. Большой человек, очень мудрый. — И закатил глаза.

Оба нефтелорда низко поклонились.

— Вы, должно быть, щедрый б-благотворитель? — с любопытством спросил Эраст Петрович превосходительного Гаджи-агу. — Я слышал, что получить «Анну» на ленте, надо бно пожертвовать не менее ста тысяч?

Нефтемаркиз лукаво улыбнулся и певуче, с мягким, приятным акцентом ответил:

— Если русский — сто тысяч. Если мусульманин, полмиллиона давай, меньше нельзя. Но деньги есть. Почему не дать? Быть «превосходительством» очень удобно.

Старичок-то непрост, подумал Фандорин, и, кажется, очень неглуп. Да и Арташесов хоть толстяк, но совсем не комичный. Пожалуй, Симон не преувеличивал, когда говорил про железных людей.

«Мой папа на базаре цирюльник был»

— Из меня генерал, как из ишака скакун, — продолжил Шамсиев. — Мой папа на базаре цирюльник был. Волос стриг, мозоль резал, вошь керосин травил, но лучше всего кровь пускал. Я маленький был, тазик держал, кровь нюхал. Я про кровь всё знаю. И я вам вот что скажу, четырежды почтеннейший господин Фандорин. Нефть — это кровь Земли. А мы цирюльники, кровь земли качаем. Как сердце Земли бьется — медленно или быстро — от нас зависит.

— Кирасив сказал, муаллим! Ай, кирасив сказал! — восхитился молодой промышленник, у которого говор был еще более пряный и переливчательный. При этом своими черными выпуклыми глазами нефтеbarон косил не на Гаджи-агу, а куда-то вбок. — Кров на месте стоять не любит. Хочешь, чтоб быстрей бежал, — зажми. Потом снова пусти — ай, весело побежит!

— И ты, дорогой Муса, тоже красиво сказал, — одобрил Месроп Карапетович. — Сегодня — слышали? Мои акции на четыре процента вверх пошли. Что забастовка делает! Ай-ай.

Шамсиев поцокал языком, вздохнул.

— У меня на шесть пиросент. Хорошо, да? Керосин за месяц двенадцать пиросент дороже стал. Тоже хорошо. Только не слишком ли хорошо, а? Когда так хорошо — мне страшно. Что делать будем, если всё совсем встанет? У меня керосиновые склады скоро совсем полные будут. Кушать я буду свой керосин? Вместо чай пить? Мы с молодой Муса очень волнуемся, говорить с тобой хотим, дорогой Месроп-ага.

Но Джабаров, кажется, волновался не только из-за цен на керосин. Эраст Петрович понял, куда так заинтересованно косится «молодой Муса»: на Клару, что-то звонко рассказывавшую толпе обожателей.

— Ах, какая женщина! Миллион не жалко за такую женщину! — Он поцеловал кончики пальцев.

Арташесов тихо сказал что-то не по-русски, шепотом. Метнув испуганный взгляд на Фандорина, нефтеbarон покраснел, опустил глаза.

Это положительно становилось невыносимым. Не будешь ведь подходить к каждому и говорить: «Не нужно миллиона, даром берите. Еще сам приплачу».

— Не буду вам мешать говорить о делаах, господа, — слегка поклонился Эраст Петрович.

Нефть нефтью, Клара Кларой, однако пора наконец заняться делом. Требовалось найти жовиального подполковника Шубина, любителя бакинских увеселений.

Несспешно пройдясь по эспланаде вдоль бассейна, Фандорин вскоре заметил на игорной площадке (ну разумеется, где ж еще?) синий жандармский мундир. Даже два.

Около стола, на зеленом сукне которого россыпью лежали купюры и золотые монеты,

стояли два штаб-офицера. Высокий, сухопарый что-то громогласно говорил, толстый бритоголовый кивал. Остальные игроки сидели, отложив карты, и тоже слушали — с самым почтительным видом.

Эраст Петрович подошел ближе.

— ...Я распорядился объявить месячник борьбы с лихоимством, — важно говорил полковник, суровое лицо которого было изборождено шрамами. — Подписал приказ, согласно которому в каждом околотке будут развешаны изречения из Священного Писания, обличающие мздоимство. Тимофей Тимофеевич, — кивнул он на второго жандарма, — подготовит список мер по устыжению чинов, испытывающих душевную склонность к предосудительному сребролюбию. Теперь, господа, с взяточничеством в городской полиции будет покончено!

— Не прямо сию минуту, а по окончании месячника, — уточнил второй. Его жирное лицо не дрогнуло, но в глазах мелькнула искорка. — Если такова воля господина градоначальника, никто не посмеет ослушаться.

— Да-да, через месяц, — согласился полковник.

Фандорин понял, что это и есть Алтынов, которого в Тифлисе назвали служакой усердным, но бестолковым. А толстый подполковник несомненно его помощник, «дельный» Шубин.

— Браво! Превосходное начинание! Давно пора! — нестройно отклинулись сидящие. Градоначальник с величественным видом отошел.

Подполковник вытер платочком распаренную лысину — при такой комплекции ему было жарко даже у бассейна.

— Котофей Котофеевич, не продолжить ли? — позвали его. — Вы, кажется, отважились на ва-банк?

В самом деле очень похожий на раскормленного кота, Шубин сел на стул, мотнул круглой головой вслед начальнику, выразительно закатил глаза под лоб. Вокруг стола прокатился смешок.

— Дорогонько бакинцам влетит этот месячник, — заметил господин, что сказал про ва-банк, и поскреб ногтем большущий бриллиант на пальце. — Но это когда еще будет, а вы, защитник закона, лопнете на банчишке прямо сейчас.

— Ничего, Котофей Котофеевич себе всегда компенсирует, — хохотнул другой игрок, и все весело засмеялись, хоть смысл шутки был неочевиден.

Шубин уютно промурлыкал:

— Поглядим-поглядим. Вот пять «капенек». — Выложил рядом сотенные бумажки. — Кто желает секундировать?

Правила игры Эрасту Петровичу были неизвестны, но он следил за подполковником очень внимательно. По тому, как человек ведет себя в азартной игре, можно многое вычислить о характере.

Открыли карты.

— Браво! Лихо банчок схарчили! — зашумели сидящие.

Подполковник мягким движением, будто котище лапой, подгреб к себе выигрыш.

«Неазартен, расчетлив, удачив, но риска не любит. Из людей, которые во всем знают меру. Мягко стелет, но зубаст. Положишь в рот палец — откусит всю руку».

Словно желая подтвердить предположение насчет меры, Шубин поднялся:

— Пожалуй, довольно. Благодарю за компанию, господа.

Вторая половина диагноза тоже оказалась верной — Эраст Петрович немедленно в том убедился.

Подполковник, ни разу до того даже не посмотревший в направлении Фандорина, вдруг подошел к нему и спросил, глядя в лицо очень спокойными светлыми глазами:

— А что это вы, сударь, мне весь затылок просверлили, притом что не имею чести и вообще

впервые вижу?

«Серьезный человек, — мысленно отдал должное такому напору Эраст Петрович. — Только вот заслуживает ли доверия?»

Молча подал Шубину письмо из Тифлиса.

Удивительно было то, что, даже не посмотрев на пакет, жандарм ласково взял Фандорина за локоть, а тон сменил с агрессивного на доверительный:

— Отойдемте-ка в сторонку. Вон там отличное место, никто не помешает. И плятиться не будут.

То ли он разглядел в чертах незнакомца нечто особенное, то ли все-таки успел скользнуть взором по конверту и узнал почерк.

Подполковник читал послание на ходу, весьма грациозно лавируя между гостями. Несмотря на внушительные габариты, пластика у Тимофея Тимофеевича была отличная.

Вел он своего спутника, как скоро выяснилось, к портьере с гербом. Позади занавеса оказался не грот, как предполагал ранее Фандорин, а начало подземной галереи. Насколько она велика и куда ведет, было не понять: в двух метрах от входа стояла решетка с висячим замком. Позади нее виднелся вырубленный в скале коридор, который вскоре поворачивал вправо.

— Что это здесь? — спросил Эраст Петрович.

— Мм? — промычал жандарм, не отрываясь от письма. — Какие-то подземные ходы, со старинных времен. Не удивлюсь, если Арташесов использует пещеры для контрабанды. Он у нас сторонник диверсификации бизнеса. Надо будет как-нибудь поинтересоваться. — Внезапно Шубин поглядел на собеседника и подмигнул. — А впрочем, зачем вредничать? На Востоке свои обычай.

Бумагу он спрятал в карман, однако вместо того, чтобы спросить, зачем пожаловал тифлисский гость и какого-такого «всяческого содействия» ему надо, завел совершенно посторонний разговор.

«Тоже приглядывается. Осторожен. Осторожен и хитер».

— На Востоке всё расслабленное, благодушное, жирное — даже противузаконная деятельность. Потому что законы здесь — категория условная. У нас на Руси закон все-таки вроде дышла: хоть и поворачивается, куда вышло, но как-никак прямой и твердый. На Востоке закон вроде выонка — обвивает всякую крепкую палку и ластится к ней. Я тут и сам стал таким же: расслабился, помягчел, разжирел. Кто из прежних сослуживцев меня видит — не узнаёт, ей-богу.

Шубин посмеивался, говорил врастяжечку, но взгляд неустанно работал: всё шарил по слушателю, время от времени фиксируясь на отдельных деталях — словно фотографировал для досье. Дурой была бы мышь, которая поверила бы, что этот котище ленив и безопасен.

— Живем мы здесь по-особенному: с денежными мешками стараемся ладить, на их шалости смотрим сквозь пальцы. А за это Совет Съезда нефтепромышленников — это в Баку вроде Священного Синедриона — ежегодно жертвует на содержание полиции шестьсот тысяч. У нас самый распоследний городовой получает восемь сотен в год, не считая столовых, дровяных и всякого рода бакшишей. С тех пор как я научился правильно пользоваться Востоком, моя жизнь сделалась сытна, приятна, нехлопотна. Армяшки доносят мне на татаришек, татаришки на армяшек. Среди товарищей рэволюционеров я тоже имею своих людышек — хоть это вроде бы не моя епархия. Но наш начальник жандармского управления — человек европейский, квадратно-треугольный. Приходится подстраховывать...

Вот так, плавно, без нажима, не задав ни единого вопроса, подполковник вывел собеседника к деловому разговору. Хоть в рекомендательном письме и не было сказано, что господин Фандорин приехал в Баку разыскивать опасного революционера, однако само

авторство рекомендации и ее тон для опытного человека могли означать лишь одно: дело очень важное, государственного значения.

— Да, в Тифлисе мне посоветовали обратиться не в профильное ведомство и не к градоначальнику, а непосредственно к вам как к самой компетентной инстанции.

— Польщен, польщен. — Глаза Тимофея Тимофеевича замаслились — ему и вправду было приятно. — Хоть не преувеличиваю своих скромных возможностей. Чем могу посодействовать? Вы ведь по поводу забастовки?

Эраст Петрович не ответил. Не решил еще, следует ли посвящать подполковника в свои планы. Человек этот определенно не с одним донышком. Пожалуй, следует изучить его получше.

Шубин воспринял молчание как знак согласия.

Чуть раздвинув занавес в середине, чтобы увидеть, если приблизится кто-нибудь из гостей, он стал рассказывать:

— В наместничестве очень встревожены, я знаю. Забастовка грозится перерасти во всеобщую. Рабочие совершенно обнаглели. Требуют месячного оплаченного отпуска, восьмичасовой смены, гарантированного выходного дня, полуторакратного увеличения жалования. Зараза быстро распространяется, промыслы останавливаются один за другим. На штрайкбрехеров, пренебрегая охраной, нападают революционеры. Наш бравый градоначальник ввел в Черном Городе осадное положение: после 8 часов вечера выходить на улицу запрещается, собираться группами более трех человек тоже нельзя. Ни черта не соблюдается, но высокому начальству доложено, что меры приняты... — Шубин со вздохом пожал жирными плечами. — А тем временем цены на нефть из-за дефицита растут. Месяц назад пуд стоил 35 копеек, сейчас почти полтинник, а фьючерсы того дороже. Самый главный и востребованный наш продукт, керосин, благодаря Казенному трубопроводу пока качается исправно, но запасы нефти на исходе. При этом акции добывающих компаний подскочили в цене на 15–20 процентов. Биржа нервничает...

Кажется, в этом городе все, даже полицейские, являлись специалистами по вопросам нефтяного рынка. Эраст Петрович хотел прервать малоинтересную лекцию, но подполковник ее и так уже закончил. И довольно эффектно:

— Поэтому я нисколько не удивлен, что нашей забастовкой озабочились и в центре. До такой степени, что прислали с негласной инспекцией самого Фандорина...

Оказывается, Шубин был субъектом еще более заковыристым, чем показалось Эрасту Петровичу. И осведомленным отнюдь не только в бакинских делах — например, знал, кто такой Э. П. Фандорин.

Следующая реплика Тимофея Тимофеевича заставила Фандорина поднять акции подполковника на несколько дополнительных пунктов (биржевая стилистика оказалась заразной):

— А впрочем, сейчас я вижу, что ошибся. Про забастовку вы слушали без интереса, и во взоре читается некая задняя мысль, — усмехнулся Шубин. — Давайте я не буду зря сотрясать воздух. По-моему, мы оба уже присмотрелись друг к дружке и созрели для разговора по существу.

И напористо, быстро спросил:

— Зачем вы приехали? Какого рода помохи от меня ждете?

Кот перестал прикидываться соней. Цап когтистой лапой — мышка поймана.

Настало время слегка дать пушистому Тимофею Тимофеевичу по носу. Чтобы понял: в этом танце ему отводится роль дамы, а не кавалера.

— Сначала п-позвольте вопрос. Мне показалось, что вы как-то очень уж легко сорвали б-банк. Никто из партнеров не выглядел раздосадованным. И не просил возможности отыграться.

Это была завуалированная взятка?

Подполковник внимательно посмотрел Эрасту Петровичу в глаза. Не возмутился, не покраснел — просто прищурился.

Помолчав, сказал:

— Я мог бы, разумеется, ответить, что удачлив в игре. Но это помешало бы установлению доверительных отношений. Поэтому извольте: мзды у туземцев я не беру, иначе на шею сядут. Но позволяю им проигрывать мне в картишки. По маленькой.

— Ничего себе по маленькой. Тысяча рублей.

Шубин снисходительно улыбнулся.

— В Москве тысяча рублей — деньги, а здесь, чтобы содержать себя в приличном виде, мне надообно тратить в год тысяч сто. Иначе уважать не будут. Это Баку. Чересчур неподкупных здесь не любят и ужасно боятся. Начинают против них интриговать, кляузничать. Если совсем занервничают, могут подослать «маузериста» — если убийство заказывает армянин. Или головореза-гочи — если вас хочет убрать мусульманин.

— Гочи? — переспросил Фандорин.

— Местные тюркские бандиты. Их называют по-разному: гочи, гочу, коши, кочии.

«Что же мне с тобой делать, прохиндей? — так и не мог решить Эраст Петрович. — Рассказывать про Одиссея или нет?»

— А может быть, вы по шпионской части интересуетесь? — Шубин смотрел через щель на публику. — Насколько мне известно, это ближе к вашему кругу интересов, чем нефть. Тогда обратите внимание вон на тех шерочку с машерочкой.

Он раздвинул занавес пошире, кивнул на двух господ, которые шушукались в сторонке от праздной толпы. Судя по лицам, разговор шел о чем-то серьезном, даже тревожном.

— К-кто это?

— Тощий, в визитке, — германский консул Тотманн. Плотный — австрийский консул Люст. На него обратите сугубое внимание. Хотя гогенцоллерновская империя мощнее габсбургской, но у нас в Баку верховодит австриец, немец во всем его слушается. Герр Люст давно здесь живет, имеет обширную сеть осведомителей. Между прочим, кадровый офицер генштаба, майор. Считается, что в отставке, но мы-то знаем.

Вдруг австрийский консул, словно почувствовав обращенные на него взгляды, обернулся. Слегка поклонился Шубину, но уставил не на подполковника, а на Фандорина.

«Знает, кто я? Вряд ли. Но профессионал профессионала угадывает издалека. Как рыбак рыбака».

Люст повернулся, взял напарника под руку, отвел подальше.

Эраста Петровича немецко-австрийские агенты не интересовали, но объяснить это подполковнику не стоило.

«Чем больше человек говорит, тем он делается понятней. Так рассказать ему про Одиссея или нет?»

Шубин продолжил:

— В Баку несколько тысяч германских и австрийских подданных: инженеры, коммерсанты, просто искатели легких денег. Известно, что отсутствие собственных нефтяных ресурсов — самое уязвимое место центрально-европейских империй. Они как стервятники, опоздавшие на расклев добычи: кружат, кружат, а приткнуться уже некуда.

— Что же они делают в Баку?

— Шпионят. Покупают предприятия через подставных лиц. Мне доносят, что после сараевского события вся немецко-австрийская община гудит, как пчелиный улей... — Тимофей Тимофеевич почесал круглую щеку. — А ведь вы приехали не из-за немцев с австрийцами.

Опять не вижу интереса в глазах. Может, все же объясните? Или мне так и метать на прилавок все свои товары, как купцу в лавке?

Все еще не придя к решению, Фандорин сказал:

— Позже. Д-давайте встретимся в более спокойной обстановке для обстоятельного разговора. Пока же вот что. Известен ли вам однорукий боевик или, быть может, просто б-бандит, связанный с революционерами? Точнее, с большевиками?

Тимофей Тимофеевич почмокал сочными губами, как бы пробуя вопрос на вкус.

— Все-таки революционерами интересуетесь. Так-так. Однорукий? В Баку это не является особой приметой. Много аварий на промыслах, на нефтеперерабатывающих заводах. У боевиков часто отрывает руку при изготовлении бомб... Хм. Вас, я полагаю, вряд ли интересует всякая мелочь. Из серьезных людей есть гости Абдулла Нордаранский. Есть Хачатур Однорукий, главарь шайки армянских анархистов. Правда, эти двое враждают с большевиками, но могли и помириться. Еще с одной рукой налетчик Шамир-хан, лезгинец. Он частенько заезжает в Баку на гастроли. Еще...

И подполковник с запинкой, прищурясь на каменный свод, начал перечислять разбойников, экспортеров, беглых каторжников. Память у Тимофея Тимофеевича была отменная, но скоро Фандорин понял, что толку от этой каталогизации не будет.

— Кто-нибудь из одноруких использует в качестве своего г-герба черный крест? Может быть, это знак какой-то шайки?

— Черный крест? Нет, не слыхал. — Шубин виновато развел руками. — Это Баку. Здесь за каждым душегубом не уследишь. Вы лучше вот что. Заезжайте ко мне на службу завтра часу в третьем пополудни. Спустимся в картотеку, посмотрим.

— Отлично. Стало быть, до з-завтра.

Можно было возвращаться. Предварительный разговор с Шубиным проведен, выяснено, что человек это полезный. Роль старого мужа молодой красавицы добросовестно исполнена. Маса заждался. Пора.

Учивость предписывала попрощаться с хозяином.

Арташесов был там же, где Эраст Петрович оставил его полчаса назад, но теперь промышленник беседовал не с мусульманскими магнатами, а с какой-то восточной парой. Лицо дамы почти полностью закрывала черная кисея; скромно опущенные глаза подрагивали великолепными ресницами, брови тоже были на диво хороши. «Зато нос, наверное, как у Гаджиаги или Месропа Карапетовича. Потому и прячет, — подумал Фандорин. — Во всяком случае, так сказал бы Маса».

На шаг позади полукрасавицы стоял очень представительный брюнет с лихо закрученными усами. Участия в разговоре он не принимал, а все больше любовался своими рубиновыми запонками.

Разговор шел на русском, который, очевидно, служил в Баку языком общения между многочисленными народностями, населяющими приморский город.

— ...Ай, нехорошо, дорогая Саадат-ханум, — корил женщину за что-то хозяин. — У них пролетарская солидарность, а у нас должна быть капиталистическая. Если вы уступите рабочим — какой пример другим подадите? Некрасиво сделаете, всех нас подведете.

— Что я могу, бедная вдова? — Саадат-ханум вся поникла. — Я всего лишь слушаю советов моего дорогого друга и защитника Гурам-бека.

Ее спутник поправил манжеты, наступил мохнатые брови, кивнул. Не обращая на него внимания, Арташесов снова обратился к вдове:

— Саадат-ханум, я поговорю с остальными, но вы сами знаете, что это никому не

понравится.

— А бакинская рыцарственность? — воскликнула дама, в ее прекрасных глазах засияли слезы. — А жалость к несчастной, которая вынуждена тащить тяжкую ношу на своих слабых плечах?

По-русски она говорила очень хорошо, гораздо чище, чем Месроп Карапетович.

— Э, когда речь заходит о нефти, у нас с рыцарственностью не очень, — сказал тот и веско прибавил. — Подумайте хорошенько, советую как друг.

— Хорошо... — упавшим голосом молвила Саадат-ханум. — Мой дорогой Гурам-бек, отведите меня куда-нибудь, где можно сесть. Голова кружится...

Они отошли. Наконец можно было откланяться.

Но это оказалось не так-то непросто. Услышав, что гость собирается уезжать, Арташесов пришел в ужас.

— Драгоценный мой, вы чем-то оскорблены? — спросил он в панике — похоже, неподдельной. — Если на глупые слова молодого Мусы Джабарова, я заставлю его извиниться! Если же на... — Он не договорил, но взгляд, устремленный на племянника, который по-прежнему маячил подле блестательной Клары, был красноречив. — У нас, если гость так быстро уходит, это плохой знак для хозяина!

— Чтобы меня оскорбить, требуются более сильные средства, — попробовал успокоить его Эраст Петрович. — А госпожу Лунную я оставляю обожателям на растерзание безо всякого сожаления и даже интереса.

Но Месроп Карапетович не унимался:

— Все заметят, что вы уехали без супруги. И многие из тех, кто особенно усердно за нею ухаживал, могут испугаться. Дорогой, вы не знаете бакинцев. Когда они сильно пугаются — ой, это опасно.

— Ничего, я рискну.

— Оставайтесь хотя бы до полуночи. Скоро зайдет солнце. Отсюда, из глубины, будут видны звезды. Всё небо как персидский ковер! Ай, красиво! — Арташесов вздел свои кишишные глазки вверх. — А потом все пойдут в дом на банкет. Осетры, фаршированные омарами! Омары, фаршированные бискайскими креветками! Бискайские креветки, фаршированные икрой!

— А чем фарширована икра? — спросил Фандорин.

Минут десять продолжалось это препирательство. Мысленно Эраст Петрович проклял свою учтивость — нужно было уйти по-английски.

Наконец все-таки распрошались.

По пути к лифту, на краю бассейна, дорогу Фандорину преградил главный ассасин из киногруппы. Он успел здорово набраться в буфете, рог с вином покачивался в нетвердой руке.

— А-а, старый муж, грозный муж... — заплетающимся языком пробормотал актер, икнул. — Ик. Вы плохо видите сквозь ваши очки...

На этой фазе опьянения человеку обычно хочется скандала, поэтому Эраст Петрович ответил очень вежливо:

— О почтенный Ибн Саббах, я не ношу очков. Несмотря на старость, у меня идеальное зрение.

— Сами вы Саббах, — сказал пьяный, грозя пальцем. — А я бывший артист императорских театров и звезда серебряного, ик, экрана Лаврентий Горский! Я прогремел в «Войне и мире»! Ик.

— И сыграли там Долохова. Я д-догадался.

Фандоринское заикание звезде серебряного экрана не понравилось.

— Изволите меня пере... ик... дразнивать? — Горский сунул под нос Эрасту Петровичу рог, кажется, окончательно входя в роль задиры-гусара. — За красивых женщин и их любовников! Выпейте, сделайте одолжение.

Мысленно Фандорин записал Кларе за эту милую сцену еще одно штрафное очко. Прислушался к себе: может быть, это последняя капля и уже можно с чистой совестью разорвать отношение? Что скажет *moralische Gesetz in mir*^[2]? Gesetz сказал: «Не хватит, но уже скоро. Потерпи».

— П-позвольте-ка.

Осторожно, двумя пальцами, Эраст Петрович отодвинул пьяного. Толчок был совсем не сильный, но Саббаху-Долохову много не требовалось. Он зашатался, и красное вино выплеснулось на белоснежный смокинг Эраста Петровича.

— О господи... — залепетал Горский, выходя из роли бретера. — Прошу извинить... Я не хотел...

Фандорин, опустив голову, рассматривал себя. Вид был такой, будто он только что сделал харакири тупым мечом. Сорочка, слава богу, не пострадала. На темных брюках брызг почти не заметно. А смокинг у Эраста Петровича был двухсторонний — если перевернуть наизнанку, черный. Всякий опытный франт знает, что с одеждой белого цвета вечно происходят неприятные неожиданности, поэтому нужно быть предусмотрительным.

Ущерб поправим, но где бы переодеться?

Он огляделся. Да вот хоть бы в гроте, где беседовали с подполковником Шубиным. Минутное дело.

За портьерой Фандорин осмотрел пострадавшую одежду и убедился, что вещь, увы, безвозвратно загублена. Такое не отстирается и не отчистится. До выхода дойти можно, но потом придется выбросить. За два дня вторая потеря. В багаже остается всего четыре смены приличного платья...

Сзади послышался легкий скрип. Это качнулась дверь решетки. Замок, прежде запертый, был открыт. Странно.

Из-за поворота каменной галереи, тускло освещенной электрическими лампочками, донесся тихий мелодичный звук. Свист?

Вечный компаньон сыщика — любопытство. Когда сталкиваешься с загадочным феноменом, возникает неодолимое желание его разъяснить.

Повесив на дверцу смокинг (пусть немного посохнет), Эраст Петрович перешел в режим «нимподзицу» — беззвучно двинулся по коридору.

Близко, сразу за углом, кто-то очень точно, хоть и с паузами, высвистывал арийку «Ja, wir sind es, die Grisetten»^[3] из «Веселой вдовы».

Еще шаг — и за поворотом галереи, которая уходила дальше, в темноту, Фандорин увидел стройную, невысокую даму, стоявшую к нему спиной. Она попеременно затягивалась папироской и отхлебывала из маленькой плоской фляжки, а в перерывах настыривала, да еще ритмично постукивала туфелькой. Настроение у незнакомки было превеселое.

«Интересно, хороша ли она собой?»

Был только один способ это выяснить.

Эраст Петрович сказал: «Хм, хм».

Женщина проворно обернулась.

Ну, красоткой в конвенциональном смысле она, пожалуй, не была. Но лицо живое, интересное. А глаза — просто чудо. И брови хороши...

«Минутку, эти глаза и брови я уже видел! Собеседница Арташесова. Какая-то ханум, тоже нефтепромышленница. Саадат-ханум, вот как ее зовут».

Напрасно он предположил, что мусульманская вдова прячет под кисеей чрезмерный нос. Нос был с горбинкой, но тонкий — совсем не такой, как у Месропа Карапетовича. Губы изящного рисунка, сочные. Такие жалко скрывать от взоров.

Гримаса испуга и недовольства на миг исказила черты восточной красавицы, а рука, кинув папиросу, метнулась к чадре. Но тут же опустилась.

— Oh mon Dieu! — с облегчением воскликнула Саадат-ханум. — Я подумала, кто-нибудь из бакинцев. Вы кто такой и почему в одной сорочке?

«Создание не из робких. Перед Арташесовым прикидывалась. Ах да, они же тут в нефтяном бизнесе все железные. Очевидно, женщины тоже».

Он представился.

— Саадат Валидбекова. Миллион пудов с хвостиком. — Она сделала шутливый книксен. — Нет-нет, хвоста у меня нет. Это у нас так принято аттестоваться по объему нефтедобычи.

— Да, мне г-говорили.

— Про сорочку ладно, не объясняйте. Просто скажите, кто вы? — Она подняла с земли папиросу, как ни в чем не бывало сунула в рот. — Промышленник? Инженер? Трейдер?

— Нет, я нефтью не занимаюсь.

— Ну, значит, никто. Во всяком случае, по бакинским понятиям.

Эраст Петрович всегда подозревал, что мусульманки вовсе не так забиты и безответны, как считают европейцы. И всё же был ошарашен такой бойкостью.

— Сударыня... а почему вы держитесь сейчас совсем иначе, чем там?

— Зачем я буду прикидываться пугливой ланью, раз уж вы меня застукали за таким нешариатским занятием. — Саадат показала флягу и папиросу. — А кроме того, устаешь от всего этого... бахчисарайского фонтана. — Она кивнула в сторону бассейна. — Для дела приходится ломать комедию, но ужасно утомляет... Знаете, о чем я мечтаю?

Она прикрыла глаза, сладостно улыбнулась. Эраст Петрович догадался, что госпожа Валидбекова не совсем трезва.

— О чем?

— Продам дело ко всем шайтанам, уеду отсюда, буду жить в Ницце, гулять по Английской набережной. В открытом платье, с голыми плечами, чтоб обдувал бриз, в кружевных перчатках до локтей — и с дивным черным боксером.

— С черным боксером? — изумился Фандорин столь смелой фантазии.

— Ну да, на поводке. Только не с кобелем, а с самочкой, они ужасно грациозные! В Баку такое невозможно, это нарушит образ набожной мусульманки, — вздохнула веселая вдова. — Нечистое животное нельзя держать в доме — харам. Аллах милосердный, до чего же я люблю собак!

— Желаю, чтоб ваши м-мечты полностью осуществились.

И Фандорин удалился, чтобы не мешать dame предаваться запретным наслаждениям. Лоб разгладился, уголки губ растянулись в улыбке. Маленькая беседа отчего-то исправила Эрасту Петровичу настроение.

* * *

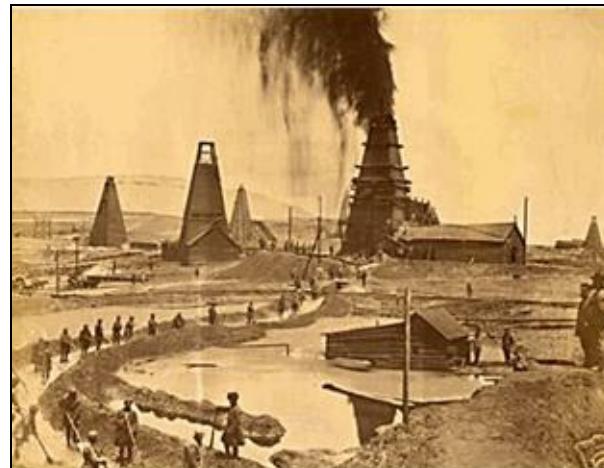
— Он отстал?

— Нет, господин. — Маса обернулся. — Едет.

В обратный путь двинулись, когда уже стемнело — старый «парсифаль» долго не желал заводиться. И почти от самой виллы сзади пристроился всадник. Он не приближался, но и не

отставал. Толком рассмотреть конную фигуру не удавалось. Когда меж туч выглядела луна, было видно, что человек одет в черное, что на голове у него косматая папаха, и только.

Через четверть часа Фандорин притормозил, чтобы проверить, случайность или нет. Всадник тоже остановился.

Пейзаж Черного Города

Не случайность.

«Интересно. Посмотрим, что будет дальше».

— Как вы думаете, господин, у него одна рука или две? — спросил Маса. — Вот бы проверить.

Попробовали дать задний ход — человек развернул коня, отъехал дальше.

— Для слежки он ведет себя глупо. Для нападения еще глупее. — Эраст Петрович пожал плечами. — Черт с ним. Что может один человек, даже если у него две руки?

Японец согласился:

— Хочет плестись сзади — пускай. Хочет напасть — тоже пускай.

Так и доехали до Черного Города. Оторваться от всадника, прибавив скорости, было невозможно. Из-за колдобин и слабых фар приходилось двигаться не быстрее пятнадцати километров.

Ночью в нефтепромысловом районе было еще мрачнее, чем днем. Смога и черных построек было не видно, но по сторонам пылали зловещие огни, а выплывающие из мрака вышки походили на огромные скелеты. И еще то там, то сям звучали выстрелы.

— Я бы здесь погулял. — Маса с любопытством вглядывался во тьму. — Это меня развлекло бы. А то день кончается, и ничего такого не случилось. Скучно. После вчерашних происшествий я настроился на... — Не договорив, он быстро сказал: — Господин, конный приближается.

Эраст Петрович оглянулся. Действительно: всадник, все время рысивший на расстоянии в полтораста — двести метров, перешел на галоп. Черная бурка раскрылась, будто крылья. Силуэт казался неестественно большим — вероятно, из-за фокусов лунного света.

Если бы Фандорин смотрел вперед, он вовремя увидел бы вспышки — и залп не застал бы его врасплох. А тут вдруг ни с того ни с сего заложило уши. Ветровое стекло брызнуло осколками, «парсифаль» подпрыгнул на пробитых скатах. Пытаясь удержаться на дороге, Эраст Петрович вывернулся руль — но нет, не удержался. Машина полетела на обочину, опрокинулась

набок. Оба пассажира вывалились наземь.

Оглушенный, Фандорин крикнул:

— Ты цел?

Но японец лежал лицом вниз, не шевелился. Переднее стекло было пробито тремя пулями справа — как раз там, где сидел Маса.

Над головой бешено крутилось колесо. «Парсифаль» стоял на ребре, укрывая лежащих от выстрелов.

Эраст Петрович перевернул японца.

Скверно! Вся рубашка в крови. Из-под век видны белки закатившихся глаз. Дышит, но грудь прострелена. В опасном месте.

Нужно поскорей покончить с врагами и заняться раненым.

Вскочив на ноги, Фандорин высуился.

Всё понятно. Засада была устроена на изгибе дороги, где автомобиль, и так ехавший небыстро, должен был притормозить. Стреляли с близкого расстояния, из-за каменной стены какого-то склада. Чудо, что не попали в водителя. Невероятная — то есть, собственно, обычная фандоринская — везучесть.

Гребень ограды снова озарился вспышками. Машина закачалась под градом пуль. Эраст Петрович в ответ выстрелил только один раз. Судя по воплю, не напрасно.

«Где всадник? Не подобрался бы со спины».

Но нет, сзади было чисто.

Оторвав кусок от масиной сорочки, Фандорин наскоро соорудил кровоостанавливающий тампон и заткнул рану.

«Нужно в госпиталь, скорее!»

Новый залп. «Парсифаль» задребезжал, опять пошатнулся.

«Включить ёрумэ».

С минуту Эраст Петрович массировал глазные яблоки, чтобы перенастроиться на «ёрумэ», ночное зрение. Враги, кажется, вообразили, что он выведен из строя. Кто-то спрыгнул со стены.

Двое.

Один побежал в обход справа, другой слева.

Как раз и «ёрумэ» наладилось. Выстрел из-за передка машины; скачок; выстрел из-за заднего бампера. Шмякнулись два тела, без вскрика. Эраст Петрович был зол, торопился, и потому бил наповал, в голову.

«Ну, много там вас еще?»

Ох, много.

Опять грянул залп. Автомобиль накренился и обрушился прямо на Фандорина, ударив его по затылку тяжелым ребром дверцы.

* * *

Очнувшись, Эраст Петрович понял, что не может шевельнуться. Его уже извлекли из-под машины, но крепко держали за руки и за ноги. По меньшей мере четверо. Лиц в темноте было не видно, только слышалось шумное сопение. Пахло табаком, чесноком и потом. Люди возбужденно переговаривались между собой на непонятном языке.

Но один повернул голову, крикнул по-русски:

— Хачик, этого кончать или как?

Из темноты ответили басом — тоже по-русски, но с сильным акцентом:

— Ашота убил, Арама убил, Саркис умирает. Не будет ему легкой смерти.

Земля заскрипела под тяжелыми шагами. Кто-то в папахе и черкеске встал, заслонив половину черного неба. Левый пустой рукав был засунут за пояс.

— Свяжите его, — приказал однорукий и прибавил еще что-то на непонятном языке — как догадался Фандорин, армянском.

Его быстро обмотали веревкой — с плеч и до самых колен, так что не пошевелившись.

С кряхтением подняли, понесли. Вывернув шею, Эраст Петрович увидел неподвижное тело, оставшееся лежать на том же месте. Несчастный Маса! Без медицинской помощи он умрет!

Еще через минуту Фандорин уже не считал Масу несчастным. Участь японца была завидной по сравнению с тем, что ожидало самого Эраста Петровича.

Он догадался, какую смерть уготовил ему однорукий, когда над головой зачернел ажурный переплет нефтяной вышки — одной из тех, что выселились вдоль шоссе.

— Не головой вниз, ногами! — сказал русский. — Пускай помучается, гад.

Фандорина подняли над ямой, от которой густо и тошнотворно пахло нефтью.

— Раз, два, пускай!

Падение было недолгим — всего несколько метров. С тугим, ленивым всплеском Эраст Петрович рухнул в жидкую грязь, уперся ногами в дно, вскочил. Жижа доходила ему до пояса. Ступни почти сразу же начали медленно уходить вниз. Выдернуть ногу из-за тугих пут было невозможно.

Вокруг чернела абсолютная тьма. Лишь наверху серел сумеречный квадрат.

— Сдохни, сука!

Таково было последнее «прости», адресованное человечеством Фандорину.

«Симон рассказывал, что скважина засасывает задохнувшихся поденщиков».

С каждым мгновением Эраст Петрович будто становился на дюйм меньше ростом. Или это поднимался уровень липкой жижи? Дышать приходилось ртом — в пропитанном испарениями воздухе почти не было кислорода.

Несколько минут Фандорин пытался ослабить веревки. Но они были стянуты крепко. От рывков и метаний погружение в трясину ускорилось. Нефть доходила уже до середины груди.

Много раз Эраст Петрович размышлял, какою она будет — его смерть. Но в самых мрачных фантазиях не воображал ничего до такой степени ужасного.

«Благородный муж помнит: достоинство не в том, что с тобой происходит, а в том, как ты себя ведешь!».

Он задрал голову, чтобы напоследок увидеть кусочек космоса — пусть маленький и серый.

В квадратной дыре — это вдруг показалось гибнущему Фандорину последним, особенно гнусным издевательством — горела бледная звезда Венера.

Кара-Гасым

Звезду любви закрыло черное пятно. Голос, показавшийся в колодце оглушительно громким, крикнул непонятное:

— Ай киши, сэн сагсан?

Это наверняка вернулся кто-то из бандитов, чтобы напоследок поглумиться, но Эраст Петрович обрадовался и такому визитеру.

«Нужно вывести его из себя! Крикнуть что-нибудь ужасное. Чтоб оскорбился и застрелил! Что угодно, только не утонуть заживо в мерзкой жиже!»

Беда была в том, что Фандорин совсем не владел искусством словесных оскорблений. Прожил на свете столько лет, но не научился. А сейчас от этого зависела жизнь. То есть смерть.

Представители небольших народов очень чувствительны к ущемлению национального чувства. А нападавшие, судя по именам, были по преимуществу армянами.

И Эраст Петрович разразился бранью в адрес ни в чем не повинной армянской нации, чего никогда не позволил бы себе, если бы ужас перед мучительной смертью.

— Вай, правильно говоришь, — гуднул бас. — Русский, а говоришь правильно. Сейчас смотреть тебя буду. Где тут лампа был?

Тень исчезла, снова замигала коварная звезда.

Но через минуту наверху возник и начал медленно спускаться светящийся шар.

Это была стеклянная масляная лампа. Слегка покачиваясь на веревке, она остановилась над головой тонущего.

Теперь горловины колодца было не видно, зато из мрака выступили черные, склизкие стены.

— Будь проклят, грязная собака! — не совсем уверенно сказал Фандорин, щурясь. Он не понимал, что происходит.

— Сам ты грязный, — ответил голос. — Голова черный весь. Совсем тонуть хочешь? Подожди, не тони.

Лампа уползла обратно.

Снова стало темно. Еще темней, чем прежде. Эраст Петрович рванулся, напряг всю свою немалую силу, но путы были крепкие. Только провалился еще глубже, почти по шею.

Фандорин стиснул зубы, чтобы не закричать, не попросить неизвестного человека, кто бы тот ни был, о спасении. Благородный муж просит о спасении только Бога. И лишь в том случае, если в Него верит.

— Господи, — пробормотал Эраст Петрович, — если Тебе не все равно, верю я в Тебя или нет, сделай что-нибудь. Иначе я скоро предстану перед Тобой и спрошу, за что Ты так со мной обошелся.

Возможно, Всевышний испугался или усовестился. А может, просто не планировал пока встречаться с Эрастом Петровичем. Но только наверху опять воссиял свет и начал приближаться.

Это была та же самая лампа, но теперь с ее донца свисал нож с узким лезвием. Клинок облазнительно посверкивал, качаясь из стороны в сторону.

— Хэнджел острый, — изрек наверху громогласный бас. — Зубы бери, веревка режь. Один чик — готово.

Попытаться привстать на цыпочки было неудачной идеей — только глубже провалился. «Хэнджел» (вероятно, «кинжал») висел перед самым носом связанного, но ухватить зубами рукоятку оказалось куда как непросто. Фандорин изогнулся шею. Попробовал с одной стороны, с

другой. Никак!

Вот какое искусство нужно было осваивать, а не бегать по потолкам!

С четвертой попытки получилось. Эраст Петрович вцепился зубами намертво. Но что дальше? Рукоятка ведь привязана к лампе.

Дернул — и нож с неожиданной легкостью высвободился. Узел был едва затянут.

Крепко сжав челюсти, Фандорин изогнулся. Попытался достать острием до верхнего извила веревки, находившегося на уровне подмышки.

Дотянулся. Какое острое лезвие! От первого же прикосновения веревка лопнула. Действительно «один чик»!

Теперь то же самое с другой стороны.

Есть!

Пути стали поддаваться. Минуты через две руки были свободны. Чтобы освободить ноги, пришлось нагнуться, с головой погрузиться в нефть, но это была ерунда.

— Вай, молодец, — сказал неизвестный спаситель. До этого момента он молча наблюдал за действиями Фандорина.

Не веря своему счастью, Эраст Петрович попробовал сгоряча вылезти из скважины сам. Упирался в стены — и соскальзывал, срывался.

Черт подери, отсюда и с развязанными руками не вылезти!

— Вай, дурак, — так же спокойно прокомментировал бас тщетные усилия. — Веревка зачем? Крепко держи, да? Лампа сними, кинь. Только сначала дуй. Не то совсем жареный будешь.

Фандорин снял стеклянный колпак и осторожно задул огонь. Одна искра — и сгоришь заживо.

Крикнул во тьму:

— Готово! Держусь!

В тот же миг его потащило вверх — очень легко, словно там успели прицепить веревку к лебедке.

Минуту спустя Эраст Петрович сидел на краю дыры и хватал ртом ночной воздух — такой чистый, сладкий, волшебный. А ведь раньше казалось, что в Черном Городе невозможно дышать.

И еще наверху было светло. От лунного сияния, по контрасту с колодцем показавшегося невыносимо ярким, пришлось даже прищуриться. Своего спасителя Фандорин рассматривал из-под руки.

Высоченный, толстенный детина с великолепными усами вразлет тоже разглядывал спасенного. Великан был одет в черное: папаха, черкеска, бурка. Черными были густые широкие брови; большие круглые глаза тоже отливали матовой чернотой.

Не церемонясь, он повертел Эраста Петровича мощными ручищами, пощупал, помял. Констатировал:

— Не раненый. Ты кто? Почему армяне тебя колодец топили? Чтоб живой человек в нефть топить, сильно ненавидеть надо. Э, ты кто? Не молчи! — Он потряс еще не совсем пришедшего в себя Фандорина за плечи. — Скажи, да? Интересно!

— Мой враг, — сказал Эраст Петрович, сплевывая вязкую, маслянистую слону. — Однорукий. Имя — Хачик. Пытался меня убить в третий раз. Почему — не знаю.

Говорить получалось только короткими фразами.

Вдруг вспомнил: Маса!

Вскочил, побежал к перевернутому автомобилю.

Маса лежал на том же месте. Запрокинутое лицо было белым, мертвым. Темные глазницы казались пустыми.

Упав на колени, Фандорин пощупал пульс. Живой!

Расстегнул рубашку. В первый миг вскрикнул от облегчения — рана, которую он наскоро заткнул импровизированным тампоном, была почти касательная, сквозная: на боку, меж ребер виднелось выходное отверстие. Но ближе к грудище чернела еще одна дырка. Она почти не кровоточила, но из нее вздулся и опал темный пузырь. Пробито легкое!

— Помирает? — спросил черный человек и поцокал языком. — Помирает. Кровь внутрь течет — дермо дело.

«Он прав! Нужно остановить внутреннее кровотечение! Соберись, не раскисай! Действуй!»

Эраст Петрович усилием воли заставил себя забыть о том, что это Маса. Вообще обо всем забыть. Ни о чем не думать. Отключить всё тело за исключением указательного пальца. Превратиться в этот палец. Аккумулировать в нем энергию «ки».

Когда палец заныл от переполнявшей его силы, как от боли, Фандорин набрал полную грудь воздуха, засунул всю первую фалангу в рану, и держал так столько, сколько хватило дыхания.

— Колдуюшь? — с любопытством спросил богатырь.

— Его нужно отвезти в больницу.

Эраст Петрович поднялся, обошел вокруг машины. С помощью усатого верзилы «парсифаль» можно было бы поставить на колеса. Но ведь не поедет. Передние шины прострелены. И масло, кажется, вытекло.

— Везти можно.

Бакинский гочи

Незнакомец показал куда-то. Поодаль, возле соседней вышки, стояла огромная лошадь, спокойно помахивала хвостом.

— Тогда п-помоги его поднять.

— Зачем «помоги»? Не надо.

Скинув с плеч бурку, человек легко переложил на нее Масу, завернул, поднял. Каждое его движение было неторопливым, обстоятельным.

Приглядевшись к коню, Эраст Петрович спросил:

— Погоди-ка. Это ты за нами ехал?

— Я.

— З-зачем? Ты кто?

— Как зачем? Грабить хотел, — с достоинством ответил силач, укладывая японца на широкую спину лошади. — Я Кара-Гасым, слышал?

— Нет.

Человек, кажется, обиделся.

— Ваши говорят: «Черный Гасым». Тоже не слышал? Ты откуда взялся, а? Я гочи.

— А-а, разбойник.

— Аман-аман, сам ты разбойник! — Кара-Гасым начинал сердиться, но это не мешало ему основательно и надежно привязывать раненого к крупу: голову — на седло лицом вверх, ноги — к хвосту. — Разбойник плохая, слабые люди обижает. А гочи слабые люди защищает, плохие люди обижает. Идем, да? Буду тебе объяснять, если ты ничего не понимаешь.

Они пошли по шоссе в сторону города, держа коня под уздцы с двух сторон. Тот будто понимал, что идти нужно ровно, копытами переступал осторожно, ямы обходил.

— Кто плохая человек, бедных обижает, я прихожу, говорю: штраф плати. Знаешь что такое «штраф»?

— З-знаю.

Эраст Петрович не сводил глаз с Масы.

«Господи, неужели умрет? Организм исключительной крепости, но нужно как можно скорее на операционный стол. Эх, надо было проверить — навылет прошла пуля или застряла».

Гасым все-таки счел необходимым объяснить:

— Штраф надо платить. Кто не хочет платить — душа вон. Но это только сначала не хотели. Когда несколько плохие люди душа вон, потом все захотели. Плохие люди на свете много. Всегда есть у кого штраф взять. Я знал, что к собака Месроп Арташесов много плохие люди гости приедут. Ждал, кто первая назад город поедет без большой охраны. Ты поехал. Совсем без никакой охраны. Хорошо, думаю. Это не только плохие люди, это глупые люди. Думал, буду за плохие люди ехать до вышка Ротшильд, где прошлый год пожар, а там догоною. Тихий место, красивый. Там всё отберу. Будут не давать — убью. Порядок такой. Кто не хочет отдавать — можно убить. Но убить можно пистолет, — (он похлопал себя по одному боку), — хэнджел тоже можно, — (похлопал по другому). — А в нефтяная скважина живой человек кидать никто нельзя. Даже плохая человек нельзя. Кто такой сделал — хуже шайтана.

— С чего ты взял, что мы п-плохие?

Гасым удивился.

— Машина есть, так? Белый пиджак есть, так? Значит, богатая. А богатые все плохие. Можно с любая богатая штраф брать, не ошибешься. Я половину штраф себе беру, потому что мне много кушать надо. Мясо надо, пилаф надо, урюк и изюм надо (я урюк и изюм сильно люблю, много кушаю). Вторую половину штраф бедные люди даю. За это мне уважение, а полиции — шиш с маслом. Знаешь, что такое «шиш с маслом»?

Для наглядности он показал поверх лошадиной холки увесистую дулю.

— Знаю. Откуда ты так по-русски знаешь? Даже про шиш с маслом.

— Прошлый год тюрьма сидел. Браиловская замок, знаешь? Плохая место. А люди хорошие. Хотя русские, но сильно хорошие. Шесть месяцев с ними одна камера сидел. Мог тысяча раз убежать — не хотел. Сидел бы так год, два. Но начальник хотела меня Сибирь везти. Я Сибирь не хотел. Там холодно, урюк и изюм нету (я урюк и изюм сильно люблю). Мне скучно стал, я немножко камера ломал. Сбежал. Хорошие русские люди меня много полезное учили. Теперь я умный стал. Никакая шпик не найдет, никакая городовой не поймет.

Тюрьма в Баилове

Субъект был занятный. Эраст Петрович слушал его всё с большим интересом.

— Слушай, ты по-русски говоришь хорошо, только мужской и женский род все время путаешь. Это что, самое трудное?

— Зачем трудное? Хорошее слово всегда «он», плохое слово — «она». Я женщины не уважаю. Вся зло от них.

«Интересная идея. Не про женщин — про отношение к словам. Сразу видно, что человеку нравится, а что нет. Например, говоришь: „Милостивая государь, могу ли я доверять ваша честная слово?“ — и собеседник сразу понимает, что надуть тебя не удастся... Господи, что за чушь лезет в голову!»

— Далеко до б-больницы?

— Забудь свой больница, — сказал Гасым. — Нельзя больница. Хороший, спокойный место надо. Есть такой место. Там твой друг спокойно помрет. Или не помрет — как Аллах захочет. Доктор хороший есть, приведу. А в больница нельзя. Все узнают. Весь город узнает. Однорукая Хачик узнает. Узнает — снова убьет. Его убьет, тебя убьет. Зачем надо? Пусть Хачик думает, что он мертвый и ты мертвый. Так лучше.

Эраст Петрович остановился.

— Ты знаешь однорукого? Что ты про него знаешь?

— Всё знаю. Он мой враг. Э, идем, да? Лошадь удивляется, зачем встали.

— Хачик — твой враг?

— Слушай, — удивился гочи. — Ты думаешь, я зачем с тобой иду, твой друг-косые-глаза на свой конь везу?

— З-зачем?

— Враг мой враг — мой друг, ясно? Когда ты про Хачик однорукий сказал, я думал: «Э-э, думал, этот грязный человек помогать надо».

Фандорин быстро обошел вокруг лошади, схватил Гасыма за руку. Разбойник оказался на полголовы выше и вдвое шире.

— Кто этот Хачик?

— Плохая человек. Армянин. Армяне бывают плохие и совсем плохие. Эта — совсем-совсем плохая. Хуже не бывает. Понятно, да?

— Непонятно! Почему он так хочет меня убить?

— Я знаю? — Гасым философски пожал плечами. — Плохая, потому хочет. Говорю тебе: армянин! Анархисты знаешь? У Хачатур Однорукий в банда анархисты. Не только армяне, русские тоже есть, а мусульмане нету.

«Вообще-то анархисты с большевиками не ладят. Странно. Но, может быть, сведения

устарели, и Одиссей стал анархистом? Убил же он Спириданова, а большевики не занимаются террором. Хачатур Однорукий? Это имя упоминал подполковник Щубин!»

— А что, Хачик и Хачатур — это одно и тоже?

— Слушай, ты откуда такой дикий приехал? «Хачик» и «Хачатур» это у них, как у вас «Ваня» и «Иван», понял?

— У Хачатура знак — черный крест?

— Может и так. «Хач» по-ихнему, по-армянски, значит «крест».

Гасым плонул — то ли на крест, то ли на армян.

«Из-за Масы я совсем не в себе, — спохватился Фандорин. — Дело делом, но я даже не поблагодарил за спасение!»

— Спасибо, что вытащил меня. Я думал, мне к-конец.

Гасым пренебрежительно поглядел сверху вниз.

— «Спасибо» женщина говорит. Мужчина «спасибо» не говорит. Мужчина «спасибо» делает.

— Хорошо. Как я могу тебя отблагодарить?

— Я видел, как ты стреляешь. Почти как я стреляешь. Хочешь мне «спасибо» сделать, давай вместе Хачатур убьем. У тебя одна враг меньше, у меня одна враг меньше. Жизнь лучше.

— Но... Из-за этого я еще больше буду у тебя в д-долгу.

— В долг плохая человек дает, «ростовщик» называется, — назидательно сказал Гасым. — Я долг не даю, не беру. Я честный люблю, справедливый. Поможешь мне Хачатур убивать — у нас с тобой честно выйдет.

— Выгодная сделка. С-согласен.

«Кажется, Бог все же есть. Отобрал одного помощника — и тут же дал взамен другого». Мысль возникла сама собою, и Фандорину сделалось очень стыдно. Как будто он предал Масу. Наклонился, поправил сползшую голову раненого.

— Далеко до твоего «спокойного места»?

Ответ был флегматичен:

— Что такое «далеко», что такое «близко»? Бывает, пять шаг — далеко. А бывает, сто верста близко. Два часа идти будем. Или три. Расскажи что-нибудь, время быстро побежит. Ты кто за человек, что делаешь?

— Долго рассказывать. Трех часов не хватит, — пробормотал Эраст Петрович, щупая шейный пульс у раненого.

— Тогда я говорить буду. Люблю говорить. А ты слушай, да?

— Идет. Только сначала ответь: ты сказал, что враг твоего врага — твой друг. — Фандорин испытующе смотрел на своего спасителя, который согласно кивал папахой. — Но когда ты вытаскивал меня из колодца, ты еще не знал, что Однорукий мой враг.

— Не знал. — Гасым потрепал коня по челке. — Но так умирать никто нельзя. Я бы даже Хачатур из скважина вынул. Потом, конечно, зарезал бы, но утонуть в яма не дал бы...

Он вдруг сделался мрачен, засопел.

— Один веcть тебе расскажу. Только слушай. Как это, не перебивай, да? Волнуюсь, когда про это рассказываю. Сердце стучит... Мой отец — пapa, да? — тартальщик был. Который в скважина внизу стоит, ведро нефть черпает. Задохнулся пapa, в яма помер. Два старший брат у меня был, тоже нефть тарталил. Один живой сгорел, когда пожар. Другой обвал засыпала. Который засыпала, Муса звать, красивый был, умный, хотел школа учиться. Деньги не было, копить надо. Поэтому скважина работал. Боялся, но работал. Когда Муса помер, мама тоже помер. Он Муса сильно любил. Перед смертью мама мне сказал: «Гасым, пойдешь в скважина работать, я тебя с тот свет прокляну». Я испугался, не пошел в скважина, стал амбал — тяжелая

груз носить. Мне семнадцать лет был — я мог один рука шесть пуд поднимать. Двадцать лет был — один как три амбал работал. Много работал, в день два рубля получал. Потому что очень кушать хочется. А я много кушаю. Пилав кушаю, баранина хороший кушаю, изюм и урюк сильно люблю.

— Ты уже г-говорил.

— Э, не перебивай, да? — немножко засердился Гасым. — Слушай, вздыхай, говори «ай-ай».

Эраст Петрович сказал:

— Ай-ай.

Приложил Масе ладонь ко лбу. Лоб был ледяной, на нем осталась нефтяная полоса.

«Я черный, как трубочист, причем трубочист-эфиоп».

— Аллах знает, глупо я жил. Сколько за день заработал, столько скушал. Тогда я стал думать. Думаю: буду таскать мешки, чтобы кушать, потом помру. И получится, что я жил на белый свет, чтобы таскать мешки и кушать. Обидно. Думал я про это, думал, долго думал, и случился один хороший веcъ. — Гочи улыбнулся приятному воспоминанию. — Дождь была, грязь была. Улица ходить нельзя, кто чистый. Амбал — можно. Амбал — все равно. Коляска-экипаж подъехал. Там богатые русские, пьяные. Одна кричит: «Эй, амбал, носи меня на тротуар! Рубль даю!» Другая кричит: «Меня носи! Десять даю!» Я думаю: десять рублей — пять дней кушать можно. Села она на меня...

Бакинский амбал

— Женщина?

— Зачем женщина? Русский человек, богатая, пьяная. Палка у нее тонкая, трость называется. Сама хочет, тростью по макушке бум, бум. «Скачи, ишак!» кричит. Я тогда русский язык мало знал, но слово «ишак» понятно. И вдруг думаю: э, я ишак и есть. Ишак тоже груз носит, чтоб кушать, всю жизнь. Взял я ее, человек эта, за бока, перевернул и в яму кинул, где грязь. Плохо сделал. — Гасым сокрушенно покачал головой. — Надо было обнять, поцеловать. Она мне глаза открыла! Был я ишак, а стал человек. Снял я палан, подушка такой, на чем мешки носят. Тоже кинул. Пошел по улица. Дождь, хорошо. Сзади кричат. Околоточный бежала, свистела. Догнала меня, глупая башка. Схватила шиворот. Стукнул я околоточный, саблю отбирал, наган отбирал. И перестал жить скучно, начал жить нескучно. Потому что скучный жизнь хуже смерти, так?

— Так.

— Тогда чего смерть бояться? Скучный жизнЬ надо бояться. Правильно я говорю?

— Не знаю. — Фандорин улыбнулся, поневоле залюбовавшись рассказчиком. — То есть я того же мнения, но не уверен, что п-прав.

Гасым осудил его:

— Э, старый человек, волос седой, я тебя за это уважаю, а такая глупость говориши.

Уважаемый человек всегда прав, даже когда неправ.

Внезапно Эраст Петрович понял, почему так занятно слушать этого бакинского колосса и наблюдать за ним. Южане обычно подвижны и суетливы, быстро говорят, легко возбуждаются. А этот по темпераменту никакой не южанин. Это Портос, только в папахе и черкеске. Монументальная комплекция и бычья сила делают Кара-Гасыма медлительным, спокойным, невозмутимым. Он вызывает безотчетное доверие. Рядом с ним смягчаются тревога и страх. Может быть, доктор, про которого говорит гочи, спасет Масу?

Черный Город с его вышками, фабриками, цистернами и складами давно остался позади. Освещенную прожекторами станцию Казенного керосинопровода и полицейский участок близ железнодорожного перекрестка Гасым оставил в стороне. С шоссе свернули, шли все какими-то немощеными улочками. Потянулись жилые дома — не такие, как в центре, а низенькие, плоские, окруженные стенками и заборами.

И вдруг, за очередным поворотом, впереди открылся вид на широкую улицу, освещенную фонарями; откуда ни возьмись повылезали здания в несколько этажей; заблестели под луной рельсы трамвая или, может быть, конки, а на той стороне простирали зубцы крепости. Эраст Петрович узнал стену Старого Города — Гасым умудрился дойти сюда, в самое сердце Баку, миновав все европейские кварталы.

— Сейчас идем площадь перед ворота, — сказал. — Там ночью городовой стоит. Далеко идешь — она думает, мы боимся. Городовой как собака: лает кто боится.

Потянув коня за уздцы, он неторопливо двинулся прямо по мостовой — туда, где под газовым фонарем топтался ночной полицейский.

— З-зачем лезть на рожон? — шепотом спросил Фандорин, догоняя.

— Пусть она видит, кто идет.

Городовой услышал стук копыт, встрепенулся.

— Этта что за явления?! — послышался грозный оклик. — Чего везешь? А ну стой.

Не обращая внимания, Гасым продолжал идти вперед.

Служивый быстро двинул ему навстречу, положил руку на кобуру. Вдруг остановился. Поправил портупею, развернулся. Прогулочным шагом, нога за ногу, поглядывая на луну, вернулся на свой пост.

— Узнала, — сказал Гасым. — Теперь мы Ичери-Шехер идем.

— К-куда?

Гочи махнул на крепостные ворота.

* * *

Если уочки Старого Города показались Фандорину лабиринтом даже при свете дня, то в темноте он потерял ориентацию сразу же. Освещения здесь никакого не было. Лунный свет почти не достигал земли, его отсекали тесно смыкающиеся надстройки вторых этажей. Непонятно, как Гасым мог идти в полнейшей темноте так уверенно. Несколько раз из мрака мигнули спаренные зеленые точки. Кошки, догадался Эраст Петрович.

Ему пришлось задействовать ночное зрение — иначе он без конца спотыкался бы о кочки и ухабы.

— Здесь живу, — объявил Гасым, поворачивая в подворотню, за которой открылся дворик: точь-в-точь как тот, откуда стрелял Однорукий. Даже застекленная терраска и лестница были точно такие же. — Никто нас тут не видит. А кто видит, никто не скажет. Потому что ты — гость Кара-Гасым.

Он снял завернутого в бурку Масу, хлопнул коня по крупу — тот, мотнув башкой, ушел куда-то в темноту.

— Домой пошел.

— Разве конь не твой?

— Зачем мой? Надо — беру.

Держа раненого на руках, Гасым стал подниматься на террасу. Ступеньки жалобно скрипели под его тяжелой поступью.

Дверь была незаперта. Хозяин просто толкнул ее плечом.

— Тут чай пью, — сказал он, кивнув на разбросанные по полу подушки.

Вошли в следующую дверь.

— Тут кушаю, когда гости.

Но разглядеть что-либо в кромешной тьме даже с «ёрумэ» было трудно. А Гасым вел дальше. По тесному коридору, куда выходили еще какие-то двери.

— Тут кушаю, когда один... Тут думаю... Тут сплю... Тут ничего не делаю — так просто комната... А тут ты жить будешь.

Опять толкнув створку плечом, он вошел в темное помещение, но Фандорина внутрь не пустил.

— Очень прошу, не входи такой грязный. Ты на шайтан похож. Одежда снимай, во дворе бочка для мусор — туда кидай.

Эраст Петрович разделся. Смокинг, брюки, рубашка — все задубело от подсохшей грязи. Запаха Фандорин уже не чувствовал, привык.

Даже нижнее белье было черным.

Когда он вернулся со двора, избавившись от испорченной одежды, в комнате горела керосиновая лампа. Маса лежал на кошме, под стенным ковром, сплошь увешанным разнообразным оружием.

— Э, голый совсем, — удивился Гасым фандоринскому виду.

Теперь, вблизи и при свете, наконец можно было как следует рассмотреть бакинского Портоса.

Наверное, ему было лет тридцать или немногим больше, но крупные мужчины всегда кажутся старше своего возраста. Лицо мясистое, большеносое и толстогубое, очень смуглые. Усы и брови не просто черные, а будто смазанные дегтем. Когда Гасым снял папаху, чтобы вытереть пот с бритой головы, она тоже оказалась черной от густо лезущей щетины. Черным был и весь наряд гочи, даже костяные верхушки газырей зачернены.

Гасым тоже разглядывал лицо Эраста Петровича, но недолго.

— Черный весь, одни глаза видно. Завтра тебя смотреть буду. На тряпка, нефть вытирай. На халат. Старый, не жалко. Я пошел. За доктор пошел.

— Что за врач? Хороший?

— Не бойся, не русский. Настоящий тэбиб. Люди не режет. И язык болтать не будет.

Убедившись, что Маса дышит и что пульс, хоть слаб, но не прерывист, Эраст Петрович занялся гигиеной. Не менее получаса он оттирал кожу ветошью. Чисто не стало, но, по крайней

мере, вернулся в европеоидную расу.

Хуже было с волосами. Импозантные седины — снежные, с голубоватым отливом — превратились в слипшуюся паклю. Несколько было, удастся ли волосы вообще когда-нибудь отмыть. Усы торчали, будто нафиксатуаренные. Увы, лучшего результата в данных условиях достичь было невозможно.

Халат, полученный от хозяина дома, можно было назвать «старым» только из вежливости. Весь драный, с торчащей из дырок ватой, он подошел бы разве что Плюшкину. Хорошо, что в комнате не имелось зеркала.

«Это ладно. Но что делать дальше? Не зря ли я послушался Гасыма? Однако он прав: Однорукий не успокоится, пока не доведет дело до конца. Пусть считает, что мы оба мертвые».

Раздумьям положил конец стук в дверь. Послышались два голоса: один — густой, знакомый, другой — старческий, жидкий. Говорили по-турецки.

Вошел сутулый человечек в белой чалме, с длинной, заплетенной в косицу бороденкой. Был он в халате ненамного лучшем, чем фандоринский: засаленном, латаном. У Эраста Петровича сжалось сердце, когда старик почесал себе щеку грязной рукой с обкусанными ногтями. Ни за что на свете нельзя было подпускать этого шарлатана к раненому!

Старишка скользнул равнодушным взглядом по Фандорину и не поздоровался, а только шмыгнул носом. Но когда увидел бледного человека, неподвижно лежащего на спине, выцветшие глазки вспыхнули, а ладони азартно потерли одна другую. И Эраст Петрович понял: это настоящий лекарь. Тот, кто так любит свое ремесло, не может быть шарлатаном.

Очень ловко и быстро тэбиб обнажил раненого до пояса. Несколько раз коснулся пальцами ран — легко, словно играл фортепианный этюд. Что-то сказал — Фандорин понял только слово «маузер». Гасым почтительно ответил, потом перевел:

— Муаллим говорит: хорошо, что «маузер». Пуля маленький, насквозь пробивает.

— Но он даже не посмотрел, прошла ли она навылет!

— Муаллим не надо смотреть. Это русский доктор смотрит.

Лекарь достал какую-то скляночку, открыл. Неприятно и резко запахло. Облизнул сомнительной чистоты палец, сунул в склянку, помазал раны.

Тем временем Гасым, с интересом наблюдавший за этими манипуляциями, делился с Эрастом Петровичем своими соображениями по поводу достоинств и недостатков разных марок огнестрельного оружия.

— Армяне мелкие, быстрые, всюду поспеть хотят. Потому «маузер» любят. Пиф-пиф-пиф! Как сорока, да? Туда клюнул, сюда клюнул, а убить не убил. Я «кольт» люблю. — Он достал и показал длинноствольный револьвер 45-го калибра. — Патрон как слива. Бах! Кто стоял — лег, больше стоять не будет.

— Спроси, как тэбіб собирается его лечить? — перебил Фандорин. — И главное: надежда есть?

Продолжая обрабатывать раны, тэбиб певуче что-то сказал. Вид у него был довольный, даже блаженный. «Значит, всё не так плохо», — подумал Эраст Петрович.

— Муаллим говорит: наверно помрет, но это как Аллах решит. Может, и не помрет. Много спать надо. Если всё время спать — может, живой будет. Если не спать, если, как это, один бок, другой бок...

— Ворочаться.

— Да. Кричать будет. Это плохо. Помрет.

Лекарь достал из сумки какой-то жгут. Чиркнул спичкой, поджег. Желто-бурый кончик затлеял, задымился.

— Вот это под нос надо. Тогда все время спит, — перевел Гасым.

Фандорин нагнулся, понюхал. Что-то на основе опиума.

— Не опасно?

— Он говорит: дурак всё опасно, даже вода пить, если мера не знает.

Тут тэбіб встал, приподнял Масе одно веко, другое. Зачем-то плюнул раненому в середину лба, растер пальцем.

— Зачем это?

— Колдует немножко.

На этом лечение закончилось. Старичок снова посмотрел на Эраста Петровича. С хихиканьем сказал что-то Гасыму, тот тоже засмеялся — вежливо, прикрыв уши ладонью.

— Муаллим спрашивает: почему Агбаш грязный такой. Говорит: надо баня ходить. Правильно говорит. Утром баня пойдем.

— Что такое «Агбаш»?

— Белый Голова. Хорошо назвал. Я тебя тоже так звать буду.

* * *

Остаток ночи Фандорин провел у изголовья раненого. Время от времени задремывал, но сразу вскидывался — следил, чтобы не погас сноторвный жгут. Листок вошеной бумаги, на котором курился дурманный фитилек, лежал у Масы прямо на груди, ниже подбородка, но отчасти дым, вероятно, проникал и в легкие Эраста Петровича, потому что всё время снились

сны — короткие, но неестественно яркие.

То, впрочем, не были опиумные видения (что это такое, Фандорин хорошо знал — в свое время познакомился, чуть не заплатив за это жизнью). Ничего фантазийного, только картинки из прошлого. Некоторые из дальних закоулков памяти, о чём много лет не думалось, не вспоминалось.

...Юный, восемнадцатилетний Маса, сопя, вцепился в запястье. Выкручивает руку, ей больно. В руке зажат револьвер. Маса повторяет: «Икэмасэн! Икэмасэн!», что значит «Нельзя! Нельзя!». Себя Фандорин не видит, но чувствует, как что-то рвется в груди, глаза слепнут от слез. Минута отчаяния, попытка застrelиться. Семьдесят восьмой год. Иокогама.

...Масе тридцать. Теперь разбито сердце у него. Он плачет. Маса расстался с женщиной, которую полюбил — в первый и последний раз. Эраст Петрович слышит свой взволнованный голос, с сильным заиканием: «Идиот! З-зачем? Она тебя тоже любит! Ж-женись!» Маса всхлипывает, размазывает слезы по круглым щекам. По японским понятиям мужчине из-за разбитого сердца плакать не стыдно. «Верность не делится надвое», — отвечает Маса и плачет еще горше.

...Масе пятьдесят. Он сидит перед зеркалом, сбирает с макушки волосы острым кинжалом. Лицо торжественное, глаза полуприкрыты. «Буддийский монах из тебя все равно не получится», — насмешливо говорит Эраст Петрович. Он грызет яблоко, во рту свежий, кислый вкус антоновки. Точным, изящным движением Маса стряхивает с клинка пену. «Из человека получается то, что человек хочет получить».

И так далее, и так далее. Каждый сон был про Масу. И всякий раз обрывался одинаково. Эраст Петрович вскидывался от ужаса: умер! Нагибался проверить, дышит ли. Проверял тлеющий огонек. Снова проваливался.

Последний сон, уже при свете утреннего солнца был такой.

...Кисточка пытается вывести на рисовой бумаге иероглиф «одиночество». Это упражнение для концентрации. Идеально написанный иероглиф, значение которого безупречно соответствует моменту, выводит сознание на уровень совершенства, и тогда мысль обретает остроту меча — задача, казавшаяся неразрешимой, раскрывается сама собой. Это многократно проверено. Но идеальный иероглиф получается не всегда. Сейчас — никак. Эраст Петрович пробует снова и снова, по бумаге разлетаются брызги. Тогда поверх плеча протягивается короткопалая рука, отбирает кисточку и быстро, размашисто рисует когтистый знак: «Одиночество».

Восхититься совершенством почерка Фандорин не успел, потому что рука отшвырнула кисточку и стала трясти его за плечо.

— Агбаш! Надо хаммам идти, пока улицы люди мало! Днем такой грязный, драный — совсем нельзя. Мыться идем!

— А Маса? — спросил Эраст Петрович, поднимаясь и протирая глаза. — Его нельзя

оставлять одного.

— Человек сидеть будет.

— К-какой человек?

Гасым, обернувшись к двери, крикнул. На пороге возникли двое мужчин, молодой и старый. Бедно одетые, худые, они застыли в поклоне.

— Эти сидеть будут.

— А кто они?

— Не знаю. Не говорили еще. Всегда с утра люди сидят. Ждут, когда спрошу, зачем пришли. Кара-Гасым много людям помогает.

Гочи строго сказал что-то, показывая на Масу.

— Баш устя, ага, — хором ответили просители.

— Всё сделают, — перевел Гасым. — Как мама смотреть будут. Если что — в хаммам прибегут. Э, не бойся. Они знают: кто мне хорошо делает, тот я хорошо делаю. А кто мне плохо делает, тот плохо будет.

Двор в старом городе

* * *

Идти по улице в жутком рванье, с торчащими из-под халата голыми лодыжками, в растрескавшихся от нефти лаковых штиблетах, с жесткими, как проволока, грязными сединами для Эраста Петровича, вечного щеголя, оказалось нешуточным испытанием. Людей на улице было еще немного, а Гасым старался выбирать закоулки, и все же Фандорин ежился, ловя на себе презрительные или жалеющие взгляды прохожих.

В баню его пускать не хотели. Даже когда грозный Кара-Гасым показал привратнику кулачище, тот все равно замотал головой, бормоча: «Баджармарам, хеч джюр баджармарам!» Тогда Гочи разжал кулак, на ладони лежал серебряный рубль.

Служитель цапнул монету и, озираясь, быстро помахал: живо, живо!

Скоро они уже были в отдельной мыльне: небольшой комнатке, сплошь выложенной изразцовыми плитками. Снизу из решеток поднимались клубы раскаленного влажного пара.

— Это помойка кидай! — сказал Гасым про фандоринские лохмотья. — Штиблет тоже кидай.

— А в чем же я п-пойду?

— Ты теперь будешь не русский, а дагестан. Вот. — Гочи достал из узла бешмет, папаху, мягкие сапоги, еще какую-то одежду. — В Баку дагестан много. Легко прятаться. По-нашему они не говорят. У дагестан каждый аул свой язык. Никто дагестан не понимает. Сам дагестан другой дагестан не понимает.

Банщик

Неплохая маскировка, подумал Эраст Петрович, с удовольствием сбрасывая лохмотья.

— Голова седой, тело молодой, — сказал Гасым, обстоятельно разглядывая голого Фандорина. — Крепкий тело. Как кяндирбаз, кто на базар по веревка ходит.

— По веревке я тоже немного умею, — скромно признался Эраст Петрович, польщенный комплиментом.

Гасым посмотрел ниже.

— Э, стыд какой! Никогда такой не видал! Возьми полотенце, закрой скорей! Увидит банщик — выгонит.

Это он про обрезание, точнее про его отсутствие, догадался Фандорин и последовал умному совету — повязал вокруг бедер полотенце.

Что до Гасыма, тот в природном виде напоминал медведя: огромный, заросший бурой шерстью, с круглым брюхом и толстенными ляжками.

Долго, очень долго драил себя Эраст Петрович жесткой мочалкой и пемзой.

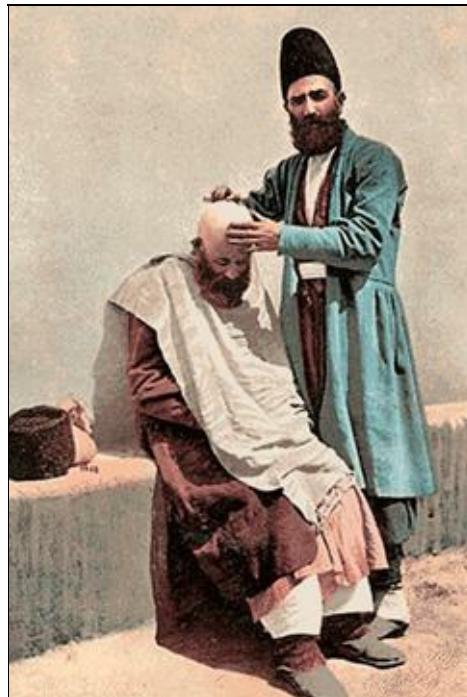
Потом и его, и Гасыма пригласили на массажный стол. Два жилистых молодца принялись давить лежащих коленями и ступнями, бить локтями, мять и щипать, выворачивать суставы.

Фандорин, стиснув зубы, терпел. Гасым кряхтел и ухал.

Наконец измывательство закончилось. Пошатываясь, не ощущая собственного тела, Эраст Петрович встал на ноги. Он чувствовал себя легким до невесомости — хоть взлетай к потолку. И очень чистым, словно выполз из старой кожи. Но волосы все равно как следует не отмылись. Оттянув прядь со лба и закатив кверху глаза, Фандорин увидел, что прежняя благородная белизна не вернулась.

— Сейчас цирюльник идет, — сказал Гасым, поглаживая щетину у себя на макушке. — Буду голова и щеки брить. А ты борода не брей, дагестан не положено. Только голова брей.

— Н-наголо? — в первый миг ужаснулся Эраст Петрович. Но сказал себе: а что еще с этой паклей делать?

Бритье головы

Еще час спустя они сидели на открытой веранде, выходившей в тенистый сад, где посередине журчал маленький фонтан, и пили чай. То есть чай пил Фандорин, а Гасым к чашке почти не притрагивался — он ел. Чуреки, халву, сушеные фрукты, орехи. Время от времени облизывал пальцы, порыгивал, говорил: «Ай, хорошо».

И действительно, было хорошо. Свежий ветерок приятно ласкал бритый, непривычно чувствительный скальп. Посмотреться в зеркало отставной статский советник пока не осмелился. Сидел он по-турецки, привыкал к кавказской одежде.

— Не буду тебя звать «Агбаш», — сказал Гасым. — Будешь Юмрубаш, Круглый Голова. Э, чашка так не надо держать! Ты больше не русский. Надо, как это, манеры хорошие, а то люди увидят, не поверят, что ты мусульман.

— «Хорошие манеры» это как?

— Зачем шапка снял? Уважаемый человек всегда шапка сидит. Чай тихо пьешь, невежливо. Вот так пей. — Гасым с шумным хлюпаньем отпил из чашки. — Понял?

Чаепитие по-бакински

Фандорин тоже попробовал. С третьей попытки получилось неплохо.

— Кушать пилав будешь — только правый рука бери. Никогда левый. Три палец бери, вот так. Ладонь не пачкай. Борода вырастет — хорошо хна красный цвет красить. Перс так делает, дагестан, который из далекие горы, тоже любит. Никто не подумает, что ты русский...

Слушая инструктаж, Эраст Петрович осмысливал ситуацию, в которой оказался. Когда на благородного мужа обрушивается несчастье, первое, что он делает, — говорит судьбе «спасибо» и пытается извлечь пользу из новых обстоятельств.

А польза безусловно была.

«Враг уверен, что меня больше нет. Значит, можно не опасаться новых нападений. Это раз.

Нелегальное положение и маскировка открывают новые возможности, дают полную свободу маневра. Это два.

У меня появился очень сильный союзник. Теперь я обойдусь и без Шубина. Это три».

— Где скрывается Однорукий Хачатур? — перебил он учителя хороших манер.

— Откуда знаю? — Гочи положил в рот большой грецкий орех, легко разгрыз его и выплюнул в ладонь скорлупки. — Домой приду, завтрак буду кушать. Потом узнаю. Сегодня узнаю. И мы сделаем, что надо сделать.

Верить ему или нет, было непонятно.

— Если Хачатур твой враг и его так легко найти, почему ты до сих пор с ним не расквитался?

— Раньше я один, а их восемь. Это много. Ты двух убил, одну ранил. Их стало пять. Это мало. А нас два. Это много. Не волнуйся, Юмрубаш, кушай чурек. Сегодня мы все армяне убьем.

— Скажи, вы с армянами всегда так ненавидели друг друга? — спросил Эраст Петрович.

— Про это много брехня врут. Никого не слушай, меня слушай. Я тебе правда расскажу... — Гасым шумно отхлебнул, вздохнул. — Русские чиновники всегда, сто лет, за армяне были. Потому что армяне крест носят, Библия читают. Но армяне не только Библия, армяне другие книжки тоже читают, а от книжки в голова ветер дует. Кто книжки много читает, начальство не уважает, хочет всё другое сделать. Революция хочет. А начальство революция не хочет, начальство хочет, чтобы тихо и порядок. Десять лет назад в Баку был губернатор Накашидзе. Он был грузин, а грузины только чуть-чуть лучше, чем армяне. Накашидзе-губернатор вместе с Охранкой захотел армяне напугать. Чтобы забыли революция. Охранка сказала глупые и жадные люди (у нас такие тоже есть): можно армяне немножко грабить и резать. Когда начальство разрешает резать, это легко. Стали резать, грабить. «Немножко» не получилось, потому что

немножко резать никогда не получается. Начальство говорит: хватит, а люди еще хотят. Тогда солдаты стрелять стали. А на Кавказ стрелять начнешь — стрельба нескоро кончится. Люди обиделись, убили главный генерал, который приказ давал. Армяне обиделись на Накашидзе-губернатор, тоже убили. Из-за глупые и жадные мусульмане армяне на все мусульмане обиделись. Стрелять стали. Тогда наши на армяне еще больше обиделись. Всё, теперь сто лет стрелять будем. Это Кавказ. Мы не любим армяне, армяне не любят нас, все вместе не любим русские. Раньше в Баку все рядом жили. Гуляй кто где хочешь. Теперь нет. От Баилов мыс до Ольгинская мусульмане живут, дальше к север армяне живут. Гулять можно, но лучше не надо.

Обычная история на тему «разделяй и властвуй», подумал Фандорин. Эта стратегия никогда не работает в местностях, где население привыкло носить оружие.

— Но если ты п-понимаешь, как это всё произошло и кто виноват, почему же ты так ненавидишь армян?

Гасым возвел глаза к потолку.

— У кровь своя правда. Когда кровь полилась, голова молчит. Мужчина должен делать что должен, а дальше Аллах судит. Армяне стреляли меня, я стрелял армяне. Но в тюрьма меня посадили не армяне — русские. В тюрьма армяне тоже были, много, но драка не было, и ругань не было. В тюрьма один враг — начальство. Когда русская начальство из Баку уйдет, совсем уйдет, вот тогда мы армяне кончать будем. А пока только не любим. Сильно резать пока не будем.

«Ну, русские из Закавказья вряд ли когда-нибудь уйдут, а значит, в обозримом будущем междуусобная война здешним краям не угрожает».

— Пойдем д-домой. Пора.

Обратно шли уже не задворками, а улицей, которая стала шумной и людной. Фандорин внимательно смотрел по сторонам. Запоминал дорогу, учился ориентироваться в хаосе кривых переулков, маленьких площадей и выжженных солнцем пустырей.

Третьего дня, разыскивая место киносъемки, Эраст Петрович чувствовал себя здесь туристом, чужеродным существом. Сейчас всё стало иначе. Таких, как он, вокруг было много, и никто на него не смотрел.

Это был восток, самый настоящий, будто сошедший со старинной литографии. На деревянном помосте крошечной чайной, возле закопченных самоваров чинно потягивали кяхтаций бухарцы в каракульчовых папахах с суконной тульей. Здесь же сидел и мерно двигал челюстями перс — судя по мутному взгляду, жевал гашиш. Прохожие были в шальварах и подпоясанных архалуках, многие в черкесках и при кинжалах. Черными, замотанными в платки тенями семенили женщины.

Вышли на широкий перекресток, и Фандорин остановился, чтобы получше оглядеть живописную картину, разобраться в гуле разномастных голосов.

— Майданы всегда такой, — сказал Гасым, горделиво обводя рукой толпу. — Что хочешь — всё есть. Кебабчи есть, халвачи есть. Хочешь пить — селеб есть. Гадальщик есть. Хочешь свой судьба знать?

— Нет, спасибо.

Эраст Петрович засмотрелся на корзину, в которой, медленно покачиваясь, танцевала кобра. Заклинатель играл на шарманке что-то тягучее и визгливое — настоящее истязание для слуха, но кобре, кажется, нравилось.

— Э, э, смотри! — потащил Фандорина за рукав его чичероне. — Сейчас смеяться будешь! И сразу же захотел сам, держась руками за толстые бока.

В углу майдана собралась толпа. Двое чумазых молодцов, сверкая белозубыми улыбками,

что-то задорно кричали. Они держали большое медное зеркало. Третий подталкивал в зад барана. Баран увидел в зеркале свое отражение, попятился. И вдруг с разбега ринулся вперед — ударился лбом в металл. Раздался громкий звон, заглушенный радостным смехом зрителей.

— Дурак, а? — Гасым ткнул пальцем в барана. — Он думал, это другой баран! Глупый какой!

Эраст Петрович не слушал — он заметил в толпе мальчишку, торговца прессой и всякой писчебумажной мелочью.

Попросил Гасыма купить свежие выпуски всех газет, еще карандашей и бумаги. Вчера впервые с начала года он не писал Никки. Не существует обстоятельств, которые могли быть извинить такое пренебрежение долгом. Значит, сегодня придется записать двойную порцию.

* * *

Этим он и занялся, как только Гасым отправился на разведку, предварительно съев целую миску жирного плова, который вместе с множеством всякой другой снеди ждал хозяина на столе, словно здесь потрудилась скатерть-самобранка.

Безвестные просители добросовестно исполнили роль сиделок при Масе. Пошутикались с хозяином, покланялись, ушли. Пока Гасым ел (а это продолжалось долго), к нему все время заглядывали еще какие-то посетители — Фандорин постоянно слышал чьи-то голоса. Но Эраст Петрович сидел возле своего бедного неподвижного друга и читал газеты.

На первых страницах были местные новости.

К забастовке присоединились еще четыре тысячи рабочих. Нефть опять подорожала. В погреба завезли волжский лед по двадцать пять копеек за пуд, оптовым покупателям скидка. Это ладно.

Вести из Вены. Австрийские власти установили, что нити заговора, жертвой которого пал наследник престола, тянутся в Белград и к покушению причастны крупные чины сербской тайной полиции. Ну, это маловероятно. Должно быть, газетная утка. Завтра или послезавтра наверняка появится опровержение.

То, ради чего Фандорин накупил газет, нашлось в «Бакинском листке» — только что отпечатанном, еще пахнувшем типографской краской.

Прямо на первой полосе:

«ТРАГЕДИЯ ВЕЛИКОЙ АКТРИСЫ

Вчера вечером по дороге с банкета, устроенного достопочтенным М. К. Арташесовым в честь несравненной Клары Лунной, супруг драгоценной гостьи нашего города г-н Фандорин подвергся нападению разбойников. В Черном Городе близ Манташевских промыслов обнаружен перевернутый, изрешеченный пулями автомобиль. На земле пятна крови. Муж г-жи Лунной и его камердинер исчезли. Вне всякого сомнения, тела утоплены в одном из многочисленных нефтяных колодцев. „Я лишилась смысла всей моей жизни! — призналась нашему корреспонденту несчастная вдова, обливаясь слезами. — Сердце мое разбито. Теперь у меня останется только искусство“. Г-н Фандорин прибыл в Баку лишь накануне. Он был отставным чиновником министерства внутренних дел и одним из столпов московского общества.

Полиция обещает сделать всё возможное, чтобы найти останки жертв ужасного нападения и предать их христианскому погребению».

Здесь же была фотография: скорбящая Клара заламывает руки. За ее спиной плачущий Симон и сострадающий Леон Арт.

В ранней юности Эраст Петрович, как многие, иногда воображал собственные похороны: трогательные речи над крышкой гроба, рыдающую толпу и прочее. Горше всех в этих мечтах рыдала некая прекрасная персона — невеста или вдова — и даже порывалась заколоться стилетом. Вот давняя фантазия и осуществилась. Вдова рыдала, притом весьма изящно. Говорила, что лишилась смысла жизни. Правда, рядом уже маячил будущий утешитель, но это, в сущности, так естественно.

Что ж, прочность нелегального положения гарантирована. Теперь, когда враг успокоился, можно как следует подготовить ответный удар.

Эраст Петрович положил перед собою бумагу, приготовился писать Никки. С разделом «Клинок» лучше было дождаться возвращения Гасыма. Зато созрела идея для «Инея».

«Человек, путь которого полон опасностей, должен жить без любви. И дело здесь не в том, чтобы оберегать свою душу от лишних ран, — вовсе нет. Тот, кто не решается любить из трусости или самолюбия, достоин презрения.

Дело в ином: нельзя допускать, чтобы тебя полюбил кто-то другой. Потому что человек, чья карма окутана грозовыми тучами, вряд ли доживет до мирной кончины. Он погибнет, и та, кто отдала ему свою душу, останется на свете одна. Какой бы героической ни была твоя смерть, ты все равно окажешься предателем, причем предашь самое дорогое существо на свете. Вывод очевиден: никого не пускай в свое сердце и тем более не вторгайся в чужое. Тогда, если ты погибнешь, никто не будет сражен или даже просто ранен горем. Ты уйдешь легко и беспечально, как уходит за горизонт облако».

Сладковатый дым щекотал ноздри задумавшегося Фандорина. Маса шевельнулся на своем ложе.

Очнулся?

Нет. Просто вздохнул, на губах появилась полуулыбка. Сколько же продлится это забытье? По крайней мере не стонет. Значит, ему не больно.

Во дворе завопили играющие мальчишки. Эраст Петрович встал прикрыть окно.

Так, теперь «Дерево». Что бы такое полезное записать?

Да вот хоть тюркские слова, которые слышал сегодня на улице и постарался запомнить. Пригодятся.

«Салам-алейкум, мохтэрэм джсанаб» — вежливое приветствие.

«Аллах рузиви версин!» — тоже что-то благожелательное.

«Аллах сиздэн разы олсун» — что-то вроде «премного благодарен» или «храни вас Боже».

«Сикдир» — судя по интонации, «я с вами не согласен» или «спасибо, не

стоит»...

Теперь после тревожной минувшей ночи и в ожидании следующей, которая тоже вряд ли будет спокойной, следовало поспать. Искусству расслабляться и мгновенно засыпать Фандорин научился еще в ранней молодости. Двадцать минут гармоничного сна освежают мозг и тело эффективнее, чем несколько часов сна неправильного — например, такого, как вчерашний.

Эраст Петрович лежал на ковер около кошмы, чтобы опиумный дым не попадал в легкие. Вытянулся в позе «Убитый самурай на поле Сэкигахара», вздохнул четыре раза глубоко и четыре раза очень глубоко. Уснул.

Гармоничный сон проходит без сновидений. Он глубок, но прозрачен, словно омут в горном ручье с идеально чистой водой. Подобно серебристой рыбке, сознание чуть пошевеливает плавниками у самого дна и моментально выныривает, если по поверхности пробежала малейшая рябь.

Всякий раз, когда раненый издавал какой-нибудь звук или просто шевелился, Фандорин приподнимался, проверял, все ли в порядке, — и снова опускался на пол, засыпал.

Трижды в комнату заглядывали какие-то люди. Эраст Петрович садился, едва лишь в коридоре раздавались шаги.

Люди были незнакомые. Один в драной дохе и плоской войлочной шапочке. Другой по виду рабочий. Третий похож на зажиточного торговца. Все с поклоном спрашивали что-то, причем в вопросе непременно звучало «Кара-Гасым-ага». Эраст Петрович молча качал головой, и всякий раз человек, еще раз поклонившись, удалялся. Просителей к знаменитому гочи ходило не меньше, чем к губернатору.

Когда в окно стали светить косые лучи солнца, начавшего клониться к закату, Фандорин окончательно проснулся. Поупражнялся в бесшумной ходьбе — ему удалось пройти по темному коридору мимо очередного ходока так, что тот не заметил. Все-таки странно, как это Гасым может жить, будто в проходном дворе: таскаются все кому не лень. На Востоке совсем иные представления о приватности.

Потом Эраст Петрович подкрепился остатками обильной трапезы. Сидел в папахе, как было велено, хотя заходящее солнце изрядно натопило комнату. Как ни парадоксально, в головном уборе голому черепу было не так жарко. Очевидно, термоизоляция.

А когда Фандорин уже не знал, чем себя занять, и стал выкладывать из рисинок на блюде иероглиф «Выдержка», громко хлопнула дверь, под тяжелыми шагами закряхтели половицы, и в столовую вошел Гасым.

— Уф, — сказал он, вытирая рукавом потное лицо. — Жарко. Кушаешь, да? Тоже хочу. Он повернулся, проорал что-то в сторону окна. Сел, обмахиваясь папахой.

— Узнал что-нибудь? — нетерпеливо спросил Эраст Петрович.

— Всё узнал.

— Так г-говори скорей! Не томи.

Гочи поднял палец, изрек:

— Скорей только шайтан бегает. Всё хороший медленно ходит.

В комнату, семеня, вошла старуха с тяжелым подносом, на котором дымилось мясо и горой лежали лепешки. Поставила на стол — и сразу исчезла.

Схватив одной рукой чурек, другой — кус баранины, Гасым одновременно сунул в рот и то и другое.

— Ты знаешь, где Однорукий? Ты его нашел?

Гасым кивнул, сосредоточено работая челюстями.

— Где он? Д-далеко?

— Недалеко. В Шубаны. На бывший дача Тер-Акопов, который два миллиона пудов. Тер-Акопов свой дача Хачатур дарил.

— Как подарил? — удивился Фандорин. — Анархисту — свою дачу? Как так?

Пришлось ждать, пока Гочи прожует следующую порцию мяса и хлеба.

— Очень просто. Сказал: живи, Хачатур дорогой. Мой дача — твой дача. У Тер-Акопов в Мардакяны большой дача есть, а этот маленький. Тер-Акопов туда после театра, после казино ездил, возила..., — очень четко выговорил Гасым грубое русское слово, которым обозначают женщин нескромного поведения.

Эраст Петрович всё не мог взять в толк:

— Они что, с Одноруким друзья?

— Зачем друзья? Хачатур у Тер-Акопов сын взял. Сказал: хочешь сын назад — подарок давай, а то жить негде. Тер-Акопов сказал: «Большой дача не бери, маленький возьми». Хачатур взял. Шубаны от Баку близко, хорошо.

— П-погоди, я не понимаю. Если известно, что банда анархистов захватила дачу нефтепромышленника, почему полиция их не арестует?

Теперь не понял уже Гасым.

— Зачем арестует? Тер-Акопов полиция не просила, деньги не давала. Чтобы банда Хачатур брать, надо полиция очень много деньги давать. Полиция не дурак бесплатно Хачатур ловить. У Хачатур и его люди «маузеры». А еще там лев. — Гочи поправился. — Львы. Два. Зубы — вот такой.

Он разинул рот, обнажив крупные белые зубы.

Здесь Фандорин совсем запутался.

— Какие еще львы? О чем ты?

— Львы, который р-р-р-р. — Гасым очень убедительно изобразил львиное рычание. — Хачатур раньше цирк работала. Как это, дрессировщик, да? Анархист потом стала, потому что анархист жить веселей и деньги больше. На дача в Шубаны стена высокий, в сад ночью львы гуляют. Кто хочет в садходить, тот львы кушают. Зачем полиция туда надо? Не пойдет туда полиция. А мы пойдем, нам надо. Я в Шубаны был. Стена лазил, люди спрашивали. Прошлый ночь Хачатур на дача не была. Вернулась рассвет. Утро три гроб заказала. Сегодня на дача сидят, поминки делают. Если ночь дома сидят, мы пойдем, их убивать будем.

— У тебя есть п-план?

— Что такой «план»?

— «План» — это когда человек заранее придумывает, как будет действовать.

Гочи кивнул:

— Есть план. Хороший план. Если армяне дома ночуют, я через стена лезу. Дом иду. Всех убиваю. Такой план.

— А как же львы в саду?

— Меня львы кушать не будут. Меня никогда зверь не трогает. Не знаю почему. Прошлый год из тюрьма бежал, в горы прятался, голодные волки прибежали. Посмотрели, посмотрели — назад побежали.

Фандорина этот феномен не удивил — животные отлично чувствуют силу и очень осторожны с крупными особями, а Гасым габаритами с немаленького медведя.

— Ты сиди на стена, жди. Слышишь в дом стрельба — прыгай, иди. Лев к тебе придет — убивай. Вон тот ружье возьми. — Хозяин показал на шестизарядный карабин, висевший на ковре. — Из пистолет лев убить трудно. Когда убьешь львы, тоже приходи в дом. Поможешь.

Спорить с этим «планом» Эраст Петрович не стал. Сначала нужно было разработать свой собственный.

— Ты случайно не знаешь, как внутри устроен д-дом?

— Почему не знаю? Знаю. Тер-Акопов на ближний дача ездил для две вещи: пить-кушать и...

— Грубое слово опять было произнесено идеально. — Поэтому на дача только два комнаты: один для пить-кушать, второй...

— Понятно, — перебил Фандорин, не любивший бранных слов. — А поподробнее? Можешь нарисовать или объяснить расположение комнат?

Гочи ссыпал с прямоугольного медного подноса сладости и орехи.

— Сюда смотри. Вот это дом, да? — Палец гулко постучал по подносу.

В это время на пороге появился очередной проситель — оборванец в косматой шапке, надвинутой на глаза. Застыл в почтительной позе, дожинаясь, когда на него обратят внимание.

— П-послушай, — не выдержал Эраст Петрович. — Как ты можешь жить в такой обстановке? Все время кто-то входит без спроса, разгуливает по дому. Ты знаешь всех этих людей?

— Они меня знают, — важно ответил Гасым. — Чем у человек больше уважение, тем больше вокруг люди. Уйди, э? — махнул он оборванцу. — Не мешай. План делаем — армяне убивать будем.

Тот благоговейно поклонился, попятился, исчез.

— Это дом, да? Это стенка, да? — Гасым положил поперек подноса длинную грузинскую чурчхелу. — Там еще этот, как его, коридор есть. Так, маленький. Здесь в спальня Хачатур спит. — На левую половину подноса легла крупная урючина. — Тут остальные спят. — Четыре изюминки легли на правую половину. — Зачем морщина на лоб? Почему молчишь?

— Д-думаю. Твой план плохой. Нужен другой.

Эраст Петрович достал листок бумаги и карандаш. Написал иероглиф «Клинок». Ниже, мелко: «Львы — хорошо. Чувствуют себя в безопасности. Хачатур один слева. Одновременно. Две минуты. Считать».

— Что пишешь? Зачем пишешь?

— План записываю.

— От этого твой план лучше будет? — Гочи хмыкнул. — Я буква не знаю, читать-писать не умею. Вся зло от грамота. Чиновник пишет, полиция пишет, буржуй пишет — все плохие люди пишут. Читай, что ты написал.

Фандорин прочел.

— Ничего не понял! Мой план ругал, а это что?

— Твой план нехорош, потому что Хачатур мне нужен живой, — стал объяснять Эраст Петрович. — Что по саду бродят львы — это замечательно. Значит, бандиты чувствуют себя в полной б-безопасности и не выставляют часовых. Мы подойдем к дому с торцов, одновременно. Я слева, вот отсюда. Ты справа. Сначала я должен взять Хачатура. Потом пройду коридором, и мы одновременно нападем на остальных: я слева, ты справа — через окно. Просто дай мне две минуты. Ты до ста двадцати считать умеешь?

— Зачем считать? Часы есть. — Гасым достал из кармана превосходный хронометр. — Две минуты не считать — смотреть буду. А план твой плохая. Как ты по сад пойдешь? Львы кушать будут.

— Не будут. Меня звери тоже не трогают. Неоднократно проверено.

Гасым засопел. Он был чем-то недоволен.

— Тебе Хачатур живой нужен, мне мертвый, — наконец изрек он. — Спорить будем. Вспомнив о нефтяном колодце, Фандорин негромко сказал:

— Он мне живым ненадолго нужен. Только пару вопросов задать.
И гочи успокоился.

— Если не захочет отвечать, мне скажи. Я его немножко бить буду. А когда скажет —

отдашь Хачатур мне.

Эраст Петрович прислушался к moralische Gesetz — не возмутится ли? Нравственный закон молчал.

— С б-большим удовольствием.

Фандорина передают из рук в руки

«На Апшеронском полуострове сосредоточено 82,6 % общероссийской добычи нефти. Стоимость добычи — одна из самых дешевых в мире, потому что нефть находится недалеко от поверхности — в среднем глубина скважин впятеро меньше, чем в Техасе. Всего вышек насчитывается около 4200. Годовой доход от нефти и нефтяных продуктов составляет не менее 300 миллионов рублей...»

Карандаш строчил по бумаге. Эраст Петрович выплачивал долг по Никки за вчерашний день. Снаружи стемнело, над керосиновой лампой танцевали мошки.

Несколько часов назад Гасым сказал:

— Хожу в Шубаны. Через стена смотрю. Если Хачатур дома ночует, записка присылаю: сколько люди, сколько львы. Ты приходишь, мы ждем, когда все спят, потом идем, всех убиваем. Такой будет план, — сказал гости на прощанье и поспешно прибавил: — Помню, помню: Хачатур сразу не убиваем.

— Как я получу твою з-записку? По воздуху? И как я найду эти твои Шубаны?

— Мальчик принесет, мальчик отведет.

— Какой еще мальчик?

— Вай, я знаю? Любой мальчик.

Он подошел к окну, крикнул что-то. В комнату с топотом ворвалась гурьба чумазых пацанят — тех самых, что весь день орали во дворе.

Гасым подозгал двоих, остальных прогнал. Потолковал с ними о чем-то.

— Тэшэккюр едирэм, ага. Дедийиниз кими оладжаг! — хором ответили мальчишки, просияв счастливыми улыбками.

— Это Саид, сын Халида-ханум, — показал Гасым на одного. — Будет с твой друг сидеть, когда ты уйдешь. А это Али сын Мустафы, тебе записка принесет и куда надо отведет.

— Но ведь ты неграмотный! Как ты мне напишешь записку?

Презрительно усмехнувшись, гости не удостоил его ответа. Ссыпал в огромный карман сущеных фруктов и орехов, взял несколько лепешек.

По двору он шагал неспешно, вразвалку. Остроносый Али сын Мустафы семенил рядом, похожий на Панурга рядом с Пантагрюэлем, но при этом старался подражать походке великого человека: так же гордо расправлял плечи, смотрел вперед и вверх, из-за чего едва не споткнулся.

Тогда-то Фандорин и решил заняться дневником — пришла подходящая мысль для «Инея».

«Почти всякому человеку хочется себя как-то возвысить. Цзюнцзы, благородный муж, для этого стремится стать выше. Человек мелкий, сяожэн, норовит увеличить свой рост, принижая окружающих. Поэтому когда благородный муж становится правителем (что случалось в истории редко), всё общество, следя его примеру, тоже начинает тянуться вверх: улучшаются нравы, в моду входят благородство, бескорыстие,

отвага. Когда же воцаряется сюжэнь, всеобщим законом становится унижение подданных. Сюжэнь мал ростом. Поэтому он может выглядеть великим, только если все вокруг простились ниц, а худший враг для маленького правителя — тот, кто отказывается пресмыкаться на брюхе. От этого в эпоху правления сюжэней в обществе распространяются льстивость, вороватость и вероломство...»

Всё время, пока Эраст Петрович то задумчиво смотрел на огонек лампы, то склонялся над бумагой, Маса лежал тихо и не шевелился. Но когда, переписывая из газетных статей в раздел «Дерево» сведения о нефтяной индустрии, Фандорин добрался до керосиновой статистики, японец вдруг начал метаться. По осунувшемуся бледному лицу потекли слезы, ресницы задрожали.

— Моосивакэ аримасэн! — пробормотал раненый и повторил эту фразу, означавшую «Мне нет прощения!», много раз.

Он мучился. Его терзали какие-то кошмары. Никакой пользы от такого тягостного сна быть не могло.

Поколебавшись, Эраст Петрович легонько похлопал друга по щеке.

Маса открыл глаза. Увидел склонившегося над ним Фандорина, заморгал, всхлипнул.

— Мне снился страшный сон, господин. Будто вы в опасности, а я ранен и не могу вам помочь!

Он хотел подняться — и не смог, только застонал.

— Значит, это не сон... Я не могу пошевелиться. У меня совсем нет сил! — прошептал Маса бледными губами.

— Ты ранен пулей в грудь, навылет. Сутки лежал без сознания. Не шевелись. Тебе нужен полный покой.

Японец нахмурился.

— Я помню, мы ехали по дороге. Луна. Черный всадник. И всё. Что было дальше?

Фандорин рассказал. Маса слушал, не перебивая.

— Вы обрились из-за меня, господин? В знак скорби? Я очень тронут. — На глазах японца выступили слезы. — Очень красиво. Вы похожи на худого Будду.

— Худой из меня Будда, ты прав, — пошутил Эраст Петрович по-русски, чтобы подбодрить друга.

Не помогло.

— Мне нет прощения, — прошептал Маса. — Мало того, что я не смог вас защитить, теперь я еще и обременяю вас. Мне лучше умереть.

— Я тебе умру! — прикрикнул на него Эраст Петрович. — Лежи, спи, выздоравливай.

— А вам будет помогать этот ваш Гасыму?! — Узкие глазки японца злобно сверкнули. — Я даже не видел его. Как я могу вас ему доверить? Вдруг он предатель, который вонзит вам меч в спину?

— Непохоже.

— Ну не предатель, так дурак или неумеха!

Подув на магический жгут, Фандорин поднес его к носу слуги.

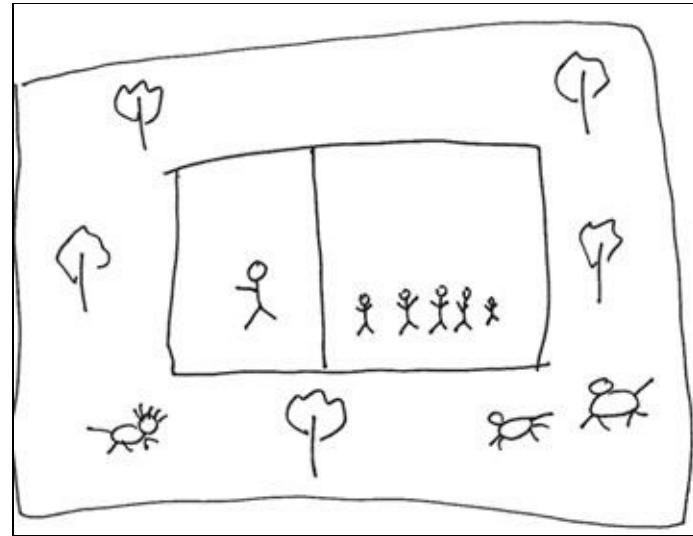
— Подыш-ка. Тебе нельзя волноваться.

Еще несколько минут Маса всхлипывал, потом его взгляд затуманился. Уснул.

И вовремя.

Б стекло звонко ударил камешек. Маленькая фигурка стояла во дворе, махала рукой. Эраст Петрович быстро сбежал по лестнице.

Али, сын Мустафы, протянул ему клочок бумаги. При свете спички Фандорин разглядел рисунок:

Всё было понятно. Кроме одного: почему один человечек из правой половины меньше остальных? Быть может, так получилось случайно?

Али потянул Фандорина за полу черкески: идем, идем!

— Где Саид, сын Халиды-ханум?

Оказалось, здесь же, под лестницей.

Объяснив мальчишке про курящийся жгут, Эраст Петрович быстро собрался. Эх, жалко, багаж остался в гостинице. Там и наряд ниндзя дляочных экспедиций, и множество других полезнейших вещей. «Веблея» тоже жалко. Удобный револьвер, отлично показавший себя в перестрелке, достался кому-то из анархистов. Может быть, еще отыщется.

Но оружия в доме было предостаточно. Фандорин без труда нашел всё, что могло пригодиться для, в сущности, очень несложной операции.

— Я готов, Али, идем!

* * *

Дорога заняла почти час. Эраст Петрович мог бы преодолеть эту дистанцию гораздо быстрее, но паренек начинал задыхаться от быстрой ходьбы, приходилось сбавлять темп.

Поселок Шубаны располагался на склоне невысоких гор, вплотную подступавших к городу с запада. Местность была голая, совсем не дачная, но за стеной имения, к которому Фандорина вывел маленький проводник, темнели верхушки деревьев — должно быть, их высадили здесь специально, для тени.

Шубаны на карте

«Всё-таки поразительная наглость! Шайка бандитов живет, можно сказать, на виду у всего города и ничего не боится! Значит, абсолютно уверены в безнаказанности. Как тут говорят: „Это Баку...“»

Али остановился прямо перед стеной — довольно высокой, в полтора человеческих роста.

— Шалам-алейкум, Юмрубаш, — донеся сверху, из темноты, пришепетывающий голос. — Жалезай шуда.

На кромке, почти невидимый в тени ветвей, сидел Гасым. Шепелявил он из-за того, что рот у него был набит едой.

Чем подкреплялся Гасым

Эраст Петрович уселся рядом.

— Скажи мальчику, чтоб ушел. Ему здесь оставаться опасно.

— Зачем опасно? Я обещал Али: можно слушать, как мы будем армяне убивать. Смотреть

нельзя, слушать можно. Такой награда.

Со вздохом Фандорин подумал: что будет с этим городом, одна половина жителей которого так люто ненавидит другую?

Были, однако, заботы более насущные.

— Почему на рисунке одна фигурка маленькая? Там что, ребенок? Это осложнит дело.

— Не ребенок и не мужчина. Один молодой совсем, ус еще не растет. Не боец. Пойдем, да?

Не дожидалась ответа, Гасым спрыгнул в сад. Грохота было, как от каменного обвала. Эраст Петрович поднялся на гребень стены и огромным скачком, беззвучно, приземлился несколькими метрами дальше. Так же бесшумно побежал вперед. Сзади доносилось пыхтение, трещали ветки.

Навстречу с рычанием метнулись две быстрые, льющие к траве тени. Это были львицы. Обе замерли, одинаково прижав уши. Зловеще блеснули желтые огоньки глаз.

Фандорин сделал несколько шагов, остановился на открытом, освещенном луной месте, дал хищницам себя как следует рассмотреть. Палец лежал на спусковом крючке «смит-вессона». За поясом был еще один, такой же. Тоже со взвешенным курком.

С львицами шутки плохи, они опаснее самцов. «Я тебя не трону, если ты меня не тронешь», — мысленно сказал Эраст Петрович сначала одной, потом другой. Чтобы звери поверили в это, требовалось с полминуты поиграть с ними в гляделки.

Но хрустнули сучья под тяжелыми шагами, огромные кошки разом повернули свои лысые башки. На поляну, топая, вышел Гасым.

— *Пиштя!* — шикнул он — и львицы попятались, развернулись, исчезли.

Фандорин двинулся дальше.

На лужайке перед самым домом нашелся и самец. Он дрых, положив косматую голову на толстые лапы. Сытого льва (а раз спит, значит, сыт) особенно бояться нечего. Если не подойти и не дернуть за гриву, не тронет.

Оглядев строение (изящный садовый павильон из белых досок, с высокими французскими окнами; внутри тихо; свет нигде не горит), Эраст Петрович показал Гасыму на правый торец, напомнил шепотом:

— Ровно две минуты, ясно?

Гасым предъявил часы, для пущей наглядности поднял два пальца.

— Два. Потом окно ломаю, всех убиваю. Гляди, Юмрубаш, на мой пуля не попади.

Двигаться по траве так, чтобы она не шуршала, — наука непростая, но Эраст Петрович владел ею в совершенстве. Он добежал до окна спальни, будто вовсе не касался земли. Помассировал глазные яблоки, чтобы включить ночное зрение. Заглянул через подоконник.

В мозгу работал счетчик, отмерял секунды.

«Восемнадцать, девятнадцать...».

Так, что тут у нас?

Интерьер в стиле ар-нуво. На туалетном столике винные бутылки. Справа будуарная ниша, там кровать под балдахином, легкая занавеска слегка колышется на сквозняке — дверь в коридор приоткрыта. Сонного дыхания не слышно, но это ничего не значит. Люди, ведущие опасную жизнь, обычно спят очень чутко, а стало быть тихо.

Толкнул створку — медленно, чтоб не скрипнула. Поднялся на подоконник. Спустился.

«Тридцать один, тридцать два...».

А вдруг Хачатур не спит — что-то почуял и затаил дыхание?

Фандорин приготовился качнуться вбок, чтобы уклониться от пули.

Ни звука. Лишь шелест листвьев в саду.

Ну, была не была!

Он сделал два прыжка, отдернул полог.

Никого! Постель даже не смята.

Неужели Гасым ошибся и Однорукого в доме нет?

«Сорок четыре, сорок пять...».

За дверью должен быть небольшой коридор, ведущий в столовую-гостиную.

Тихо, дверь, не скрипни.

Что половицы? Нехороши, пружинят.

Чтобы пол вел себя тихо, двигаться надо вдоль самого плинтуса. Медленно переставлять ноги, будто скользишь по льду.

«Пятьдесят девять, шестьдесят...».

Вторая дверь тоже приотворена — ну да, иначе не было бы сквозняка.

Плавно, дюйм за дюймом, Эраст Петрович открыл ее шире. Заглянул в просторную комнату. Она превосходно просматривалась — в окна с противоположной стороны лился лунный свет. Оттуда меньше чем через минуту вломится Гасым. Почти минута — это очень много. Более чем достаточно.

Интерьер такой же бонтонный, как в спальне. Хрупкая, изогнутая мебель, деревянные завитушки вокруг большого зеркала, на потолке панно с фавнами и нимфами.

Мраморная наяда (через плечо винтовка и два патронташа). На длинном столе грязная посуда, бутылки, объедки. Со стульев свисает оружие — «маузеры», кинжалы, несколько карабинов.

Теперь — главное: люди.

Вдоль стены на полу, в ряд, шесть фигур. Спят на бурках. Вместо подушек папахи.

Фандорин вздохнул с облегчением. Шесть — значит, все здесь, и Хачатур тоже. Просто улегся не в спальне, а вместе с остальными. Это несколько осложняет задачу, но не сильно.

«Восемьдесят два, восемьдесят три...».

Определить, который из них Однорукий. Приблизиться, отключить. Может быть, удастся так же бескровно взять и остальных.

Не ближний — у того видно обе руки, сложены на груди. И не второй — руки закинуты за голову...

«Девяносто, девяносто один...».

По паркету качнулась длинная тень, загромыхала рама. В высоком окне, заслонив его почти целиком, появился огромный силуэт.

Это был Гасым. Он перекинул ножища через подоконник, уселся, приложил руку ко лбу — разглядывал комнату, которая по контрасту с лунным садом должна была показаться ему очень темной.

«Какого черта?! Еще целых полминуты!»

На полу кто-то зашевелился, кто-то вскинулся.

— Эй, армяне! Я Кара-Гасым! — зычно крикнул гочи. — Смерть ваша пришел! Э, где вы тут? Не вижу.

Человек, лежавший дальше всего от Фандорина, вскинулся с пола, словно атакующая кобра. У него была только одна рука! Она вытянулась, «маузер» плюнул ядовитым желтым пламенем. Гасым качнулся, схватился рукой за бок.

Выбора не было. Миг промедления — и Хачатур выпалит еще раз. Пришлось стрелять самому. Тяжелая пуля «смит-вессона» отшвырнула однорукого в угол.

Теперь уже все были на ногах. Некоторые в ошеломлении озирались, другие, кто лучше владел собой, кинулись к стульям, на которых висело оружие.

Одного, самого щустрого, Эраст Петрович тоже был вынужден уложить.

— Вижу! Всех вижу! — заорал Гасым. Держась одной рукой за раненый бок, он неспешно

прицелился, застрелил ближайшего из бандитов.

Фандорин был уже в комнате. На пути встретился худенький паренек с вытаращенными глазами. Он был безоружен, поэтому Эраст Петрович просто отправил молокососа хуком в нокаут (при хаотичной потасовке на ограниченном пространстве английский бокс не менее эффективен, чем любые дзюцу).

Светловолосый человек в нижнем белье несся на Гасыма, размахивая кинжалом. Все так же неторопливо гоши прицелился в атакующего — но вместо выстрела раздался сухой щелчок.

— Вахсей! — удивился Гасым и выпучился на занесенный клинок.

Фандорин свалил светловолосого выстрелом в затылок. И оказался перед непростой дилеммой.

«Маузеристы»

Последний из анархистов, еще остававшийся на ногах, успел схватить со стула карабин, передернул затвор и направил ствол на Эраста Петровича, а из угла в Фандорина целил из «маузера» раненый Хачатур, с трудом удерживая тяжелый пистолет единственной рукой. На Гасыма рассчитывать было нечего — он рассматривал откинутый барабан своего заевшего «кольта».

Здоровый опасней раненого. Поэтому выстрелил Фандорин в человека с карабином, а от пули «маузера» ушел, метнувшись к стене.

Однорукого нужно было взять живым.

Поэтому Эраст Петрович кинулся навстречу «маузеру», делая рывок в сторону за долю секунды до следующего выстрела. Эта техника называется «го-го» («пять против пяти»), потому что на малом расстоянии шансы увернуться от пули и встретиться с нею равны. Настоящий мастер способен довести соотношение до двух к одному, однако Фандорин таких высот не достиг. К игре в «го-го» он прибегал лишь в самых крайних случаях.

Повезло раз, повезло второй. Оставался всего один прыжок. Но тут Гасым наконец щелкнул своим револьвером и прицелился.

— Не стреляй!

Поздно. Мощный «кольт» по-львиному рыкнул. Однорукого снова отшвырнуло.

В саду, словно откликаясь, грозно взревел царь зверей — наконец проснулся и выражал недовольство шумом.

Пахло копотью, порохом и кровью.

А счетчик, оказывается, все это время работал.

«Сто восемь, сто девять, сто десять».

— Черт бы тебя п-побрал! — Эраст Петрович наклонился над Хачатуром. — Что ты наделал, Гасым?

— Жизн твой спасал.

— Застрелить его я и сам бы мог!

Где здесь свет?

Фандорин подошел к двери, повернул выключатель, оглядел комнату.

За исключением нокаутированного мальчишки, кажется, все мертвы...

Гасым сидел все там же, на подоконнике. Только расстегнул черкеску и рассматривал дырку в боку. Оттуда, пачкая густую шерсть, толчками вытекала кровь.

— Горячий, — сообщил гочи, лизнув ладонь. — Соленый.

— Дай посмотрю.

— Э, не надо.

Богатырь выдернул из папахи клок, заткнул рану.

— Аман-аман, — грустно сказал. — Я так «кольт» любил, а она стрелять не захотела.

Судя по женскому роду, любовь к «кольту» закончилась.

Гочи прошелся вдоль стульев, разглядывая оружие. С интересом взял в руки «веблей» — должно быть, никогда такого не видел.

— Это мой, — сказал Фандорин. — Дай сюда.

Гасым проворчал:

— Как что хороший, сразу «мой». На, не жалко.

Брезгливо взвесил на ладони «маузер». Прицелился — и вдруг высадил в стену всю обойму: одну пулю в центр, остальные кружком.

— Ты что?! — вскричал Эраст Петрович, зажимая уши.

— Мой знак. «Здесь был Кара-Гасым». Люди говорить будут. Юмрубаш, у тебя какой знак?

— Никакой.

Фандорин всё не мог успокоиться. Неужто операция провалилась и нить оборвана?

— Вай, мне чужой слава не надо, — с укором молвил гочи. — Я только два армяне убил. Ты — четыре. Хотя один, может, русский, — прибавил он, кивнув на светловолосого.

— Не четверых я убил. Т-троих.

Надежда оставалась только на юнца. Эраст Петрович привел пленника в чувство двумя оплеухами, усадил на стул.

— Ты кто? Откуда?

— Гагик... Из Акны.

Паренек, очень бледный, с трясущимися губами, в ужасе озирался на трупы. Увидел приближающегося гочи — зажмурился.

— Я Кара-Гасым. Слышила?

Не открывая глаз, мальчишка кивнул.

— Она меня знает, — удовлетворенно заметил Гасым. — Далеко живет, в Карабах, а Кара-Гасым знает.

Фандорин взял Гагика из Акны за тощие плечи.

— Я буду з-задавать тебе вопросы, а ты отвечай. Честно. Иначе отдам тебя ему. Просто уйду и оставлю тебя с ним наедине. А скажешь правду — отпущу. Я человек слова. Если что-то пообещал, выполняю.

Последняя фраза была произнесена специально для Гасыма.

Теперь паренек смотрел на Эраста Петровича — с таким же ужасом, как раньше на гочи.

— Молчи, Гагик, ничего Юмрубаш-ага не говори, — посоветовал Гасым. — Лучше я с тобой говорить буду.

Бедняга всхлипнул и снова зажмурился.

— Б-будешь отвечать?

Кивнул.

Тем временем Гасым с видимым удовольствием обходил поле боя. Каждому покойнику заглядывал в лицо, что-то приговаривал. Он был похож на садовода, любующегося великолепной клумбой.

— Кто дал приказ прошлой ночью устроить з-засаду в Черном Городе? Чье задание выполнял Хачатур?

— Я в Карабах ездил, письмо от Хачатура возил! Только вчера вернулся! Ничего не знаю, честное слово! Какое задание? Хачатуру никто ничего приказать не может!

Паренек говорил по-русски грамотно. Возможно, учится в гимназии или реальном училище.

— Не могу поверить, что вчера не было разговоров о засаде. Ваша шайка потеряла трех человек. Что ты слышал? Что говорили?

— Ай, Аллах! — радостно возопил Гасым. — Этот живой! — Он схватил за шиворот окровавленного человека — тот захрипел. — Знаю тебя! Ты Леван из Сураханы!

— Не убивай, — сипел раненый. — Сейчас и так умру, честное слово.

Но Гочи не оставил его в покое: схватил под мышки, поволок на середину комнаты.

— Я слышал твои вопросы, Юмрубаш. Тоже буду спрашивать.

Наклонился, что-то загудел вполголоса. Окровавленный взвизгнул:

— Ай, всё скажу! Горло пусти!

От этой картины Гагик застучал зубами — того гляди бухнется в обморок. Эраст Петрович решил зайти с другой стороны:

— Про Хромого ты что-нибудь слышал?

— Ка...ко...го хро...мого?

— Из Черного Города. Он революционер или связан с революционерами.

Раненый громко застонал — Гасым опять тряс его за шиворот.

— Есть Селифанов, стрелочник, у него короткая нога. Через него можно оружие доставать, — быстро заговорил юный анархист. — Есть Хасан, сторож на бывшем заводе Мурсалиевых, Хачатур его не любит, убить хотел. Еще я один раз видел колченогого Зазу, он счетовод на степаняновских промыслах, Хачатуру раз в месяц платит, чтоб не трогали... А больше хромых не знаю. Черный Город большой...

Гасым выпрямился, крякнул:

— Э, совсем подохла! Ничего не делал, только тряс. Юмрубаш, она один вешь сказать успела. Не знаю, надо тебе, нет?

— Что?

— Перед засада Хачатур ходила к большой русский человек. Имя чудной — Дятел. Что это «дятел»? Птичка?

Эраст Петрович сразу забыл о Гагике из Акны. Дятел? Горячо! Вот она, любовь к орнитологии!

— Он еще что-нибудь сказал? Про Дятла. — Быстро подошел к раненому, попробовал пульс. Да, мертв.

Гочи сокрушенно пожал плечами.

— Ничего. Я спрашиваю: «Где эта Дятел?» Немножко плечи тряс — а из Левана душа ушел. Вернувшись к юнцу, Фандорин спросил:

— При тебе когда-нибудь говорили о Дятле? Хачатур или кто-то другой?

Гагик помотал головой, облизнул сухие губы. Он не отрываясь смотрел на медленно приближающегося Гасыма.

— Он сказал п-правду, я это вижу. Учти, убивать его я не позволю.

— Сам не стану. — Гасым пожал плечами. — Когда из Гагик вырастет гайл, тогда убью.

— Кто вырастет?

— Гайл. «Волк» по-ихнему.

Однако отпускать пленного было нельзя. Дятел — скорее всего тот самый большевик, кого полиция называет «Одиссеем». Он ни в коем случае не должен узнать, что Фандорин жив.

— Гагик никому не расскажет, — сказал Гасым, будто подслушав мысли. — Он отсюда домой пойдет, очень быстро. Ни с кем говорить не будет. И дома, в Агдам, тоже не скажет.

— Причем тут Агдам? Он из Акны.

— Это по-ихнему Акна, по-нашему Агдам.

Гасым наклонился, взял парня за плечи, и плеч стало не видно.

— Иди домой, Гагик. Про меня говори всем. Много говори. Про Юмрубаш молчи. Говори: Кара-Гасым один всех убил. Понял, да?

— Понял... — прошептал парень. Зрачки у него были очень широкие, неподвижные.

— Пишти!

Опрокинув стул, мальчишка с разбегу выскочил в окно и скрылся в саду — даже львов не побоялся.

— Как ты можешь быть уверен, что он меня не в-выдаст?

— Она знает Кара-Гасым. Слышала. Теперь еще видела. Я тоже человек-слово. Обманет — приду в Агдам, найду ее, убью. Она знает. Лучше скажи: что теперь делать будешь? Твой враг Хачатур мертвый. Ты доволен?

— Нет. Это был не враг, а орудие врага. Но теперь, благодаря тебе, я з-знаю, как зовут того, кого я ищу: Дятел.

Гочи подошел к столу, взял с блюда не до конца объеденную баранью ногу. Понюхал, откусил.

— Хорошо, — сказал он, двигая челюстями. — Давай Дятел искать-убивать.

Фандорин удивился:

— Зачем тебе это? С Хачатуром ты враждовал, а что тебе до Дятла?

— Считать давай. Я тебя из колодец спас? — Гасым положил барабину, разогнул измазанный жиром палец на правой руке. — Ты меня спас, когда Хачатур стрелял? — Разогнул палец на левой руке. — Потом этот дурак с хэнджел меня резать хотел, когда «кольт» не стрелял. Ты меня опять спас. — Показал на левой второй палец. — Я в Хачатур стрелял, думал — теперь поровну. — Отогнул второй палец и справа. — Но ты говоришь, не Хачатур надо был стрелять. — Палец на правой руке снова сложился. — Сам видишь, да?

Показал обе руки: на левой два пальца, на правой один.

— Помогу тебе Дятел найти — тогда честно. Мужчина не говорит «спасибо», мужчина делает «спасибо».

— Спасибо. Я рад.

Сказано было с искренним чувством.

С помощью Гасыма будет гораздо легче найти черную кошку в темной комнате — верней, поймать дятла в густом лесу.

Мальчишки около Масы не было. Зато подле раненого сидел вчерашний тэбиг и чем-то поил его из кувшина с узким горлышком.

— Он говорит, теперь много спать не надо, — перевел Гасым слова старика. — Теперь кушать надо. Будет хорошо кушать, может, живой будет. Или не будет, на всё воля Аллах.

Когда лекарь ушел, Фандорин рассказал японцу о смерти Однорукого и о Дятле.

Слушал японец Эраста Петровича, а смотрел только на Гасыма. Не отрываясь. Тот стоял, привалившись к стене, опять что-то жевал.

Внезапно Фандорин увидел, что по лицу Масы сбегает слеза.

— Тебе больно? П-плохо?

— Мне хорошо, господин. — За первой слезой потекла вторая. — Я плачу от радости. Я вижу, что это настоящий человек. Искренний человек, хоть и акунин. Якудза из самых лучших. По глазам и повадке ясно: он понимает долг верности. Вы знаете, я не ошибаюсь в таких вещах. Я могу передать вас в его руки со спокойным сердцем... Он даже красивей меня, — трагически сказал Маса. — Большой, толстый, похож на Сайго Такамори. Только у маршала Сайго не было таких усов. Я рад, но мне очень горько... Что в этом трудном деле рядом с вами он, а не я...

Слезы полились сразу из обоих глаз, потоком.

— Вай, плачет, — сказал Гасым. — Совсем слабый.

А Маса попросил:

— Посадите меня, господин.

— Зачем? Тебе нельзя.

— Очень прошу. Посадите! У меня самого не хватит сил.

Фандорин бережно приподнял раненого, подложил ему под спину подушки.

— Гасыму-сан... — позвал Маса.

Гочи подошел, утирая губы рукавом.

— Сел — ай, молодец. Жить будешь.

— Очень прошу, Гасыму-сан. Нудзюно хоросё забочиться о господзине. Очень прошу!

Японец порывисто, что было сил, поклонился. И потерял сознание от резкого движения — повалился вбок, обмяк.

— Аман-аман, — расстроенно покачал головой Гасым. — Нет, не будет жить. Помрет. Жалко, да?

Опытная женщина с безупречной репутацией

Распоряжения по хозяйству отданы, Турадл поцелован в лоб и отправлен с гувернером в Пони-клуб — учиться благородной посадке в седле, мальчику из хорошей семьи без этого нельзя. Можно посвятить несколько минут утреннему кайфу.

Утренний кайф у Саадат происходил в гардеробной комнате, куда прислуге без особого разрешения заглядывать не позволено. В небольшом, уютном помещении, где по стенам — платья, на полу — коробки с обувью, а поверху — шляпы, всегда курились благовония, отлично скрывающие запах голландского табака. Первая утренняя папироса — одна из радостей жизни. И, как большинство жизненных радостей, запретная. Впереди длинный день, будет много забот, но уж десять-то минут можно себе презентовать?

Шелковые платья, туфли на каблуках, безумно прекрасные шляпы с перьями — всё это было абстрактным искусством. Ничего подобного респектабельная мусульманская вдова носить не станет. Разве что в европейском турне. Или перед зеркалом, наедине с собой. Но примерять наряды — отдельная радость жизни, вечерняя. До вечера еще нужно дожить.

По утрам Саадат просто курила и рассматривала в зеркало свое лицо. Настоящей женщине никогда не прискучит это занятие.

Красавицы бакинки

Она знала про себя: не красавица. Нос великоват, рот широковат, губы тонковаты. Разве что брови хороши, шелковистая кожа — ну и глаза, конечно: хоть по азиатским меркам, хоть по европейским. Женщины, даже приличные, подкрашивают ресницы, а ей не нужно. С такими глазами и бровями от чадры одна польза. Многократно проверено: верхняя треть физиономии действует на мужчин сильнее, нежели демонстрация тела целиком. Это было еще одной причиной, по которой Саадат в свое время решила исполнять роль ортодоксальной мусульманской матроны. Конечно, возмутительно, что женскому полу на востоке предписывается прятать лицо, как будто он — какая-то непристойная часть тела, однако Саадат была уверена, что этот закон в древние времена придумали сами женщины. У мужчин не хватило бы мозгов.

Если тебе есть что показать, ты всегда найдешь возможность это сделать. Именно тому мужчине, который тебя интересует. И в тот день, когда особенно хорошо выглядишь. Пусть потом вспоминает, глотает слюни.

Резон этот, впрочем, не был главным. Хочешь жить в Баку и успешно заниматься нефтяным бизнесом — используй природные преимущества сполна. А принадлежность к женскому полу, особенно на Востоке, — огромное преимущество, Саадат была в этом уверена. Если бы, при ее характере, она родилась на свет горбуньей, то и тут придумала бы, как обратить это

обстоятельство себе на пользу. Разумеется, в жизни бакинки-мусульманки есть определенные неудобства. Например, еще несколько лет назад считалось неприличным пойти в театр. Но сейчас в лучшем городском театре для дам вроде Саадат Валидбековой есть специальные ложи, плотно укрытые портьерами от нескромных взглядов. Если сидишь там в одиночестве, можно и к фляге с коньяком приложитьсь. Завидуйте, европеянки.

Рассмотрев во всех деталях лицо, Саадат положила папиросу и распахнула китайский халат.

Теперь, согласно ритуалу, надо было осмотреть фигуру. Повернулась боком, ущипнула живот, бедра. Нигде не висит. Теперь спиной. Аллах всемогущий, что это на левой ягодице? Неужто тот самый *cellulite*, о котором пишут в дамских журналах? Какой ужас!

Нет, всего лишь ямочка. Уф.

Саадат затянулась, с облегчением пустила вверх, к зарешеченному окошку вентиляции, тонкую струйку.

Что ж, по современным европейским понятиям фигура ладная и даже модная. Но бакинские ценители красоты (если б их, конечно, удостоили этого зрелища) сказали бы: «Фуй!» Худая, бюст скромный, бедра узкие. Когда Саадат шестнадцатилетней выходила замуж, была вовсе как ивовый прутик.

Юную дочь обедневшего бека выдали замуж удачно — не за вульгарного нувориша, каких в Баку расплодилось видимо-невидимо, а за ровню, человека из старинного рода, только состоятельного, что для аристократии стало редкостью. Городом теперь заправляли вчерашние арбажики, черпальщики и бурдючники-туллугчи, у кого хватило везения найти нефть и здравомыслия не свихнуться от счастья.

Саадат была невеста так себе. Мало того что тоща и без гроша за душой, так еще и попорчена образованием — проходила шесть лет в гимназию, где ее научили куче совершенно ненужных, более того — вредных для мусульманки вещей.

В самом деле, замужество могло считаться блестящим. Правда, Саадат, дурочка, ревела и в первые дни чуть руки на себя не наложила, потому что супруг был пожилой, слюнявый, брюхастый. Но девочка она была умная, с характером, всему училась быстро. И через некоторое время поняла, что ничего страшного — приспособиться можно. В сущности, Валид-бек Валидбеков был не монстром, а всего лишь старым сластолюбцем, падким на юных тоненьких девушек. Его возбуждал их ужас и трепет. А если ужаса и трепета не было, Валид-беку становилось неинтересно, весь его пыл пропадал. Как только Саадат сделала это открытие, замужняя жизнь сразу наладилась. Сальный пузырь перестал наведываться к ней в спальню, утолял свои смешные страсти где-то на стороне, а дома вел себя тихо и почтительно. Очень гордился перед обществом, что супруга у него такая культурная, может и по-русски, и по-

французски, и по-немецки.

Когда обжорство и эротические похождения свели бека в могилу, Саадат обрела свободу. К двадцати трем годам она стала совсем умной. Уже не мечтала, что уедет в Париж или Лондон, где женщина может жить одна, ходить в оперу, появляться на людях с любовником. Уехать в Европу не штука, но что за жизнь без настоящего богатства?

После мужа ей достался прекрасный нефтеносный участок. Это была родовая земля Валидбековых. Муж палец о палец не ударил, чтобы разрабатывать промыслы — сдавал их в аренду за шестьдесят тысяч в год и был очень доволен. Но в двадцать три года Саадат хорошо понимала, что шестьдесят тысяч — не деньги. С арендатором она рассталась, взялась за дело сама и уже через два года имела втрое больше. Однако что значит «сама»? В Баку женщине заниматься нефтью невозможно. Это неженский город и неженский бизнес. Ни переговоры провести, ни сделку заключить, ни кредит вышибить.

Но всякое препятствие, если правильно к нему отнестись, может быть использовано как пьедестал или трамплин. Саадат назначила главой своего предприятия Гурам-бека, который приходился покойному мужу кузеном. Человек он был никчемный, но представительный и очень удобный в обращении. За тысячу рублей в месяц ходил на задних лапах, как дрессированный пудель. И на совещании Совета нефтепромышленников посидит (прочтет по бумажке что велено), и в театр сопроводит (а потом тихо исчезнет), и в поездке пригодится (одна женщина путешествовать не может — это *харам*).

Пока был жив муж, Саадат одевалась по-европейски. Но, овдовев, со вздохом спрятала платья и шляпки в гардероб, обернулась восточной вдовой, чем вызвала всеобщее одобрение. Мусульманские нефтяные магнаты в большинстве своем мужланы и дикари, уж никак не джентльмены, но к *женщинам, соблюдающим правила*, привыкли относиться с почтением, это у них в крови. Очень полезно и то, что баба для них — существо глупое, неопасное. А значит, тебе сойдет с рук то, что никогда не спустили бы мужчине. Нужно только не зарываться.

За шесть лет самостоятельной жизни Саадат достигла очень многоного. По объему добычи ее предприятие не входило ни в первую, ни даже во вторую десятку крупнейших нефтедобывающих фирм, зато по рентабельности, пожалуй, не имело себе равных. Настоящие цифры прибыли Саадат скрывала, занижала вдвое. Помалкивала и про резервные участки, купленные через подставных лиц. Там, в недрах щедрой ашхеронской земли, ждали своего часа миллионы и миллионы пудов сладкого, черного, пахучего дурмана, без которого планета не может жить, как наркоман без опиума.

Вот вырастет сын, возьмет предприятие в свои руки — тогда можно будет развернуть компанию «Валидбеков-нёют» («Нефть Валидбекова») во всю ее настоящую мощь. То-то все ахнут.

Главная причина, по которой Саадат не пожелала жить на европейском приволье, звалась «Турал». Не шестьдесят, а шестьсот тысяч — нет, шесть миллионов в год оставит она сыну, чтобы с такого высокого постамента он мог завоевать весь мир. Потому что настоящий мужчина обязательно хочет завоевать мир, а Саадат намеревалась вырастить своего мальчика лучшим мужчиной на свете.

В богатых бакинских семьях отпрысков безбожно балуют, и вырастают они раскормленными, капризными. Поэтому многие скороспелые состояния так быстро, уже во втором или третьем поколении, разваливаются. А Саадат своего сына воспитывала с умом, строго. Знала, что главное — сызмальства закалить характер, остальное приложится. Когда шла с Туралом по улице и он начинал шалить, говорила ему слабым голосом: «Ах, Туралуш, что-то голова кружится. Возьми маму за руку, а то она упадет» — и малыш сразу чувствовал себя мужчиной, защитником. Заодно переставал безобразничать.

Еще очень важно для мальчика — научиться преодолевать страх, но при этом не пристраститься к риску. Обе эти крайности в жизни опасны, а для бизнеса губительны. Разумной храбрости, как всему на свете, можно научить. Чтобы победить боязнь, надо двигаться крохотными шажками, одерживать маленькие победы одну за другой. Взять ту же верховую езду. Однажды Саадат заметила, что Турал боится лошадей (выезд у нее, это правда, был чересчур лихой, из свирепых туркменских рысаков). Сначала купила карликового пони, ростом чуть выше табуретки. Бояться такого горбунка было совершенно невозможно, Турал катался на малютке с удовольствием. Теперь вот отдала сына в Пони-клуб, где лошадки уже побольше. А со временем, года через три-четыре, мальчик будет и на рысаках ездить. Весь фокус в постепенности.

Саадат беспокоилась, что ребенок растет без отца. В смысле без мужчины (покойный Валид-бек таковым считаться никак не мог). Из-за этого опасения, вероятно, перебирала со строгостью. Боялась вырастить маменькиного сынка, воздерживалась от нежностей. Хоть иногда прямо сердце разрывалось — так хотелось обнять, приласкать. Нельзя. По этой же причине — чтоб не баловали — с трех лет не подпускала к Туралу нянек, а служанок за сюсюканье наказывала. В конце концов придумала, как решить проблему — приставила к сыну правильного мужчину, гувернера. Теперь изредка позволяла себе роскошь: поцеловать Турала в лоб. Один раз, коротко.

Табака в папиросе оставалось еще на три или четыре затяжки, но Саадат мыслями уже переключилась с кайфа на заботы начинающегося дня.

Вечером предстояло трудное: переговоры со стачечным комитетом.

На предприятии «Валидбеков-нёют» никогда подолгу не бастовали, хозяйка умела поддерживать хорошие отношения с рабочими.

Дважды в год в сопровождении Гурам-бека она ездила в Персию вербовать рабочих-амшари, потому что они нетребовательны и почтительны к хозяевам. Каждого отбирала лично, после беседы. Чтоб был тихий, многосемейный, без дурного блеска в глазах. Платила Саадат всегда в срок и чуть больше, чем соседи. Особенно старательным давала премии. Если какое недоразумение или конфликт — сваливала вину на Гурам-бека и выступала примирительницей.

Но забастовка, начавшаяся месяц назад и постепенно распространявшаяся по всему Ашхерону, наконец докатилась и до валидбековских промыслов. Четыре дня назад комитетчики передали пакет требований. Саадат изобразила отчаяние и даже заплакала, посетовала на вдовью долю. Попросила пять суток на обдумывание.

Торговаться она умела очень хорошо, мало кто мог сравниться с ней в этом благородном искусстве. Сбивать цену — наслаждение не менее сладостное, чем чувственные экстазы. Платя революционерам и хищникам-гочи ежемесячную дань, чтоб на буровых не было пожаров, Саадат каждый раз устраивала настоящий спектакль. Страшные люди уходили от нее измученными и вспотевшими, в полной уверенности, что выжали из вдовицы все соки. Она же рассматривала этот расход не как потерю, а как статью экономии. Из-за хороших отношений с бандитами (как идейными, так и безыдейными) можно было не содержать армию охранников. Выходило и дешевле, и спокойней.

Главное — не приходилось окружать Турала сворой телохранителей, как это делают другие промышленники, оберегая детей от похитителей. Что путного вырастет из ребенка, которого с утра до вечера опекают вооруженные до зубов громилы?

При Турале состоял только один человек — он был и гувернером, и защитником. Франц Кауниц, бывший лейтенант австрийской кайзерско-королевской армии, занимался с мальчиком гимнастикой, учил немецкому языку, хорошим манерам, а также самой важной науке: быть мужчиной. На случай неожиданностей (Баку есть Баку) в кармане у отставного драгуна лежал

пистолет, которым Кауниц отлично умел пользоваться.

Саадат знала, что ей очень повезло с воспитателем. Из-за плохо гнущегося колена, напоминания о неудачных скачках, австриец покинул службу, отправился искать счастья в далекий нефтяной город, где вложил все свои сбережения в клочок земли. Многие играли в эту лотерею. Некоторым везло — на участке обнаруживали нефть. Но Кауниц вытянул пустышку. Тогда он пошел в гувернеры, чтобы накопить денег и снова попытать счастья, но не в привычках. Саадат было отпускать полезных людей. Австриец жил у нее на всем готовом, получал генеральское жалованье, о нефти не вспоминал.

Одно время она подумывала, не взять ли рослого, немногословного, чертовски привлекательного блондина в любовники, но не стала. В любовники годятся две разновидности мужчин: либо совсем простые, либо очень сложные. С первыми хорошо страстно и бездумно покуыркаться в постели; со вторыми, наверное, интересно поговорить («наверное» — потому что в реальности мужчин второго типа Саадат пока еще не встречала). А Кауниц был не то и не другое. Для маленького незатейливого приключения слишком образован, для сложных отношений все-таки недостаточно сложен. Одно слово: кавалерист. И что потом? С любовником под одной крышей жить не следует — в доме ребенок. А найти кандидата в постельные утешители куда проще, чем хорошего гувернера. Вот когда Кауниц научит мальчика всему, что знает, нужно будет перед расставанием сделать австрийцу и себе подарок. Приняв такое решение, Саадат смотрела на бывшего лейтенанта с приятным предвкушением — как на аппетитное яблоко, которое созревает на ветке и однажды непременно будет съедено.

Свое женское счастье Саадат обустроила умно и ловко — еще с тех пор, когда муж оставил ее в покое и без разрешения даже не смел появиться в эндеруне, женской половине дома. Если Валидбекову нравились субтильные и робкие дурочки, то Саадат предпочитала высоких, молчаливых и несуетливых красавцев. Ни в коем случае не умников. Любовные развлечения она готовила со вкусом и позволяла их себе нечасто — раз в месяц. Есть прелесть в том, чтобы дать телесному голоду накопиться. Лелеять любовную истому едва ли не приятней, чем предаваться страсти. Постепенно наливаешься изнутри сиропом, наполняешься сиянием и ароматом. И когда начинает казаться, что вот-вот лопнешь от неги, самое время отправляться на охоту.

Раньше Саадат действительно садилась в легкую коляску и медленно каталась по набережной, высматривая привлекательных мужчин. Лицо целомудренно прикрыто, глаза задерживаются на статных прохожих — будто бьют уток влет. Почти все, на ком она останавливалась взор, оборачивались. С местными мужчинами Саадат никогда не связывалась, потому что Баку город маленький. Только с приезжими. Это мог быть командированный офицер, инженер, коммивояжер.

Если мужчина казался перспективным, Саадат слегка тыкала зонтиком в спину Зафара. Тот понимал без слов. Спрыгивал с облучка, шел проследить за кандидатом, выяснить, кто такой и где живет, а Саадат брала поводья и поворачивала домой.

Поверенного своих тайных радостей Саадат вывезла из Персии. Он был евнух, в прошлом — скороход при старшей жене его высочества шахзаде, то есть представитель высокооценимой придворной профессии. Из дворца Зафара выгнали за строптивый характер, и Саадат он достался задешево. С нею перс былшелковый. Истинно бесценный помощник, надежный наперсник, верный друг! Без него ей теперь и жизнь была бы не в жизни.

Он содержал в идеальном порядке неприметный снаружи, но изысканно обставленный домик в тихом закоулке Старого Города, близ Шемахинских ворот. Соседи были уверены, что хозяин немой, потому что Зафар объяснялся с ними только знаками. На самом деле евнух презирал людей, не считал нужным тратить на них слова — хватит и жестов. На всем белом свете он любил только хозяйку, с нею и разговаривал, хоть редко и коротко.

Когда Саадат, однажды проснувшись, вдруг чувствовала: «Пора, сегодня поеду кататься», она говорила повседневному кучеру, что нынче ее повезет Зафар. И немой перс являлся будто сам собой. Слуги не могли понять, откуда он узнает о желании госпожи, и относились к евнуху с мистическим ужасом. А все просто. С крыши любовного гнездышка было видно верхний этаж дома Валидбековых на Заведенской улице. Если на окне спальни наполовину задернута алая штора, Зафар знал: сегодня будет прогулка.

После того как приглянувшийся мужчина был проверен и сочтен пригодным, начиналась собственно охота.

Избранник Саадат словно попадал в сказку из «Тысячи и одной ночи». Таинственный смуглокожий незнакомец в экзотическом одеянии с поклоном вручал ему надущенную записочку. «Прекрасная восточная дама, обладающая положением в обществе, обратила на Вас внимание и желала бы узнать Вас ближе, однако лишь в том случае, если Вы деликатны и умеете хранить тайны», — гласило послание, написанное по-французски витиеватым почерком.

Верблюды на бакинских улицах

Смешно, как действует на европейцев ориентальный колорит в сочетании с ароматом тайны. Они прямо цепенеют. Все читали в детстве дребедень про арабские гаремы и про «слепое» рандеву молодого гугенота с Дианой де Тюржи. Заинтригованные, сгорающие от любопытства, мужчины послушно следовали безмолвным указаниям евнуха. Сначала Зафар вел их в хаммам, где размягчал и освежал массажем, а заодно проверял опытным взглядом, нет ли признаков венерического заболевания. Потом, под покровом ночи, долго водил по улочкам Ичери-Шехер. Перед входом в дом завязывал глаза. Некоторые хитрецы потом сдергивали повязку, но это ничего не давало — Саадат никогда не зажигала в будуаре света. Перед рассветом она поила утомленного любовника чаем, в который подмешивала опиум, и Зафар уводил одурманенную жертву соблазнения прочь.

Лица таинственной красавицы мужчина не видел, имени не знал, найти дороги к дому не мог. Назавтра, отоспавшись, счастливец начинал сомневаться — не привиделась ли ему чудесная ночь, не было ли все это прекрасным наваждением. Мусульманские женщины столь целомудренны и неприступны! (И это правда, господа. Саадат на весь Баку такая одна — и та вам приснилась.)

Потом целый месяц наслаждалась воспоминаниями о пережитом приключении — и готовилась к новому. Одно правило она соблюдала непреложно: даже если любовник оказался невероятно хороши, второй раз приглашать его нельзя.

Турал был, конечно, не от пузатого Валид-бека. Еще чего! Заморский гость с полуженским именем Марио, красивый тенор-итальянец, приехавший в богатый город на гастроли, провел незабываемую ночь с таинственной одалиской — и оставил ей на память драгоценный подарок: мальчика с такими же зелеными глазами и кожей нежно-оливкового оттенка.

Когда Саадат сообщила мужу, что Аллах собирается благословить их брак ребенком, Валид-бек, конечно, удивился, но претензий не предъявил — к тому времени он давно уже ходил по струнке, у них установилось полное взаимопонимание. Саадат даже плакала на его похоронах — довольно искренне.

Постепенно правила охоты на мужчин совершенствовались. С опытом оттачивался вкус.

Эмпирическим путем было установлено, что любовник не должен быть слишком молод. Юнцы пылки, но неловки и привязчивы. Со зрелым мужчиной интересней и безопасней.

«Ловля на блесну» (так Саадат называла свои катания) со временем отошла в прошлое. Игра в слепой случай ненадежна и малопродуктивна. Сколько раз бывало: приглянется тебе кто-нибудь, а потом Зафар вернется и скажет, что кандидат по тем или иным причинам не подходит.

Гораздо лучше подбирать жертву заранее, вдумчиво. На каком-нибудь рауте или в театральном фойе, семеня за Гурам-беком тихой восточной мышкой с замотанной мордочкой, Саадат высматривала добычу. Потом выясняла, годен ли. Благоухающими записочками начинала обстреливать заранее, разжигая у объекта аппетит. Ну и сама, конечно, тоже распалялась в предвкушении.

За всю историю вольной охоты сбои случались всего четырежды. Троє в последний момент испугались ночного похода в Старый Город — не бандитская ли ловушка. Этих было николечки не жалко — из трусов паршивые любовники. Один уникум оказался верным мужем. К редкому феномену Саадат отнеслась с почтением, но тоже без сожаления: кому нужен в постели светоч добродетели?

Заядлые зверобои украшают парадную залу дома охотничими трофеями: головами рогатых оленей и клыкастых кабанов, чучелами медведей и особенно крупной дичи. У Саадат имелся заветный альбомчик — род почетной книги. Всего 87 экспонатов. Там только номер, дата и засушенный цветок.

Например: «№ 48. 19/VIII — 1909» — и лютик.

А напротив незабываемого номера 29 (м-м-м!) — незабудка.

Но даже с двадцать девятым (м-м-м!), самым лучшим из всех, второго раза Саадат себе не позволила. Потому что удовольствие удовольствием, но безопасность и репутация дороже.

* * *

Вспомнив двадцать девятого (м-м-м, 6 сентября 1905 года!), Саадат, как всегда, мечтательно улыбнулась. Утренний кайф окончился. Окурок и пепел — в бумажку, бумажку в карман.

Конечно, такую жизнь нормальной считать трудно: в собственном доме, от собственных слуг утаивать самые невинные удовольствия. East is East. Тут из любой ерунды устраивают тайны. Может, в этом и заключается главное очарование Востока.

Переодеваясь в обычное, черное, вдовье, Саадат уже не улыбалась — думала про забастовщиков.

Надо, чтобы вышки не переставали качать нефть. Сейчас, на фоне сокращения добычи, это приносит огромные барыши, по сравнению с которыми прибавка жалованья — ерунда. Но нельзя прибавить много, иначе разозлятся Арташесов, Шамсиев и остальные заправилы Союза

нефтепромышленников. Они и так ворчат, что «Валидбеков-нёют» сбивает цены на рынке труда.

За окном нетерпеливо гуднул клаксон. Как, они еще не уехали?

Она выглянула. Франц сидел за рулем открытого бежевого «делонэ», один. Австриец прекрасно водит автомобиль и предлагал научить хозяйку, но это, к сожалению, невообразимо. Все усопшие имамы и валиды города Баку перевернутся в своих гробницах.

— Was ist los? — крикнула Саадат, высунувшись. — Wo ist Tural?

Губернатор не успел ответить — по ступенькам сбежал Турал в жокейском костюмчике и английской шапочке с козырьком.

— Noch nicht aber schon bald! Jetzt gehen wir! ^[4] — сообщил он Кауницу.

Она догадалась, в чем дело. Бегал на задний двор, проводать корову Бетти, которая вот-вот родит. Позади дома — старинного, но недавно модернизированного (водопровод, электричество) — остался скотный двор, Саадат его не тронула. Ребенка нужно кормить продуктами, происхождение которых ты можешь контролировать. У нее и пекарня была собственная. Нынешним молочникам, мясникам, булочникам доверять нельзя — все испорчены, развернуты легкими деньгами и невзыскательностью понаехавшего в Баку сброва.

По привычке Саадат пробормотала вслед Туралу молитву-оберег: «Васалля ллаху та’аля ‘аля хайри халькыхи мухаммадин ва ‘аля алихи ва асхабихи аджма’ин» — «О, Аллах, о, Щедрыйший, убереги нас от всех бед и болезней». В Бога она не особенно верила, но почему не подстраховаться? По мнению современных ученых, магические заклинания могут обладать некоей энергией, природа которой науке пока неизвестна.

Имя «Турал» тоже было заклинанием, означало «Бессмертный». У всякого человека помимо повседневных забот, развлечений и огорчений в жизни должен быть высший смысл. Многие мужчины творят глупости и даже преступления, выдумывая себе этот самый смысл. Женщине, если она мать, живется проще. Вот он, смысл жизни: сидит рядом с шофером, размахивает руками, что-то рассказывает. Саадат знала: если имя сына подведет и Турал (оборони Аллах) окажется смертным — тогда и она жить не будет. Потому что зачем?

Сын был единственный, другого не появится. Саадат сама, овдовев, попросила Зафара сделать так, чтоб она никогда больше не беременела. Незаконнорожденного ей не надо, а снова выходить замуж — вот уж нет.

И не нужен ей еще один ребенок. Непонятно, как женщины, у которых много детей или хотя бы двое, делят то, что разделить нельзя: любовь. Или что это: любить всей душой и мужа, и ребенка? Ведь кого-то из них все равно любишь больше? Вообще загадка из загадок — как можно полюбить мужчину. Не в физическом смысле, а по-настоящему. Любить можно только того, кто всегда был твой и всегда будет твой, что бы ни случилось. А мужчины... Они как огонь, которым греешься и на котором готовишь пищу, но при неосторожном обращении сильно обожжешься или вовсе сгоришь. Не будешь же любить огонь? Это уж огнепоклонство какое-то.

Франц пристегнул мальчика ремнем, потому что дорога ухабистая. Снял шапочку, надел кожаный шлем — это Турал сам захотел. Увидел как-то автомобильного гонщика в каскете, потребовал такую же.

Солнце нынче было лютое, ослепляющее. Пыль висела в воздухе, сверкала, как золотой песок. Немногочисленные прохожие шли лениво. Некоторые останавливались передохнуть в тени. В Баку мужчины часто просто стоят кучками, почти не разговаривают. Перекинутся словом и надолго умолкают. Женщин никогда не застанешь за таким праздным занятием. Если они болтают — то дома или во дворе, и руки всегда в работе.

Вдруг что-то изменилось. Солнная, разомлевшая от зноя улица пришла в движение. Трое бездельников, все в черных папахах, глазевшие на автомобиль с тротуара, сорвались с места. Двое прохожих, бредущих по противоположной стороне, выскочили на мостовую, тоже побежали

к машине.

Крик застрял у Саадат в горле.

Кауниц обернулся на топот, начал приподниматься — но один из людей вскочил на подножку, ударил австрийца кулаком по голове. Должно быть, в руке было что-то тяжелое — кастет или свинчатка, потому что Франц сполз с сиденья.

Все пятеро запрыгнули в машину: двое вперед, трое назад.

— Ан-а-а-а! — закричал Турад, повернувшись к дому — знал, что мама смотрит из окна.

На мальчика натянули мешок, крик затих.

Один из похитителей взялся за руль, второй держал ребенка. Трое задних выставили стволы, готовые стрелять, если кто-то сунется. Лица были закрыты масками — когда их натянули, Саадат не заметила.

«Делонэ» фыркнул, плюнул черным дымом из выхлопа и, подпрыгивая, понесся по булыжной мостовой. Взвинтилась пыль. Шарахнулся тонконогий верблюд с огромным тюком на спине. На его мохнатой шее зазвенели бубенчики, всплеснул руками погонщик. И машина скрылась за углом.

Саадат всё разевала рот, хотела крикнуть — не могла.

* * *

Наверное, она сошла бы с ума или умерла от разрыва сердца, если бы через четверть часа не зазвонил телефон. Звонок услышали нескоро, потому что все были на улице. Вопили, махали руками, рыдали, метались. Наконец старший слуга услышал трель и пошел взять трубку.

Саадат в это время лежала на мостовой — на том самом месте, где бандиты похитили сына — и заходилась воем, колотила кулаками по земле. Вокруг плотно стояли люди, громогласно сочувствовали.

— Госпожа, — сказал задыхающийся Фарид. — Вас к телефону. Это они, те самые. Хотят вас...

В ту же секунду Саадат перестала рыдать. Поднялась, отряхнула пыль. Голова не кружилась, сердце не замирало. Сейчас раскисать было нельзя.

Пока шла к телефону, сказала себе: позвонили — значит, потребуют выкуп. В Баку детей крадут часто, это бизнес. Она ошиблась, когда думала, что обезопасила сына, аккуратно выплачивая дань. Вероятно, появилась какая-то новая шайка.

Ничего ужасного. Когда речь идет о деньгах, всё решаемо. Надо говорить с вымогателем посложней, чтобы не запросил слишком много.

— Валидбекова, — коротко, сухо сказала она в трубку.

— Ваш сын у нас.

Русский. Это еще ничего не значит. И армяне, и мусульмане, и кто угодно в таких делах часто берут в посредники русских — чтоб не наводить на след.

— У кого «у нас»? — осведомилась она.

На том конце сердито хмыкнули.

— Вы, кажется, не особенно обеспокоены? Зря.

Речь грамотная. Значит, скорее всего, не уголовники, а революционеры.

— Ближе к делу. Сколько?

За сына Абылгазиевых эсеры взяли триста тысяч. Но там не единственный ребенок. Правда, и предприятие почти вдвое больше. Попробовать сбить до ста пятидесяти.

— Только учтите, — всё так же спокойно продолжила Саадат. — У меня сейчас плохо с

деньгами. Я только что закупила новое оборудование. Можете проверить.

Это было правдой. В мае она инвестировала 800 тысяч в модернизацию — установила на вышках двигатели «Дизель», которые качают нефть в полтора раза быстрее. Свободных средств у нее никогда не водилось, так что пришлось взять большую краткосрочную ссуду. Рассчитывала быстро расплатиться — в воздухе уже попахивало всеобщей забастовкой, а в своих рабочих Саадат была уверена.

— Зачем проверять? И так знаем, — ответил мужчина. — Денег не нужно. Откажите стачечному комитету. Никаких уступок. Это всё, что нам нужно.

Вот чего она никак не ожидала.

— Вам не нужны деньги?!

Голос дрогнул. Стратегия переговоров провалилась.

Не пойти на уступки?! Это навсегда испортит отношения с рабочими. Она собиралась подать комитетчикам чаю, сладостей. Поплакать, пожаловаться на вдовью долю. В конце концов, подняла бы тарифные расценки на десять, максимум 12 процентов — и все остались бы довольны.

Но еще ужасней другое. Если остановятся насосы, нечем будет выплачивать ссуду. А это банкротство и разорение.

— Молчите, мадам Валидбекова? Решайте, что вам дороже — деньги или сын. Говорите сейчас, я должен передать ваш ответ немедленно!

— Да, да, да! — задыхаясь вымолвила она. — Я откажу комитету. Только верните Турада!

Сердце трепетало в панике, но мысль продолжала работать. Сына можно переправить в Тебриз, к родственникам мужа. И потом договориться с комитетом...

— Мальчик проживет у нас до конца забастовки, — сказал неизвестный. — Потом вернем, зачем он нам?

Связь разъединилась.

Не обращая внимания на слуг, толпившихся у входа, Саадат осела на пол, схватилась руками за голову.

Конец. Помимо восьмисот тысяч, которые нужно вернуть банку до конца июля, еще надвигаются выплаты процентов по прошлогоднему кредиту. Она всегда исходила из того, что, если у тебя имеется рубль, нужно занять еще девять — и всё вложить в будущее. Эта стратегия в считанные годы позволила учесть верить оборот, но работала она лишь при постоянной подкачке новых средств. Если добыча нефти прекратится, зыбкая конструкция рассыплется. Кредиторы налетят, как коршуны. Конкуренты, почувствовав легкую добычу, стакнутся, не дадут продать участки и оборудование по рыночной цене...

Больше всего Саадат потрясло равнодушие главаря похитителей (или посредника?) к деньгам. Идейные злодеи — самые страшные. Такие во имя светлого будущего пролетариата запросто убьют семилетнего мальчика. Достоевский со своей слезой ребенка для них не авторитет.

Ах, не денег ей было жалко, не вышек, не запасов нефти! Невыносима мысль о том, что Турада впереди ждет бедность. Не нищета, конечно. Уж какие-никакие крохи от кредиторов утаить всегда можно. Но величественного, с неограниченными возможностями будущего мальчику не видать.

Саадат предавалась отчаянию минут пять. Может быть, десять. А потом взяла себя в руки.

Во-первых, лучше скромное будущее, чем вообще никакого, сказала она себе.

Во-вторых, нельзя сдаваться раньше времени.

Честно говоря, сдаваться она не умела ни раньше времени, ни позже времени.

Вечер еще не наступил.

Что можно сделать?

В другой стране или хотя бы в другом городе Российской империи она обратилась бы в полицию. Но только не в Баку. Для мусульманки это означало бы навсегда потерять лицо. Жаловаться в русскую полицию еще худший срам, чем решать тяжбу в русском суде. Даже при убийстве родственника бакинец не обратится к властям. Мстить врагам нужно самому, а не можешь — предоставь возмездие Аллаху.

Господи, да плевать на потерю лица! Но эта полиция только и умеет, что брать бакшиш. Никого они не найдут, сколько им ни посули. Не для того эти шакалы существуют.

Значит, нужно попробовать традиционный путь, которым в такой ситуации пошла бы всякая мусульманская мать, не имеющая защитника, но располагающая средствами.

Только нужно спешить. Очень мало времени.

* * *

Уже через час, поговорив по телефону с несколькими знающими людьми, Саадат знала, к кому следует обратиться и как этого человека найти.

Есть знаменитый гочи с очень хорошей репутацией, некий Кара-Гасым. О нем уже неделю говорит весь город, потому что недавно в Шубанах этот человек в одиночку перестрелял целую банду армянских анархистов. Осведомленный человек сказал: если Кара-Гасым возьмется — сделает. А не возьмется — значит, никто не поможет.

Еще через полчаса, укутанная в старый хиджаб младшей служанки, Саадат шла по Старому Городу.

Посредник, которого прислал осведомленный человек, показал во двор:

— Это здесь, госпожа. По лесенке и наверх. Дальше я с вами не пойду, и да поможет вам Аллах.

С бьющимся сердцем, но шагом твердым и решительным вошла она в комнату, где на коврах висело много оружия, а у стола огромный пышноусый детина ел сухофрукты, зачерпывая их горстями.

Скорбный рассказ он выслушал молча. Сразу сказал:

— Нет, не возьмусь. Уходи, женщина.

— Здесь пятнадцать тысяч. — Саадат развернула и показала деньги — все, какие были дома. — Будут еще.

Он на деньги и не взглянул. Вezlo ей сегодня на бессребреников.

— Черный Гасым честный человек. Если не могу сделать, так и говорю. У меня, женщина, сейчас есть дела поважнее. Я сейчас занят. Я слово дал. Смирись с судьбой. Если тебе дорог сын, променяй на него свое богатство.

Про настоящих гочи известно: их слово — камень. Если что сказал — не переубедишь и не разжалобишь. Упрашивать бесполезно.

Ослепнув от нахлынувших слез, Саадат поднялась, побрела куда глаза глядят. Какая-то дверь. Переход или коридор. Стена.

Кажется, она вышла не туда, откуда пришла.

Промокнула слезы, попыталась сориентироваться.

Коридор. Двери. Толкнула ближайшую.

В довольно большой комнате на низком диване кто-то спал, накрытый одеялом. У столика, скрестив ноги, сидел заросший черной щетиной дагестанец в папахе, что-то быстро писал. Это

было удивительно. Саадат никогда не видела, чтобы горцы строчили карандашом по бумаге.

Грамотей поднял голову. Саадат, уже хотевшая прикрыть дверь, замерла.

Где-то она уже видела эти синие внимательные глаза, тонкий нос, брови вразлет. Зрительная память у Саадат была превосходная.

Не может быть!

Да он, точно он! Муж киноактрисы Лунной, любимицы бакинской прессы!

Но ведь беднягу убили разбойники, сразу после арташесовского раута, где Саадат впервые увидела этого лощеного московского денди. Фамилия у него была какая-то не очень русская. Фон... Нет, Фандорин. Когда прочитала в газете о его гибели, вздохнула. Там, в пещере, что-то такое она в нем усмотрела. Даже, помнится, подумала: не взять ли на заметку. Красивый, статный, немолодой. Вот только глаза слишком умные.

— Что тебе надо, женщина? — спросил призрак по-русски, очень недурно имитируя аварский акцент. — Почему на меня смотришь?

Но загадка непонятного воскрешения актрисиного мужа недолго занимала несчастную мать. Пусть все человечество погибнет, воскresнет и снова погибнет — что ей за дело, если Турал в руках фанатиков?

Однако этот человек здесь живет. Может быть, он замолвит словечко перед грозным гочи?

Вместо ответа Саадат откинула чадру. Показала лицо, мокрое от слез.

Фальшивый аварец нахмурился.

— П-постойте, — сказал он уже без акцента, но с легким заиканием. — Вы ведь... Не помню имени... Мы с вами встречались в Мардакянах.

Она рухнула на колени и разрыдалась. Хотела воззвать к жалости, но начала плакать — и не могла остановиться.

— Да что с-случилось?

Не сразу, в несколько приемов, давясь слезами, Саадат рассказала о своей беде. Получилось бесполково. Некоторые вещи повторила по три раза, а другие, важные, пропустила.

Фандорин слушал терпеливо. Сначала, ей показалось, без интереса, но потом что-то зажглось в глазах.

Вопрос он задал только один и странный:

— Вы с-сказали, ваш австриец хромой?

— Да. У него колено... Поэтому Франц не успел быстро подняться и вытащить оружие. Хотя это ничего не изменило бы. Их было пятеро...

— Подождите здесь, госпожа... Валидбекова, так? Я скоро вернусь.

И вышел.

Подождать? Как бы не так!

Сняв туфли, Саадат на цыпочках прокралась коридором.

— ...И денег не требуют! Им нужна забастовка, а не выкуп, понятно тебе? — слышался голос Фандорина. — Очень возможно, что это наш хромой!

Гочи недовольно прогудел:

— Э, теперь за каждым хромым бегать будем?

Пауза. Потом русский сухо сказал:

— Ну, как хочешь. Тогда я сам.

Шумный вздох.

— Ладно, Юмрубаш. Куда ты, туда и я. Я твой япон слово дал.

Странная компания

Забот было много, а дело не двигалось. Уже целую неделю, с утра до вечера, Фандорин был занят поисками революционера по прозвищу Дятел — тщетно. Такой птицы в бакинских зарослях не водилось. Или же она умела очень хорошо прятаться.

При этом всякой пернатой нечисти в городе было достаточно: армянский бандит Черный Ястреб, лезгинский бандит Белый Сокол, русский налетчик просто Сокол, тюркский головорез Лешийэн, то есть Стервятник, а вот про Дятла ничего разузнать не удалось, хоть Гасым расспрашивал самых разных людей (а контакты у него были повсюду). Вдвоем они побывали во всех районах вытянувшегося вдоль моря города, обошли окрестности. Гасым задавал вопросы, Эраст Петрович изображал сурового горца-телохранителя и молчал.

С хромым выходило наоборот — в Баку было много колченогих революционеров и разбойников, причем первые при всем многообразии политических оттенков мало чем отличались от вторых.

Кроме бесплодных поисков у Фандорина было еще два занятия: он ухаживал за Масой, который был по-прежнему очень плох, и вел дневник.

Раздел «Дерево» день ото дня обогащался сведениями о бакинских революционных организациях: большевиках, меньшевиках, анархистах, эсерах, мусаватистах, дашнаках, панисламистах.

Раздел «Иней» выглядел всё мрачнее и мизантропичней. Там подряд шли причитания о скудости человеческого ума, ненадежности морали и крахе технократической цивилизации. Самоедство Эраста Петровича дошло до столь критической точки, что в дневнике появилась запись следующего содержания:

«Человек никогда не должен говорить о себе: „Я — дермо“ . Если ты оказался никчемен или совершил что-то гадкое, говори: „Я в дерме“ . Потому что, если ты угодил в дермо даже по собственной вине, еще можно выкарабкаться и отчиститься. Но если ты признал себя дермом, ты соглашаешься на вечное существование в выгребной яме».

Хуже всего, что в разделе «Клинок», куда полагалось записывать продуктивные идеи, зияли удручающие пропуски. Заполнить их было нечем.

Так продолжалось до момента, когда в комнате, где Фандорин мрачно исполнял долг перед Никки-до, появилась плачущая женщина в черном. Ее несомненно прислала Удача, сжалившаяся над своим полуопальным любимцем.

Эраст Петрович сразу сопоставил два факта: похищение ребенка не ради выкупа, а ради расширения забастовки (мотив явно не бандитский, а революционный); плюс хромой гувернер, который как-то очень легко для драгунского офицера дал себя обезвредить, а затем бесследно исчез.

Расследование, разумеется, полагалось начать с осмотра личных вещей герра Кауница.

Госпожа Валидбекова быстро придумала, как это устроить.

— Я вдова и не должна пускать в дом постороннего мужчину. Но у меня похитили сына. Я женщина, я испугана. Как в Баку поступает женщина, когда она испугана?

Фандорин пожал плечами. Он не знал.

Ответил Гасым, который разглядывал Валидбекову с нескрываемой враждебностью. Ему очень не нравился весь этот поворот событий.

— Когда женщина страшно, она берет телохранитель.

— И чаще всего из северных горцев, — сказала Валидбекова. — Потому что они злые и верные.

— Отлично, — кивнул Эраст Петрович. — Я буду з-злой и верный. Идемте.

На улице она снова укуталась в свои черные тряпки, ссгутилась, походка стала семенящей. Эта дама обладала незаурядными актерскими способностями. Два телохранителя — гочи и аварец — шли, отстав на шаг. Встречные поглядывали на троицу с почтением, но без удивления.

— Что мне сказать забастовщикам? — послышалось из-под чадры.

— Когда вы их ж-ждете?

— Через четыре с половиной часа.

— Я вам отвечу после осмотра комнаты гувернера.

* * *

Дом у госпожи Валидбековой был странноватый. Обставлен по-восточному: всё диваны да ковры, резная персидская мебель, на стенах какие-то арабские изречения. А в кабинете стол завален биржевыми сводками и чертежами, целых три телефона, компактный телеграф и даже — новинка из новинок — аппарат факсимильной связи.

Интерьер богатого Бакинского дома

— Это-то вам з-зачем?

— Бывает нужно отправить документ с подписью или чертеж, — коротко ответила хозяйка.

Дома она сняла чадру и стала держаться иначе. Глаза смотрели цепко и требовательно, движения сделались резкими, речи немногословными. Невозможно было поверить, что эта дама способна рыдать или умолять. Всяких женщин повидал на своем веку Эраст Петрович, но такой, пожалуй, еще не встречал. Интересный экземпляр. Что за человек был ее покойный муж? Неужели на портрете изображен он — толстощекий боров в феске, с фатовскими усами?

Гасым остался в гостиной пить чай со сладостями, а Фандорин с Валидбековой поднялись наверх, где в маленькой квартирке (прихожая, санитарный узел, жилая комната) обитал хромой.

На лестнице Эраст Петрович покосился в зеркало. Папаху снять он не осмелился, чтоб не сверкать лысым черепом; в сочетании с черной от щетины физиономией вид был просто

кошмарный.

Жил герр Кауниц аккуратненько, как подобает немцу и военному.

Диплом за меткую стрельбу. Кубок за верховую езду. Наградной жетон за рубку лозы.

Коллективный снимок семейства. Все надутые, принаряженные, с выпученными глазами.

Фатер, мутер, четыре сына (сплошь в мундирах), три медхен.

— К-который?

— Вот этот. Только здесь он совсем молодой. Не похож на себя. Он был высокий, сильный, спокойный. Бедняжка... — вздохнула Валидбекова, но без особенного чувства. Это понятно: мать, думает только о сыне. На чужого человека эмоций не хватает. — Франц наверняка мертв. Сопровождающих всегда убивают. Чтобы продемонстрировать родителям серьезность намерений.

Эраст Петрович ничего на это не сказал. Делиться подозрениями с госпожой Валидбековой в его планы не входило.

Он рылся в ящиках стола, искал какой-нибудь документ с фотокарточкой.

Ага, вот. Герр Кауниц состоял в *Bakinische Deutsch-Österreichische Verein* [5] — и был не просто член, а *Ordentliches Vorstandsmitglied* [6]. С маленького снимка смотрел мужчина немногим за тридцать, с волевым подбородком и уверенным взглядом. Наверное, был хорошим воспитателем для мальчика. Если функции Кауница ограничивались только этим...

— Он что-нибудь говорил о своей деятельности в немецком землячестве?

— Нет. Он мало про себя рассказывал. Я, собственно, не расспрашивала... Если мы беседовали, то лишь о Турале.

— А что вы вообще знаете об этой организации?

Валидбекова без интереса взглянула на членский билет, пожала плечами.

— В Баку несколько тысяч немцев — германских и австрийских подданных, прибалтийцев.

У них своя жизнь.

Фандорин перешел к книжным полкам. Господин Кауниц был не чужд чтения. Романов нет, зато много литературы по военному делу и спорту. А это у нас что? «Манифест коммунистической партии». Однако тут же Лассаль, Клаузевиц, Ницше. Широкий круг интересов.

— Каких политических взглядов он придерживается?

— Понятия не имею. — Хозяйка была удивлена. — По-моему, я ни с кем и никогда в своей жизни не разговаривала о политике. Даже с эсерами, которым ежемесячно плачу две тысячи, чтобы не мешали работать.

Больше ничего, за что можно зацепиться, Эраст Петрович в комнате не нашел. Франц Кауниц был либо непричастен к похищению, либо позаботился перед акцией убрать всё подозрительное. В пользу версии о невиновности говорило то, что деньги, пятьсот с чем-то рублей, остались на месте. Но и это могло быть сделано специально — чтобы запутать след.

— Расскажите как можно подробней про телефонный звонок. Попытайтесь вспомнить всё слово в слово.

Память у Валидбековой была отменная. Даже удивительно, учитывая потрясение.

— Значит, вы уверены, что говорил именно русский? — уточнил Фандорин.

— Или тот, кто очень хорошо знает язык. Но даже если они взяли русского посредника, это ничего не значит. И так понятно, кто похитил Турала.

— Вот как? — поразился Эраст Петрович. — Кто же?

— Как кто? — Вдова тоже была изумлена. — Естественно, армяне.

— Послушайте... — Фандорин поморщился. — Вы же умная. Или вы тоже считаете, что во

всех з-злодействах на свете могут быть виноваты только армяне?

— Нет, конечно. Мерзавцев много в любой нации. Но это бакинская специфика. У наших бандитов — даже тех, кто называет себя революционерами, — существует распределение: у армян детей похищают тюрки, у тюрков — армяне. Это помогает избежать осложнений с родственными связями.

«А ведь она права. Банда Хачатура была армянская. И вообще армяне участвуют в революционном движении гораздо активнее, чем мусульмане. Кроме того, тюркские шайки не принимают инородцев, а революционеры — за интернационал. Австриец вряд ли стал бы сообщником у бакинских гочи, а вот у армянских „маузеристов“ — запросто».

— Что я должна сказать стачечному комитету? — опять спросила Валидбекова.

Ясно было, что этот вопрос сейчас ее волнует больше всего.

— Просто скажите п-правду. Про похищение они наверняка уже слышали, но не знают о требовании преступников. Уверен, что рабочие отнесутся к вам с сочувствием и согласятся подождать.

«Вот ведь умная женщина, а такой простой вещи сообразить не может!»

В ее ответе прозвучало раздражение:

— Вы производите впечатление умного человека, а говорите глупости! Похитителям наплевать, чего от меня требует комитет! Им нужно, чтобы мои вышки перестали качать нефть! Они хотят расширения стачки! Разжалобить рабочих я могу — это нетрудно. Но если предприятие не забастует, моего сына убьют! А если оно забастует, я разорюсь! Неужели непонятно?

— Тогда всё совсем п-просто. Что лучше: мертвый сын у богатой матери или живой сын у разоренной матери?

Она опустила голову.

— Значит, отказываю, причем грубо. Объявляю, что все заслуженные уволены. Тогда стачка гарантирована. Завтра же, как только станет известно, что Саадат Валидбекова перестала добывать нефть, на меня насядут кредиторы. Первая выплата через два дня, первого июля...

Он не слушал ее, думая: найти «делонэ», это раз; выяснить, откуда звонил русский, это два...

— Господин Фандорин! — Саадат схватила его за локоть. Сильно. — Если вы вернете мне сына до первого числа, я вас щедро отблагодарю. Я подарю вам свою лучшую вышку в Сураханах. Она дает сто тысяч пудов «белой» нефти!

— Какой? — рассеянно переспросил Эраст Петрович и рассердился. — Слушайте, не мешайте думать! Я возьму лист б-бумаги, хорошо? — Он сел за письменный стол, пододвинул чернильницу. — А вы не стойте над душой, приведите сюда Гасым. Не сразу. Мне нужно десять минут покоя!

Разбрзгивая фиолетовые брызги, стальное перо жирно вывело долгожданный иероглиф «Клинок».

Как вернулись Саадат Валидбекова и Гасым, Фандорин не заметил — он сосредоточенно писал.

Оторвался от листка, только когда Гасым громко ответил хозяйке на заданный шепотом вопрос:

— Всегда так. Головой думать не умеет — должен бумажка писать. Бумажка нет — голова плохой, совсем не работает.

Перечитав написанное, Эраст Петрович сам себе кивнул. Листок скомкал и кинул в мусорную корзинку — он был больше не нужен.

— Действовать будем так. Во-первых, я воскресну. Уже пора. Мне понадобится помочь

подполковника Шубина. На всех главных перекрестках стоят г-городовые. «Делонэ» бежевого цвета — машина приметная. Надо попытаться восстановить путь ее следования. Второе: Шубин сделает запрос на телефонную станцию, и мы узнаем, откуда звонил посредник. Третье...

— Э, э, э! — густым басом взревел Гасым, сорвал папаху и шмякнул ею об пол. — Я с полиция ничего делать не буду! Режь — не буду!

— Я тоже, я тоже! — замахала руками Саадат. — Это навсегда погубит мою деловую репутацию. Это Баку! У нас серьезные люди свои проблемы с помощью полиции не решают.

Фандорин слушал и не верил. Гасым — ладно, он дикарь. Но госпожа Валидбекова должна была бы понимать. К ее разуму он и возвзвал:

— В похищении участвовали пять человек. И это не вся банда. Кто-то наблюдал со стороны и дал знать п-посреднику, что операция прошла успешно. Посредник протелефонировал вам. Он сказал: «Я должен передать ваш ответ немедленно» — значит, есть еще кто-то, кому он докладывает. Это целая организация. И вы хотите, чтобы мы с Гасымом справились с нею вдвоем?

— Вчетвером, — сказала Валидбекова. — Я буду с вами. И еще Зафар. Он евнух, он мне предан.

— Вай, женщина и евнух! — Гасым, только что поднявший папаху, снова швырнул ее на пол. — Юмрубащ, скажи ей по-русски, что думаешь! По-нашему такие слова нету!

Но Эраст Петрович ничего не сказал — ни Валидбековой, ни своему экспансивному товарищу. Соображениями, которые пришли Фандорину в голову, с этой аудиторией делиться не стоило.

* * *

— Хм. Ни за что бы вас не узнал. Поразительно, как меняют внешность десятидневная щетина и иной... стиль одежды, — сказал Шубин и сам рассмеялся своим словам. — Понимаю — в устах жандарма это звучит наивно. Но я, собственно, никогда не занимался оперативной работой. Моя сильная сторона — сбор сведений. А в особенности их использование.

Подполковник лукаво усмехнулся.

— П-потому я к вам и обратился.

Не было смысла объяснять помощнику градоначальника, что дело не в щетине и не в «ином стиле одежды». Когда надеваешь маску, меняешь всё: мимику, жестикуляцию, походку, даже частоту пульса. В отставного статского советника временно вселился обитатель диких гор — Фандорин придумал ему судьбу, свыкся с ней. Этот суровый человек покинул родные края, скрываясь от кровников. Он знает, что они идут по следу и могут напасть где угодно — хоть бы и в Баку. Поэтому аварец всё время напряжен, как готовая к выстрелу тетива.

Подполковнику Эраст Петрович позвонил прямо из дома Валидбековой, улучив минуту, когда никого не было рядом. Шубин — редкостная удача — находился на службе. В первый миг, когда Фандорин назвался, вскрикнул от изумления, но быстро взял себя в руки.

Полчаса спустя Эраст Петрович уже входил к нему в кабинет. Внизу дикого человека никто не остановил. «Мнэ к Шубин», — гортанно сказал Фандорин, и дежурный не задал ни одного вопроса. Видимо, к Тимофею Тимофеевичу нередко наведывались экзотичные посетители.

Коротко, без лишних подробностей Эраст Петрович объяснил, что произошло ночью после банкета в Мардакянах и почему он счел за благо перейти на нелегальное положение. О Гасыме, естественно, ни слова.

Трудно сказать, догадался ли подполковник, что ему рассказали не всю правду. Маленькие

припухшие глазки посматривали остро, с любопытством.

— Когда я сообщил в корпус о вашей гибели, там ужасно удивились. Даже перезвонили. лично от Жуковского. Знаете, я впервые в жизни удостоился чести разговаривать с командиром жандармского корпуса, товарищем министра внутренних дел. — Подвижная физиономия Тимофея Тимофеевича изобразила благоговение. — Его превосходительство сказал: «А, так тело Фандорина не нашли? Ну тогда еще бабушка надвое» — и повесил трубку. Я, правду сказать, счел сие начальственной дурью. А он, оказывается, был прав. Видимо, хорошо с вами знаком?

— Вы что-нибудь знаете про революционера по кличке Дятел? — невежливо ответил Эраст Петрович вопросом на вопрос. Пора было переходить к делу. — Как я ни пытался, не сумел выйти на след этого г-господина.

— И не выйдете. — Мягкие веки на секунду прикрылись, будто Шубин желал скрыть от собеседника выражение глаз. А когда посмотрел снова, взгляд стал другим: деловитым, серьезным. — Это личность, известная очень немногим. И никто из них болтать не станет.

— Так-так, говорите! — подался вперед Фандорин.

Он уже стал думать, что Гасым ослышался или не так понял. Но Дятел, оказывается, существует!

— Главный финансист большевистской партии. Иногда подбрасывает деньжонок другим революционным группам — в обмен на всякого рода услуги. Осторожен как черт. Настоящий дятел: стук слыхать, а самого не видно. Мы его ни разу не арестовывали. И филерам на глаза он не попадался. Словесного портрета и то нет.

— Быть, может, не очень искали? — осведомился Фандорин, уже имея некоторое представление о принципах работы бакинских правоохранителей.

Тимофей Тимофеевич залучился хитрой улыбкой.

— Очень возможно. Политический сыск не моя область. Про Дятла я, конечно, слышал, но всерьез им никогда не занимался. Настоящего стимула не было. Теперь, пожалуй, займусь. Если уж сам Фандорин этой птицей заинтересовался... А чем вам приглянулся именно Дятел? Это не самый хищный и уж точно не самый шумный обитатель бакинского птичника.

Ни на какие лишние вопросы Эраст Петрович этому хитрюге отвечать не собирался.

— Дятел и Одиссей, проходящий по разработкам Охранного отделения, — это одно и то же лицо?

— Не исключено, — осторожно вымолвил подполковник.

— Почему этой информации нет в д-досье?

— Понятия не имею. Еще раз: я служу не в Охранном отделении. И вообще...

Он не договорил, но Фандорин догадался, что хотел сказать серый кардинал Бакинского градоначальства: «Мало ли вещей, которые я знаю и наверх не докладываю. Каждый за себя».

— Хорошо. Расскажите мне про з-забастовку. У этого движения есть какой-то организационный центр?

— Трудно сказать... — Шубин снова замялся. На этот раз, кажется, не скрытничал, а действительно не знал. — По некоторым признакам создается впечатление, что забастовка диригируется неким штабом. Однако поверить в это трудно. В Баку столько противоборствующих революционных течений. Многие находятся в состоянии непрекращающейся войны. Не представляю, что они сумели бы договориться.

— А вы сами что-нибудь предпринимаете, чтобы остановить забастовку? Или это опять не ваша область?

Подполковник возвел очи горе и приложил к сердцу мясистую ладонь:

— Видит бог, уж я ли не бомбардирую наместничество депешами об опасности всеобщей забастовки! Всё, чего достиг, — велено взять на себя часть дел коллеги из жандармского

управления Клеонтьева. Чтобы у господина полковника освободились руки для противодействия революционерам. А мне велено заниматься иностранными происками. Что ж, приказ есть приказ.

— «Иностранными п-происками»? — переспросил Фандорин. — Это еще что такое? Шпионаж?

— Хуже. Шпионы, работающие на чужое государство, вынюхивают тайны, но прямого вреда не наносят — разве что во время войны. А в мире нефти война не прекращается никогда. Самая настоящая — с диверсиями, саботажем, убийствами. Опаснейшие враги бакинских промыслов — англичане из «Ройял Датч Шелл» и американцы из «Стандард Ойл». И те и другие не стесняются в выборе средств.

— Но это всего лишь частные корпорации, — пожал плечами Эраст Петрович.

Нефтеналивная флотилия

— «Всего лишь»? — Шубин усмехнулся. — Они опасней и агрессивней любой военной разведки. Просто об этом в газетах не пишут, чтобы не вызывать дипломатических конфликтов. Я расскажу вам пару эпизодов из истории мировой нефтяной войны, чтобы вы получили представление о масштабе и накале боевых действий. Рокфеллер однажды взял и зафрахтовал суда всех нефтеперевозных компаний мира. Держал их пустыми, себе в убыток. Но транспортировал только свою нефть, которая, естественно, подскочила в цене до небес. А конкурентов разорил. После этого все крупные корпорации обзавелись собственными нефтеналивными флотилиями. Еще изобретательней поступила «Англо-персидская нефтяная компания». Она разведала богатые залежи в иранском Хузистане, но никак не могла ими завладеть. Местные жители выращивали там хлопок и с тупым восточным упрямством не желали менять свой образ жизни. Не помогали ни подкуп, ни давление на шахское правительство. Тогда английские агенты тайно привезли из Индии смертельно ядовитых змей, которые быстро расплодились на хлопковых полях. Туземцы не знали, как бороться с этой напастью. Англичане великодушно предложили помочь: истребить рептилий посредством химической обработки. И действительно, все пресмыкающиеся передохли. Только заодно перестал расти и хлопок. После чего компания выкупила землю за бесценок.

Тимофей Тимофеевич рассказывал о кознях нефтепромышленников вроде бы с осуждением, но в голосе прорывалось и восхищение.

— Еще активнее ведут себя немцы с австрийцами. У них нет своей нефти, поэтому проблемами топлива занимаются не промышленные шпионы, а органы разведки. Там тоже не миндальничают. Вы, конечно, знаете о двигателе, разработанном инженером Дизелем?

— Да, многие называют творение Рудольфа Дизеля изобретением века. Жаль, что этот гений так рано умер.

— Ха, «умер»! — сарднически ухмыльнулся подполковник. — Дизеля перекупили англичане. В сентябре прошлого года он сел на пароход, плывущий в Лондон. И загадочным образом выпал за борт. Немцы не могли допустить, чтобы секреты Дизеля достались конкурентам. А уж что началось теперь, когда после убийства эрцгерцога запахло новой балканской войной! Мне доносят, что немцы и особенно австрийцы активно контактируют с подпольщиками. Парализация российской нефтедобычи порадовала бы и обоих кайзеров, и большевистского вождя Ленина. Вы ведь знаете, что Ленин скрывается на австрийской территории?

Нет, Фандорин этого не знал. Подполковник был кладезем полезной информации.

— Стало быть, у вас имеются сведения, что забастовкой руководит именно Дятел? — спросил Шубин безо всякой паузы, да так и впился в лицо собеседника своими буравчиками.

И опять Фандорин не позволил увести беседу в незапланированное русло. Вместо ответа он рассказал про похищение сына нефтепромышленницы Валидбековой.

— Ах вот как? Выкупа им не нужно? — понимающе заметил Тимофей Тимофеевич. — Очень интересно... — Он побарабанил пальцами по столу, что-то прикидывая. — Почему вы подозреваете в причастности к похищению товарища Дятла, говорить не хотите. Не смею допытываться. Но помочь помогу. Что конкретно вам от меня нужно?

Эраст Петрович объяснил.

— Будьте у меня через три часа, — лаконично молвил Шубин.

Одно удовольствие иметь дело с этим Котофеем Котофеевичем, подумал Фандорин. Котище, конечно, себе на уме, но мышкой ловить умеет.

— Еще две п-просьбы. Протелефонируйте в гостиницу «Националь» и скажите, что я жив. Пусть вернут в номер мои вещи, если их оттуда изъяли. Это раз. И второе. Мой помощник тяжело ранен. Ему нужна самая лучшая больница и самые лучшие врачи.

* * *

На то чтобы воскреснуть из мертвых и кое-как обосноваться в мире живых, как раз три часа и ушло. Прежде всего Эраст Петрович переправил Масу на медицинской карете в лечебницу Гюйсманса, весьма впечатляющее заведение, равных которому, пожалуй, не сыскалось бы и в Москве. Настоящий профессор осмотрел раненого и произнес длинную, изобилующую латинскими терминами речь, суть которой сводилась к тому, что состояние тяжелое, всё будет зависеть от правильного режима и психологического состояния пациента — то есть в точности подтвердил прогноз туземного тэбиба. «Не думайте обо мне, господин, — сказал японец на прощанье. — Думайте только о враге. Это очень опасный враг. Если вы не будете думать о враге всё время, вам его не победить. А я буду думать о вас и о Гасыму-сан, это придаст мне сил».

В гостинице Фандорин долго возвращал себя в цивилизованный вид: мылся, брился и прочее. В сочетании с европейским нарядом бритая башка гляделась глупо. Эраст Петрович решил, что он похож на белую шахматную пешку. Надо нынче же купить панаму. Этот идиотский головной убор совсем не подойдет к английскому пиджаку, но по крайней мере прикроет голый затылок.

Прихватив сумку с вещами, которые могли пригодиться для решительных действий, Фандорин ровно за четверть часа до установленного времени спустился вниз.

— Сударь, — окликнул Эраста Петровича портье. — Вам телефонировали из «Новой

Европы». Очень взволнованный господин, некто Симон. Спросил, точно ли вы вернулись, и сказал, что сию минуту будет здесь. Не угодно подождать?

— Не угодно. Извозчика вызвали?

— Так точно. Ждет-с. — Портъе одобрительно поглядел на сверкающую макушку постояльца. — Прекрасно выглядите. Очень помолодели.

— Благодарю, — сухо молвил Эраст Петрович.

Вышел на улицу, прищурился от лютого солнца. До чего же осточертела жара!

Ловец мышей из Тимофея Тимофеевича, как и предполагалось, оказался отменный. Отчет был немногословен и точен.

— Я объехал полицейских, регулирующих движение на всех перекрестках по направлению, куда умчалась машина с похитителями. Некоторые постовые успели смениться, но я велел их доставить ко мне. Впрочем, не буду утомлять подробностями. — Шубин поманил Фандорина к разложенной на столе карте города. — Бежевый «делонэ» — автомобиль приметный, поэтому маршрут удалось частично установить. Проехав по Колюбакинской, преступники повернули в сторону Николаевской, там взяли вправо, ушли на Краснокрестовскую, где чуть не сшибли пешехода, — городовой свистел им вслед. Затем «делонэ» на время пропадает, однако на окраинном перекрестке, вот здесь, его снова видел постовой. Машина на большой скорости ехала по шоссе в юго-западном направлении.

— А что там? — спросил Эраст Петрович, потому что палец подполковника дошел до края карты.

— Нефтедобывающий район Биби-Эйбат. Дальше Пута, совсем далеко — Ленкорань.

— А также Персия, Индия и Африка, — скривился Фандорин. — Не слишком утешительно. Подполковник хитро улыбнулся.

— Погодите. Это я вам пока только про автомобиль доложил. Но я побывал и на телефонном коммутаторе. В девять часов семнадцать минут был звонок на номер госпожи Валидбековой из почтово-телефрафной конторы на Врангельской улице. Это в двух шагах от места похищения. Посредник лично удостоверился, что похищение прошло успешно и сразу направился к публичному телефону.

— Кто-нибудь из служителей может описать з-звонившего?

— Увы. Это очень бойкое место, особенно утром.

— Черт!

— Не спешите призывать дьявола, — засмеялся Шубин, сам сейчас похожий на лукавого. — В девять тринадцать, то есть за четыре минуты до звонка Валидбековой, из той же будки был вызов абонента 874. Оплата за оба звонка произведена одним и тем же лицом.

— Значит, наблюдатель сначала доложил кому-то, что заложник взят, а уже потом стал з-звонить матери! Что это за номер — 874?

— Катер-клуб в Шиховой. Знаете, где это? — Сладко облизнувшись и от этого сделавшись совсем похожим на сытого кота, подполковник промурлыкал: — Близ Биби-Эйбата.

— Всё так б-бесхитростно? — удивился Фандорин. — Позвонили, доложили, увезли? Не позабывши замести получше следы?

— А зачем усложнять? Преступники были уверены: в полицию Валидбекова не обратится. Откуда им было знать, что делом заинтересуется такая серьезная особа, как вы?

Эраст Петрович оставил комплимент без внимания.

— Что такое «Катер-клуб»?

— Новомодная затея для любителей острых ощущений. Богатая молодежь любит гонять на скоростных катерах по Биби-Эйбатской бухте.

— Но в таком людном месте невозможно прятать з-заложника.

— Катер-клуб популярен зимой. Летом бакинский бомонд отдает предпочтение Яхт-клубу.

— Почему?

— Потому что летом короткие ночи, — загадочно ответил Тимофей Тимофеевич. Выдержал интригующую паузу и пояснил: — На дне Биби-Эйбатской бухты нефтяные источники. Вся поверхность воды в масляных пятнах. Спортсмены поджигают их и гоняют на бешеною скорости по пылающему морю. Говорят, ночью это очень эффектно.

Эраст Петрович снял полотняную панаму, купленную по дороге в градоначальство, и вытер платком голову. Но жара уже не раздражала северного жителя. Рассказ подполковника привел Фандорина в хорошее расположение духа.

«Даже если через похитителей не удастся выйти на штаб забастовки и Дятла-Одиссея, по меньшей мере верну ребенка несчастной матери».

— Что ж, наведаюсь в Катер-клуб. Нынче же. Это далеко от г-города?

— Полчаса езды на авто. Не беспокойтесь. Транспортом я вас обеспечу.

Гараж градоначальства поразил Эраста Петровича, знатока и любителя всевозможных негужевых средств передвижения, своим разнообразием.

— Такого богатства я не видывал даже в царскосельских к-конюшнях, половина которых теперь отдана под автомобильный парк. Зачем вам столько машин, притом самых дорогих марок?

— Дарят, — ответил Шубин со смешком. — Чуть какой праздник, неважно — христианский ли, мусульманский, или какой-нибудь юбилей — признательные горожане балуют любимое начальство. Вот этого красавца Совет Съезда нефтепромышленников презентовал моей скромной персоне на сорокапятилетие. — Он на ходу погладил шоколадный бок «русско-балта». — Хотели преподнести «роллс-ройс», но я запретил. Не по чину. Опять же, хе-хе, непатриотично.

— Однако этот «русско-балт» комплектации deluxe с мотором удвоенной мощности много дороже последнего «роллс-ройса», — не без зависти заметил Эраст Петрович, испытывавший слабость к хорошим машинам.

— Я в таких вещах не разбираюсь, — скромно молвил подполковник. — Выбирайте любой транспорт. Господин градоначальник технике не доверяет, ездит только на лошадях, так что гараж в полном моем распоряжении.

— Скажите, а дорога до Биби-Эйбата так же ухабиста, как м-мардакянская?

Фандорин дошел до конца длинного сарая и повернулся обратно.

— Хуже. Кроме того, она поднимается в гору.

— Тогда, если позволите, я возьму вот это.

«Индиан» с коляской Эраст Петрович обнаружил в темном углу. Похоже, что спортивным мотоциклом бакинские правоохранители никогда не пользовались. Раньше Фандорин видел эту модель только в журнале «Automoto».

Спортивный «Индиан»

— Но сюда не сядут больше трех человек, — удивился Шубин. — Не собираетесь ведь вы штурмовать Катер-клуб только с двумя помощниками?

Объяснять, что, вероятнее всего, помощник будет один, Фандорин не стал. Вопрос пока оставался неразрешенным. Гасым отрезал, что с женщиной и евнухом ни на какое дело не пойдет. Госпожа Валидбекова столь же твердо выразила намерение во что бы то ни стало участвовать в освобождении сына. Спор затянулся, начали проскачивать искры. Особенно гости кипятился из-за евнуха. В конце концов Эраст Петрович предложил соломоново решение: Гасым посмотрит на Зафара и сам решит, годен тот в соратники или нет.

— Ничего, мы с-справимся, — коротко ответил Эраст Петрович подполковнику.
Тимофей Тимофеевич выглядел смущенным.

— Неловко говорить, но у меня нет ни одного сотрудника, в ком я был бы стопроцентно уверен. У каждого бакинского полицейского имеется какой-нибудь маленький гешефт. Боюсь, не вышло бы утечки. Один черт разберет, кто где прикармливается. — Он развел руками. — Чего вы хотите? Это Баку.

— Да-да, — кивнул Фандорин, с удовольствием покачиваясь на пружинистом сиденье. — Я знаю.

* * *

Мотоцикл оказался прелестен — мощный, легкий, маневренный. Одна беда: сильно шумен. Выхлоп такой, будто стрелковый взвод ведет пальбу пачками. Нечего и надеяться, что к Катер-клубу удастся подъехать скрытно. Приближение «индиана» будет слышно за версту.

Вот о чем размышлял Эраст Петрович, когда входил в гостиную Валидбековой. Там царило гробовое молчание.

Гасым стоял у окна, надменно сложив руки на груди и делая вид, что он в комнате один. Саадат сидела за столом, горестно держась за голову. За ее креслом застыл человек в восточном платье. Его безволное лицо неопределенного возраста было бесстрастно. Эраст Петрович подумал, что так, вероятно, будут выглядеть люди отдаленного счастливого будущего, когда мужской и женский пол конвергируются, расы сольются, а на смену старости придет вечная зрелость.

Валидбекова вскочила навстречу Фандорину:

— Ну что, что? Я провела переговоры с комитетчиками очень хорошо. В смысле — ужасно. Накричала на них, вытолкнула за дверь. Они ушли, клокоча от ярости. Завтра начнется забастовка. Через два дня я буду разорена. Но это неважно, только бы спасти Турада! Он долго не вынесет в заточении, среди бандитов! Я все время представляю себе, как ему страшно! Эти негодяи, наверное, мучают его или...

— Помолчите-ка! — прикрикнул на бедную мать Эраст Петрович. Истерику нужно прерывать в самом начале. — Мы освободим вашего сына сегодня же.

И рассказал про Катер-клуб.

— Откуда узнал? — с подозрением спросил Гасым. — Я не знаю, а ты узнал. Откуда? И трехногий ишак откуда взял?

Он ткнул пальцем за окно — вероятно, имея в виду мотоцикл.

— Откуда надо, — коротко ответил Фандорин на оба вопроса сразу.

Кажется, гочи не был знаком с этой идиомой. Он задумался. Деловито спросил:

— План на бумажка уже писал?

— Не было времени. Действовать будем просто. Приедем под видом прожигателей жизни. Сезон, не сезон — нам п-плевать. Желаем ночью п-прокатиться на катере. Нас с тобой похитители никогда не видели, поэтому подозрений не возникнет. А дальше по обстановке.

— Хороший план, — одобрил Гасым. — Короткий.

— Плохой план, — отрезала Саадат. — Какиеочные катания без женщин? Это обязательно покажется подозрительным. Бандиты настороже. Я поеду с вами.

— Но вас-то они з-знают, — напомнил Фандорин. — Видели.

Валидбекова дернула уголком рта:

— Чадру мою они видели, а не меня. И Зафар нам тоже пригодится.

— Ха! — не выдержал гочи. — Чем пригодится?! Зачем пригодится?! Лысая морда, ты пистолет стрелять умеешь?

Евнух покачал головой. Выражение его лица не изменилось.

— А что умеешь?

Молча Зафар распахнул халат. В обхват поджарой безволосой груди, на широком поясе, были закреплены маленькие ножики, не меньше дюжины.

— Не в мебель и не в обои! — попросила Саадат.

Евнух жестом попросил Гасыма подбросить вверх папаху. Тот, презрительно скривившись, подкинул свою каракульчу к самой люстре. Зафар сделал три быстрых, почти сливающихся одно с другим движения. Шапка троекратно изменила траекторию падения и упала на ковер, пронзенная тремя узкими клинками.

— Вай, хороший евнух. — Гасым просунул в прорезь палец, поцокал языком. — Берем евнух. Не буду больше «лысая морда» говорить. Научишь ножик кидать?

Зафар неопределенно пожал плечами, что могло означать «там посмотрим», или «у такого неповоротливого медведя не получится», или что-нибудь еще. Черт знает, о чем на самом деле думает человек, не принадлежащий ни к мужскому, ни к женскому полу, подумал Фандорин.

— Всё это п-прекрасно, но у мотоцикла только три сиденья.

Евнух снова пожал плечами — на сей раз то был вполне очевидный знак пренебрежения. «Ерунда какая» или «не твое собачье дело» — вот что означала жестикуляция.

Острые ощущения

Было двадцать минут одиннадцатого, когда, чихая дымом, из города на Биби-Эйбатскую дорогу выехал трехколесный мотоциклет. На углом транспортном средстве восседала компания, которая в любом другом месте показалась бы диковинной. Управлял вертлявым аппаратом пестро одетый господин (клетчатый кургужий пиджачок, звездчатый жилет, канотье с красной лентой), сзади к нему льнула дамочка в чем-то розово-алом с блестками, а в коляске, еле втиснувшись, трясясь зверообразный детина в папахе и черкеске. Но всякий бакинец эту шараду разгадал бы без труда. Денежный человек едет проветриться в сопровождении гризетки — хотят устроить пикник при луне или просто покататься с ветерком, а поскольку это Баку, взяли с собой телохранителя.

Наряд прожигателя жизни и профессиональной кокотки был приобретен на Ольгинской, в магазине «О-бон марше», открытом допоздна. Покупки происходили так: впереди шел Фандорин, за ним мелкими шажками — восточная женщина в чадре, которая время от времени шепотом говорила: «Вон то платье... Вон ту ужасную шляпку... Теперь поворачиваем в чулочный отдел...». Подобным манером Эраст Петрович сначала экипировал спутницу, а потом накупил столь же вульгарной дряни (после операции — немедленно на помойку!) для своего персонажа.

— Сто шестьдесят пять, — сказала Валидбекова, когда обход магазина был закончен.

— В каком с-смысле?

— Вы потратили сто шестьдесят пять рублей. Я всё верну. — Ее голос дрогнул. — Если мы вернемся живыми...

Эта фраза, произнесенная очень тихо — не для собеседника, а для себя самой, — всё не давала Фандорину покоя.

— Послушайте, — сказал он, притормозив на выезде из города. — Мы отлично обойдемся и без вас. Мы оставим «индиан» за версту от к-клуба и подойдем пешком, тихо. Будет лучше, если вместо вас сядет ваш метатель ножей, а вы подождете возле м-машины.

Евнух бежал за мотоциклом от самого дома широким размеренным аллюром — будто мерил землю циркулем. Не отставал, не сбивался с ритма.

Не останавливаясь, он пронесся мимо, так же мерно отмахивая по шоссе. Одетый во что-то серое, бесформенное, Зафар был едва различим в блеклом свете летних сумерек.

— Нет, — коротко ответила Валидбекова. — Это мой сын.

— Но Зафар нам пригодится больше, чем вы. На открытой дороге я прибавлю скорости, и он отстанет. Нужно торопиться, пока совсем не стемнело.

— Он не отстанет. А если отстанет — нагонит.

Пожав плечами, Фандорин нажал педаль газа, и через минуту евнух остался позади. Мощная машина легко дала сорок пять. Могла бы и больше, но по паршивой дороге, да при неважной видимости, быстрее ехать было нельзя.

— Вах, вах! — покрикивал Гасым — такая езда ему нравилась.

Саадат лишь крепче обхватила водителя за бока. От нее пахло прямыми духами. Руки были маленькие, но сильные, тело упругое, бюст твердый. Эраст Петрович заставил себя не отвлекаться от дороги. И потом — стыдно обращать внимание на подобные вещи. Несчастная мать сейчас не думает о приличиях, оттого и прижимается так плотно. Право, стыдно!

Тракт стал подниматься в гору, скорость пришлось сбросить. Удивительный перс снова нагнал мотоцикл. Он не вспотел, дыхание не нарушилось. Эраст Петрович подумал, что тут есть

чему поучиться даже японским «крадущимся», прославленным мастерам бега на длинные дистанции. Ниндзя держат крейсерскую скорость порядка десяти-двенадцати километров в час, Зафар же двигался минимум вдвое быстрее.

— Поразительно, как ему это удается? Марафонский бег на такой скорости п-превышает человеческие возможности! — крикнул Эраст Петрович, обернувшись к Валидбековой.

— Персидским скороходам в детстве вырезают селезенку, — ответила та и ткнула Фандорина кулаком. — Пожалуйста, быстрее! Еще двадцать минут, и будет совсем темно!

— Вот и п-прекрасно. Мне бы только оглядеть местность, а там пускай темнеет.

Евнух скрылся за поворотом, больше они его не видели. Дорога, хоть и поднялась на плоскогорье, но из-за ям и ухабов быстро ехать по ней было невозможно.

— Это Биби-Эйбат. У меня здесь три скважины, — крикнула в ухо Саадат.

Биби-Эйбат

За холмами к морю спускалась неширокая равнина, вся утыканная узкими конусами вышек. Пейзаж был такой же, как в Черном Городе, только без фабричных построек и масштабом поменьше. Вдоль кромки берега чернели огромные валы из земли и камней.

— З-зачем это?

— Что? Засыпают море. На дне бухты нефть... Катер-клуб вон там! — Тонкая рука, протянувшись над фандоринским плечом, показала немного вбок, где за деревушкой с кривоватым минаретом смутно виднелся уходящий в серую мглу мыс. До него оставалось километра три.

Десять минут спустя они были уже совсем близко. Эраст Петрович все-таки успел осмотреться — захватил последний от свет меркнувшего вечера. Расчет время/скорость получился идеальным.

На пологом берегу, контрастируя с грубыми, приземистыми складскими сооружениями, стоял деревянный дом кокетливой постройки — обшитый белыми досками и обрамленный легкой терраской, увенчанный башенкой с каким-то флагом. Над водой вытянулась длинная стрела причала, в дальнем конце которого покачивались на волнах десятка два странно сплющенных безмачтовых лодок.

Фандорин еще не успел проехать половину мыса, когда свет померк, будто кто-то взял да повернул выключатель. Землю и море придавил тяжелый, вязкий мрак. В ту же минуту над причалом гирляндой загорелись фонари. Эраст Петрович подумал: словно дорожка «ханамити» в японском театре, рассекающая темный зал.

А вот в самом Катер-клубе окна не светились. Ни одно. Возможно, там никого не было, и, стало быть, сведения подполковника Шубина ошибочны или устарели. Но чувство опасности, на которое Фандорин привык полагаться в критических ситуациях, предупредило: «Будь начеку. Наблюдают».

— Тураля здесь нет! — задыхаясь, сказала Саадат. — Я бы почувствовала...

Ее колотила дрожь. Плохо. Но отправлять женщину назад было поздно. Значит, ее необходимо подбодрить.

Эраст Петрович качнулся — сделал вид, что с трудом удерживает равновесие. С развязной галантностью воскликнул:

— Жанночка, силь ву пле! — Взял даму за талию, легко приподнял с сиденья, поставил на землю. Шепнул: — Соберитесь. На нас смотрят. В ваших руках жизнь сына. Сыграйте роль убедительно...

И Валидбекова перестала дрожать. Она вытянула ножку, сделала ею игривый гран батман, звонко рассмеялась.

— Идем, котик! Ты обещал меня покатать!

Фандорин с сомнением поглядел на неосвещенный клуб, развел руками.

— Черт их знает... Спят что ли? Ничего, разбудим. Мне говорили, сторож всегда на месте.

Он приобнял спутницу, она положила ему голову на плечо. Вихляющей походкой они двинулись к дому.

— Поцелуйте меня, — тихо приказал Эраст Петрович. — Мне нужно осмотреть п-периферию...

Женщина обхватила его за шею, прижалась сухими холодными губами, но Фандорин не почувствовал прикосновения.

«Так. Слева перевернутые лодки... Напротив входа в клуб штабель досок... А это там что темнеет? Сарайчик или будка».

— Мы так и не обогнали Зафара. Отстал или сбился с д-дороги, — прошептал он. — Неважно. Главное вот что. Если я кашляну, падайте наземь. В ту же секунду. Ясно?

— Да...

Ее глаза были совсем близко, в зрачках отражались огоньки причала, оставшегося за спиной у Эраста Петровича.

— Идем к двери. На ступеньках расцепляемся. Мне понадобится пространство для маневра.

— Котик, я хочу катер! — капризно протянула Саадат. — Ты мне обещал!

— Моё слово — гранит. — Фандорин взмахнул кулаком. — Понадобится — дверь вышибу. На штурм!

С хохотом они побежали к дому. Сзади шагал угрюмый Гасым, держа руку на кобуре и подозрительно поглядывая по сторонам. Всё правильно — так и должен вести себя

телохранитель, изображающий усердие.

Клуб жизнерадостно белел в темноте. Единственная лампочка, горевшая над входом, освещала дощатый настил с перильцами и корабельную рынду возле двери.

На крыльце Саадат, как было велено, выпустила локоть кавалера и слегка отодвинулась.

— Эй! — заорал Эраст Петрович. — Сторож или кто там! Открывай, бакшиш пришел!

На прогулку под охраной

Он нетерпеливо позвонил в колокол. Прижался к стеклу, за которым ничего нельзя было разглядеть.

Но Фандорин сейчас не полагался на зрение — с освещенной террасы окружающий мир казался черным. На слух тоже не рассчитывал — шум прибоя заглушал остальные звуки.

Всё сейчас зависело от инстинкта, который у ниндзя называется хикан (буквально — «чувствовать кожей»). Это особое чувство, которое можно в себе развить и обострить при помощи тренировок. Открытые участки кожи действительно становятся невероятно чувствительными, словно бы превращаются в фотобумагу. Только реагируют не на ультрафиолет, а на угрозу.

Кожа затылка, шеи покрылась мурашками. Угрозочувствительная эмульсия среагировала на неотвратимую опасность.

Фандорин кашлянул. Саадат не поняла или не услышала. Тогда он не слишком сильным, но достаточным ударом сшиб ее с ног. Слоноподобного Гасыма, развернувшись, опрокинул со ступенек мощным пинком. Сам кинулся на пол.

Все три движения не заняли и секунды. Звука собственного падения Эраст Петрович не услышал, потому что ночь взорвалась грохотом и треском.

Из темноты, от штабеля досок, сваленных напротив входа в клуб, стреляли в несколько стволов. От стен и перил полетели щепки. Лопнуло оконное стекло. Искры посыпались от дверной ручки. Закачался и загудел тронутый пулей колокол.

Катясь по настилу, Фандорин увидел, что дела нехороши.

Валидбекова лежала ничком и не шевелилась — кажется, он все-таки не рассчитал силу удара. Еще хуже с Гасымом. Вместо того чтобы оставаться под крыльцом, в спасительной тени, гости поднялся на ноги и снова лез на террасу.

— Назад! — рявкнул Эраст Петрович. — Лежи!

Гасым качнулся и вскрикнул:

— Ай!

Стал оборачиваться в сторону вспышек, вытаскивая из кобуры оружие.

«Чертов увалень!»

Фандорин приподнялся. Не распрямляясь, бросился в обратном направлении. Прыгнул — и сшиб Гасыма с ног, рухнул вместе с ним в черноту.

— Стреляй и перекатывайся! Не оставайся на месте!

Сам Эраст Петрович именно так и сделал. Произвел по штабелю два выстрела (пока не прицельных, а пугающих — чтобы похоже целились), два раза перекатился. Гочи тоже загромыхал своим сорок пятым калибром.

Ситуация начинала исправляться.

С террасы, едва различимые сквозь грохот выстрелов, послышались глухие хлопки — будто сердито затявкала комнатная собачка. Фандорин приподнялся, чтобы заглянуть через перила.

Саадат Валидбекова по-прежнему лежала на полу, но перевернулась на живот и, опершись на локоть, палила во тьму из миниатюрного дамского пистолетика.

— Уползайте! Уползайте за угол! — крикнул ей Эраст Петрович.

Однако нефтепромышленница не послушалась. Наоборот, поползла ближе к краю, не переставая стрелять.

От угла дома, из густого мрака, к Валидбековой метнулась быстрая, размытая тень. Эраст Петрович вскинул «веблей», но, слава богу, вовремя узнал евнуха. Тот бесцеремонно схватил хозяйку за ноги, подтянул к себе, поднял, перекинул через плечо. Столь же проворно, как появился, исчез в обратном направлении.

Вот теперь, наконец, можно было сконцентрироваться на противнике.

Под настилом террасы было пустое пространство, а опорный столб мог служить неплохим прикрытием. С этой выигрышной позиции Фандорин подсчитал силы противника. Из-за штабеля вели огонь восемь человек. Многовато, но в пределах возможного.

— Вахсей! Один попал! — донесся торжествующий вопль Гасыма.

Действительно: пальба справа чуть проредилась. Эраст Петрович прицелился в крайнего левого стрелка. Сразу после очередной вспышки послал пулю. Больше с той точки не стреляли.

Остались шестеро.

— Гасым, ты ранен?

— Спина, — горестно откликнулся гочи. — Ай, Аллах, стыд какой!

— Тяжело?

— Зачем тяжело? Обыкновенно. Вахсей! Опять попал!

Пятеро.

Эраст Петрович пополз под настилом, перебирая локтями. Поравнявшись с Гасымом, сказал:

— Бей по ним, не давай целиться! Я обойду с фланга. Только перекатывайся после каждого выстрела!

— Папа свой учи, — пробурчал гочи, доставая второй револьвер.

В землю с шипением вошла пуля. Другая расщепила опору — в лоб Гасыму вонзился кусочек дерева. Помянув шайтана, гочи выдернул щепку, стер кровь рукавом.

Фандорин выкатился из-под террасы. Пригнулся, побежал в обход. На бегу дважды выстрелил — не целясь.

На той стороне кто-то неразборчиво крикнул. Очевидно, отдал приказ.

Вспышек больше не было. В темноте раздался топот ног. Через несколько секунд на освещенный принал один за другим выскочили пять человек, побежали в дальний конец. Фигуры были отчетливо видны, но стрелять из короткоствольного «веблея» с такого расстояния — зря пули тратить.

«Хотят уйти по морю, на катере. Ничего, пока сядут, пока заведут мотор...».

— Гасым! Не стреляй! За мной!

Эраст Петрович кинулся вперед. Смотрел не на фонари, а под ноги — чтобы не сбиваться с ночного зрения.

— Пожалуйста! Пожалуйста! — раздался сзади женский крик. — Тураля с ними нет! Где мой мальчик?

«Она права. Ребенок может быть только в доме».

— Гасым, назад! Вышибай дверь!

Проводив взглядом улепетывающих бандитов, Фандорин побежал обратно к клубу. Гасым был уже на террасе. С разбегу, ударом плеча, он снес обе створки.

Эраст Петрович попал в дом последним, вслед за Валидбековой и Зафаром.

— Турад, Турад! — звала Саадат.

Ответа не было.

Не тратя времени на поиски выключателя, Эраст Петрович достал электрический фонарик. Посветил вокруг, пробежал по комнатам.

— Мальчика здесь нет и не было, — сказал он, вернувшись к остальным.

— Где же он? — жалобно воскликнула Саадат.

— Чтобы это узнать, нужно догнать наших застенчивых д- друзей.

Вдали заурчал мотор.

— Скорее!

Огромными скачками Фандорин понесся к причалу, быстро оторвавшись от остальных. Под ногами гулко загрохотали доски. Впереди, у дальнего края Т-образного пирса, вскипела белая полоса — пенный след от кормового двигателя.

Через несколько секунд Эраст Петрович оказался возле пришвартованных лодок — металлических, акулообразных, самых новых моделей.

— Вай, зачем стоишь? Уйдут!

Гости с разбегу сгапнули в самый большой катер — тот аж подпрыгнул в воде.

— Включай машина! Умеешь?

Фандорин закончил осмотр.

— Не в этот!

Он выбрал двухсотпятидесятисильный «даймлер» — легкий, маневренный катер, на котором прошлым летом в Гамбурге поставили мировой рекорд скорости: восемьдесят километров в час. Во времена, когда Эраст Петрович увлекался наводными и подводными плавсредствами, таких быстроходных лодок еще не существовало. Любопытно будет опробовать...

Скоростной катер

На то, чтобы завести двигатель без ключа, ушло с полминуты. Как раз успели погрузиться остальные. Гасым сопел, как паровая машина; дыхание женщины было частым и прерывистым; Зафар выглядел полусонным.

От полного газа нос «даймлера» подскочил под углом в сорок пять градусов. Гасым шлепнулся на дно. Валидбекова повалилась на него сверху. Только евнух остался на ногах — лишь присел и схватился за борта.

От рева двигателя, от свиста ветра Эраст Петрович моментально оглох и перестал слышать звук скрывшейся в море лодки.

Где она? Какой держать курс?

Саадат, уцепившись за фандоринское плечо, всматривалась во тьму.

— Вон они! Я вижу белое!

Поразительно! Глаза, как у кошки. При всех навыках ночного зрения Эраст Петрович ничего не видел.

— Не уйдут! — успокоил он госпожу Валидбекову. — У них точно такой же «даймлер», но их пятеро. Груз тяжелее. Если ты, Гасым, прыгнешь за борт, мы их догоним в пять минут.

— Сам прыгай! — проорал в ответ гочи.

Он полез вперед, на длинный узкий нос. Дело было непростое — лодка рыскала и подскакивала. Папаху Гасым засунул за пояс, улегся. Широко расставленными ногами уперся в ветровое стекло.

Ночь, как назло, выдалась безлунной. Но Фандорин уже нашупал взглядом белую точку. Расстояние до нее медленно, очень медленно — может быть, на два-три метра в минуту — но сокращалось.

Вот и Гасым заметил врага.

— Э, вижу, вижу! — завопил он. — Туда плыви!

Открыл пальбу — по мнению Фандорина, совершенно бесполезную с такого расстояния, да еще при невозможности как следует прицелиться.

Однако польза все-таки вышла. Противник занервничал. Сначала просто отстреливался, потом передняя лодка завиляла — стала двигаться зигзагами. Теперь расстояние сокращалось быстрее.

— Стреляй, стреляй! — крикнул Эраст Петрович. — У тебя патронов много?

Вопрос пришлось повторить — переорать шум было непросто.

— У меня патроны всегда много! — наконец донеслось в ответ.

— Догоняем, догоняем, догоняем! — как заведенная, повторяла Саадат и, кажется, не замечала, что колотит Фандорина кулачком по плечу.

Вдруг на корме переднего «даймлера» вспыхнуло пламя. В первое мгновение Эраст Петрович подумал, что Гасым попал в бензобак. Но дальше случилось нечто в высшей степени странное. Клок огня отделился от катера, упал в море — и на воде вскинулось голубоватое сияние. Оно разрослось, превратилось в целый островок пританцовывающих сплохов. Ветер разнес искры по поверхности, и маленькие костерки зажглись в десяти разных местах.

— Что за дьявол?! — воскликнул Эраст Петрович, но вспомнил, как Шубин рассказывал про горящее море Биби-Эйбата.

Зрелище было невообразимое, ни с чем не сравнимое, одновременно жуткое и захватывающее.

Голубыми бабочками огоньки разлетались во все стороны — и там немедленно расцветали клумбы и лужайки таких же синеватых цветов.

«Это не галлюцинация. Со дна пробивается углеводородный газ». Но от научного

обоснования картина не стала менее фантастичной.

— Боже, как к-красиво, — пробормотал Фандорин.

— Какой ужас! — простонала Саадат. — Они подожгли море! Теперь мы их не догоним.

Горящее море

Гасым охал да крутил бритой головой — от изумления даже перестал стрелять. Зафар был все так же бесстрашен. На темном лице неземным сиянием поблескивали глаза.

Фандорин искоса взглянул на Саадат. С ее лицом эффект пылающего моря проделал фокус еще более удивительный: госпожа Валидбекова превратилась в Царевну-Лебедь с известного полотна Врубеля. Залюбовавшись, Эраст Петрович чуть не влетел в самое пекло — едва успел повернуть штурвал.

От толчка женщину бросило на Фандорина.

Она всхлипывала:

— Уйдут, уйдут...

— Не думаю, — сказал он, помогая ей выпрямиться. — Сейчас отстанем, потом наверстаем.

Ему стало не до разговоров. Приходилось лавировать между огненными полянами. Конечно, риск был велик: достаточно ветру швырнуть на двигатель россыпью искр, и вспыхнет пожар. Но нельзя же отказываться от поставленной цели из-за одной лишь опасности? Этак, пожалуй, и жить не стоит.

Наконец пылающие пятна остались позади. Впереди простиралось черное беспространство, в котором смутно белел пенный хвост за кормой уходящего катера. Оттуда больше не стреляли. Должно быть, израсходовали патроны, умники. Расстояние увеличилось и теперь составляло метров двести пятьдесят — триста.

— Гасым! Заставь их подергаться. Стреляй? Ты что там, уснул?

— Не уснул. Так лежу, — ответил гочи. — Пуля два штука остался. Жалко.

— А хвастался, что п-патронов много!

«Что ж. Значит, погоня будет долгой. Ничего, догоним».

Слева длинной праздничной полосой светились огни Баку. Эраст Петрович думал, что бандиты свернут к берегу, но катер несся параллельно набережным, держал курс норд.

Дистанция медленно, но верно сокращалась. На что они рассчитывают?

Огни проредились, потом вообще исчезли. Зажглись огненные факела Черного Города — и тоже уползли прочь.

Из-за смыкающегося с обеих сторон мрака, из-за ровного гула мотора и ритмичного покачивания время будто остановилось. Когда Эраст Петрович посмотрел на светящиеся

стрелки своих часов, была уже половина первого. Погоня продолжалась больше часа.

Теперь до удирающего катера оставалось метров сто.

«Еще минут тридцать-сорок, и сойдемся вплотную».

Внезапно передняя лодка сделала крутой вираж, взяв резко к весту.

«Решили высадиться? Поздно! Теперь им и темнота не поможет».

Однако шли минуты, а берег всё не показывался. Впереди все так же чернело море, лишь посвежел ветер, начал швырять в щеку холодными брызгами. Эраст Петрович догадался, что преступники обогнули оконечность Апшеронского полуострова и по-прежнему движутся параллельно береговой линии, только теперь на запад.

«Что за тупое упрямство? Неужто они не видят, что им не уйти?»

И лодку, и сгрудившихся в ней людей было уже хорошо видно. Бандиты озирались, размахивали руками. Отстреливаться не пытались — видимо, было нечем.

Всматриваясь в силуэты, Фандорин просмотрел, как Гасым снова вытащил свой длинноствольный револьвер.

Мощно ударил выстрел. На корме человек всплеснул руками, качнулся, вывалился за борт.

— Попал! — крикнул Гасым. И выстрелил еще раз. — Снова попал! Аман-аман, пуля больше нету!

Второй подстреленный рухнул на дно лодки. Его подняли на руках и тоже скинули в воду.

— Что ты натворил?! — охнул Эраст Петрович. — Вот теперь они уйдут...

Вражеский катер, до которого оставалось каких-то тридцать метров, перестал приближаться и, наоборот, начал потихоньку отдаляться. С облегченным грузом он двигался заметно быстрее.

Гасым приполз с носа, тяжело опустился на скамью.

— Вай, плохо мне, — сказал он.

Даже в темноте было видно, что лицо у него совсем белое.

— Он ранен в с-спину. Нужно остановить кровь. Сударыня, вы сможете сделать перевязку?

Саадат кивнула и наклонилась к гочи. Тот оттолкнул ее.

— Не трогай меня, женщина! У меня кровь много! Мне море не нравится! Пока дело делал, ничего. А сейчас плохо совсем.

Укачало, понял Фандорин. Пока лежал — ничего, а как только сел, замутило.

Догадка немедленно подтвердилась. Гасым поднялся, навалился грудью на борт. Зарычал. Его рвало.

Воспользовавшись беспомощностью гочи, Зафар вынул ножик, ловко рассек черкеску. Обнажилась могучая спина, залитая кровью. Евнух быстро залепил рану.

— Откуда у него п-пластырь?

— У скороходов пластырь всегда при себе, — ответила Саадат. — Сделайте что-нибудь! Мы отстаем!

Она была права. Расстояние продолжало расти.

— Д-держите штурвал. Крепко.

Плоский нос катера летел над волнами с головокружительной скоростью — пожалуй, быстрой автомобиля, мчащегося по хорошему шоссе. Эраст Петрович лег, вытянулся и велел себе слиться с корпусом лодки воедино. Требовалось попасть с полусотни метров, из оружия, не приспособленного для дистанционной стрельбы, в небольшой предмет. Задача с тройным усложнением: и мишень, и платформа, на которой находился стрелок, быстро двигались, к тому же еще сильно тряслось.

Тем не менее единственное, что в данной ситуации оставалось — прострелить двигатель. Еще минута-другая, и бандиты окажутся вне зоны огня.

«Я — часть катера», — сказал себе Фандорин и превратился в полулетучее, почти невесомое судно — металлическую голодную акулу. Грудью он разрезал воду, и она вскипала, распадаясь надвое.

«Пора!»

Первый выстрел был недостаточно хорош. Судя по огненным брызгам, пуля попала в стальной кожух мотора.

Еще раз.

Опять то же!

Плохо, очень плохо!

Но людям, сидевшим в переднем «даймлере», выстрелы не показались неудачными. Видно, решив не искушать судьбу (а может быть, по какой-то иной причине), катер, вильнув влево, стал уходить в сторону берега.

Бакинские набережные

Больше патронов Эраст Петрович тратить не стал. Обойма была последняя, а в ней всего три пули. И зачем? Противник уже не пытается оторваться, хочет высадиться. На берегу бандитам убежать от Фандорина будет трудненько.

Берег быстро надвигался. Он был высокий, обрывистый.

— Что это за места? — крикнул Эраст Петрович.

— Я не знаю! — ответила госпожа Валидбекова. — Мы обогнули мыс Шоулан, значит, недалеко Мардакяны.

— Держитесь к-крепче. Начинается мелководье.

Передний «даймлер» уже увяз в песке, прочертив по нему с разбегу черную линию. Три фигуры бежали по полосе прибоя. Теперь их можно было легко подстрелить — как раз и патронов бы хватило. Но чего ради? Если болваны не разбегутся в стороны, догнать и взять их живьем легче легкого.

Лодка заскрипела по дну. Остановка была не очень резкой — Эраст Петрович заранее скинул скорость.

— Гасым, б-бежать можешь?

Гочи поднялся, покачнулся, снова сел.

— Нога плохой! Не стоит! — взывал он плачущим голосом. — Стыд какая! Какая стыд! Перед баба кишки наружу! Теперь голова вертится!

Утешать его было некогда. Зафар уже спрыгнул в воду, поймал на руки Валидбекову и понес ее к сухому месту.

— Я вижу их! Вон они!

Саадат показывала вперед.

Отлично, все трое держались кучкой. И бежали прямо к отвесной скале. Хотят вскарабкаться по круче? Ну-ну.

Фандорин обогнал евнуха и даму. После долгой гонки по волнам земля будто покачивалась. Дело шло к развязке.

Сзади послышался топот. Эраст Петрович оглянулся — увидел несущегося со всех ног Гасыма. Значит, очухался. Очень кстати. Саадат споткнулась, упала. Зафар помог ей подняться. Не ушиблась? Кажется, нет.

Всего на несколько секунд Фандорин выпустил из поля зрения бандитов, но когда вновь посмотрел вперед, не поверил глазам. Они исчезли!

Берег пуст. По крутым склонам никто не карабкается. На сером фоне скалы спрятаться негде.

Что за бесовщина?

— Они пропали! — всплеснула руками Саадат. — Где они?

Гасым, тяжело дыша, остановился, почесал затылок под папахой. Прогудел:

— Вай, шайтан...

Даже Эраст Петрович был растерян. Три головореза — не ангелы небесные, чтоб взять и вознестись в горние выси.

Лишь Зафар не выразил никаких чувств — ни удивления, ни отчаяния. Подбежав к подножию обрыва, он покрутился там, переместился влево, потом вправо. Обернулся, помахал рукой: сюда, скорей!

Меж двух валунов, почти неразличимая во мраке, серела дверь. Она была без замка и даже без замочной скважины, но с ручкой. Фандорин дернул — заперто. Вероятно, внутри засов.

Выходит, похитители неслучайно свернули к берегу именно в этом месте.

— Гасым!

Гочи подобрал с земли огромный камень, поднял его над головой и швырнулся в дверь. Та с грохотом провалилась.

Эраст Петрович ожидал увидеть зияющую темную дыру — и был удивлен. Из щели, прорезанной в камне, сочился слабый электрический свет.

— За мной!

Через несколько метров проход сделался выше и шире. Где-то впереди, не очень далеко, перекатывалось дробное эхо — быстрые шаги нескольких человек.

До ближайшего поворота Фандорин добежал первым, но на углу его обогнал евнух. Он двигался так же бесшумно, только еще стремительней.

Галерея, под каменным потолком которой горели плоские лампы, сделала еще один зигзаг — и Эраст Петрович увидел впереди три спинны. Зафар уже почти догнал их. В поднятой руке перса что-то блеснуло.

— Не убивать! — крикнул Фандорин.

Евнук махнул — один из бегущих с воплем рухнул, двое остальных припустили еще быстрей. Эраст Петрович тоже прибавил скорости.

Не останавливаясь, Зафар перепрыгнул через упавшего.

Сбитый с ног был живехонек, из правой ляжки у него торчал черенок метательного ножа, раненый держался за него, подывая от боли.

Ай да евнук! Не замедляя бега, Фандорин стукнул лежащего ребром ладони по затылку. Вой оборвался.

— Гасым, подбери!

Зафар снова взмахнул рукой. Крик. Звук падения. На земле снова валялся человек, только этот держался не за правую ляжку, а за левую.

Работа у Эраста Петровича была легкая: подбегай на готовенько да лупи по шейным позвонкам.

— Гасым, и этого!

Последнего перс дырявить не стал, а оглушил — влепил удар рукояткой по макушке. Чувствовался почерк настоящего художника, которому скучно повторяться.

Когда Фандорин приблизился, евнух уже сидел верхом на пленном, стягивал ремешком руки.

— Браво, Зафар. П-прекрасная работа!

Перс оглянулся. Ничего не сказал, на смуглом лице никаких эмоций.

«А ведь он немой. Кажется, в гаремах особенно ценятся евнухи с вырезанными языками. Бедняга!»

Приблизилась запыхавшаяся Саадат. Сзади сопел Гасым, волочил за шиворот по полу два бесчувственных тела.

— Смотрите! — воскликнула госпожа Валидбекова, заглядывая за угол.

И кинулась куда-то.

— Стойте! Без меня ни шагу!

Эраст Петрович бросился за ней.

Впереди блестела металлическая решетка, за которой было темно. Саадат выдернула из волос заколку, наклонилась к замку.

Место показалось Фандорину знакомым. Скрипнула дверца. Отстранив женщину, Эраст Петрович шагнул первым. Свет почти не проникал в тесный закуток, но стенка впереди была странная — будто бы слегка покачивалась.

Он протянул руку.

Бархат. Это штора!

Отдернул — и не увидел (было темно), а ощущил обширное пустое пространство. Где-то неподалеку монотонно журчала вода. Здесь вообще было много воды — из мрака несло сыростью и прохладой.

— Мы у Арташесова, — шепнула Саадат. — Это его подземный пруд.

Так и есть! Значит, галерея, где Эраст Петрович познакомился с веселой вдовой (тогда она еще была веселой), вела к берегу моря.

— Я вырву ему сердце, — неестественно сдавленным голосом сказала Валидбекова. — И брошу свиньям. Подлая, гнусная, мерзкая тварь! Теперь я поняла!

Вздрогнув, Фандорин обернулся. Даже во мраке было видно, что глаза нефтепромышленницы светятся яростью.

— Вы поняли, а я еще нет, — вздохнул Эраст Петрович. — Пора побеседовать с похитителями.

Он вернулся назад в освещенный коридор. Троє захваченных бандитов лежали рядком, аккуратно связанные. Над ними грозно возвышался Гасым. Когда Фандорин сообщил, что это вилла Арташесова, гости вдруг впал в ярость, причем обрушилась она почему-то исключительно на одного из пленников — того, который был не ранен, а только оглушен. Разбойничье вида малый, с небритой щетиной, вислыми усами, в низкой барашковой шапке, только взвизгивал.

Выкрикивая что-то гневное, Гасым влепил ему две затрешины — у бедолаги слетела папаха, а вслед за ней,казалось, сейчас отскочит и голова с плеч.

— Прекрати! Ты что? — Фандорин оттащил товарища. — Ты его з-знаешь?

— Не знаю! Откуда знаю?

— Тогда почему бьешь?

— Тот и тот армяне. Но этот наш, мусульманин. Гочи, как я! Как может гочи служить собака Арташесов!

Перепуганный бандит сморщил красную от оплеух физиономию и завопил по-русски:

— Я не Арташесову служу! Я Гаджи-ага-муаллим служу!

— Гаджи-ага — это Шамсиев? Такой старый, почтенный п-промышленник? — спросил Фандорин.

Ответила подошедшая госпожа Валидбекова:

— Все они почтенные. До поры до времени.

Эраст Петрович наклонился над вжавшимся в стену пленником:

— А пятеро, которых мы застрелили? Они были чьи?

— Один Джабарова, один Манукяна, один Расулова, один Арташесова, — поспешил ответил шамсиевский гочи. — Эти тоже арташесовские, — кивнул он на раненых.

Оба закивали.

— Джабарова я видел. Это молодой предприниматель, миллион п-пудов. — Фандорин обернулся к женщине. — Кто остальные?

— Все они члены правления Совета нефтепромышленников. Значит, революционеры ни при чем. Арташесов меня предупреждал, чтобы я не шла на уступки моим рабочим...

Саадат вынула из-за лифа свой пистолетик, приставила дуло ко лбу вислоусого.

Голосом, который напоминал шипение атакующей змеи, что-то проговорила.

Гасым перевел, неодобрительно покачивая головой:

— Хочет знать, где сын. Сказала: «Будешь молчать — те двое расскажут. Но ты уже не услышишь». Ай, женщина нельзя так с мужчина говорить, даже если мужчина совсем плохая. Нельзя отвечать, лучше умирать.

Но пленный был на сей счет иного мнения. Зажмурившись, он что-то прохрипел, и Саадат убрала оружие. Теперь сказанное перевела она сама:

— Тураг здесь. Где именно, он и его сообщники не знают. Днем за Турагом в Катер-клуб пришла арташесовская яхта и увезла куда-то. А эти остались ждать дальнейших указаний. Господи, куда они дели моего мальчика? Где его искать?! Как?!

Она заплакала.

— Очень п-просто, — пожал плечами Фандорин и подошел к пленникам-армянам. — Значит, вы служите Арташесову? На вилле часто бываете?

Обоих бандитов накрыло широкой тенью. Это рядом с Эрастом Петровичем встал Гасым.

— Лучше правда говори, — посоветовал он.

* * *

В спальню господина Арташесова удобней всего было проникнуть через окно. На третий этаж пришлось вскарабкаться по водосточной трубе и потом еще пройти десяток метров по узенькому пятидюймовому карнизу, но иначе понадобилось бы уложить десяток телохранителей, стороживших внизу.

Спальня в доме нефтяного миллионщика

Зато поблизости от спальни, по уверениям пленных, ночью не было ни души. Миллионер засыпал с трудом и просыпался от малейшего постороннего звука. Подниматься по лестнице кому бы то ни было строжайше воспрещалось.

Эраст Петрович перелез через подоконник очень деликатно. В его планы не входило тревожить чуткий сон хозяина раньше времени.

Мягкий свет ночника розоватым сиянием освещал пышное ложе. В комнате заливисто пели соловьи — не живые, а с граммофонной пластинки. Пластинка была гигантского размера, как, впрочем, и сам граммофон. Ничего подобного Фандорин прежде не видывал. Наверняка изготовлено по специальному заказу: чтобы записи хватило на всю ночь.

Арташесов сладко спал, по-детски подложив обе руки под щеку. Голову прикрывал шелковый ночной колпак с пумпончиком.

Под подушкой — рассказали пленные — кнопка аварийного вызова охраны. Эраст Петрович обрезал провод и только после этого прервал мирные грезы столпа нефтяной индустрии.

Зажал Месропу Карапетовичу ладонью рот. Приставил к переносице ствол «веблея». При необходимости Фандорин мог бы прикончить Арташесова одним пальцем, но оружие обладает особой силой убеждения.

Нефтегерцог пискнул. Открыл глаза. Зрачки немедленно сошлись к переносице, будто примагниченные блеском вороненой стали. Не очень скоро, секунд через десять, взгляд промышленника переместился на Эраста Петровича. Глаза несколько раз мигнули. Сначала изумленно, потом непонимающе. Фандорин вдавил дуло сильнее. Тогда взгляд сделался правильным — окоченевшим от ужаса.

— Малейший з-звук — убью. Ясно?

Веки дважды опустились. С до смерти испуганным человеком нужно говорить короткими, четкими, предельно понятными фразами.

— Сейчас вы снимете трубку. Начальнику охраны скажете, чтобы все убирались к черту. Мешают спать. Ясно?

Теперь Эраст Петрович ладонь убрал, пистолет отодвинул, но целил по-прежнему в переносицу.

Арташесов сел на кровати. На лбу у него выступила испарина. Сглотнул.

— Во...

— Что?

— Водички...

Поклацал зубами об стакан. Откашлялся.

— Если охрана что-то з-заподозрит, убью.

В хорошей угрозе, как в песне, важную роль играет рефрен. Здесь можно не бояться тавтологии. Эраст Петрович и еще раз повторил:

— Убью. Ясно?

— Минуточку... Сейчас, — прошептал Месроп Карапетович. — Должен предупредить... — Он извиняющимся жестом приложил руку к груди. — Я говорю с караулом по-армянски. Иначе это покажется им странным.

— Ничего, я знаю армянский, — небрежно сказал Фандорин.

Арташесов сейчас был не в той ситуации, чтобы уличить оппонента в блефе.

«Не рискнет. Слишком испуган».

Промышленник снял трубку, надавил рычажок. Раздраженным голосом произнес несколько фраз. Разъединился.

Не убирая пистолета, Эраст Петрович подошел к окну, выглянул из-за шторы. От дома по аллее на цыпочках просеменила вереница вооруженных людей.

Дождавшись, когда телохранители растают во тьме, Фандорин подал условный сигнал: мигнул фонариком.

— Наденьте халат и сядьте в кресло, — сказал он, вернувшись к кровати. — С вами будет говорить дама.

— Дама? — Голос Арташесова жалобно задрожал. — Если вы решили, будто я помогал Левончику ухаживать за вашей супругой, вы заблуждаетесь! Совсем наоборот! Посмотрев на вас, я сказал ему: «Левончик-джан, это очень серьезный человек. Оставь госпожу Лунную в покое. Доброму не кон...»

На лестнице послышались шаги, Месроп Карапетович повернулся к двери и умолк на полуслове.

Выходить миллиона из заблуждения Эраст Петрович не стал специально. Явление матери похищенного ребенка должно было стать для Арташесова сюрпризом.

И сюрприз удался. Появившись на пороге и увидев съежившегося в кресле хозяина, госпожа Валидбекова с хищным криком ринулась к нему, вцепилась ногтями в лицо делового человека и разодрала кожу в кровь. Потом швырнула толстячка на пол и принялась топтать ногами.

— Не орать. Убью! — предупредил Фандорин избиваемого, не спеша остановить экзекцию.

Месроп Карапетович не орал. Только прикрывался от ударов и охал. Саадат тоже молчала — оскаленное лицо дамы из общества было страшным.

Тигрица, подумал Эраст Петрович.

К нему подошел Гасым.

— Юмрубащ, скажи ей: женщина бить мужчина нельзя!

— Сам скажи, если не п-побоишься...

Однако потеке час, а делу время. Не без сожаления Фандорин произнес:

— Довольно, сударыня. Господин Арташесов еще не сказал нам, где он прячет вашего сына.

Но тигрица не послушалась. Она нагнулась, схватила магната за голову и принялась колотить ею о паркет.

— Ваш сын жив, жив! — взвизгивал Месроп Карапетович. — Клянусь, как принц у меня живет!

Попробовал Фандорин взять разъяренную мать за плечи — получил чувствительный удар локтем в солнечное сплетение.

Ну и темперамент! Оставалось только одно средство остановить госпожу Валидбекову, пока

она не достучала затылком Арташесова до сотрясения мозга.

Очень аккуратно Эраст Петрович взял даму сзади за горло. Нежно и мягко, чтобы не оставить синяка, сдавил точку «суймин». Саадат немедленно обмякла и была осторожно уложена на пол рядом со стонущим хозяином дома.

Тут встрепенулся Зафар, до сего момента невозмутимо наблюдавший, как его госпожа колотит врага. С гортанным криком перс выхватил из-за пазухи нож.

— С ней всё в порядке! — быстро сказал Фандорин. — Пусть полежит, поспит.

Евнух покачал головой, рука была угрожающе занесена для броска.

— Ну хорошо, — вздохнул Эраст Петрович. — Сейчас я приведу ее в чувство.

— А я пока буду говорить с собака. — Гасым легко поднял с пола Арташесова, отнес в угол, кинул в кресло. — Буду объяснять, что надо правда говорить.

— Только б-без шума, ладно?

Гочи защептал что-то неласковое, нависнув над Месропом Карапетовичем, который утирал рукавом исцарапанное лицо, а Фандорин нажал на шее Валидбековой точку «мэдзамэ».

Женщина сразу открыла глаза. Взгляд, в первое мгновение затуманенный, прояснился.

— Где Турал?

— Сейчас узнаем. Гасым! Он понял насчет правды?

— Почему не понял? Всё скажет.

Гасым замахнулся на миллионера — тот вскинул руки.

— Конечно, скажу! Саадат-ханум, произошло досадное недоразумение. Я понятия не имел, что у вас такие покровители! Признаю, что я, что все мы... то есть, в первую очередь я, — залепетал Арташесов, видя, что Валидбекова движется к креслу. — Я виноват, виноват! И готов за это заплатить. Я компенсирую вам моральный, материальный, эмоциональный ущерб!

— Итак, похищение устроено вами и вашими партнерами, — констатировал Фандорин. — Зачем?

— Как зачем? Эта ду... — Месроп Карапетович шлепнул себя по губам. — ...Эта достойнейшая женщина нарушила капиталистическую солидарность. Ее податливость в переговорах с рабочими принесла бы всем нам огромные убытки! Вот и возникла идея... сделать ее более покладистой.

— Гувернер Кауниц был с вами вговоре? Где он?

Арташесов захлопал глазами, испуганно покосился на Гасыма. Тот задумчиво почесал кулачище.

— Я не знаю. Ей-богу! Я не вхожу в такие детали. Мне известно лишь, что наши люди при захвате немного погорячились...

— То есть австриец убит?

Хозяин пожал плечами. Его это не интересовало.

Фандорин нахмурился. Неужели Кауниц ни при чем? Если так, всё было зря. Это не тот хромой, нить не протянется к Одиссею-Дятлу.

Нет, не зря, мысленно поправил себя Эраст Петрович, поглядев на Валидбекову. Она смотрела на Арташесова грозно, но отчаяния в глазах уже не было. Только ярость.

Господи, она снова вытащила свой пистолетик!

— За Франца ты тоже заплатишь!

Успев перехватить тонкое запястье, Фандорин отвел оружие от физиономии магната.

Тот примирительно выставил ладони:

— Конечно заплачу. Общий баланс возмещения ущерба сто пятьдесят тысяч. Вы довольны?

— Ха! — презрительно фыркнула госпожа Валидбекова.

Эраст Петрович на всякий случай не отпускал ее руку. Оскорбленные материнские чувства

— материал горючий, а идиот Арташесов своим цинизмом еще и подливал масла в огонь.
— Сто семьдесят пять, — сказал Месроп Карапетович.
Вдова провела Фандорина — взяла и перехватила пистолет левой рукой.
— Нет! Мне нужна возможность пользоваться вашим керосиноперерабатывающим заводом!
— Хорошо. — Промышленник уставился на черную дырочку дула. — Не надо, а? Уберите эту штуку, пожалуйста.
— Неограниченная, в любых объемах! Вне всякой очереди!
— Хорошо, хорошо! Договорились!

Саадат убрала оружие.

— Теперь я хочу видеть сына.

— Уф. — Арташесов перевел дух. — Один телефонный звонок, и его к вам доставят.

— Нет, пусть меня к нему отведут.

— Как угодно...

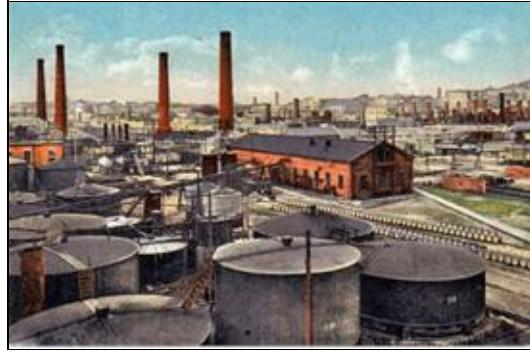
Подойдя к аппарату, Месроп Карапетович сказал по-русски:

— Это ты, Сурен? Как наш дорогой гость?.. Какой-какой, сын уважаемой Саадат-ханум. — Он покосился на Валидбекову. — Нет, пускай спит. К нему мама приехала. Сама разбудить хочет... Да, договорились. Снова друзья. Ты сюда иди. Встретишь, проводишь.

Оставив Гасыма присматривать за магнатом, Эраст Петрович спустился с госпожой Валидбековой вниз. Зафар следовал за ними в пяти шагах.

— Я не понимаю. Вы так легко согласились п-простить его. В обмен на какую-то керосинопереработку...

— «Какую-то»? — удивилась Валидбекова. — Вы действительно ничего не понимаете. Завод Арташесова напрямую соединен с Керосиновой станцией. Она казенная, ее тщательно охраняют, забастовка там исключена. Если у меня будет нефть плюс неограниченный доступ к переработке и трубопроводу, я стану царицей топливного рынка!

Керосиноперерабатывающий завод

— Обязательно станете. У вас есть для этого все необходимые к-качества, — с поклоном сказал Фандорин. — Это за вами. — По дорожке к дому рысцой кто-то бежал. — Я возвращаюсь к Арташесову. Буду ждать от вас звонка, всё ли в порядке.

Саадат, подобрав подол платья, бросилась навстречу провожатому. Перс — за ней, сохраняя всё ту же почтительную дистанцию.

— С госпожой Валидбековой вы п-проблему решили. Посмотрим, удастся ли вам так же легко удовлетворить меня...

Эраст Петрович сидел на стуле напротив хозяина, закинув ногу на ногу.

— Сколько? — настороженно спросил Месроп Карапетович. — Назовите сумму, и мы ее обсудим.

— Не «сколько», а «что». Абсолютно п-правдивые ответы — вот что мне от вас нужно.

— Я тебе объяснял, да? — прогудел Гасым, стоявший позади арташесовского кресла.

— Если вы будете отвечать с предельной откровенностью, я оставлю вас в п-покое. Вы меня не интересуете.

— Это очень хорошо. Я совсем не хочу вас интересовать. — Магнат немного расслабился. — Спрашивайте.

— Вопрос первый. Покушения на меня — ваших рук дело?

Отвечать Месропу Карапетовичу ужасно не хотелось. Но Гасым положил ему руку на плечо, и миллионер сжался.

— Виноват. Пал жертвой родственных чувств. Левончик — он как цветок. Я берегу его. Когда он влюбился в вашу жену, я навел справки. Я всегда навожу справки, я осторожный. Связь с замужней женщиной — это всегда риск. Особенно если муж опасный человек. А вы очень опасный человек, мне рассказали... У меня есть филиал в Москве. За вами следили. И когда вы неожиданно отправились в Баку, я очень испугался... Я сделал заказ Хачатуру Однорукому... Это была ужасная ошибка! — поспешил прибавил Арташесов. — И я готов за нее заплатить. Только скажите, сколько.

Тягостное разочарование — вот чувство, которое сейчас испытывал Фандорин. Всё мимо цели? Никакого следа нет и не было?

Однако смертельно раненный анархист говорил, что однорукий главарь шайки встречался с человеком по прозвищу Дятел!

— Вы знаете революционера по кличке Дятел?

— Слышал, как же, — закивал Месроп Карапетович, демонстрируя готовность к сотрудничеству. — Это большевик. Но я не имею дела с революционерами. Никогда им не платил и не собираюсь. От революционеров откупаются мелкие и средние предприниматели, а с моей охраной бояться нечего... Разве что такого льва, как вы. — Он приложил руку к сердцу. — Но Фандорин на свете, слава богу, только один.

Испуганная искорка мелькнула в глазах Арташесова: как собеседник — не обиделся? Эраст Петрович нетерпеливо качнул головой: продолжайте.

— Ни я, ни Манташев, ни Гаджи-ага Шамсиев, никто из людей нашего уровня революционерам не платит. И они нас не трогают, кормятся рыбешкой помельче. В свое время, еще лет десять назад, чеченцы господина Мухтарова проучили большевистского вождя Кобу. Не убили, а хорошенько отмолотили. Чтобы показать: такую букашку даже убивать не стоит. Большевики усвоили урок. Это умная партия. Они никогда не кидаются на добычу, которая им не по силам.

Всё заново, с нуля, подумал Эраст Петрович и скрипнул зубами.

Разговор с чертом

Одно досаждало: вынужденная неподвижность. Каждые два-три дня на всякий случай он менял явки, но, перебравшись на новое место, старался оттуда не выходить. Слишком многое поставлено на карту. Всякий лишний риск непростителен.

Отлучаться было нельзя еще и потому, что вместе с ним из одной точки в другую

перемещался центр координации. Связные (каждый стократно проверен и испытан) приходили с донесениями, уходили с распоряжениями. Вокруг всё бурлило и колыхалось, тучи наливались лиловой мощью, первые порывы надвигающегося урагана гнули деревья и срывали крыши — но там, где находился он, было тихо и безветренно, как в оке тайфуна.

Ночью он не спал. Лежал, смотрел в потолок. Там чернела тень, которую отбрасывала прикрытая матерчатой салфеткой лампа. Тень была похожа на голову с рожками.

Настроение у черта сегодня было приподнятое, благодушно-дурашливое.

— Что, птичка-невеличка, неужто слона заклюешь? Вот это будет штука, — посмеивался воображаемый собеседник.

Дятел улыбался. Но сердце билось чаще обычного. Из-за торжественных мыслей.

Подготовка к охоте шла отлично. Маленькие и немаленькие осложнения лишь делали жизнь более интересной. Слон пасся, шевелил ушами, не подозревал, что ему скоро конец.

Торжественные мысли, заставлявшие сердце сжиматься, были вот какие. Елки зеленые! То самое, о чем мечтали тысячи героев, отдавших свои жизни ради невообразимо далекой цели, произойдет совсем скоро. И своротят машину не Степан Разин и не Пугачев, не Рылеев с Пестелем, не Желябов, не Плеханов. Это сделаешь ты. Не в одиночку, конечно. Но замысел твой. И реализация замысла тоже твоя.

— Главное — последний штрих, — сказал Дятел потолку. — Вот этим я по-настоящему горд. A touch of genius, как говорят англичане.

— Фи, как нескромно, — ответил Лукавый. — Но не спорю. Придумано ловко. Я всё думал, как ты решишь эту загвоздку.

— Это часто бывает, — охотно поддержал разговор на приятную тему Дятел. — Когда возникает особенно трудная проблема, самое главное — увидеть ее в правильном ракурсе. Не является ли она ключом к разрешению еще более трудной проблемы. Знаешь, как лечат болезни ядом?

— Ну, про яды-то я всё знаю, — усмехнулась тень. — Ладно, умник, спи. И помни, что жизнь полна сюрпризов. В том числе неприятных.

— Катись к черту со своими трюизмами, — буркнул Дятел, погасил лампу и перевернулся на бок.

Свободен! Свободен!

Мальчик был жив и здоров, только бледненький и с температурой — от нервного потрясения. Заложником он пробыл меньше суток, но ужасные переживания еще дадут себя знать, в этом Саадат не сомневалась. Однако время излечивает, а детская психика, вопреки мнению венских светил, очень эластична. Самое важное сейчас увезти ребенка подальше из Баку. Арташесов в Совете не один, и когда речь заходит о прибыли, а пуще того — о финансовых потерях, деловые люди становятся опасней диких зверей. В нефтяном мире — как на войне. Если цены рванулись вверх и кто-то разоряется, а кто-то столь же быстро богатеет, будь начеку. Ворота на запор, оружие наизготовку, детей — в тыл.

Прямо на рассвете, обливаясь слезами, Саадат отправила сына в дальнюю дорогу. Гурамбек повез Турала в Тебриз к родственникам, в безопасность. Четверо конных абреков-ингушей, все с превосходными рекомендациями, сопровождали экипаж.

Душа разрывалась. Материнский долг и материнское сердце твердили — нет, кричали: «За ним, за ним! Ты сейчас нужна ему как никогда!». Но голос нефти был сильнее. Речь шла, впервых, о спасении предприятия. Во-вторых, — о выходе на совершенно иной уровень.

Рано утром Саадат пригласила к себе весь стачечный комитет. Поплакала, объяснила, как и для чего у нее похитили малютку (только имен не назвала, ни к чему это), пообещала выполнить все условия, если вышки заработают сегодня же. Стороны расстались, очень довольные друг другом.

Итак, первая задача выполнена. Банкротства не будет.

Вторую тоже можно считать гарантированной. Свободный доступ к перерабатывающим мощностям Арташесова означал, что вся валидбековская нефть превратится в драгоценный керосин, потечет по трубам в Батум, а оттуда поплынет в Новороссийск, Одессу, Константинополь, Ливорно, Марсель. Встречным потоком хлынут денежные переводы. Только бы забастовка продолжалась подольше!

Покончив с заботами срочными, обязательными, Валидбекова взялась за дела приятные и тоже непустяковые.

Всякий хороший предприниматель знает: хочешь, чтобы тебе охотно помогали, — умей быть благодарным.

В чем, в чем, а в науке одаривать и отдариваться Саадат знала толк. Единого рецепта здесь не существует. Люди разные, к каждому нужен свой подход. Правильно наградишь — обретешь верного союзника.

Проще всего было с Зафаром. Ему Саадат дала пачку сотенных. Евнух улыбнулся (это случалось с ним только при виде денег), поклонился, спрятал кредитки за пазуху. Легко и славно иметь дело с человеком, который больше всего на свете любит наличные. За свою службу перс получал хорошее жалованье плюс отдельную сумму на повседневные расходы, а перед каждым любовником — на экстраординарные. По меньшей мере половину уворовывал (в таких вещах Саадат отлично разбиралась), но не жалко. Такому ценному помощнику можно простить маленькие слабости: алчность и склонность к скупости. Зафар подолгу носил одну и ту же одежду — пока вконец не изорвется, питался скучно, зимой натапливал дом только для Саадат. Но можно ли осуждать бедного кастрата за то, что вся нерастряченная страсть у него расходуется на стяжательство? Главное, что он был очень, очень полезен и служил самоотверженно. А еще Зафар был единственным человеком на свете, кто знал Саадат до самого донышка и принимал ее такой, какая есть. Когда рядом имеется кто-то, перед кем можно не притворяться, ничего из себя не изображать — это большая удача.

Вот от Черного Гасыма денежной благодарностью было, пожалуй, не отделаться. Это настоящий гочи, из лучших. Такие презирают деньги, швыряют их направо и налево, раздают голодранцам. Нужно преподнести вещь, которая придется богатырю по сердцу — будет напоминать о дарительнице. Это знакомство еще пригодится.

Купила кинжал дамасской стали в серебряных с золотом ножнах, два револьвера с инкрустированными перламутром рукоятками, посередке мелким жемчугом эмблема Черного Гасыма: кружок с точкой посередине. Получилось недорого — три с половиной тысячи (если отдаваться деньгами, пришлось бы дать не меньше десяти), а гочи остался очень доволен. Сказал: «Никогда не встречал женщины вроде тебя, ханум. Надеюсь, больше не встречу». Пожалуй, это следовало счесть комплиментом.

Кавказские кинжалы

К акту главного благодарения Саадат подготовилась с особенной тщательностью, без спешки. Пригласила Фандорина домой, на ужин. Предварительно выспалась, привела себя в порядок, подготовила уместный антураж.

В углу комнаты сидели на подушках две старухи-приживальщицы, оставшиеся в наследство от покойного мужа. Без них мужчину принимать никак невозможно — скандал. Тетки были дрессированные, безобидные, по-русски ни слова не понимали. Просто сидели себе, кушали мягкую халву, запивали сладким чаем с пряностями.

Ужин был сервирован легкий, из французского ресторана. Изысканные холодные закуски и фрукты, без горячего — чтобы обойтись без прислуги. К тому же по Фандорину было видно, что он не из обжор. Сама Валидбекова после семи вечера никогда не ела — вредно для цвета лица.

Гость выслушал прочувствованную речь о вечной признательности без интереса, но посматривал выжидательно. Мол, слова словами, но вы, сударыня, мне кое-что должны.

Саадат вздохнула. В минуту отчаяния, сгоряча, она пообещала за спасение сына свою лучшую сурахансскую вышку, которая дает сто тысяч пудов белой нефти в год. На попятный не пойдешь. Но в Сураханах компании «Валидбеков-нёют» принадлежат две вышки. Вторая довольно хилая, ее не так жалко. Фандорин в подобных вещах не разбирается. Совестно, конечно. Но ведь сто тысяч белой нефти!

<p>ою залогом ней из сумку тию «Сибирской специальной компании из съ крупного правляющего артиста. Про- го места, за- жалкой из о. Встать за уплы другие, из пожище- ния. Въ по- различныхъ шниковъ и искусства ио учреж- ено замы- </p>	<p>НЕФТИЯННАЯ ФОНТАНЬ. 13 июня, въ 11 часовъ дня, на про- мисль товарищества «Бр. Нобель», изъ периодически функционирующей буровой № 625 забить фонтанъ, выбрасывая въ сутки до 20 тыс. туз. чистой нефти.</p>	<p>ХУДЫ С-ПЕТЕРБУРГСКОЙ БИРЖИ По телеграфу отъ нашей морреа- подстанции.</p>	<p>За 14 июня 1914 г.</p>	<p>Нефтяные бумаги.</p> <table border="0"> <tbody> <tr> <td>Акция Бакинск. нефт. о-ва.</td> <td style="text-align: right;">632</td> </tr> <tr> <td>Каспийского т-ва</td> <td style="text-align: right;">2450</td> </tr> <tr> <td>А. И. Малышевъ и К-о (раздр.)</td> <td style="text-align: right;">236</td> </tr> <tr> <td>Шах т-ва бр. Нобель . . .</td> <td style="text-align: right;">17000</td> </tr> <tr> <td>Акция т-ва бр. Нобель . . .</td> <td style="text-align: right;">865</td> </tr> </tbody> </table>	Акция Бакинск. нефт. о-ва.	632	Каспийского т-ва	2450	А. И. Малышевъ и К-о (раздр.)	236	Шах т-ва бр. Нобель . . .	17000	Акция т-ва бр. Нобель . . .	865	<p>ОТКРЫТОЕ ЗА- ДВЕРИ ЗАСІДАННЯ С ВЪ ЧИСЛѢ ПОСТУПИ- ДЕНІЯ СЪ ОБРАЩЕНІЯ ТРЕВІНОВЪ ДЛЯ СЪЗ- ДУ НЕЗАКОНОМІРНОМ ІВІКА ВІДОВІСЬКОГО У- БЕРІЯ, И НАЧАЛЬНИ- ГО ЖЕ УДАЛА ВЪ ДІ- ЗВІННІХЪ СПІСКОВЫХъ</p>	<p>Принимается за тройствѣ выставки пускъ 1½ мил. р. напроприятія на к- объ отпускъ въ 1 чайце утвержден рахъ предупрежде зарозой; 2 мил. р. и неотложно.</p>
Акция Бакинск. нефт. о-ва.	632															
Каспийского т-ва	2450															
А. И. Малышевъ и К-о (раздр.)	236															
Шах т-ва бр. Нобель . . .	17000															
Акция т-ва бр. Нобель . . .	865															

Акции растут

— Я обещала вознаградить вас, — сказала Саадат проникновенно. — И сдержу слово. Завтра же переоформлю на ваше имя самую перспективную из моих скважин. Она пока недоразработана, но, по оценке специалистов, там внизу целое море первоклассной нефти. Вся эта нефть будет ваша.

— Помилуйте, — удивился гость. — Зачем мне ваш г-грязенасос? С некоторых пор я нефть видеть не могу.

И передернулся.

«Глупый, — подумала Валидбекова, улыбнувшись от облегчения и нового поворота мыслей. — Притом красивый, мужественный и в правильном возрасте. Все параметры совпадают. Правда, знает мое имя, но случай особенный. Пожалуй, можно сделать исключение...»

Скромно потупив взор, она изобразила смущение. Залепетала дамскую чушь: ах, как неудобно, да редко встретишь истинно великодушного человека, да про материнское сердце и прочее подобное. А тем временем прикидывала, как и когда можно будет устроить свидание. Сердце в груди билось совсем не по-матерински, и внутренний трепет был тот самый, сладостный, который возникает, когда созрел телесный голод.

«Отблагодарю тебя так, что останешься доволен, — мысленно пообещала Саадат аппетитному господину. — И сама в накладе не останусь... А плечи-то широкие, как у номера 29. М-м-м, двадцать девятый!»

Вслух же сказала:

— Мне кажется, вы чем-то опечалены. Или просто устали?

* * *

Причина для печали была, и серьезная. Весь день Эраст Петрович провел в больнице. Поговорил с врачом, который не сообщил ничего утешительного. Потом долго сидел в палате, смотрел на бледное лицо своего друга, обретавшегося в царстве Морфея (а точнее — морфия). От переезда в сверхсовременный госпиталь раненому не стало лучше. Проклятая южная духота была губительна для простреленного легкого. Если б увезти Масу на север. Но доктор сказал, что больной не выдержит транспортировки.

Угнетенно вздыхая, Фандорин записывал в Никки унылое:

«Выходит, что я почти две недели гонялся за призраком. Все три покушения — на вокзале, у места киносъемки и в Черном Городе — были организованы одноруким Хачатуром, который выполнял заказ Арташесова. Я думал, что иду по следу, а вместо этого угодил в пошлую мелодраму с ориентальным колоритом. Единственное, за что можно уцепиться, это связь Хачатура с большевистским вожаком по кличке Дятел. Но что если это не Одиссей, а какая-то другая птица? И все же придется Дятла разыскать. Все равно больше у меня ничего нет».

Что за жалкий «Клинок»! Будто не из стали, а из размокшего картона.
«Иней» тоже вышел невеселый, под стать настроению:

«Адекватно могут себя оценивать лишь люди средних моральных качеств. Хороший человек не считает себя хорошим, потому что строг к себе и никогда не бывает собою доволен. Но и плохой человек не знает, что он плохой. Потому что у него точка отсчета идет от своего „пупа“: что для него самого хорошо, то и прекрасно, а стало быть, все его поступки безупречны, поскольку плохой человек всегда руководствуется шкурным интересом и никакого ущерба себе никогда не нанесет».

Хотелось написать что-нибудь утешительное, чтобы выйти из самоедского расположения духа, а вместо этого получилось морализаторство с нарциссическим уклоном: все плохие, один я хороший, только очень уж к себе, бедняжке, строг. Эраст Петрович скомкал листок и выкинул.

Может быть, это и есть старость? Подкралась откуда не ждешь. Не физическое увядание, не интеллектуальный упадок, а просто иссякает жизненная энергия. Сталкиваешься с препятствием — и не возникает, как прежде, желания прыгнуть выше, чтобы перескочить через барьер. Хочется сесть, опустить руки и опечалиться несправедливостью мира.

Об этом — о коварстве старости — Эраст Петрович и размышлял, сидя лицом к лицу с чертовски интересной дамой, которая взирала на него с приязнью и благодарностью, но безо всякого женского интереса. Это не улучшало настроения. Можно было бы придумать милосердное для самолюбия объяснение. Восточные вдовы отрещаются от всего чувственного. В Индии они вообще бросаются в погребальный костер вслед за покойным супругом. Но госпожа Валидбекова была не очень-то похожа на робкую газель.

«Я просто старею. Красивые женщины уже не смотрят на меня, как бывало...»

Он украдкой метнул взгляд в висевшее на стене зеркало.

Так и есть: щеголеватый перестарок с дурацкой бритой башкой, которая от проросшей щетины будто покрыта инеем. Еще и гвоздику в петлицу присобачил, идиот!

Будто бы в рассеянности Фандорин выдернул цветок, уронил на скатерть.

«Черт, что это за искорки у нее в глазах? Заметила, как я посмотрелся в зеркало?»

— П-прошу извинить. — Он слегка отодвинул тарелку с нетронутым паштетом. — Я понимаю, что вам хочется исполнить долг б-благодарности. Будем считать, что ритуал

состоялся. Надобно идти. Дела.

* * *

После воскрешения Эраст Петрович успел побывать в номере всего дважды, оба раза коротко. Портъе и швейцары смотрели на восставшего из мертвых с любопытством, но в разговоры вступать не пытались. Однако на сей раз, когда Фандорин после грустного ужина с прекрасной дамой вернулся в гостиницу, его появление вызвало за стойкой небольшой переполох.

Портъе бросился навстречу, вручил с поклоном два конверта. А потом — явно неспроста — кинулся обратно и, прикрыв рот ладонью, стал разговаривать с кем-то по телефону.

Первую записку Фандорин прочитал на лестнице.

«Эраст Петрович! Случилось непоправимое! Нужно погаварить!».

С орфографией у Симона было неважно, в свое время недоучился.

«Какая-нибудь очередная катастрофа на киносъемке. Пустое».

Второй конверт был с габсбургским орлом, а внутри, на красивой картонке, очень учтивое приглашение от консула Люста для неотложного разговора.

«Должно быть, хочет выяснить судьбу австрийскоподданного Кауница. Интересно, откуда Люсту известно, что я могу это знать?»

Ребус требовал разгадки, но времени на нее не хватило. Через десять минут после того, как Фандорин вошел в номер и сменил сюртук на бархатную домашнюю куртку, дверь без стука распахнулась.

На пороге стояла Клара. Бледная, с растрепанными волосами, со шляпой в руке.

— Мне сказали, что вы вернулись! — вскричала она и немедленно разрыдалась. — Я была у вас уже трижды, но не заставала!

«Вот кому телефонировал портье. Это раз. Шляпка в руке означает, что Клара сняла ее за дверью, а волосы растрепала нарочно. Это два. О Боже, сейчас кинется на шею, и избежать этого нельзя...»

Но жена сделала всего два шажка и замерла.

— Вы живы, какое счастье! — всхлипнула она.

— Жив, да, — кисло сказал он. — Счастье...

— Но я-то думала, что вы погибли! — воскликнула Клара, заламывая руки. — Конечно, я недолго держала траур, я виновата! Да-да, я бесконечно виновата! Казните меня, вините, презирайте! Моя поспешность ужасна! Я повела себя, как Гертруда! «О, женщина, неверность — твое имя! И башмаков еще не износив...». Я чудовище, я исчадие ада! Вы вправе презирать меня и ненавидеть! Мне больно и стыдно! И я представляю, как больно должно быть вам!

Случилось непоправимое? Вспомнив записку Симона, Эраст Петрович встрепенулся, но еще не смел поверить в такую удачу.

— Вы мне... изменили? — осторожно осведомился он.

— И вы улыбаетесь? — недоверчиво пролепетала Клара.

Эраст Петрович поскорее сдвинул брови, придал лицу приличествующее случаю выражение сдержанной скорби. В глазах жены сверкнули огоньки неподдельного интереса.

— Как это... прекрасно! Непроизвольная улыбка в трагическую минуту!

«Теперь использует этот прием в кадре. Зрители будут рыдать».

— Успокойтесь, не плачьте, — сказал он. — Вы ни в чем не виноваты. В свое время мы обещали друг другу быть ч-честными, и вы исполнили это условие. У меня не было поводов

упрекнуть вас в неверности. Вдова — это не жена. Я... рад, что вы полюбили и любимы.

Последняя фраза была произнесена совершенно искренне.

— Вы даже не спрашиваете, кто это?

По-видимому, Клара была задета. Настроилась на душераздирающую сцену, а всё так легко устроилось.

— Мсье Леон Арт, разумеется, — пожал плечами Фандорин.

Но актрисе хотелось драмы.

— Боже, вы обрили голову... — Голос Клары задрожал. — Это разрывает мне сердце! Вы всегда так следили за прической, а теперь вам стало всё равно... Как мне горько, что у нас заканчивается вот так... Никто не виноват, что из нас не получилось пары. Мы слишком разные. Как лед и пламень! А с ним... — Ее лицо просветело, и это, кажется, не было игрой. — С ним мы говорим на одном языке! Даже слов не нужно... Ах, зачем я это говорю? Это жестоко, я убиваю вас!

— Ничего, я выживу, — неделикатно уверил ее Эраст Петрович.

Клара вытерла слезы.

— У вас железная выдержка, я всегда это знала... Но в глубине души вы страдаете, это видно по глазам...

— Мне будет легче п-пережить удар вдали от вас. Расстанемся прямо сейчас. Слава богу, нам не нужно оформлять развод. Сообщите адрес, и я распоряжусь переправить ваши вещи из Сверчкова переулка... Или сам съеду оттуда. Это как вам будет угодно.

— У вас холодное сердце, — с горечью молвила она. — Вот почему из нашего брака ничего не вышло.

Вдруг стало ее жалко. Теперь, когда оковы пали, Фандорин увидел эту женщину такой, какова она на самом деле. Не через золотистую пыльцу влюбленности, не через темные очки неприязни, а беспристрастно и почти безэмоционально.

Актриса, до кончиков ногтей. А значит, своего рода инвалидка, не умеющая отличать игру от жизни, подлинные чувства от настоящих. Дай ей бог обрести счастье с длинноносым гением кинематографа. По крайней мере у них есть нечто общее — любовь к искусству.

На столике зазвонил телефон. Очень кстати. Тягостную сцену пора было заканчивать.

— Хелло? — сказал Эраст Петрович в трубку как можно деловитей.

Неважно, кто это. Звонком можно воспользоваться как предлогом, чтобы немедленно уйти — якобы по срочному делу.

Не вышло. Главные испытания, похоже, были еще впереди.

— Господин Фандорин! — истерически закричала трубка. — Это портье Катечкин! К вам поднимается мсье Арт! Он не в себе! Запритесь! Я соберу всех швейцаров и приду вам на выручку!

— Не стоило б-беспокоиться...

Эраст Петрович обернулся к двери, и та буквально через секунду открылась от бешеного толчка.

Очевидно, теперь все будут врываться ко мне без стука, обреченно подумал Фандорин — и подобрался. В руке у режиссера был «браунинг».

— Виноват один лишь я! — закричал молодой человек. Его длинные черные волосы разметались по плечам, глаза сверкали, чело было бледным. — Я давно люблю Клару! Я воспользовался ее минутной слабостью! Убейте меня, но не трогайте ее!

Леон Арт протянул пистолет рукояткой вперед.

«Красивый юноша. И ведет себя прелестно».

Сказать, что всё в порядке и волноваться не из-за чего, Эраст Петрович не успел. Клара его

опередила.

— Нет! Лучше убей меня!

В экстатическом восторге она закрыла возлюбленного телом. Клара никогда не обращалась к мужу на «ты», но так звучало возвышенней. Собственно, ей уже было известно, что никто никого убивать не собирается, но разве актриса способна удержаться от участия в столь фактурной сцене?

Страсти роковые

Вот только падать на колени — это уж, пожалуй, чересчур. На театральной сцене такого перебора Клара себе бы не позволила. Кинематограф губительно воздействует на вкус.

— Не унижайтесь перед ним! — Леон стал ее поднимать. — Вы богиня, мы все перед вами ничтожества!

— Я не богиня! Я грешница! Я всем приношу одно несчастье!

«Пожалуй, я здесь уже лишний».

Воспользовавшись тем, что любовники, рыдая, сжали друг друга в объятьях, Фандорин быстро-быстро скользнул к двери, цапнув на ходу с вешалки свою дурацкую панаму.

На лестнице ему встретилась подмога: портье Катечкин и четыре ливрейных — перепуганные и одновременно счастливые от предвкушения Настоящего Большого Скандала.

— Пойду п-пройдусь, — сказал им Эраст Петрович. — Ко мне в номер не входить.

На улице он подставил лицо восхитительно холодному лунному свету. Улыбнулся счастливой улыбкой.

Свободен! Наконец свободен!

Охота закончена

Ночь Фандорин провел в больнице. Спал чутко, но Маса так и не очнулся.

В палату то и дело наведывался медбрать, дважды заходил дежурный врач. Следовало признать, что уход в заведении добросовестный — именно в этом Эраст Петрович и желал убедиться.

Утром он вернулся в отель, чтобы побриться, принять душ, переодеться. Главное же — для того чтобы провести сеанс медитации: задернуть шторы, сесть в позу дзадзэн, слиться с ритмом и дыханием Вселенной. Ни о чем не думать, ничего не чувствовать, отрешиться от окружающего хаоса, припасть к источнику внутренней гармонии. Или зачерпнуть толику гармонии космической — это уж как получится.

Когда рациональность исчерпала свои ресурсы, нужно настроить рецепторы на обретение сатори. Озарение непременно сизойдет — многократно проверено. Ситуация, которая кажется тупиковой, предстанет в новом свете.

«А если не сизойдет? Если не предстанет?»

«Тогда просто посижу на полу в позе, способствующей циркуляции крови. А потом снова пошевелю мозгами».

У входа в «Националь» кто-то сидел на корточках — не в дзадзэне, но тоже в позе полного отрещения. Было видно опущенную голову в серой чалме, сцепленные на коленях костлявые руки. Вероятно, нищий — в Баку такие попадаются на каждом шагу. Странно только, что швейцар не отогнал мизерабля подальше от входа.

Фандорин достал бумажник — он всегда подавал нищим, которые не пристают и не клянчат. Но сидящий легко поднялся и оказался немым прислужником Саадат Валидбековой.

— Зафар?

Перс молчал. Смотрел не на Эраста Петровича, а на спускающегося с крыльца швейцара.

— Он вас, сударь, с вечера тут ждет. Упорный — ужас!

Монета досталась швейцару, а евнуха Фандорин отвел в сторону.

— Вас прислала госпожа Валидбекова? Что-то случилось?

Почему-то сжалось сердце — Эраст Петрович сам удивился. Внезапно, непонятно с чего, вспомнился ночной сон. Он был короткий и мучительный — как и положено сну, который видишь, сидя в неудобном кресле.

...Фандорину приснилось, что он мертв, лежит в гробу. Пахнет цветами, торжественно поет церковный хор. Идет поминальная служба.

Вот что такое смерть, думал спящий и удивлялся, как это он не понимал столь простой и очевидной вещи при жизни. Смерть — это когда из тела уходит движение. Ты не можешь пошевелиться, а все уверены, что ты кусок бесчувственной материи, которую можно разрезать, вынуть внутренности, подкрасить лицо кисточкой, выставить напоказ. Можно говорить про «дорогого покойника» любые пошлости и глупости — ты все равно не услышишь. А потом закопают в землю, и лежи там вечно, разглядывай крышку гроба. Воскресения не будет.

Но больше всего новопреставленный боялся не вечной тьмы, а женщины в черном. Она стояла у изголовья. Сейчас устроит спектакль, терзался Эраст Петрович. Будет картинно ломать руки, стонать, молоть всякую чушь. Поскорей бы уж закопали.

И вот женщина склонилась над ним. Откинула с лица черную вуаль.

Какое облегчение! Это не Клара, это Саадат.

Глаза ее были сухи, взгляд сосредоточен, таинственен.

Тонкими пальцами она провела по лицу покойника — и будто сняла невидимую пленку. Кожа начала дышать, стало возможно двигать ресницами.

Коснулась рукой груди — и вернулось дыхание.

«Еще, еще!» — мысленно взмолился Фандорин. Его тело жаждало новых волшебных прикосновений, чтобы пробудиться, наполниться жизнью.

Но в это время застонал Маса, и сон прервался.

Тряхнув головой, Эраст Петрович отогнал воспоминание о ночном видении.

— С госпожой Валидбековой все в порядке? Вы ведь можете кивнуть или покачать головой. Евнух с поклоном подал записку.

«Вам все-таки не удастся уклониться от моей благодарности. Зная вас как человека благородного, не сомневаюсь, что тайна останется между нами. Зафар приведет вас туда, где нам никто не помешает».

Без подписи. Но она была не нужна. Фандорин ощутил легкий аромат знакомых пряных духов.

Скажите, какие жертвы во имя материнской любви! А каков тон!

Он достал серебряный карандаш, быстро написал на обороте:

«Я впечатлен Вашей щедростью, однако не привык принимать от женщин подобные подарки в знак благодарности».

— Вот. П-передайте.

Перс взял записку, но не спрятал за пазуху, а поднес к глазам.

«Он что, умеет читать по-русски?»

Лицо евнуха, всегда неподвижное и бесстрастное, пришло в движение: брови уползли вверх, глаза расширились, приоткрылся рот.

— Вам не нравится Саадат-ханум? — спросил Зафар как о чем-то совершенно невероятном. Голос был надтреснутый, с резким акцентом.

«И читать умеет, и говорить. Он не немой, просто молчаливый».

Фандорин взглянул на необычного человека словно бы по-новому, очень внимательно. Кастраты вызывают пугливое отвращение. Как будто лишение физиологической мужественности делает человека хуже. Однако несколько лет назад Эрасту Петровичу в ходе одного расследования довелось близко узнать жизнь скопческой секты — и он убедился, что в общем и целом эти люди лучше. Они вообще другие.

Евнух охраняет гарем

— Мне нравится госпожа Валидбекова, — ответил Фандорин после секундной паузы. — И даже очень нравится. Но я вступаю в отношения с женщинами, только если возникает взаимное п-притяжение. Причем сильное.

Сказал и засомневался — не сложно ли выразился?

Зафар тоже помолчал.

— Как у Земли и Луны?

Оказывается, понял! Интересный субъект.

— Да. Или как у Земли и Солнца. Потому что притяжение между мужчиной и женщиной бывает двух видов: лунное и солнечное.

Перс задумчиво покивал, как бы соглашаясь. Даже объяснять не пришлось.

— Буду это знать... — Впервые он посмотрел прямо в глаза. — В благодарность за науку я вам кое-что расскажу. От женщин — понятно, а от евнухов вы принимаете благодарность?

«Иронизирует? А какая правильная речь! Странный человек. Очень странный».

* * *

К дьяволу медитацию. То, что сообщил Зафар, в корне меняло картину. Она оказалась настолько тревожной, что Фандорин немедленно отправил в министерство депешу следующего содержания:

«Ситуация очень серьезная. Немедленно свяжитесь минуя обычные каналы. Остановился бакинской гостинице Националь».

Телеграмма была адресована знакомому чиновнику особых поручений, который отлично знает: если Фандорин считает, что ситуация серьезная и даже «очень серьезная», стало быть, происходит нечто исключительное. «Минуя обычные каналы» для понимающего человека означает, что через местную полицию, жандармерию и Охранку действовать нельзя.

«Найти способ связи — забота Петербурга. А наше дело — не терять времени».

Попутно пришла в голову полезная идея. Оттуда же, с телеграфа, Эраст Петрович связался

по междугородной связи еще с одним знакомым, канцеляристом Жандармского корпуса. Пришлось занять телефонную линию на час с четвертью, что по сумасшедшим бакинским тарифам обошлось недешево. Однако стоило потраченных денег. Еще один фрагмент головоломки встал на место.

Теперь можно было приступать к действию и не дожидаясь ответа из министерства.

* * *

— Вай, Юмрубаш! — обрадовался Гасым. — Хорошо пришел! Садись. Как раз плов кушаю.
— К тебе когда ни приди...

Эраст Петрович сел, обмахиваясь панамой. Дело было важное и срочное, но правила восточного этикета не одобряли поспешности. Вежливость предписывала хотя бы выпить чашку чая.

— Смотри. — Гочи с гордостью показал сверкающий кинжал, висевший на поясе. — Красиво, да? Когда покушаем, револьверы покажу. Ни у кого такие нету. А что ханум дарила тебе?

На соблюдение приличий была потрачена минута, чай учтиво поднесен к губам и даже пригублен. Пожалуй, уже можно.

— Молчи и слушай, — сказал Фандорин, наклонившись. — Тебе не показалось странным, что, когда мы подошли к Катер-клубу, внутри никого не было? Что вся шайка пряталась за штабелем? И что они открыли огонь без предупреждения, как будто знали, кто мы такие?

Гасым развел руками:

— Трехногий ишак громко шумел. Далеко слышно. На всякий случай сели в засада. Я бы тоже так сделал. А что стреляли — не спрашивали, подумаешь. В Баку всегда сначала стреляют, потом спрашивают.

— Я тоже так д-думал. Но Зафар прибыл на место раньше нас. Тихо, незаметно. Обошел дом сзади. Подкрался, заглянул в окна. Там никого не было. Они уже сидели в засаде. Они ждали нас. Ты понимаешь, что это значит?

— Нет. Не понимаю. — Гочи наморщил лоб. — Откуда знали?

— От подполковника Шубина. Больше не от кого. Он один был осведомлен, что мы едем в клуб, и едем на мотоцикле. Вот почему похитители открыли огонь без предупреждения. Подождали, когда мы выйдем на освещенное место, под лампу, и начали стрелять.

— Шубин?! — вскипал Гасым. — Ты говорил с собака Шубин?! От него про Биби-Эйбат узнал, да?

— Да.

Последовала шипяще-клекочущая тирада — несомненно какое-то туземное ругательство.

— Зачем меня не слушал, Юмрубаш? С полиция нельзя дело делать! Шайтан твой Шубин! А ты не Круглый Башка, ты Глупый Башка, Упрямый Башка!

— Тебе ведь сказано: молчи и слушай. — Фандорин сделал нетерпеливый жест. — Да, Шубин отправил нас в ловушку, на верную гибель. Но мы не погибли. И теперь у нас снова есть след. Совершенно очевидно, что в расширении забастовки заинтересована не только кучка алчных нефтепромышленников. Всё гораздо серьезней. Самый влиятельный из местных начальников, фактически хозяин города, которому полагалось бы охранять порядок, делает нечто противоположное: разжигает пламя. Ради этого он не останавливается даже перед преступлением. Я уверен, что Месроп Арташесов нам наврал. Он прикрывал Шубина. В то, что магнат, беспокоясь за племянника, нанял шайку анархистов, я не верю. Зачем, когда у него

своих головорезов полно? К тому же не было за мной в Москве и потом, в пути, никакой слежки. Я бы ее почувствовал. И тем не менее Однорукий знал, каким поездом я приеду, в каком вагоне. Нечего и гадать: сообщить об этом мог только жандармский офицер, который заказывал билеты. Кому он мог сообщить? Своему коллеге жандармскому подполковнику Шубину. У них давние отношения...

Судя по сдвинутым бровям, Гасым не поспевал за ходом мысли, а возможно, и не всё понимал, потому что Эраст Петрович говорил очень быстро. Но эту речь Фандорин произносил главным образом для самого себя: «Клинок» в устном исполнении.

— Почему Арташесов умолчал про Шубина, п-понятно. Не хочет портить отношения, боится. Гораздо интереснее, зачем помощнику градоначальника нужна всеобщая стачка? Есть лишь одно рациональное объяснение. Подполковник связан с революционерами. Причем именно с Дятлом. Тогда всё логически сходится одно к одному.

Покончив с дедукцией, Фандорин перешел к самому главному — к тому, из-за чего отправил в Петербург срочную депешу:

— Главарь подпольщиков и самое влиятельное лицо бакинской администрации действуют заодно. Это чревато катастрофическими последствиями. Если полностью остановится нефтедобыча, может случиться всероссийский кризис. На одном керосине из государственного трубопровода страна не протянет.

Гасым подождал, не скажет ли Фандорин что-нибудь еще. Потом сделал свой собственный вывод:

— Понятно. Надо собака Шубин убивать.

— Нет. Улики у меня косвенные, отопрется. Необходимо его прижать, чтобы заговорил. Я должен разобраться, что за к-каверза здесь готовится. Шубина нужно вывести на чистую воду.

— Чистая вода в Баку нету. А как собака Шубин прижать — это думать надо. — Облизнув жирный от плова палец, Гасым важно приставил его ко лбу. — Сам буду думать.

«За тем я к тебе и пришел». Эраст Петрович выжидательно смотрел на боевого товарища.

— Д-долго будешь думать? Время не ждет.

— Буду про Шубин люди спрашивать. Люди всё скажут.

— Хорошо. Найдешь меня в больнице.

* * *

На сей раз Маса был в сознании. Он полусидел, обложеный подушками. Грудастая сестра милосердия заботливо кормила раненого бульоном из ложки. В первое мгновение Эраст Петрович встрепенулся от радости. Потом увидел, что японец с трудом открывает рот, а на пышный бюст, колышущийся перед самым его носом, даже не смотрит. Второе обстоятельство показалось Фандорину особенно тревожным.

— П-позвольте, сестра. Я покормлю его сам.

Едва женщина вышла, Маса выплюнул бульон обратно в тарелку и потребовал:

— Рассказывайте, господин! Со всеми подробностями! Я все время спал и в снах был с вами. Потом просыпался, видел, что вас нет, плакал и снова засыпал.

Вначале Эраст Петрович говорил коротко, только про основные события. Но Маса, слушая, ожидал на глазах. Заблестели глаза, порозовели щеки. Тогда Фандорин не пожалел красок. Принялся расписывать горящее море Биби-Эйбата, гонку по волнам на восьмидесятикилометровой скорости, схватку в подземной галерее.

— Я умру, — печально молвил японец, дослушав рассказ.

— Г-глупости! Врач сказал, что ты идешь на поправку!

— Я умру не от раны. У меня разорвется сердце из-за того, что я всего этого не видел...

Маса сложил руки на груди, словно покойник, закрыл глаза, и лицо у него приняло такой желто-восковой оттенок, что Фандорин перепугался, побежал за доктором.

Но в дверях столкнулся с Гасымом.

— Всё знаю, — сказал Гасым. — Где сейчас собака Шубин найти знаю. Едем, Юмрубаш. Будем ее прижать.

Эраст Петрович оттолкнул его.

— Не сейчас! Нужен доктор! Маса умирает!

— Если умирает, зачем глаза хлопает? — удивился Гочи.

Маса действительно повернулся голову и мрачно глядел на господина. Гасыма словно не замечал — должно быть, не желал смотреть на счастливого соперника.

— Пойдем, Юмрубаш. По дороге расскажу.

«Э нет, тогда Маса точно умрет».

— Говори здесь. Где Шубин?

— Вечер в Летняя казино поедет. Люди говорят, каждая среда вечер туда ездит. Играет рулетка.

— Каждую среду? Ну что ж, поедем и мы. Давненько не играл я в колесо Фортуны, — задумчиво протянул Эраст Петрович. — Судя по употреблению женского рода, к-казино ты не одобряешь?

— Шайтан твоя казино! Все деньги у меня отобрала, кинжал отобрала, газыри были чистый серебро — отобрала! Тыфу!

— Ну тогда ты не будешь играть.

Гасым подозрительно прищурился.

— А что буду делать?

Фандорин коротко объяснил. План составился легко, безо всякого Никки.

— Не очень понял, да? — сдвинул мохнатые брови Гасым.

— Я подробнее растолкую на месте, когда осмотрюсь, — успокоил его Эраст Петрович и повернулся к раненому. — Отдыхай, Маса. Набирайся сил. Мне нужно п-приготовиться к сегодняшнему вечеру.

Японец моргнул, стряхивая с ресниц слезинку.

— Я никогда никому не завидовал, всегда был доволен своей кармой. А этому тупицу очень завидую. Заставляю себя сказать ему что-нибудь вежливое и не могу. Идите, господин, и не беспокойтесь обо мне. Я не умру, пока вы не вернетесь. Иначе как я узнаю, чем всё закончилось?

* * *

В гостинице портье Катечкин сказал:

— Вам был звонок из Петербурга. Телефонировал некто Илларион Константинович, фамилии не назвал. Попросил связаться с ним вот по этому номеру.

Это был тот самый чиновник особых поручений. Бумажку с номером Эраст Петрович сунул в карман. Никуда звонить он, конечно, не собирался. Мало ли кто подслушивает междугородные разговоры на бакинском коммутаторе. Шубин давеча продемонстрировал, какие доверительные у него связи с местными телефонистами.

Катечкин понизил голос:

— И еще этот господин, очень солидный, попросил меня немедленно ему сообщить, как только вы появитесь...

— А вот этого не нужно. — На стойку легла красная купюра. — И вообще: кто бы ни звонил, всем отвечайте — отсутствует.

Никаких телефонных разговоров. Пусть придумают что-нибудь получше. Честно сказать, Фандорин сейчас не очень-то и хотел вступать в объяснения с Петербургом. После объяснения с Шубиным ясности прибавится, а пока в наличии одни подозрения.

Все навыки осторожности у Эраста Петровича были мобилизованы. Поэтому в номер он вошел с соблюдением мер безопасности, не стал раздвигать штор, но в щель между ними выглянул.

Как интересно! На крыше противоположного дома что-то блеснуло. Пока шел по улице, склонки не было, а тут смотрят — через бинокль. Или, может быть, через оптический прицел?

Заметили?

Он плавно отодвинулся от окна.

Кто приставил наблюдение? Шубин? Дятел?

Так или иначе охота на охотника возобновлена.

Задребезжал телефон.

«Проверяют, у себя ли? Или все-таки увидели? Почему портье соединил, ему же было велено всем отказывать?»

Поколебавшись секунду-другую, Эраст Петрович снял трубку. Если наблюдающие заметили в комнате движение, отмалчиваться не следует.

— Горничная Федотова, — пропищал Фандорин противным голоском. Давненько не доводилось прикидываться женщиной.

Мужчина с легким акцентом спросил:

— Разве господина Фандорина нет?

— Нету-с. Я тут прибираюсь.

«Акцент не кавказский».

— Странно. Он поднялся к себе.

«Немецкий или прибалтийский. Среди большевиков много латышей».

— Не могу знать. Должно, в колидоре задержались, сейчас придут-с. Передать что прикажете-с?

— ...Нет. Я перезвоню.

«Выходит, зря дал Катечкину десятирублевку. Кто-то платит больше. Или стимулирует иными средствами...»

Эраст Петрович переоделся в вечернее — против своих обыкновений очень быстро. На улицу вышел через черный ход.

«Ничего. До вечера посижу в каком-нибудь кафе. А как только прищучу господина подполковника, жизнь сразу сделается менее таинственной».

* * *

В веселом городе Баку помимо главного казино — превосходного палаццо, выстроенного по образцу монастырского, имелось еще и казино летнее, не менее роскошное. Против Приморского бульвара, прямо в море, на столбах, стоял чудесный деревянный дворец с башенками — городская купальня. Днем он и использовался в качестве купальни для «чистой» публики, по вечерам же в главном зале собирались любители азарта. Здесь, над водой, не ощущалось знойное

дыхание южного ветра гилявара, в открытые окна задувал свежий бриз, а звуки скрипок и валторн сливались с плеском волн.

Купальня

Эраст Петрович долго прогуливался по набережной, приглядываясь к волшебному замку, похожему на мираж — так невесомо парил он, сияя огнями, пугающий и манящий, между темно-синим небом и черным переливчатым морем.

Шоколадный «руссо-балт» Шубина был гарирован среди других автомобилей и экипажей. Шофера нет. Значит, подполковник водит машину сам — отрадно.

Со стоянки Фандорин еще наведался к лодочному причалу, выкурил там сигару. И лишь после этого ленивой походкой праздного гуляки направился по длинному деревянному мосту ко входу в обитель низменных страстей.

В кассе, где меняли жетоны, Эраст Петрович, окончательно войдя в роль, присвистнул:

— Однако!

Здесь на мелочи не разменивались. Самая дешевая фишка, красная, была пятирублевой, синяя стоила десять рублей, желтая — четвертную. Публика в основном брала синие и желтые. У Фандорина было с собой три сотни, непустяковые деньги, но двое господ впереди поменяли один пять тысяч, другой пятнадцать.

— Я нынче по маленькой, — сконфуженно объяснил Эраст Петрович (верней, его персонаж) кассиру.

— В гардероб пожалуйте, — не слишком любезно ответил тот.

Справа небольшая очередь тянулась к окошку с табличкой «Гардероб», что по летнему времени было странно.

Пожав плечами, Фандорин хотел пройти мимо, но тут к нему сунулся невысокий человечек с мятным лицом, на котором болезненным блеском сияли черные, воспаленные глаза.

— Никогда вас здесь не видал, — сказал незнакомец, снимая шляпу и искательно улыбаясь. — Впервые изволите?

— Впервые.

— Могу сопроводить. Подсказать, уберечь, объяснить.

Типаж знакомый. Такие трутся возле игорных домов по всему миру. Есть алкоголики, есть опиоманы и кокаинисты, а это другая болезнь — называется «игромания».

— Красненькую фишечку пожалуйте, сударь, мне и довольно будет.

«Пожалуй, чичероне мне не помешает».

— Буду доволен — получите желтую, — пообещал Фандорин, и человечек просиял.

— Не разочарую!

— Как вас называть?

— Юшкой.

Эраст Петрович поморщился:

— Нет уж, вы представьтесь как-нибудь пообстоятельней.

— Бывали времена, когда я звался Юсуфом Абдуррахмановичем и даже Юсуф-агой. Если колесо фортуны повернется, потребую, чтобы меня вновь величали со всем почтением, а пока — Юшка и на «ты», большего не заслуживаю.

Попрошайка униженно поклонился. Как зовут благодетеля, спросить не осмелился.

— Что ж, ведите меня в вертеп порока.

Юшка деликатно, двумя перстами, придержал его за рукав.

— Должен предупредить. Если имеете при себе оружие, надобно сдать. Иначе при входе завернут. Здесь охранники ушлые, специально натасканные.

Лишь теперь Фандорин заметил, что гардеробщик принимает у посетителей не трости и шляпы, а кинжалы, пистолеты, револьверы.

— Это Баку, — повторил гид вечную местную присказку. — Народ горячий. Может случиться смертоубийство. А некоторые, бывало, и застреливались, прямо в зале.

Перед помпезным входом двое гибких молодцев выделявали руками пассы, будто обмеряли фигуру пузатого господина в туземном наряде. По повадке видно — мастера обыска. Пожалуй, «веблей» придется сдать. Маленький «дерринджер», прицепленный сзади к поясу — тоже. Эти найдут.

«Пожалуй, оно и кстати. Облегчит задачу».

— Сразу видно солидного человека, — одобрил Юшка «дерринджер». — Два пистолета всегда лучше, чем один. Не угодно ли для начала прогуляться?

— Угодно.

Эраст Петрович медленно двинулся по просторной зале, где играли, кажется, во все существующие азартные игры от «железки» до покера, но большинство столов все же были рулеточные. Табачный дым тянулся к люстрам, на подиуме нежно пели скрипки, официанты разносили вино и закуски. Человек сто здесь было, не меньше.

«Всё это чудесно, но где же синий мундир?»

Экскурсовод переступал бочком вперед, не умолкал ни на миг.

— Обратите внимание. — Показал на тощего субъекта, торчавшего за спинами у играющих. — Здешняя достопримечательность. Унаследовал от отца миллионы и все спустил. Собрался наложить на себя руки. На последние рубли закатил прощальный банкет. Там к нему подошел друг покойного отца, передал запечатанный конверт. Открывает — письмо от родителя. Так, мол, и так, знаю, что ты, мерзавец, после моей смерти всё нажитое продуешь. Черт с тобой, не жалко. Только вот тебе моя отцовская воля. Стреляться не смей — возьми и повесься на люстре у меня в кабинете, где я непосильным трудом заработал миллионы, которые ты пустил на ветер. Сын так и поступил. Прицепил веревку, спрыгнул со стула, а люстра возьми да свались. И из-под лепнины вываливается мешок с червонцами! Хотел папаша с того света дать сыну урок, чтоб образумился, не дурил.

— И что же? — с интересом спросил Фандорин.

— Не помогло. Проиграл и червонцы. Теперь как я. Ходит, побирается.

По гладкости рассказа чувствовалось, что чичероне рассказывает его не в первый раз и, наверное, привирает. Хотя с пропащими игроманами случаются и не такие пертурбации.

— А взгляните вот на этого, — задышал в самое ухо Юшка, кивнув на сонного господина, который сдвинул со стола груду желтых фишек со словами «всё на зеро» и зевнул. — Мартиросян, величайший из дирекчилеров!

— Из кого?

— Дирекчилер — тоже своего рода игрок. Только делает ставки не на столе, а на земле. Покупает задешево участки и ждет — вдруг рядом найдут нефть? Мартиросян был никто, почтовый служащий. Однажды выиграл в лотерею пятьсот рублей и купил одну десятину бесплодной, удаленной от промыслов пустыни. Вдруг появляется некто, предлагает тысячу. Мартиросян уж хотел согласиться, но что-то ему помешалось в покупателе странное. Велел зайти завтра. Побежал узнавать — оказывается, неподалеку собираются бурить. Это уже повышает цену минимум вдесятеро. Но Мартиросян не продал и за пять тысяч. У соседей пошла нефть. За десятину сразу стали давать сто двадцать тысяч. И снова он отказался! — Юшка смотрел на сонного игрока с восхищением. — Вот что такое нюх! Продал Мартиросян только тогда, когда на самой границе его участка ударили фонтан. За полтора миллиона! На половину купил тысячу новых участков и ждет покупателей, а вторую половину проживает в свое удовольствие...

В казино

— Любопытно, — признал Эраст Петрович, подумав, что и он, пожалуй, мог бы сыграть в такую игру. Но от одной мысли о нефти замутило, а во рту возник отвратительный масляный привкус.

— Старый паук Рафалов. — Экскурсовод показал на почтенного старика, дремавшего в кресле у стены. — Слышали когда-нибудь про игорных стервятников? Этот — самый хищный. Никогда не ставит, просто сидит. Если кто-то проигрался в пух, а уходить не хочет, вошел в азарт, Рафалов предлагает взаймы под дикие проценты или под залог недвижимости. У него тут в буфете всегда дежурит нотариус...

За одним из столов стало шумно. Кто-то там громко требовал шампанского, кто-то кричал «Нет! Боже, нет!»

У почтенного старца немедленно открылся один глаз, желтый и круглый, как у филина.

Но гид вел Фандорина дальше.

— Смотрим влево. Под пальмой господина с проваленным носом видите? Интереснейшая личность, некто Шунтиков, прославившийся тем, что...

Но чем прославился некто Шунтиков, Эраст Петрович так и не узнал. В самом углу зала, на окруженном перильцами возвышении поблескивала знакомая малиновая лысина. Шубин нынче

был в цивильном, оттого Фандорин не увидел его издалека.

— Благодарю вас. Довольно. Держите желтую... — На ближайшем столе как раз заканчивали принимать ставки. — А впрочем, я сам за вас поставлю.

Не глядя, Фандорин кинул двадцатипятирублевую фишку на игровое поле и двинулся по направлению к Шубину.

— Позвольте, но я всегда ставлю на черное! — завопил сзади Юшка. — Крупье, требую переставить!

— Как угодно-с. Сдвигаю с 23 на черное. *Les jeux sont faits!*^[7]

Эраст Петрович уже и думать забыл про бывшего Юсуфа Абдурахмановича. Встал за перилами — решил подождать, пока Шубин сам его заметит, и посмотреть, как отреагирует в первый миг, еще не справившись с лицом.

Подполковник покуривал папиросу, водил пальцем по краешку бокала с коньяком. Удивительно, но других игроков за столом не было.

— Куда прикажете? — спросил крупье.

Ногтем Шубин толкнул столбик из шести желтых жетонов.

— Право не знаю. На восемнадцать?

Тут крупье проделал не вполне понятную манипуляцию — одну фишку аккуратно отодвинул обратно.

— Обсчитаться изволили, Тимофей Тимофеевич.

— В самом деле? — Толстая щека пошла складками — помощник градоначальника улыбнулся.

Колесо закрутилось. Шарик остановился на 18.

У Эраста Петровича двинулись брови, а крупье сказал:

— Поздравляю. Повезло. Теперь, быть может, довольно?

Вопрос из уст служащего казино звучал необычно.

Вдруг веко у Шубина дернулось. Тыквообразная голова качнулась. Он заметил Фандорина.

Реакция была такая, как следовало ожидать: сокращение окологлазных мышц, непроизвольное сжатие пальцев. По психофизиognомической науке это означало «неприятный сюрприз, сигнал опасности».

Знает кошка, чье мясо съела. Виновен, никаких сомнений!

Широчайшая улыбка засияла на пухлом лице Тимофея Тимофеевича.

— Какая чудесная неожиданность! Признаться, я за вас беспокоился. Полиция утром обнаружила около Катер-клуба мотоцикл, принадлежащий градоначальству, и три мертвых тела с огнестрельными ранениями. Все в недоумении, что там могло произойти.

«Не слишком старательно прикидывается. Понимает, что отпереться не удастся».

Эраст Петрович сел, высыпал на зеленое сукно свои фишки.

— Сыграем?

Глаза подполковника сузились. Он уже не улыбался.

— С удовольствием. Ставлю... на вторую терцию. — Многозначительный взгляд на крупье — тот обреченно кивнул. И, понизив голос: — Чем закончилась ваша ночной прогулка?

Фандорин на колесо Фортуны не смотрел, но рука сама потянулась ко второму ряду цифр. Притяжение исходило оттуда. Три фишкы легли на семерку, три на восьмерку и три на девятку. Точнее пункт не определился — Эраст Петрович был весь сосредоточен на собеседнике.

— Ставки сделаны! — объявил крупье и запустил рулетку.

— П-прекрасно. А теперь отойдите от стола. Нам нужно поговорить наедине.

— Но... Слушаюсь.

Не выдержав фандоринского взгляда, крупье попятился. При этом с извиняющимся видом

пожал плечами. Жест адресовался Шубину, но тот глядел на Эраст Петровича.

— Вы и так знаете, чем закончилась моя п-прогулка.

В глазах подполковника блеснули насмешливые огоньки.

— Вот как вы заговорили? Интересно. Значит, встреча неслучайна. У нас, я так понимаю, будет непростой разговор?

«Уверен, что ему нечего опасаться. Или же любит острые коллизии. Если так — двойная осторожность».

Сердце застучало чуть быстрее. Эраст Петрович и сам испытывал слабость к рискованным ситуациям.

— Семь! — объявил кroupье. — Ваша удача, сударь.

Отсчитал и пододвинул лопаточкой немаленькую кучку жетонов, а фишки Шубина забрал.

— Еще прикажете?

Фандорин поднялся.

— Отдайте выигрыш вон тому господину. Я ему з-задолжал.

Он показал на диван, где, обхватив голову, сидел несчастный Юшка.

«Не удавился бы из-за того, что убрал фишку с двадцати трех. А я буду виноват».

— Пойдемте на свежий воздух, побеседуем, — сказал Эраст Петрович подполковнику. — Здесь, кажется, отличная открытая веранда.

Тот тоже поднялся:

— С удовольствием.

«И не врет — действительно с удовольствием. Не двойная осторожность — тройная».

На открытой площадке, обращенной к неразличимому во мраке морскому горизонту, не было ни души. Плескались и кудрявились белыми чубчиками волны, прохладный соленый ветерок обдувал лицо.

— П-пожалуй, вот сюда...

Фандорин встал спиной к Шубину, облокотился на перила. Глаза закрыл, чтобы зрение не отвлекало, не мешало чувствовать движения противника.

— Славно здешний к-кroupье ногой управляетя. — Чиркнул спичкой, зажег сигару. — У него там педаль?

— Черт его знает, — хмыкнул Тимофей Тимофеевич. — Никогда не интересовался. Но я знаю, что в казино мне везет только по средам. Только у этого стола. И в пределах определенной суммы. Это Баку.

«Немного расслабился. Думает, я собираюсь говорить с ним о коррупции. Атака!»

— Вы со Спиридоновым, покойным начальником царской охраны, служили в Варшавском жандармском управлении, в девятьсот с-седьмом. — Эраст Петрович стряхнул с сигары красную искорку. — А потом вас вдруг отстранили от должности и загнали в Баку, на задворки империи. Мне бы раньше сопоставить ваш формуляр с послужным списком Спиридона. Что-нибудь не поделили? Затаили зуб?

«Снова напрягся, но не чрезмерно. Не понимает, к чему я? Или уверен, что все козыри у него в руках?»

— На Спиридона многие имели зуб. Это был изрядный мерзавец. Пусть горит в аду. Вы, собственно, к чему спросили?

«Штурм!»

— Я это, собственно, к тому с-спросил, что Дятел убрал Спиридона по вашей просьбе. Или даже по вашему приказу? Кто на кого работает — Дятел на вас или вы на него? Засада в Катер-клубе была чьей идеей?

Жирный смешок.

«Что за внезапная веселость? Странно».

— Смешной вы человек, господин Фандорин.

— В самом деле? Чем же я вас рассмешил?

— Спину подставили. Думаете, сейчас я вас начну душить или, того драматичней, в воду спихивать? Но я вашей биографией тоже поинтересовался, как и вы моей. Знаю, что вы мастер хитрой японской драки. Под колотушки не полезу.

«Не вышло. Слишком умен». Эраст Петрович открыл глаза, развернулся.

Тимофей Тимофеевич скалил зубы. Руки сложены на груди — согласно жестомимической науке, это поза вызова.

«Чем дальше, тем интересней».

— Судя по вашему тону, з-запираться вы не намерены?

— С таким проницательным человеком не имеет смысла. Когда идиоты в Катер-клубе не справились с простым делом, я понял, что у нас с вами будет объяснение. С удовольствием поговорю начистоту. В кои-то веки! А то все монологизируешь мысленно с самим собой, кругом одни кретины. Недолго с ума сойти. А что я буду без ума? Пошлый толстяк с нездоровой печенькой и утренней изжогой.

— Ума у вас много, это верно, — обронил Фандорин, с любопытством разглядывая оппонента.

— И всегда так было, с самого малолетства. — Шубин сделал вид, что не заметил иронии.

«Похоже на игру в кошки-мышки. И каждый уверен, что кошка — это он. Мурлыкай, котик, мурлыкай».

— Да, я всегда был смышлен. Но настоящему уму меня научила нефть. Научила простой истине: не следует бояться грязи и вони. Соки земли — они черные, жирные, зловонные, но на кого изолются фонтаном, вымажут с головы до пят, тот помазанник божий. Когда меня низвергли сюда из европейской России, я думал: всё, конец мечтам. Сгину в этом болоте. Но Баку не болото, а российский эльдорадо. Лучшее место во всей империи! Во-первых, здесь вращаются огромные деньги — таких нигде больше нет. Во-вторых, восточные традиции очень удобны для умного человека, обладающего властью. В-третьих, в этом зверинце всевозможных революционных организаций, грызущихся между собой, открываются блестящие карьерные возможности... — Тимофей Тимофеевич сладко улыбнулся и спросил: — Который час? Мои остановились.

«Лжет. Зачем? А, не хочет вынимать из подмышки руку. В ней пистолет. Поэтому он так и спокоен. Знает, что меня с оружием сюда не впустили бы, а господина подполковника никто, конечно, обыскивать не посмел бы. Но почему не стреляет? Зачем забалтывает? Это очень кстати, но чего он ждет?»

— Одиннадцать пятьдесят шесть... Скажите, зачем вам нужна всеобщая з-забастовка? Когда промыслы окончательно встанут, из Петербурга грянет гром. Понадобятся стрелочники.

— Конечно, грянут! И громы. И молнии! — Речь Тимофея Тимофеевича ускорилась, будто он спешил выговориться. — Но поразят они не меня. Что я? Мелкая сошка. Снимут градоначальника. А кого назначить на освободившееся место? Только вашего покорного, больше некого. Новая метла когда еще сюда доедет и в здешних делах вряд ли разберется — уж это в столице сообразят. А я вот он. Докладывал, сигнализировал, рапорты подавал. — Подполковник засмеялся, но глаза остались неподвижными. — Арташесов и прочие тузы думают, я у них на побегушках. Что ж, пусть обогащаются. И мне от их щедрот перепадет. Но, по правде сказать, сколько человеку денег нужно?

В голосе Шубина зазвучали проникновенные нотки.

«Максимальная готовность! Сейчас будет стрелять!»

— Я себя, дорогой вы мой, и так до старости обеспечил. Пора о возвышенном подумать. Я не о душе, — скривился подполковник. — Нет никакой души. Я о полете мечты. Если делать карьеру — то большую, с огромным замахом. Кто сумел запустить эту забастовку, тот сможет ее и прекратить. Я давно уже доклад заготовил на высочайшее имя: как сделать бурное Закавказье тихим и спокойным. Но сейчас подавать бессмысленно. Подумаешь — какой-то Шубин-Пальтишкин-Кацавейкин. Положат под сукно. А вот когда я родину спасу, верну империи нефть — тогда другое дело. Кажется, грядет большая война. От нефти, керосина, бензина, смазочного масла будет зависеть очень многое. Кто обеспечит порядок на Кавказе? Ну, наместником меня, конечно, не сделают. Но полицейскую часть доверят, это вполне реально. Пускай для ширмы остается старенький граф Воронцов. Истинным хозяином Кавказа стану я!

В казино грянула бравурная музыка — заиграли «Оду к радости».

— Вот и полночь. — Шубин по-кошачьи облизнулся. — Спасибо, что выслушали. Впервые выговорился вслух. Это было приятно. Как вам моя мечта?

— Г-грандиозно, — признал Фандорин.

«Сейчас выстрелит. Зачем он тянул до полуночи?»

Правая рука подполковника чуть шевельнулась. Но выстрелы грянули в неожиданном месте — из зала. Целый залп, раскатистый и мощный. Словно открыла огонь рота солдат.

Непроизвольно Эраст Петрович повернулся в ту сторону. А когда снова взглянул на Шубина, у того в руке — не правой, а левой — матово поблескивал револьвер.

— Салютуют шампанским. Традиция! — крикнул сквозь грохот Тимофея Тимофеевич, давясь смехом. — Адьё!

С пробочкой канонадой слился еще один хлопок — изнутри услышать его было невозможно.

Подполковник заорал, схватившись за простреленное запястье, согнулся пополам.

— Ура-а-а!!! — завопило казино.

Но миновала полночь, бутылки больше не хлопали, крики утихли, а Шубин всё вопил.

— Не надо так ш-шуметь. Сейчас я сделаю вам обезболивание.

Подойдя, Фандорин нанес короткий удар снизу, в переносицу. Грузно, будто оглушенный бык, помощник градоначальника рухнул.

— Эй, где ты там? — позвал Эраст Петрович.

Перила затрещали. Через них, вынырнув из тьмы, с пыхтением перелезал Гасым. Спрятал еще дымящийся револьвер.

— Вай, долго говорили. Замерз совсем.

— Ты почему мокрый? Вплавь добрался? Я же сказал: на лодке.

— Есть лодка. Там. — Гочи показал вниз. — Сюда по столб лез. Свалился. Чуть шапка не потопил. Слушай, холодно когда мокрый на ветер сидеть! Зачем собака Шубин раньше не стреляла? Болтливая, как баба!

Простреленную руку Фандорин перетянул жгутом, чтобы раненый не истек кровью.

— Теперь нужно спустить его вниз. Ч-черт, тяжелый. Давай с двух сторон.

Гасым отодвинул Эраста Петровича.

— Э, я амбал был — десять пуд бегом носил.

Поднял огромную тушу, донес до края и — Фандорин вскрикнул — швырнулся через перила. Снизу донесся шумный всплеск.

— Ты что?! Он нужен живой!

— Жирный не тонет. Верх плывет. Подберу, в лодка кладу. Там буду. — Гасым показал в сторону лодочного причала.

Быстрым шагом, беспокоясь за трофей, Эраст Петрович прошел через зал. Официанты

толпились вокруг какого-то человека, который делал странные дерганые движения. Захохотал — над головами брызнул фонтан шампанского.

— Всех искупаю! Подходи освежиться!

— Юсуф-ага, не прикажете ли «Дом Периньона»? Юсуф Абдурахманович, позвольте ботиночек почистить, запачкался! — наперебой кричали служители.

Забрав в гардеробе оружие, Фандорин прошел мимо кассы.

— Ничего, сударь. В следующий раз повезет, — ласково пропел меняла.

— Непременно.

* * *

Лодка мирно покачивалась под пирсом. Черная вода бликовала огнями. Из казино доносилась приглушенная музыка, с набережной — голоса гуляющих, которые флантировали по эспланаде, наслаждались ночной прохладой.

Эраст Петрович сидел на причале, свесив ноги. С наслаждением курил сигару. Настроение было превосходное.

Вторая часть разговора с Шубиным складывалась еще интереснее, чем первая.

Мокрый подполковник сидел внизу, на дне лодки, зажатый между ног у Гасыма.

Помощник градоначальника больше не умствовал, не хвастался. Смотрел снизу вверх уныло, словно вымокший кот. На вопросы отвечал без запинки. Если запинка все же случалась, Тимофей Тимофеевич получал бодрящий удар рукояткой по плечи.

— Вопрос первый. Однорукий Хачатур выполнял ваши поручения?

— Да.

— О моем прибытии вы узнали от полковника Пеструхина?

— От него.

— Но он не участвует в ваших... проектах?

— Нет. Зачем я стал бы делиться?

— Почему решили меня убить? Из-за Спиридонова?

Пауза. Шмяканье. Вскрик.

— Да. Я боялся, что вы найдете Дятла, — быстро сказал Шубин. — И он расскажет, что Спиридонов убит по моему заданию.

Эраст Петрович удовлетворенно кивнул. Дедукция оказалась верной.

— Это пока еще не вопросы. Как видите, ответы мне известны без вас. А теперь последует настоящий вопрос: где найти Дятла?

Подполковник молчал. Получил по голове, крякнул — и все равно не спешил с ответом.

— Т-торговаться не пытайтесь, — предупредил Фандорин, догадавшись о причине молчания. — Никаких условий. Или выводите нас на Дятла, или...

Он не договорил. Пусть сам подумает, проявит силу воображения.

С воображением у Тимофея Тимофеевича, кажется, всё было в порядке.

— Я знаю, где Дятел. Его можно взять прямо сейчас.

— И где же?

— В Черном Городе. Но без меня не найдете. Я покажу.

«Слишком быстро сдался. Что-то задумал. Или там ловушка, или откладывает торги на потом. В любом случае — пусть показывает».

— Не думайте, что я хитрю, — сказал Шубин, будто подслушав. — Больше у вас со мной проблем не будет. Я отлично понял, с кем имею дело. Всё будет так, как вы хотите. Я приведу

vas к Дятлу, вы его возьмете, а потом мы с вами потолкуем и, может быть, договоримся.

«Будет покупать. Люди этой породы твердо верят, что непродажных на свете не бывает, а бывает лишь недостаточная цена».

Но ответил Эраст Петрович без чрезмерной категоричности, чтобы не лишать информатора надежды:

— Особенно на это не рассчитывайте.

* * *

В путь отправились на «русско-балте»: за рулем Эраст Петрович, рядом владелец, позади Гасым, время от времени почесывавший подполковнику спину кончиком своего великолепного кинжала. Шубин, впрочем, вел себя паинькой. Исправно говорил, где поворачивать, поглядывал заискивающе. Что-то здесь было не так. По опыту Фандорин знал: субъекты этой породы безоговорочно не капитулируют.

«Ладно, поглядим...»

В Черном Городе, на глухой улочке, застроенной бараками, автомобиль проехал через толпу нетрезвых рабочих. Кто-то пнул ногой шину, потом засвистели, кинули вслед палку.

— Бастуют, — оглянулся Шубин. — Есть на что выпить. Товарищи революционеры обеспечивают пролетарскую солидарность. Трудненько будет эту шваль загнать назад, на буровые и в цеха.

«Вот он на что надеется. На индульгенцию грехов в обмен на прекращение забастовки. Ну, это он пускай с Петербургом договаривается. Начальника дворцовой полиции ему не простят. Хотя доказательств нет. Разве если Дятел даст показания. Судя по тому, что о нем известно, это маловероятно».

— Вы абсолютно уверены, что он там один? — уже не в первый раз спросил Фандорин.

— Абсолютно. Никому не доверяет.

— Откуда же вы знаете, где он п-прячется?

Подполковник ответил, с гримасой нянча раненую руку:

— Я знаю всё, что происходит в городе... Теперь налево. Нет, лучше остановиться здесь. Услышит звук мотора — насторожится. Ночью легковому автомобилю в этих местах делать нечего.

Совет был правильный. Эраст Петрович выключил двигатель.

— Гасым, возьми его за локоть. Держи крепче.

За поворотом тянулась на удивление чистая улица с одинаковыми аккуратными домиками. Ни звука, ни огонька.

— Товарищество «Бранобель» построило образцовый квартал для квалифицированных рабочих. После начала забастовки всех выгнали в шею, поэтому Дятел здесь и прячется. Вон, в дальнем конце.

Квартиры для чернорабочих фирмы «Бранобель»

Действительно: если приглядеться, было видно, что в одном из домиков слабо светится окно.

На всякий случай Фандорин решил сделать подполковнику последнее внушение.

— Не скрою, что мне хочется вас убить. Очень сильно хочется. При малейшей провокации с вашей стороны, при любом подозрительном движении...

— Не тратьте зря времени, — поморщился Шубин. — Буду я рисковать жизнью из-за какого-то пернатого. Пропади он пропадом! Хорошо бы, конечно, чтобы он оказал сопротивление и вы его ухлопали... — Жандарм мечтательно вздохнул. — Это было бы очень недурно. Но не беспокойтесь, я ни во что вмешиваться не стану. Заканчивайте скорей и едем в госпиталь. Рука ужасно болит.

На пустой улице было тихо, а вот в ее окрестностях не особенно. Где-то дурные голоса орали нестройную песню. В другом месте бешено вопили и чем-то громыхали — кажется, дрались. Время от времени то там, то сям, слышались и выстрелы.

— Черный Город, райское место, — покачал головой Шубин. — Никогда не бывал здесь ночью. И надеюсь, больше не придется.

Оставив пленного на попечении гочи, Эраст Петрович бесшумно подкрался к окну.

Через щель между шторками было видно скромно обставленную комнату.

На койке, закинув руки за голову, лежал и курил мужчина. Его лицо тонуло в тени. На тумбочке горела прикрытая тряпкой лампа.

«Ну-ка, что это там, под газетой? Ясно... А в углу что за ящик с открытой крышкой?»

— На тумбочке «наган», это ничего, — шепотом рассказывал Фандорин минуту спустя. — Но у стены ящик с гранатами. Это хуже. Твое дело, Гасым, отрезать Дятла от ящика. Я попробую взять его прямо на кровати, но если не успею, он может выстрелить по гранатам. Очень этого не хотелось бы.

— В гранаты не надо. Я встану, в меня попадет, — пообещал Гасым. — Пуля — это ничего. Гранаты — аман.

Эраст Петрович повернулся к Шубину.

— Вас одного я здесь не оставлю. Вбегаете сразу за нами. И застываете на месте. Если отстанете или попытаетесь скрыться... Гасым!

— Застрелю собака, — коротко молвил гочи.

Шубин вздохнул и ничего не сказал.

— Гасым, на счет три вышибай дверь — и сразу к ящику, — шепнул Фандорин. — Учи: Дятел мой.

— Всё самый лучший себе берет, — проворчал гочи. — Ладно, говори «три».

— Раз, два, ТРИ!

Мощный удар.

Дверь обрушилась внутрь.

Обогнув Гасыма, Эраст Петрович бросился к кровати.

Шубин, как паянька, вбежал следом и остановился.

Лежащий дернулся, но Фандорин успел смахнуть «наган» вместе с газетой на пол.

Худое лицо, перекошенное от ярости, было совсем рядом. Зубы ощерены, глаза бешеные. Никакого сходства со старой фотографией из досье — разве что волосы того же светло-русого цвета. Да, крепко изменила жизнь бывшего вольнолюбивого студента.

Дятел повел себя нестандартно. Не нагнулся за оружием, не попытался ударить нападающего. Опрокинул тумбочку на Фандорина. Метнулся к стене, по дороге оттолкнув неповоротливого Гасыма, выхватил из ящика гранату и взялся за чеку.

— Гасым! — крикнул Эраст Петрович, поняв, что не успевает.

Сверкнул кинжал — раз и еще раз.

Хриплый вопль. На пол упала кисть одной руки, потом второй. Двумя струями ударила кровь. Граната с невыдернутой чекой покатилась по полу.

Ко всякому привык Фандорин — и то обомлел. Гасым был в движениях неуклюж, и стрелок, хоть меткий, но не из быстрых. А с кинжаломправлялся так, что позавидовал бы мастер кэндзюцу.

Человек без рук, прижимая к груди обрубки и не переставая хрипеть, ринулся в дальний угол комнаты — должно быть, от боли и ужаса сам не понимал, что делает.

Нет, понимал!

В углу, почти невидимая в полумраке, была еще одна дверь. Дятел толкнул ее плечом, исчез. Здесь произошла еще одна неожиданность — нынче вообще все выходило не слава богу.

— Мы так не договаривались! — закричал покладистый до сего момента Шубин.

Наклонился, подобрал здоровой рукой «наган», очень некстати отлетевший ему под ноги, и выстрелил дважды: в Фандорина и в Гасыма.

Спасительное «чувство кожи» заставило Эраста Петровича в самый миг выстрела наклониться. Пуля прогудела мимо уха. Но гочи — он стоял к подполковнику боком — охнул, шатнулся, схватился за живот.

Делать было нечего. Фандорин выхватил «веблей», не переставая «крутить карусель», то есть делать резкие бессистемные движения, затрудняющие противнику прицельный огонь.

Однако Шубин не стал искушать судьбу. Со сноровкой, поразительной для такой внушительной массы тела, он развернулся и выпрыгнул в окно, вышибив стекло вместе с рамой.

— Гасым, куда тебя, в живот?

Гочи рассматривал окровавленную ладонь.

— Через жир прошла, как шампур. Дырка в стена делала. Э, где собака Шубин? Убивать хочу!

Физиономия гочи потемнела от гнева.

«Касательное. Не страшно».

— Ты свой Дятел догоняй. Я собака Шубин хочу!

Отпихнув Эраста Петровича, Гасым затопотал через комнату.

— Постарайся живьем! — крикнул Фандорин и сам тоже побежал — к двери, куда четверть минуты назад скрылся Дятел.

Темный коридор.

Направо?

Нет, там кухня.

Налево?

Да, сюда.

Выход во дворик. Калитка.

За ней еще одна улица, точно такая же.

Но луна зашла за небольшую тучу, свет померк.

Выругавшись, Эраст Петрович зажмурился, принял массировать глазные яблоки. Срочно требовалось ночное зрение. Человек с такими ранениями далеко не убежит, но нужно его поскорей найти и наложить жгуты, пока не изошел кровью. Мертвцы на вопросы не отвечают.

На соседней улице стреляли: «наган», гасымовский «смит-вессон», снова «наган», снова «смит-вессон». Выстрелы постепенно удалялись.

Наконец полминуты, необходимые для адаптации, прошли. На счете «тридцать» Фандорин открыл глаза — и снова выругался. Оказывается, пока он терял время, луна снова выглянула. На земле отчетливо виднелись пятна крови. Эраст Петрович побежал, глядя под ноги.

Метров через сто следы пропали. Фандорин не сразу это заметил — почва здесь была совсем темная, пропитанная нефтью и мазутом. Пришлось вернуться, светить фонариком.

Оказалось, что капли свернули в сторону, в зазор между двумя заборами.

Там, у перевернутого дырявого корыта, лицом вниз лежал человек, раскинув куцые руки. Он был без сознания. Пощупав пульс, Эраст Петрович понял, что ничего сделать нельзя — сердце вот-вот остановится.

Все же попытался: перетянул культи, нажал точку у основания носа, потом нанес точечный удар по грудине, чтобы заставить сердце работать. Тщетно. Дыхание прекратилось.

— Юмрубаш! Эй, Юмрубаш! — орал где-то неподалеку мощный голос.

— Я здесь!

Вытирая платком руки, Фандорин выпрямился.

— Догнал Шубина?

— Не догнал, собака быстро бегала.

— Упустил?!

— Зачем упустил? Пуля догнал. Я живьем хотел, честно. — Гасым поправился. — Нет, врать не буду. Не хотел живьем. Но очень старался. Не получилось.

— И у меня не лучше, — мрачно сказал Эраст Петрович, светя вниз фонариком. — П-попробуйся. Ладно... Подгоню машину, погрузим трупы. И руки прихватим.

— Руки зачем? — удивился Гасым.

— Для дактилоскопии — сверю отпечатки.

Но тут же вспомнилось, что сверять не с чем. Отрубленные руки ничего не дадут, потому что в досье Одиссея-Дятла отпечатков нет. Во время единственного, давнего ареста в полиции дактилоскопического отдела еще не было.

Как всегда после победы над особенно трудным врагом, навалились усталость и опустошение.

Фандорин зажег сигару.

Всё, охота на Одиссея закончена.

Разговор с чертом

Человек, которого Фандорин считал мертвым и даже взгрустнул по этому поводу, в это

время находился не так далеко от рабочего поселка компании «Бранобель».

Листал конторскую книгу, сплошь исписанную цифрами.

На странице сверху купеческой славянской вязью было напечатано «2 (15) июля, среда». Потом шла обычная бухгалтерская таблица из трех столбцов. В левом, куда записывают название финансовой операции, артикул товара или что-то подобное — длинный перечень нефтедобывающих предприятий, коротко обозначенных именем владельца или директора. В среднем, где обычно проставляют дебет, значились цифры — число работников. В правом, кредитном, тоже шли цифры — число бастующих. Если показатели среднего и правого столбцов приблизительно совпадали, человек ставил плюс; где была существенная разница — минус. В нескольких местах справа пузырился ноль в сопровождении жирного восклицательного знака.

Вот как это выглядело:

Бранобель	10.450	9200 +
Ротшильд	7650	4300 -
Манташев	3100	3100 +
Тагиев	2550	2550 +
Арташесов	4100	4100 +
Асадуллаев	2800	2800 +
Валидбекова	990	0 !
Путилов	3730	2200 -

Закончив подводить дневной баланс, счетовод посмотрел на часы. Пару дней назад он по протекции устроился на должность, которую не променял бы ни на что на свете. Нынче первый раз предстояло идти в ночную смену, однако время еще оставалось.

Человек задумчиво прищурился, глядя в угол тесной комнатенки. Там на вешалке висел дождевик. Он слегка качнулся на сквозняке — будто повел плечами.

— Как делишки? — спросил Черт. — Кудряво?

— Идет к концу, — беззвучно пошевелил губами человек. Усмехнулся. — А ты сомневался.

— Восхищаюсь и даже снял бы шляпу, если бы она не висела на отдельном крюке. Что, брат, скоро уже?

Забастовки, беспорядки...

— Осталось договориться с эсерами насчет флотилии и с грузинами насчет железной дороги. Тогда уже неважно, все буровые встанут или нет.

Черт поинтересовался вроде бы почтительно, но в то же время и с подковыркой:

— Значит, всё у тебя предусмотрено, всё под контролем? А главный фокус не подведет? Гляди, не сорвалась бы охота.

— Не сорвётся. Времени достаточно.

— А не слишком ли достаточно? — задал собеседник вопрос, в грамматическом смысле не вполне грамотный, но где сказано, что черти обязаны в совершенстве владеть русским языком?

— Зараза... — Человек заерошил волосы, начал хмурить брови, барабанить по столу. И вдруг обругал ни в чем не повинного беса: — Чтоб ты провалился! А ведь верно! Может сделать ручкой. Зачем ему теперь? Ах ты, козел рогатый! Не предусмотрел!

— Ну вот, я же еще и виноват, — донеслось из угла, но человек только отмахнулся. Он лихорадочно соображал.

Дьявол, впрочем, был не из обидчивых.

— Нужен дивертимент, — прошептал он. — Что-нибудь милое, затейливое, но стопроцентное.

— Ты прав. — Человек улыбнулся, даже рассмеялся (тоже беззвучно). Сказал в рифму: — Скушать мы не дадим. Мы вот что учудим...

Фандорин задерживается

Кроме Черта с его невежливым собеседником и Эраста Петровича, в эту самую минуту размышлением на охотничью тематику предавалась еще одна особа.

Саадат сидела, нахолившись, на мягких кожаных подушках экипажа, и с каждой минутой всё больше злилась. Засада на зверя очень уж затянулась. Не пришлось бы возвращаться с пустыми руками.

Ночь сначала казалась отрадно прохладной. Потом Саадат в своем несерьезном одеянии начала мерзнуть. Хорошо, у припасливого Зафара под сиденьем оказался плед. В него Саадат сейчас и куталась.

Она была поражена и оскорблена, когда облагодетельствованный Фандорин нежданно-негаданно отказался явиться за благодарностью. Причем изумление было сильнее обиды.

Что за чудеса?

Москвич безусловно не из трусов, это проверено. К женским чарам неравнодушен — когда ужинали, всю с головы до туфель обследовал ненаглым, но вполне недвусмысленным взглядом. С женой он расстался и, судя по собранным сведениям, нисколько по ней не тоскует — совсем наоборот. В чем же дело?

Зафар пересказал какую-то дребедень про отсутствие взаимного притяжения. Но Саадат Валидбекова хорошо училась в гимназии, а лучше всего успевала по естественным наукам. Небесные тела не притягиваются друг к другу с равной силой. Это Солнце тянет к себе Землю, а Земля — Луну. Всегда кто-то тянет, а кто-то упирается; кто-то охотник, а кто-то дичь.

Западным женщинам нравится быть дичью. Они распускают перья и курлычат, но сами в атаку почти никогда не переходят. Если и охотятся на мужчин, то на манер хищного тропического цветка, который раскрывает лепестки, источает манящий аромат, а когда пчелка или бабочка села — ам!

На Востоке не так. За Саадат никто никогда не ухаживал, никто ее взаимности не добивался. В ранней юности девушку зорко оберегали, при живом супруге любые знаки внимания со стороны чужих были невозможны, а во вдовстве она держала себя так строго, что никому бы в голову не пришло осаждать эту неприступную крепость.

К шайтану мужские ухаживания! Ей нравилось охотиться самой, выбирать добычу по вкусу. Восьмидесят семь трофеев были развесаны по стенам воображаемой охотничьей комнаты, на самом видном месте — как двенадцатирогий олень — номер 29 (м-м-м!). И вдруг на тебе: зверь номер 88 идти в загон не желает! Этому должна быть какая-то причина.

Вчера портье гостиницы «Националь» любезно зачитал две поступившие на имя Фандорина, но еще не полученные им телеграммы (любезность обошлась недешево, в двадцать пять рублей). Саадат заволновалась.

Обе телеграммы пришли из Санкт-Петербурга.

«Срочно приезжай. Эмма». «Немедленно телеграфируй выезд. Жду. Эмма».

Вот она, причина. Ее звать Эммой.

Что же это за соперница такая, если затмила саму Клару Лунную? Наверное, немка. Золотоволосая, с пышными формами, молочной кожей, щечками-ямочками, растревляла себя Саадат, воображая полную свою противоположность.

Однако настоящего предпринимателя серьезная конкуренция только раззадоривает. У Эммы имелся один важный дефект. Она томилась далеко на севере, а Саадат была тут, рядом.

Еще портье сказал, что постояльцу беспрестанно называют из австрийского консульства.

И все время заходят справляться какие-то люди. А господин Фандорин днем зашел на минутку и с тех пор не появлялся.

В общем и целом положение прояснилось. У человека масса дел плюс тоскующая Эмма со своей немецкой любовью. Конечно, Фандорину не до Саадат Валидбековой и ее благодарности.

Но невозможно смириться с тем, что ты не нужна мужчине, который нужен тебе.

Как поступил бы джигит, влюбленный в девицу-недотрогу? Перекинул бы через седло и увез в горы.

Так Саадат и решила поступить. Потому и мерзла уже который час подле опостылевшей гостиницы «Националь». Скоро ночь закончится, а Фандорина всё нет! Где его джинны носят?

Арташесов вернул похищенный «делонэ-бельвилль» еще вчера, но Саадат сказала себе, что ездить на нем не сможет. Воспоминания о крике Турали были ужасны, а еще в этом автомобиле убили бедного Франца. Пока нет новой машины, пользовалась экипажем.

Два белых туркменских мерина (пара обошлась в пятнадцать тысяч, дороже любого «делонэ») дремали стоя, подрагивали изящными ушами. На козлах в надвинутом на лицо цилиндре сопел Зафар — он был в кучерском наряде.

Вдруг евнух поднял голову. Через несколько секунд Саадат услышала стук каблуков по мостовой.

Кто-то неторопливо приближался со стороны Старого Города. Саадат узнала походку, опустилась пониже, чтобы ее было не видно за кожаным фартуком коляски.

— Джиб-джиб-джиб, — прошептала она, что означало «цып-цып-цып».

Когда поздний гуляка поравнялся с экипажем, Саадат негромко сказала:

— Как вы могли? — Замер. Обернулся. — Как вы могли так меня унизить? — Ее голос задрожал. — Вы посмели вообразить, что моя благодарность означает... то, что вы подумали?!

Он сдернул панаму. Натянул обратно. Закашлялся.

Смутился, это хорошо. Саадат внутренне расхохоталась, но на глазах послушно выступили чудесные крупные слезы — глаза засияли, как у русалки. «Всё, попалась, птичка, стой. Не уйдешь из сети. Не расстанусь я с тобой ни за что на свете».

— Виноват... — проблеяла добыча. — Но что я должен был п-подумать?

— Вы, видно, привыкли иметь дело с бесстыдницами, со сладострастными развратницами Запада! Боже, как я оскорблена! — Саадат закрыла руками лицо, демонстрируя точеные запястья и обнаженные локти. — Разве я когда-нибудь своим поведением, хоть единным взглядом дала вам повод?

Фандорин совсем переполошился.

— Нет! Конечно, нет... Но п-письмо... Когда в Европе женщина пишет т-такое письмо... Простите, ради б-бога! Что сделать, чтобы вы меня п-простили?

— Садитесь, — величественным жестом показала она на сиденье рядом с собой.

Сел, как миленький. Посмел бы он ерепениться после того, как нанес гордой восточной женщине такую ужасную обиду.

Зафар, не дожидаясь приказа, шевельнул поводьями. Выдрессированные мерины проснулись, экипаж плавно тронулся.

Перекинутый через седло и увозимый в неизвестном направлении красавец даже не пикнул.

Ехать до любовного гнездышка было недалеко. Фандорин порывался оправдываться, задавал вопросы, но Саадат неприступно молчала, не поворачивала головы. Пусть любуется профилем и вдыхает аромат хорасанской амбры, от которой возбуждаются даже немощные старцы.

Послушно, будто жертвенный баран, уже ни о чем не спрашивая, похищенный вошел в дом.

В спальне Зафар сделал все обычные приготовления. Правильное сочетание сумрака и

хитро устроенной подсветки, густой аромат роз, шторы на окнах плотно задвинуты (восхода нам пока не нужно).

Перед нишней, прикрывающей ложе, Саадат остановилась. Руки непреклонно сложены на груди, брови сурово сдвинуты. На плечах по-прежнему свисающий до пола плед.

Фандорин застыл перед ней, несчастный, виноватый.

— Повторяю вопрос, — звенящим голосом сказала Саадат. — Вы считаете нас, женщин Востока, такими же сладострастными развратницами, как эти ваши европейянки?!

— Нет, вовсе нет!

— И правильно, — грозно молвила она. — Европейские женщины нам в подметки не годятся.

Плед упал на ковер. Под ним была накидка из невесомого переливчатого шелка. Саадат потянула за шнурок — соскользнула и накидка. При свете двух ламп, сочащемся снизу (проверено), фигура смотрелась самым выигрышным образом, а тело казалось вырезанным из алебастра.

Одновременно Зафар в соседней комнате покрутил рычажок. За спиной Саадат медленно раздвинулся занавес. Показалась постель, вся усыпанная лепестками роз.

Добыча покачнулась, пронзенная стрелой. Сама пошла в руки.

Сад земных наслаждений

В первые минуты Саадат, как обычно, пыталась понять, далеко ли новому номеру до незабываемого двадцать девятого (м-м-м!).

Дистанция быстро сокращалась, потом исчезла вовсе. В перерыве между страстными объятьями, тяжело дыша, Саадат сказала себе: «Определенно, восемьдесят восьмой не хуже. Трудно сравнивать, потому что всё совершенно иначе — но нет, ни в коем случае не хуже».

Потом всё началось снова, и она уже не вспоминала, не сравнивала, не думала. Способность рассуждать, кажется, впервые в жизни на время улетучившаяся, вернулась нескоро.

Восемьдесят восьмой к этому времени уже уснул. Саадат, наоборот, словно бы проснулась. Она поглаживала возлюбленного (его голова лежала у нее на груди) по щекотной макушке и убеждала саму себя, что в данном случае соблюдать железный закон одного-единственного свидания необязательно. Ведь здесь с самого начала всё не по правилам.

Долго себя уговаривать не пришлось.

Зафар бдил на своем посту: подглядывал, подслушивал. По знаку госпожи (палец описал восходящую спираль в воздухе) раздвинул на окнах занавески — в спальню заструился розовый свет зари.

«Ма...» — промычал спящий, беспокойно задвигавшись.

Уж не «Эмма» ли?

Блаженная нега растаяла. Саадат требовательно потребила любовника за нос.

Открылись глаза, синие. Без волос Фандорину было лучше. Помолодел и стал похож на принца Гоштаспа из «Шахнаме» — в детстве у Саадат была книжка с превосходными миниатюрами. Сколько ему все-таки лет? Сорок — сорок пять? «Я совсем ничего про него не знаю», — подумала Саадат и ужасно удивилась. Не тому, что ничего не знает про любовника № 88, а тому, что хочет знать про него всё.

— Сколько у тебя было женщин? — спросила она. — Ясно, что много. Но сколько?

— В каком с-смысле? — Синие глаза замигали. — Я не считал.

— Так много, что ты сбился со счета?!

Фандорин приподнялся, сощурился от ярких косых лучей. Провел рукой по лицу.

— Все мужчины ведут подсчет своих побед. Это известно, — настаивала Саадат. — Так что не обманывай меня. Сколько?

— Я не вел б-бухгалтерии. Значение имеют только женщины, после которых в душе остается п-пробоина. Таких было мало.

«Теплее, — подумала Саадат. — Сейчас я тебя, голубчика, расколю».

— Хорошо. Как звали тех, кто оставил в твоей душе пробоину? Можешь всех не перечислять. Назови хотя бы последнюю.

— З-зачем?

Он нахмурился.

— Сама угадаю. Мы, восточные женщины, обладаем даром ясновидения. — Она подняла глаза к потолку, полузакрыла веки. — Слышиу букву «Э»... Это имя начинается на «Э».

Он пожал плечами — не впечатлился.

— Ну да, мою б-бывшую жену раньше звали не Кларой, а Элизой. Все это знают.

— Нет, не «Элиза» — другое имя. — Несколько мистических пассов в воздухе. — Эмма! Женщину зовут Эммой!

Саадат так и впилась в него глазами.

Aх! Его лицо переменилось. По нему пробежала тень. Не виноватая — скорее озабоченная. С таким выражением лица не вспоминают ту, кого сильно любят.

Засмеявшись, Саадат откинулась на подушки.

— Хочу спать, — сказала она. — О Аллах, как же я устала!

* * *

«Эмма! Вот кто должен был со мною связаться после депеши. Странно, что этого не произошло. Звонки в гостиницу от чиновника особых поручений — это несерьезно».

Ласковым женским именем в секретной переписке кодировался Эммануил Карлович де Сент-Эстеф, директор Департамента полиции. Экстренная телеграмма от Фандорина в первую очередь непременно попала к нему, и прежде чем дать ей дальнейший ход, господин директор должен был выяснить, что стряслось. Однако этого почему-то не произошло.

Завороженный поразительной женщиной (подобной он никогда еще не встречал и не подозревал, что такие бывают), Эраст Петрович на несколько часов забыл и об оторванных

руках, и об угрозе для государства, которая со смертью Одиссея отнюдь не развеялась. Забастовка продолжается, а место выбывшего организатора наверняка займет кто-то другой.

Имя «Эмма» напомнило о делах. Видно, придется еще раз связаться с Петербургом. Чем скорее, тем лучше.

— Я д-дурак, что давеча отказался от такой благодарности, — сказал Фандорин, поцеловав dame руку. — Очень жаль, что мы теперь в расчете и мне не приходится рассчитывать на продолжение...

Эту фразу можно было интерпретировать и как утверждение, и как вопрос. Интонация допускала оба истолкования — как пожелает госпожа Валидбекова.

— Да, теперь ты у меня в долгу, и в о-очень большом, — протянула она, подставляя под поцелуй кисть, локоть, плечо. — Никогда, ни одному мужчине я еще не отдавала так много.

Саадат съело потянулась, похожая на львицу, только что слопавшую буйвола или даже целого жирафа.

— Но я вижу, что тебя ждут дела. Иди, я посплю. А вечером приходи снова. Мы обсудим, как ты будешь со мной расплачиваться.

* * *

Государственные интересы важны, но не важнее долга дружбы. Поэтому прежде всего Эраст Петрович наведался в больницу — рассказать Масе о конце охоты.

— Оскорблению смыто кровью, ваша честь восстановлена, — торжественно резюмировал японец. — Теперь я могу спокойно умереть.

Однако сегодня он выглядел получше. Доктор сказал, что через недельку, если не произойдет ухудшения, можно будет перевезти пациента в Москву — бакинская жара нехороша для заживления легочных ран.

Вынужденная задержка Фандорина не расстроила. Во-первых, нельзя уезжать, пока не устранена угроза государственной безопасности. А во-вторых...

«Хм. Эти мысли лучше отложить до вечера, иначе невозможно сосредоточиться на деле».

По дороге в гостиницу, покачиваясь на рессорах пролетки, Эраст Петрович проглядел газетные заголовки.

Забастовки на промыслах

За минувшие сутки к забастовке присоединились еще восемь тысяч человек. Добыча нефти за июнь составила одну четверть от майской.

Балканский кризис принимает всё более опасное направление. Достоверные источники сообщают, что Вена готовит Сербии какой-то ультиматум. Берлин и Петербург обмениваются телеграммами, уверяя друг друга в мирных намерениях — скверный признак. Мировые биржи в панике.

Все-таки нужно встретиться с австрийским консулом, подумал Фандорин. Рассказать о судьбе Франца Кауница, а заодно пропальпировать настроение разведчика. Если он получил от правительства какие-то экстраординарные инструкции, это будет ясно по сотне разных признаков. На прямые вопросы господин Люст, конечно, ответа не даст, но существует целая наука, позволяющая декодировать интонации, мимику, телодвижения. Шеф резидентской сети, которому приказано войти в режим предвоенного функционирования, будет держаться совсем не так, как шпион мирного времени.

На рецепции дождались целых две телеграммы от «Эммы», пришедшие еще вчера, с интервалом в два часа.

Ну то-то же.

Однако мчаться в Петербург не имело смысла. Только время терять.

Эраст Петрович велел немедленно, через телефон, отправить телеграфический ответ: «Приезжайте сами и как можно быстрее. Будьте в Национале. Я вас найду».

Сам Фандорин оставаться в этой гостинице не собирался. Если вчера подпольщики просто вели за ним слежку, то сегодня, после гибели своего предводителя, захотят отомстить. Нужно уходить на дно, перебираться к Гасыму.

Приезд в отель уже был риском. Но не бросать же вещи? Кроме одежды (которую тоже жалко, гардероб и так скучен), там еще саквояж со специальным снаряжением.

Как и в прошлый раз, Эраст Петрович вошел в номер со всеми предосторожностями. К окну не приближался. И все же четверть часа спустя заверещал телефон.

Проверяют? Или Сент-Эстеф уже получил телеграмму и жаждет объяснений? Быть может, герр Люст? Портъе говорил, что от него опять звонили.

В любом случае снимать трубку не стоит. Господа революционеры пусть пребывают в сомнениях. Директор департамента должен верить на слово: говорят «приезжайте сами» — значит, приезжайте. Ну, а к консулу Эраст Петрович намеревался заехать, как только закончит сборы.

Без Масы укладываться было трудно. Стараешься сложить пиджаки поаккуратней, а они не желают. Из рубашек торчат рукава. Воротнички пополам не складываются, а в развернутом виде не помещаются в предназначенный для них кармашек.

В сущности, жить со слугой для взрослого человека губительно — разучаешься обходиться без посторонней помощи в самых обычных делах. Когда-то, во времена нищей юности, Эраст Петрович умел и стирать, и гладить, а теперь вот даже крышку чемодана не получается закрыть.

За спиной у сидящего на корточках Фандорина с треском открылась дверь. Не оборачиваясь и не рефлексируя, Эраст Петрович сделал кувырок в сторону. Еще не поднялся, а в руке уже был «веблей», со спущенным предохранителем.

На пороге стоял Леон Арт. Непохожий на себя: грязный, исцарапанный, со слившимися, серыми от пыли волосами. Кульбит, проделанный обитателем номера, кажется, потряс режиссера. Он пялился на Фандорина вытаращенными глазами, губы шевелились, но не произносили ни звука.

Раздосадованный потерей лица, Эраст Петрович поднялся. Иногда сверхбыстрота реакции спасает тебе жизнь, а иногда ставит в дурацкое положение.

«Хорошо, что не застрелил кретина! Что за манера всякий раз врываться, будто на пожар!».

— Что вам еще? — рявкнул Фандорин. — Отстаньте от меня с вашей К-Кларой, черт бы вас обоих побрал!

И осекся. По чумазому лицу Леона потоком лились слезы.

— Ужасное несчастье... — еле слышно просипел режиссер. — Нас похитили!

Запах жасмина

Голос был сипл, рассказ бессвязен и к тому же многократно прерывался то стенаниями, то рыданиями. Прошло немало времени, прежде чем Эраст Петрович начал понимать, что стряслось.

Оказывается, вчера утром вся киногруппа фильмы «Любовь калифа» выехала за город, чтобы снять эпизод «Взятие Иерусалима крестоносцами» (уж как это могло быть связано с Гарун аль-Рашидом, жившим тремя веками ранее, неизвестно). В нескольких километрах от Баку заранее возвели фанерную стену, собрали осадную башню. Но в самый разгар приготовлений к съемке «локацию» окружили вооруженные всадники, которых Арт назвал «азербайджанцами».

Бакинские армяне и бакинские азербайджанцы

— Кто окружил? — переспросил Фандорин. Слово ему где-то уже встречалось, но значение он запамятаивал.

— Так иногда называют местных мусульман.

— Откуда вы знаете, что это были азербайджанцы?

— По тысяче примет! Лица у них были закрыты, но глаза, брови, конская сбруя... Уж можете поверить, я бакинец, в таких вещах я не ошибаюсь...

— Сколько их было?

— Человек двадцать... Они знали, что мы без охраны, потому и напали.

— А почему вы были без охраны? Даже во время съемок в Старом Городе вас охраняли люди вашего дяди.

— Потому что дядя срочно уехал куда-то! Еще позавчера.

«Так-так. После нашей маленькой беседы осторожный господин Арташесов решил, что бакинский климат для него вреден. Вероятно, сообразил, что я доберусь до Шубина и это неизвестно чем закончится».

— И поэтому вы явились ко мне, а не к Месропу Карапетовичу?

— Да. Я знаю, что вы за человек. Клара мне рассказывала. Спасите ее! Спасите мою группу! «Этого мне еще только не хватало».

— Обратитесь в п-полицию.

Леон удивился.

— Помилуйте, я бакинец! Какая полиция? И что она может? Я поклялся Кларе, что разыщу вас. Вы ведь не дадите ей погибнуть? Не станете мстить за то, что она вас покинула.

— Нет, за это не стану, — уверил молодого человека Эраст Петрович.

— Она сказала: «Спешите, мой рыцарь! Бегите к Фандорину. Он будет знать, что нужно сделать! Он спасет нас!» И я убежал.

«Значит, спасать буду я, а рыцарь — Леон? Черт, как всё это некстати!»

— Вот что, — вздохнул Эраст Петрович. — Давайте так: я задаю вопросы, вы отвечаете. Что произошло после того, как напали разбойники?

— Они посадили всех нас, сорок четыре человека, в какие-то жуткие телеги... Мы долго ехали на запад, в сторону Шемахи... Двигались весь день и всю ночь, с короткими остановками. Давали только лепешки и воду... Многие актрисы от страха и жары падали в обморок. О, как мужественно держалась Клара! Она всех подбадривала, пела «*Courage, courage, mes bons Français!*»^[8].

Режиссер закрыл лицо руками, зарыдал, а Эраст Петрович подумал: это она вошла в роль Жанны из позапрошлогодней «Орлеанской Девы».

— Куда вас в результате п-привезли?

— Понятия не имею! По-моему, к отрогам Чувал-дага. В жизни не бывал в такой жуткой глупши. Там какая-то полуразваленная крепость. Вот где бы снять штурм Иерусалима!

— Значит, группу держат в к-крепости? Опишите ее как можно подробнее.

Арт развел руками:

— Стены желтого камня. Башни... Кажется, сухой ров.

— А внутри?

— Не знаю. Я убежал раньше. Нас остановили, один бандит поскакал вперед, к замку. Все смотрели в ту сторону. Я воспользовался этим. Поцеловал Кларе руку, спрятался под повозку. Переполз в кусты. Никто не заметил... Я видел, как телеги въехали в ворота. На башне там часовой, а кусты редкие, поэтому я ползком... Видите, на что похожи пиджак и брюки?

— Хорошо, вы уползли. Что было дальше?

— Добежал до деревни. Гляжу — азербайджанская. Армянину не помогут... Украл коня. Поскакал. Боже, как я скакал! Нас везли туда весь день и всю ночь, а я добрался до Баку за четыре часа... Конь упал, весь в мыле... Я бежал, тоже падал... На окраине нанял извозчика. Вы представляете, они даже не отобрали деньги! Это не обычные разбойники! Ах, Клара, Клара!

Подождав, когда у Леона закончится очередной приступ рыданий, Фандорин спросил:

— И вы даже не подозреваете, кто это может быть?

— Да кто угодно! Мало ли!

«В утренних газетах про исчезновение съемочной группы ничего. Если это похищение ради выкупа, зачем красть сорок четыре человека? Единственный, за кого можно получить хороший куш, — сам Арт. Но его-то как раз упустили. Странная история. Нужно спросить Гасыма — что он об этом думает».

— Послушайте, — сказал Эраст Петрович. — Вы устали, но отдыхать некогда. Сейчас мы переберемся в другое место. Ни о чем не спрашивайте, просто делайте, как я г-говорю.

Режиссер с готовностью поклялся беспрекословно подчиняться. Черные глаза горели отчаянием и надеждой.

— Я з-захвачу кое-какие вещи. Это займет пять минут. Съешьте пока что-нибудь. Вам понадобятся силы.

На столе было блюдо с фруктами и сладостями — compliment от отеля, но Леон содрогнулся.

— Я не могу есть, не могу пить. Я даже сидеть не могу! Спасите Клару! Спасите мою группу!

«Чемоданы придется оставить. В саквояж самое необходимое. И Никки — обязательно... Вдвоем со служителем муз выбраться из гостиницы будет труднее. Ну-ка, что там у нас за

окном?»

Наискось от входа, в тени дерева, стоял автомобиль с задвинутыми шторками. Из выхлопной трубы вился дымок — двигатель работал.

Когда Фандорин меньше, чем полчаса назад, подходил к «Националю», машины не было. Может быть, случайность. Но рисковать не стоило.

Выглянул в приоткрытую дверь. Коридор пуст.

— За мной. Д-дистанция пять шагов.

На черную лестницу Эраст Петрович вышел один, бесшумно. Замер.

На первом этаже кто-то переминался с ноги на ногу.

Вернувшись в коридор, Фандорин сказал:

— Идите первым. Там внизу мужчина. Заговорите с ним. Нужно, чтобы он повернулся к лестнице спиной.

— О чём заговорить?

— Не знаю. Придумайте мизансцену, вы же режиссер.

Леон кивнул. Потер лоб. Откинул с лица волосы.

— Хорошо. Я в образе.

С заданием он справился отменно.

Беззвучно спускаясь по ступенькам, Эраст Петрович слышал голос Арта:

— Мерси! Очень обяжете. А то курильщик без спичек — все равно что сами знаете что. —

И хохотнул. Вот что значит истинно артистическая натура.

Человек в светлом костюме, стоя к Фандорину спиной, подносил режиссеру огонь. Блестела светлая набриллиантиненная макушка с идеальным пробором. На подпольщика блондин был не похож — скорее на какого-нибудь щеголя-парикмахера. И пахло от него соответственно: дешевым жасминовым одеколоном.

Эраст Петрович даже заколебался. Но нет, лучше перестраховаться.

Он взял душистого господина сзади за шею, несколько секунд подержал — и бережно уложил под лестницу, к ведрам и щёткам.

— Это их человек? — свирепо спросил Арт. — Мерзавец!

И пнул лежащего ногой.

— Я не знаю, кто это. Не м-мешайте.

Быстрый осмотр карманов ничего интересного не дал. «Парабеллум»? У бакинского жителя пистолет — предмет повседневного обихода, вроде расчески. Визитные карточки. «Фридрих Иванович Вайсмюллер. „Шабо и партнеры“. Страховая компания». Не парикмахер. Страховой агент или коммивояжер — обычное прикрытие для нелегала. Но, как и «парабеллум», не доказательство.

Эраст Петрович был неравнодушен к запаху жасмина: терпеть его не мог.

«Как можно так надушиваться дрянью?»

— Ладно, пусть поспит. Идемте.

* * *

— Зачем армянин привел? — вот первое, что сказал Гасым, даже не ответив на приветствие.

Эраст Петрович объяснил.

Гочи удивился:

— Почему не говорил, что у тебя жена есть? Жена, конечно, надо спасать.

Что-то он, видно, заметил в выражении фандоринского лица. Подумал-подумал и спросил:

— Красивая жена?

— Очень! — воскликнул Леон.

— Да, к-красивая. Какая разница?

— Э, очень большой разница! Если жена некрасивая и не очень нужна, можно подождать, пока разбойники ее насилиуют, а спасать потом. Тогда убиваешь разбойники и убиваешь жена. Не сберегла честь — убил. Очень удобно.

— Что за азербайджанская логика! — вскричал Арт.

На его счастье, Гасым, кажется, не знал слова «логика». Или намеренно игнорировал армянина.

— Раз жена очень красивая и прошло столько времени, ее все равно уже насиловали, — продолжал размышлять вслух Гасым. — Если жалко жена убивать, можно просто побить.

— Нет, нет! — взвыл Леон, схватившись за виски. — Они ее не тронут! Они не посмеют! Я... Я не могу об этом думать!

Рухнул на колени, согнулся, зарыдал.

Гасым смотрел с уважением.

— Вай, армянин, а хороший человек. Как из-за чужая жена убивается.

— Давай б-ближе к делу, — разозлился Эраст Петрович. — Кто эти разбойники, по-твоему? Что им нужно? Почему не требуют выкупа?

— Я знаю? — Гочи пожал плечами. — Ехать смотреть надо. Может, кто знакомый. Тогда плохо. Если незнакомая — хорошо. Убьем, жена назад заберем. Э! — он тронул режиссера ногой. — Место запомнил где?

Арт, всхлипывая, кивнул.

Гасым стал загибать пальцы:

— Шесть конь нужен. Один человек — два конь. Еще ишак нужен.

— Ишак-то зачем?

— Как зачем? Кушать надо. Вода надо. Будем отдыхать — кошма стелить надо. Любли мягко сидеть.

— Отдыхать?! — вскинулся Леон. — С ума вы сошли! Она там... А вы — отдыхать?! Быстрее, господа, быстрее!

Но очень уж быстро не получилось. Экспедиция в горы, за несколько десятков километров от города, требовала подготовки. В этом следовало положиться на Гасыма, а гочи не отличался торопливостью. Сначала он думал и допивал чай. Потом ушел добывать «шесть конь и один ишак».

Чтоб быть подальше от Леона — мечущегося, бурлящего, рыдающего, Эраст Петрович удалился в свою прежнюю комнату и занялся делом, которое требовало полной сосредоточенности: сел писать Никки.

В дверь без конца совались какие-то люди — у Гасыма никогда не иссякал поток просителей или посетителей, желающих выразить уважаемому разбойнику почтение; в тягучем воздухе жужжали ленивые мухи; по распаренному лицу стекали струйки пота; Арт вскрикивал в коридоре трагическим голосом «Нет, я этого не вынесу!».

Всё это не мешало медитации.

Фандорин давно установил, что умственной работе более всего благоприятствуют два состояния: либо полный покой, либо крайний хаос. Открытие это принадлежало Конфуцию, который еще два с половиной тысячелетия назад изрек: «Среди стоящих беги, среди бегущих — остановись».

Прежде всего Эраст Петрович заставил себя избавиться от раздражения на утомительного Леона и назойливых туземцев.

Поймал себя на мысли, совершенно не достойной благородного мужа: «Ну почему армяне в любой ситуации обязательно главными страдальцами делают себя? Почему азербайджанцы (он запомнил это звучное слово) начисто лишены представлений о приватности?» — и устыдился.

Нет ничего глупее и пошлее, чем переносить личные особенности одного человека или даже группы людей на целую нацию. Если такое обобщение даже имеет под собой основание, нельзя им слишком увлекаться — помни, что и у твоей собственной нации наверняка есть недостатки, бросающиеся в глаза другим народам.

Наказывая себя, Эраст Петрович сделал под иероглифом «Иней» неприятную запись самобичевательного содержания.

«У моего народа есть две идиомы, которые я ненавижу, потому что они отражают самые скверные черты русского национального характера. В них причина всех наших бед, и пока мы как нация не избавимся от этих присказок, мы не сможем существовать достойно.

Первая отвратительная фраза, столь часто у нас употребляемая и не имеющая точного аналога ни в одном из известных мне языков: „Сойдет и так“. Ее употребляет крестьянин, когда подпирает покосившийся забор палкой; ее говорит женщина, делая дома уборку; ее произносит генерал, готовя армию к войне; ею руководствуется депутат, торопящийся принять непродуманный закон. Поэтому всё у нас тяп-ляп, на авось и „на живую нитку“, как будто мы обитаем в своей стране временно и не обязаны думать о тех, кто будет после нас.

Вторая поговорка, от которой меня с души воротит, тоже плохо поддается переводу. „Полюбите меня черненьkim, а беленьkim меня кто угодно полюбит“, любит повторять русский человек, находя в этой максиме оправдание и расхлябанности, и этической нечистоплотности, и хамству, и воровству. У нас считается, что прикидываться приличным человеком хуже и стыднее, чем откровенно демонстрировать свое природное скотство. Русский хороший человек непременно „режет правду-матку“, легко переходит на „ты“, приятного собеседника с хрустом заключает в объятья и троекратно лобызает, а неприятному „чистит морду“. Русский плохой человек говорит: „Все одним миром мазаны“, „Всем кушать надо“, „Все по земле ходим“ или шипит: „Чистеньkim хочешь быть?“ А ведь вся цивилизация, собственно, в том и заключается, что человечество хочет быть „чистеньkim“, постепенно обучается подавлять в себе „черненькое“ и демонстрировать миру „беленькое“. Поменьше бы нам достоевско-розановского, побольше бы чеховского».

Где еще такое напишешь? Только в собственном Никки, где, слава богу, никто не прочтет. Не то прослыvешь русофобом, и все истинно русские люди оскорбятся, отвернутся, да еще скажут, что такую гадость мог написать лишь человек с нерусской фамилией «Фандорин».

После «Инея», благотворно приморозившего эмоции, легко написался и «Клинок».

«Всеобщая забастовка в Баку может вызвать кризис общегосударственного масштаба с трудно предсказуемыми последствиями. Пока нефтяные продукты просто дорожают, потому что поставки сокращаются, однако не пресекаются полностью. Трубопровод качает керосин, в Астрахань идут танкеры, в Грузию — железнодорожные цистерны. Однако если остановится транспорт, страна останется без топлива, мазута и машинного масла, с одним только керосином. Нужно немедленно принять самые решительные меры. Необходимо, чтобы очень большой столичный начальник, не менее чем директор Департамента полиции, лично прибыл в Баку и вправил мозги нефтепромышленникам, которые от алчности совсем сошли с ума. Уже нет ни Шубина, ни Дятла, а газеты пишут, что забастовка всё ширится. Сент-Эстеф должен пригрозить всякому предпринимателю, уклоняющемуся от переговоров с забастовщиками, отнятием лицензии. Но самое главное — меры предосторожности на транспорте. С керосинопроводом, по счастью, ничего сделать нельзя — он казенный и охраняется целым жандармским батальоном. Однако надобно на все крупные нефтеналивные суда направить запасные команды из военных моряков; нужно срочно перекинуть в Баку железнодорожные батальоны, чтобы было кем заменить паровозные бригады в случае стачки».

Вот она, готовая программа действий. Эраст Петрович отложил дневник, вполне собою довольный. Дело осталось за очень большим столичным начальником. Эмма, черт бы тебя побрал, где ты?

* * *

Отправились за полдень. Ехали вроде бы втроем, а в то же время не вместе. Леон Арт постоянно вырывался вперед, горяча лошадь, а Гасым, наоборот, все время отставал. Он покачивался в седле, перекинув одну ногу через луку, и без остановки что-то жевал. Эта медлительность сводила пылкого армянина с ума. Не решаясь напрямую предъявлять претензии грозному гочи, режиссер взывал к Эрасту Петровичу. Наконец Фандорину это надоело.

— Что ты еле плетешься? — спросил он наконец у Гасыма. — Этак мы до завтра не доберемся.

— Рано приедем — плохо, — флегматично ответил тот. — Ночью надо. Когда темно.

— Нет, приехать нужно засветло, чтобы оглядеть местность. Хватить г-грызть орехи. Прибавь ходу.

Грызть орехи гочи не перестал, но в седле выпрямился и коня пришпорил.

Девять часов двигались они без остановки, если не считать пересадок с лошади на лошадь, и на исходе длинного летнего дня наконец оказались на месте.

Развалины замка

Развалины средневекового замка венчали один из серых холмов. Вокруг торчали такие же невысокие возвышенности. Круглые, обрамленные пыльным кустарником, с голыми верхушками, они напоминали плещивые макушки с венчиком седоватых волос.

Высунувшись из-за валуна, Эраст Петрович долго разглядывал руины в бинокль. Не меньше минуты смотрел на часового в косматой шапке, торчавшего на башне. Потом пробормотал: «Б-балаган!» и, перестав прятаться, вышел на открытое место.

— По седлам. Едем!

— Вы что?! — вскричал Леон. — Нужно дождаться темноты! Он нас заметит, поднимет тревогу!

— Не «он» — «оно». На башне не д-дозорный, а чучело. И внутри часовых тоже нет.

— Откуда знаешь? — недоверчиво спросил Гасым.

Фандорин не ответил, а проворчал:

— Странные какие-то п-похитители... Ладно, сейчас все узнаем.

Он спустился по склону галопом, пронесся по ухабистой дороге к воротам, которые снаружи были подперты толстым суком — увидев его в бинокль, Эраст Петрович понял, никакой охраны в крепости нет.

Спешившись и отворив створки, Эраст Петрович на всякий случай все же достал пистолет. Поднял палец — велел спутникам держаться сзади. Широкий двор, тонущий в густых вечерних сумерках, был пуст, но из-за выступа башни до слуха Фандорина донеслись удивительные звуки. Он решил, что ослышался — но нет, это не завывал ветер. Приятный тенор жалобно выводил:

Нет житья мне без любимой.

С кем пойду теперь к венцу?

Хор, в котором лидировали женские голоса, чувствительно подхватил:

Знать, судил, судил мне Бог с могилой
Обвенчаться молодцу.

Эраст Петрович ускорил шаг.

Возле полуразвалившегося донжона стоял большой шатер, изнутри наполненный неярким, уютным светом. Пение раздавалось оттуда.

Затрепетал и завернулся полог, колеблемый сквозняком. Вокруг длинного стола, уставленного бутылками и разнообразной снедью, сидела вся киносъемочная группа. Стоял только один человек — дирижировал пением. Это был главный ассасин — тот самый, что на приснопамятном банкете облил белый фандоринский смокинг вином.

Никаких вооруженных людей ни в шатре, ни вокруг не было.

— Господа, что здесь п-происходит?

Песня оборвалась. Все уставились на Эраста Петровича, а главный ассасин икнул и протер глаза.

— Я говорил, Фандорин всех нас спасет! — воскликнул, вскакивая, Симон.

С другой стороны, из-за спины Эраста Петровича, раздался еще один крик:

— Где она? Где Клара?

Это подбежал Леон Арт. Не утерпел-таки, ослушался.

А потом закричали и заговорили все разом. Актеры, актрисы, съемщики, осветители и гримерши — все кинулись к режиссеру и Фандорину. Одни задавали вопросы, другие шумно радовались, некоторые — не только женщины — рыдали. Буйство чувств было неописуемым, потому что артисты есть артисты, да и выпито, если судить по пустым бутылкам, было немало.

Но Леон ни на какие вопросы не отвечал и лишь повторял: «Где она? Где?» Эраст Петрович тоже объяснений давать не стал. Он крепко взял за локоть Симона как наиболее вменяемого в этом бедламе и оттащил в сторону.

— Где б-бандиты?

— Уехали. Оставили одного на башне. К воротам приближаться запретили. Он сказал, что часовой будет стрелять без предупреждения... Мон д'ё, я знал, знал, что вы нас не бросите! Вы наш спаситель! Мсье-дам, благодарите! Обнимайте, целуйте!

Фандорин заслонился ладонями от кинувшихся к нему со всех сторон барышень. Он не любил фамильярностей, в особенности когда они мешали разобраться в ситуации.

— Кто «он»? Кто сказал про ч-часового?

Отчаянный вопль заглушил ответ Симона.

— Как увезли?! И вы не помешали? О-о-о!

Должно быть, Леон наконец получил ответ на вопрос, куда подевалась Клара.

— Я потерял ее, потерял!

Режиссер пошатнулся. Эраст Петрович впервые видел, чтобы человек рвал на себе волосы — оказывается, такое случается не только в романах. Волосы у господина Арта были густые, держались крепко. Вокруг страдальца началась суматоха.

Тогда Фандорин взял продюктора уже не за локоть, а за ворот и уволок в дальний угол двора.

— Сеня, объясни коротко и ясно, кто был г-главарем бандитов. Что здесь вообще произошло?

— Шеф-принципаль у них был в маске. По-русски хорошо говорил. Сказал, сидите и закусывайте, господа кинематографисты, а госпожу Лунную я забираю с собой...

— Так и сказал — «к-кинематографисты»?

— Да. Он в восточном был, как и остальные, но черкеска тонкого сукна, папаха — жемчужная каракульча, кинжал в золоте. Но тоже бандит. Когда мы закричали, что Клару не отдадим, он выхватил большой пистолет и ба-бах! Ну, все замолчали, а Клара заплакала. Тогда он сказал, чтобы она не плакала, а радовалась, потому что ее сильно полюбил очень большой человек и хочет на ней жениться. А мы все чтоб не боялись и выпивали-закусывали. Когда

большой человек на Кларе поженится, будет свадьба, и мы все приглашены. А до той поры уходить отсюда никому нельзя. Если кто попробует, часовой будет стрелять. Клара как закричит: «Я люблю другого! Я живу в гражданском браке! А еще у меня есть законный муж!» Этот, в маске, ей: «С законным мужем всё уже решено, остальное не имеет значения». Подхватил ее и увез. Наши повозмущались, но все голодные, а тут стол накрыт... Весь день пили, пели, ждали, что нас спасут. Вот и дождались.

«Ясно, — сказал себе Эраст Петрович. — Кто-то из нефтяных магнатов решил поступить с красавицей по-восточному — умыкнуть силой. Про законного мужа похитителю известно, что за хорошую цену с этим господином можно договориться о чем угодно. Съемочную группу увезли подальше в горы, чтобы не подняла шума и не помешала матrimониальным планам. Леону сбежать позволили нарочно. Во-первых, чтобы не ссориться с семейством Арташесовых, а во-вторых, чтобы соперник не путался под ногами».

Проделав несложную дедукцию, Эраст Петрович подосадовал, что потратил целый день на ерунду и теперь еще обратно киселя хлебать.

За Клару беспокоиться нечего. Она всяких ухажеров приручала, справится и с закавказским Ромео. В любом случае жизни ее ничто не угрожает, а в остальном — не один ли черт, кому из соискателей достанется звезда серебристого экрана? Эта страница перевернута, пускай ее читают (и зачитывают хоть до дыр) другие.

В Баку ждали важные дела, государственного значения, а здесь буффонада с туземным колоритом.

Фандорин попросил Гасыма раздобыть в соседней деревне повозок и сопроводить актерский табор в город, чтобы по дороге с ними не случилось еще какой-нибудь неприятности.

— Не беспокойся, Юмрубаш, — ответил Гасым. — Актеры в Баку привезу. И твой жена тоже найду.

«А вот об этом я тебя не просил», — подумал Фандорин.

* * *

Полночи, меняя уставших лошадей каждые полчаса, добирался Эраст Петрович обратно. В глухую предрассветную пору, когда луна уже зашла, а заря еще не забрезжила, не выспавшийся и изможденный, он подъехал к «Националью», но спешился за углом. Привязал обоих коней к каменной тумбе.

В гостиницу вошел с черного хода, готовый к любым неожиданностям.

«Света не зажигать. Упасть в кровать. Уснуть. Лошадей пусть крадут. Когда узнают, что они принадлежат Гасыму, сами вернут».

Странно открывать дверь собственного номера отмычкой, но ночному портье знать, что постоялец вернулся, было незачем.

Бесшумно перешагнув через порог, Фандорин протянул вперед руки, чтобы не наткнуться на вешалку. Кто-то с двух сторон крепко вцепился ему в запястья, а третий человек, от которого тошнотворно пахнуло жасмином, обхватил Эраста Петровича сзади за шею и усердно, но не очень искусно сдавил сонную артерию.

«Это делается не так, идиот! Сила не нужна!»

От мерзкого парфюмерного аромата так замутило, что смертельно усталый Фандорин провалился в забытье даже не без некоторого облегчения.

Новый ракурс

Опять пахло жасмином, хоть и не так резко, как мгновение назад. Что-то жужжало — равномерно и монотонно. Дул волнообразный теплый ветер. Почему-то не слушалось тело: ни руку поднять, ни шевельнуться.

Сознание вернулось не враз, а скачками.

Сначала Эраст Петрович понял, что сидит в кресле, привязанный или пристегнутый к подлокотникам, но предплечья и запястья почему-то не онемели и не затекли. Потом открыл глаза и снова их зажмурил. Был день, яркий.

Значит, жасминовый душитель сжал сонную артерию не только что, а много часов назад. Солнце стояло высоко, тени были короткими. Сознание возвращалось медленно, а голова сильно болела из-за того, что артерию пережали слишком сильно, это вызвало продолжительный обморок.

Рядом, в нескольких шагах, кто-то находился. Фандорин чуть-чуть разомкнул веки.

Ну-ка, что тут у нас?

Какой-то кабинет.

Жужжит электрический вентилятор под потолком, гоняет нагревшийся воздух.

Связанные руки не затекли, потому что под веревками проложены подушки. Скажите, какая галантрейность.

Человек, от которого отвратительно пахло дешевым цветочным одеколоном, сидел у стола, скучливо чистил ножиком ногти.

«Тот самый, с черной лестницы. Значит, все-таки не страховой агент».

На зеленом сукне лежали предметы, вынутые из фандоринских карманов: «веблей» и «дерринджер», бумажник, две развернутые телеграммы от директора Департамента полиции, подписанные женским именем «Эмма».

Жасминовый шевельнулся, пришлось сомкнуть ресницы.

«Устроили засаду в гостиничном номере — это понятно. Из-за усталости и недосыпания меня подвело „чувство кожи“ — тоже понятно. Непонятно одно: зачем проложили руки подушками? Что может означать такая заботливость? Только одно: за своего вожака революционеры намерены отомстить каким-нибудь жестоким образом. Им уже известно, что Дятлу перед смертью отрубили руки. Вот и на мои конечности у них, вероятно, имеются некие особенные виды. Обложили подушками, чтобы не притупилась чувствительность. От китайцев, непревзойденных мастеров по части истязаний, известно: если хочешь, чтобы человек посильнее мучился, не причиняй ему страданий раньше времени».

Даже сделалось любопытно, на что достанет фантазии у борцов с самодержавием. Однако было чувство посильнее любопытства: ярость.

«Ох, господа буревестники, пожалеете вы, что не убили меня сразу», — мысленно пообещал Эраст Петрович. Но здесь зазвонил телефон, фальшивый страховой агент (Вайсмюллер, кажется?) снял трубку, и стало ясно, что дедукция была неверна.

— Jawohl, Herr Konsul... — сказал Жасминовый. — Nein, aber schon bald... Ja, ich bin völlig sicher^[9].

Выговор венский. Никакой этот Вайсмюller не подпольщик. А нападение устроено австрийским резидентом Люстом — тем самым, который долго и безуспешно добивался встречи.

И моментально выстроилась совсем другая дедукция.

«Слежку в гостинице вели австрийские шпионы. Вот фактор, который я оставил без

внимания! Есть сила, не менее, чем революционеры, заинтересованная во всеобщей забастовке! В преддверии военного конфликта немцам и австрийцам во что бы то ни стало нужно оставить Российскую империю без бакинской нефти. Жадность местных промышленников, интриганство Шубина, подрывная деятельность большевистского подполья — всё это Люсту на руку. Очень возможно, что губернатор Франц Кауниц все-таки живехонек. Выполнил свое задание и испарился. Ловкую операцию затеяли австрийцы, надо отдать им должное. Никаких следов, каштаны из огня для них таскают другие. Но зачем им понадобился я? К чему так рисковать, выходить из тени?»

Жасминовый еще кивал, выслушивая распоряжения начальства, а Фандорин уже нашел ответ на этот вопрос.

«Главный удар еще не нанесен. Люст готовит какую-то крупную акцию, которая полностью парализует бакинский район и заставит Россию смягчить позицию в сербском конфликте. Да-да, именно этого Вена и добивается! Отобрать у Петербурга гегемонию на Балканах, не доводя до войны. Без топлива и смазочных материалов будет невозможна всеобщая мобилизация, встанут заводы, не выйдут в море боевые корабли, не полетят аэропланы, не поедут автомобили. А я Люсту понадобился вот зачем: резидент знает, кто я такой, и желает выяснить, что я успел разнюхать и многое ли сообщил в министерство. Кто такая „Эмма“, австрийцам, конечно, известно. Вот и объяснение подушкам. Будут мягко стелить, попытаются перевербовать. Не соглашусь — убьют. Когда идет масштабная игра, все средства хороши, а свалить убийство потом можно на кого угодно. Это Баку».

Следовало, однако, поторапливаться. Когда заявится герр Люст (наверняка с сопровождением), ситуация усложнится. С одним Жасминовым справиться будет нетрудно.

Руки прикручены качественно, с немецкой основательностью, но вот ноги Фандорина «страховой агент» оставил свободными совершенно напрасно.

Эраст Петрович издал стон, замигал глазами, делая вид, будто только сейчас очнулся.

— Herr Konsul! — сказал Вайсмюллер (или как там его на самом деле звали). — Sie können jetzt kommen^[10].

Потом поднялся, но вместо того чтобы подойти к связанному, обернулся к двери и крикнул (неприятный сюрприз):

— Hei, Kerle, kommt ihr gleich!^[11]

Вошли «керли» — двое крепких мужчин без пиджаков, в одних рубашках. Встали по обе стороны от кресла.

Первоначальный план был очень прост: когда Жасминовый приблизится, нанести удар острым носком штиблета в болевую точку под левым коленом; когда согнется — исполнить «уваути» ногой в основание подбородка. Потом изогнуться, перегрызть веревку. Секунд через пятнадцать-двадцать руки были бы свободны. Но в многолюдном обществе этакий канкан не исполнишь. Значит, придется подождать Люста. Изобразить разумную покладистость. Лишь бы велел развязать, а там уж как-нибудь.

«Боже, что это?»

Агенты развязывали пленнику руки. Правда, Жасминовый вынул пистолет — тот самый «парабеллум», который Эраст Петрович ему давеча великодушно оставил.

Фандорин задрал голову. Сверху на него угрожающе смотрели две пары глаз: слева голубые, с белесыми ресницами; справа — карие, с рыжими.

— Спокойно, — сказал белобрысый.

— Хорошо, — мирно ответил Эраст Петрович.

Не обращая внимания на «парабеллум», нанес одновременно два удара открытыми ладонями, выбил две нижних челюсти. Прием несложный, для жизни и здоровья неопасный, но эффективный: выводит противника из строя.

Вайсмюллер оцепенело глядел на поднимающегося с кресла Фандорина, на двух мычащих коллег с одинаково разинутой пастью.

Спохватившись, нажал спусковой крючок. Но Эраст Петрович вчера не за тем брал в руки «парабеллум», чтобы тот остался в рабочем состоянии.

Последовал сухой щелчок, за ним еще один. А выстрелов не было.

К Жасминовому у Фандорина накопился целый список претензий. Во-первых, мерзавцу нельзя было простить неуклюжее обращение с фандоринской шеей. Во-вторых, пистолет был нацелен прямо в сердце и, если б не вчерашняя предосторожность, Эраст Петрович уже лежал бы бездыханным. Ну а в-третьих, нельзя так злоупотреблять гадким одеколоном, когда и без того голова раскалывается.

Подпрыгнув, Фандорин ударил врага ногой в лоб. Это называется «усигороси», «забой быка». Критическое сотрясение мозга с мгновенным летальным исходом.

«А вы как думали, Mein Herr? Im Krieg ganz wie im Krieg»^[12].

На глазах у двух разъятившихся болванов Эраст Петрович взял со стола свое имущество.

— Передавайте поклон г-господину консулу.

И вышел.

Улица, на которую вышел Фандорин

Спустившись по лестнице на улицу, он увидел, что находится в самом центре европейской

части города, на Николаевской улице, почти напротив городской думы.

На подъезде сияла начищенной медью вывеска:

Страховая компания «Шабо и партнеры»

Вена — Будапешт — Баку

Мимо катили автомобили и пролетки, по тротуару ленивой походкой прогуливались разморенные солнцем горожане.

«Интересно, как они собирались выносить отсюда мой труп? Ведь был же у них на случай неприятного исхода переговоров какой-то план? Пускай теперь опробуют его на Жасминовом. Впредь будут знать, как обращаться с Фандориным».

Война еще не объявлена, но фактически она уже началась. Как обычно, диверсионная сеть вступила в бой, когда пушки еще не загремели. Разве попытка вывести из строя бакинские нефтепромыслы — это не враждебные действия? Ну а где война, господа австрийцы, там и трупы.

«Главное же — не надо было хватать меня сзади за горло», — сердито подумал Эраст Петрович и передернулся, вспомнив запах жасмина. Но привычка строго спрашивать с себя за всякий сомнительный поступок потребовала немедленного расследования.

«Убивать Вайсмюллера было совершенно необязательно. Я преспокойно оборвал человеческую жизнь из одного только раздражения, еще и пошутил мысленно по этому поводу. Но если убиваешь без малого сорок лет подряд, это перестает шокировать. Нечего перед самим собой прикидываться. Кажется, борьба со Злом потихоньку превратила меня в чудовище... Впрочем, этой загвоздки, над которой человечество ломает голову тысячелетиями, на ходу не решишь. Оставим для Никки».

Эраст Петрович спешил в гостиницу. Слежки можно было больше не опасаться, а вот связаться с Петербургом требовалось как можно скорей. Раз в бакинской заварухе активно участвует вражеская разведка, это полностью меняет ракурс и всю картину.

«Немедленно телефонировать Сент-Эстефу. Теперь не до секретности».

Повернув на Ольгинскую, Фандорин увидел у входа в «Националь» четыре одинаковых черных автомобиля. На крыльце стояли два жандарма. Вблизи стало видно, что лица у них белые, солнцем не обожженные. Небакинские лица.

Господи, ну что тут еще стряслось?

В вестибюле к Эрасту Петровичу кинулся молодцеватый офицер с аксельбантами.

— Наконец-то! Вас ищут по всему городу! Идемте, идемте! Вас ждут!

— Кто? — спросил Фандорин, узнав одного из адъютантов генерала Жуковского, начальника Жандармского корпуса.

— Господин командующий и господин директор Департамента полиции.

Большая политика

Товарищ министра внутренних дел, он же командующий Жандармским корпусом, генерал свиты его величества Владимир Федорович Жуковский и директор Департамента полиции, тайный советник Эммануил Карлович де Сент-Эстев, то есть начальники двух ведомств, ответственных за безопасность империи, нетерпеливо поднялись навстречу Фандорину, когда он, еще не оправившись от изумления, вошел в банкетную залу, которая была отдана в полное распоряжение высоких столичных гостей. Там наскоро развернули что-то вроде полевого штаба. Военные связисты заканчивали установку спецтелеграфа и фельдъегерской телефонной линии, в углу помигивала огоньками переносная радиостанция, несколько офицеров и чиновников раскладывали на столах канцелярские папки.

— Ага, вот он!

Генерал крепко пожал Эрасту Петровичу руку, но на бульдожьем лице с выпуклым лбом и бисмарковскими усами не было приветливости. Его превосходительство не любил отставного статского советника, знал, что тому это отлично известно, и не считал нужным прикидываться. Причина антипатии была застарелая, из давнего прошлого. Жуковский прежде служил адъютантом у великого князя, московского генерал-губернатора, который считал Фандорина своим заклятым врагом. Его высочество уже лет десять как переселился в мир иной, но Владимир Федорович не жаловал Фандорина, так сказать, по наследству, в память о покойном. Эраст Петрович отвечал генералу полной взаимностью, ибо для того чтобы любить человека, который тебя не любит, надобно быть святым угодником или бодхисатвой, а ни тем, ни другим Фандорин не являлся.

Однако верность мертвому начальнику, субъекту малоприятному и москвичами не любимому, пожалуй, вызывала уважение. В этом было что-то самурское. Еще большее уважение у Эраста Петровича вызывали деловые качества главного жандармского начальника. Это был человек деятельный, добросовестный, неискательный перед высшими.

Приезд командующего корпусом жандармов

Надо сказать, что и Владимир Федорович, неприязненно относясь к Фандорину, высоко ценил его профессионализм и проницательность. Оба умели отделять личное от интересов дела.

Не улыбнулся вошедшему и Эммануил Карлович, но по иной причине. Он вообще никогда не улыбался. Был уныл, постен, вечно сосал желудочные лепешечки, а цвет лица имел зеленоватый, в колер настольного казенного сукна. Сент-Эстев происходил из рода эмигрантов, которые бежали в Россию от ужасов революции, да так и остались служить северной империи — бестолковой, расхлябанной, но оттого безмерно щедрой к людям толковым и

нерасхлябаным. Эммануил Карлович был именно таков: аккуратен, исполнителен и честен. Три эти нечасто у нас встречающиеся (и еще реже сочетающиеся) качества обеспечили Сент-Эстефу блестящую карьеру, хотя Эраст Петрович предпочел бы видеть на ответственнейшем посту главного полицейского руководителя человека более энергичного.

Бакинские события имели огромную важность для государства, а сегодняшние новости придали здешней ситуации еще большую важность — и всё же Фандорин был поражен тем, что сразу два высших должностных лица, бросив все дела, примчались по его вызову на дальнюю окраину империи, особенно в разгар политического кризиса, грозящего перерости в войну.

Тем более не следовало тратить время на пустые прелюдии. Эраст Петрович сразу же перешел к делу. Рассказал о многослойном заговоре, ставшем причиной забастовки; о своих подозрениях касательно готовящейся акции, которая окончательно парализует нефтяную индустрию; наконец, о лихорадочной, совершенно беспардонной активности австрийской резидентуры.

Если директор Департамента полиции слушал внимательно, то на брыластом лице Жуковского отражалось явственное нетерпение, а брови все больше хмурились.

— Послушайте, — наконец перебил Фандорина генерал. — Я приехал сюда не из-за стачки и не из-за нефти. Этим займется Эммануил Карлович после того, как я вернусь в Петербург.

— П-почему же вы приехали? — удивился Эраст Петрович.

— Потому что гора не пожелала прибыть к Магомету. Вас сколько раз вызывали в Петербург? Телефонными звонками, экстренными телеграммами. Но Фандорин не отвечает, Фандорина нет, Фандорин неуловим! — сердито заговорил Жуковский и уже не мог остановиться. — А время уходит, драгоценное время! Все меня теребят — три ministra, глава правительства, начальник Генштаба, сам государь: где этот чертов Фандорин? В Баку, отвечаю. Не можем его оттуда извлечь. «Езжайте и разыщите, — было мне сказано. — А то пока он доберется до Петербурга, будет поздно». Экстренным составом, по специально очищенной дороге, мы домчались сюда за тридцать семь часов. И еще три с половиной часа проторчали в этой дыре, — командующий махнул рукой на гипсовые завитушки потолка, — прежде чем вы наконец соизволили явиться. Несёте всякую чушь, а время уходит!

— Это не чушь! — оскорбился Эраст Петрович. — Если мы вступим в войну с Австрией...

Тяжелая длань его превосходительства с оглушительным грохотом опустилась на стол.

— Вы дадите мне закончить, милостивый государь?! Я знаю, что вы непочтительны к должностям, но в болтливости до сих пор вы замечены не были!

Побледнев, Фандорин сложил руки на груди, обжег невежу ледяным взглядом.

«Рта больше не раскрою».

— То-то же... — Жуковский вытер платком потный лоб. — Проклятье, что за климат! Слушайте, не перебивайте. Вы сказали: «Если мы вступим в войну с Австрией». Не только мы и не только с Австрией. К нам примкнут Франция и Англия, к ним — Германия и Турция. Начнется всеевропейская драка, какой не бывало со времен Наполеона, только теперь с применением современных средств уничтожения. Погибнут миллионы, придут в запустение целые государства. Страшнее всего, что эти два локомотива уже несутся друг другу навстречу по одной и той же дороге, с каждым днем разгоняются всё быстрее, и никто, даже машинисты, не знают, как нажать на тормоз или свернуть на запасной путь. В Вене и Петербурге, в Париже и Берлине толпы требуют от правительства твердости, газеты льют масла в огонь, генералитет мечтает об орденах и продвижении по службе, промышленники уже подсчитывают будущую прибыль от военных заказов. Лишь венценосцы и трезвые политики желают сохранения мира, но страсти слишком раскалились. Какой монарх, какой политик осмелится выступить против патриотической истерики общества? Это означало бы навлечь на себя обвинения в слабости...

Мобилизация вот-вот начнется...

Эраст Петрович забыл об обиде. Он и не представлял, что кризис зашел так далеко.

— Значит, война неизбежна? — тихо спросил Фандорин, воспользовавшись короткой паузой. — Тогда я не понимаю, ваше превосходительство, как вы могли в столь горячее время оставить столицу.

На сей раз Жуковский не рассердился.

— Современные средства связи дают мне возможность руководить подведомственными службами на расстоянии. Оперативный штаб, созданный ввиду чрезвычайных обстоятельств, сопровождает меня. — Он кивнул в сторону офицеров и чиновников. — Мы работаем днем и ночью. Готовимся к аресту подозрительных лиц, разворачиваем органы территориальной и армейской контрразведки, разрабатываем меры безопасности для оборонных предприятий. Но появилась надежда избежать вооруженного конфликта, и это сейчас самое главное. Вот почему я здесь.

— Надежда? Какая?

— Идея возникла в Вене, в придворных кругах. Императору Францу-Иосифу восемьдесят четыре года, он очень боится, что большая война окажется губительной для державы, однако положение его весьма затруднительно. Общественное мнение распалено еще сильнее, чем у нас. Австрийцы жаждут мести за убийство эрцгерцогской четы. По сведениям их разведки, к покушению причастны офицеры сербской тайной полиции. Вена не верит, что Белград захочет найти и арестовать организаторов. Вена представила Сербии ultimatum из десяти параграфов. Там очень жесткие требования: закрыть все антиавстрийские партии и организации, произвести чистку в армии и государственном аппарате, и прочее, и прочее. Белград согласен на все, кроме одного: чтобы расследованием занимались австрийские должностные лица. Фактически это означало бы отказ от государственного суверенитета. Как может иностранная комиссия осуществлять полицейские функции на твоей территории? Если король Петр на это согласится, в стране произойдет революция. Его просто убьют, как одиннадцать лет назад убили короля Александра. Сербское правительство попросило убрать один лишь этот пункт. Но Вена не может. Внутрисербскому расследованию австрийский народ не поверит. Если Белград в течение нескольких дней не сообщит о согласии, ultimatum будет опубликован в газетах. И тогда никто на попятный пойти уже не сможет. Война окончательно станет неизбежной... Есть только один человек, который способен вывести переговоры из тупика и остановить катастрофу. Вы.

— П-простите?

Фандорин подумал, что ослышался.

— Франц-Иосиф дал понять, что готов на компромисс: если следствие возглавит человек,

который, пусть не являясь австрийским подданным, пользуется полным доверием Вены. Император назвал ваше имя. Насколько я понял, вы оказывали Габсбургскому дому какие-то услуги?

Выжидаленная пауза, которую сделал командующий, намекала, что от Эраста Петровича ждут объяснений. Но их не последовало. В самом деле, несколько лет назад Фандорин помог злосчастному семейству, с которым вечно случаются какие-то трагедии, разрешить одну болезненную проблему. Но дело было деликатное, сугубо конфиденциальное, огласке ни в коем случае не подлежащее. Очень возможно, что старый император вспомнил о Фандорине не только из-за его следовательских талантов, но и из-за умения держать язык за зубами.

Не дождавшись ответа, Жуковский продолжил:

— Вена предлагает назначить вас независимым руководителем расследования. У вас будут два помощника: австрийский и сербский, каждый со своей командой. Предложение Франца-Иосифа устраивает всех. Белград в восторге. Во-первых, вы русский. Во-вторых, там помнят, что во время войны 1876 года вы сражались добровольцем в сербской армии. Доволен и наш государь. Россия окажется в положении миротворца, войны не будет, а наше моральное влияние на Балканах усилятся. Вы согласны взять на себя эту миссию? Точнее, так: чувствуете ли вы себя вправе от нее отказаться?

Второй вопрос прозвучал тревожно — генерал заметил, что лицо Фандорина потемнело.

— Это ужасно. Я з-зря убил человека...

— Что?

Товарищ министра выпучил глаза. Директор департамента, наоборот, прищурился. Оба недоуменно переглянулись.

— Вот почему австрийцы так настойчиво меня п-преследовали... — пробормотал Эраст Петрович, помрачнев еще больше.

— Да, их бакинский консул сообщил нам, что ему никак не удается с вами встретиться. Он был в отчаянии. Вена засыпала его истерическими шифрограммами.

— У Люста кончилось терпение. Он попробовал захватить меня силой. А я неправильно истолковал его действия, убил одного из агентов...

— Послушайте, Фандорин! — взорвался командующий. — На карту поставлено спасение Европы, а вы о ерунде! Австрийцы сами виноваты. Что за манеры — захватывать вас силой? И ради бога, прекратите отвлекаться! Вы согласны возглавить расследование?

— Конечно, согласен, — ответил Эраст Петрович с несчастным видом.

— Уф... — Жуковский вытер лицо платком и обернулся к помощникам. — Полковник, мне срочно нужна прямая связь с Царским Селом.

— Виноват, ваше превосходительство. Боюсь, использовать гостиничные провода не представляется возможным. Я распорядился доставить всё необходимое из штаба Каспийской флотилии. Но потребуется два или три часа...

— Тогда вот что. — Генерал поднялся. — Перемещаемся в здание Жандармского управления. Там имеется прямая связь с министерством, а значит, можно будет соединиться и с государем. Я должен срочно доложить его величеству, что нашел вас и что вы согласны, — пояснил он Фандорину. — Да, кстати. Поздравляю с производством в чин действительного статского советника. Теперь вы тоже «превосходительство».

— За что это мне т-такое отличие?

— Не «за что», а «зачем». Вы знаете, какое значение немцы придают чинам. Указ подготовлен и будет подписан немедленно. Кроме того, получите верительную грамоту об особых полномочиях, а также личные рукописные послания его величества австрийскому и сербскому монархам. Я доставлю вам эти фототелеграфические депеши прямо на вокзал. Ночью, когда все документы будут подготовлены, вы отправитесь экстренным поездом в Батум. В порту вас будет ожидать скоростная яхта. Через двое суток прибудете в Вену — австрийцы настаивают, что инструкции вы должны получить от них, на высочайшей аудиенции. Вопросы имеете?

Ошарашенный Эраст Петрович помассировал точку концентрации, которая расположена точно посередине лба.

— З-значит, до ночи я свободен? Мне нужно закончить кое-какие дела.

— До полуночи, — уточнил генерал. — Если какие-то документы не успеют прибыть, получите их в Батуме. Пока же, своею властью, я выдам вам бумагу, которая вам поможет с вашими делами. Полковник! Где мандат, заготовленный для господина Фандорина?

Офицер подал конверт. На личном бланке товарища министра внутренних дел, с подписью и сургучным гербом, было напечатано, что предъявитель сего действительный статский советник Э. П. Фандорин исполняет секретное задание высокой государственной важности, в связи с чем все полицейские и жандармские части обязаны беспрекословно повиноваться его указаниям, а гражданским службам предписывается оказывать ему всяческое содействие.

— У меня п-просьба, важная. Мой помощник ранен и находится в местной больнице...

Жуковский нетерпеливо махнул:

— Просто скажите полковнику, что нужно, будет в точности исполнено. Нужна транспортировка — отправят. Нужен особый уход — обеспечат. Думайте о Вене и Белграде, ни на что иное не отвлекайтесь. Я дам вам охрану из лучших сотрудников, а в Батуме к вам присоединится группа из трех секретарей.

— Не нужно охраны, — отрезал Фандорин.

«Австрийцы сразу поймут, что это кадровые разведчики, и будут относиться ко мне с подозрением. И мне казенные няньки ни к чему».

— Секретарей тоже не нужно. Я возьму их на м-месте: одного австрийца и одного серба.

Генерал понимающе кивнул:

— Что ж, в этом есть резон. Вам виднее.

— А телохранителя мне д-довольно одного. Человек проверенный, опытный. Он мне пригодится. Только...

— Что «только»?

— Он не в ладах с законом.

— Эраст Петрович, — взмолился Жуковский, уже от дверей. — Я ведь просил: не

отнимайте время на пустяки! Государь ждет. Сообщите Эммануилу Карловичу имя вашего протеже, и всё будет улажено. Последнее: на вокзал, к месту нашей встречи, вас повезут отсюда, из гостиницы. Так что извольте за четверть часа до полуночи быть у себя в номере.

И дверь за его превосходительством с треском захлопнулась.

Молчаливый директор департамента сразу же поднялся со стула и ровным тоном произнес:

— Ну-с, а теперь, когда генерал *Sturm-und-Drang*^[13] с топотом умчался, мы поговорим спокойно и обстоятельно о бакинских делах.

Даже говоря что-то шутливое, кислый Сент-Эстеф никогда не улыбался.

— В отличие от Владимира Федоровича, я озабочен не вопросами европейской политики, а забастовкой. За тем и прибыл. Как бы там на Балканах ни обернулось, без нефти страна оставаться не должна. Чревато.

Чем именно это чревато, Эммануил Карлович не пояснил. И так было понятно.

Фандорин перечислил меры, которые, по его мнению, требовалось принять: грозное внушение нефтепромышленникам, подготовка запасных команд на кораблях и резервных бригад на поездах.

— Поздно, — качнул головой директор, дослушав. — С бакинскими тузами я, конечно, встречусь, но это уже ничего не даст. Сегодня ровно в полдень внезапно забастовала вся нефтеналивная флотилия Каспия. Одновременно с этим стачку объявил союз железнодорожников. Что удивительно — без предварительного брожения и без предъявления требований. Доставка всех нефтепродуктов за исключением керосина остановлена. В царицынских терминалах и резервуарных парках имеется недельный запас. Вот срок, в течение которого забастовку необходимо прекратить. Хорошо хоть трубопровод казенный. Без керосина была бы просто катастрофа.

— Сегодня в полдень? — медленно повторил Фандорин. — И корабельные команды, и железнодорожники? Без предупреждения, безо всяких т-требований?

— Именно так. Чувствуется твердая рука, единая воля и железная организованность. Вы давеча начали говорить, что, по вашему мнению, готовится какая-то крупная акция? Его превосходительство вас перебил, а меня это весьма интересует. У вас есть конкретное предположение?

— Например, согласованная забастовка транспортников, — ответил Эраст Петрович. — Однако она уже произошла.

Директор скептически покачал головой, но Фандорин сменил тему:

— Человек, который понадобится мне на Балканах, преступник и находится в розыске.

— Преступления тяжкие? С политикой?

— Без политики, но весьма тяжкие. Там и убийства, в том числе, вероятно, должностных лиц, побег из тюрьмы и бог знает что еще. Вероятно, хватит на десять бессрочных каторг.

— Тогда это вне моей юрисдикции. — Сент-Эстеф подумал, прищурился. — Могу выдать ему агентурный паспорт на вымышленное имя, однако по возвращении на территорию России ваш бандит будет арестован. Пусть лучше остается за границей.

Вообразить Кара-Гасыма живущим где-либо за пределами Баку было невозможно. Да он и не согласится.

— Условием моего участия в сербском расследовании будет высочайшее помилование для моего помощника.

— Опять-таки не моя компетенция. Однако я уверен, что в случае успеха вашей миссии эту просьбу удовлетворят.

«Пусть только попробуют не удовлетворить. Но он прав: говорить об этом следует не с директором Департамента полиции».

— З-акончу дела в городе, — сказал Эраст Петрович, вставая. — К полуночи буду у себя в номере. П-прощайте.

* * *

На лестнице у Гасыма, как обычно, сидели какие-то просители. На приветствие молчаливнули, проводили взглядами, в которых не было любопытства — вообще никаких эмоций.

Гочи сидел, чаевничал с седобородым стариком.

— У меня к тебе дело, срочное, — хмуро сказал Фандорин.

— Э, у меня к тебе тоже срочный делo, — ответил Гасым. — Но всякий делo умеет ждать. Садись чай пить.

— Моё дело ждать не умеет.

Эраст Петрович выразительно поглядел на старика. Тот встал, поклонился, вышел.

— Невежливый ты, Юмрубаш. Зачем хороший человек выгонял? Я отвез твои артисты, до самый гостиница. Прихожу домой — меня люди ждут. Давно ждут. Старый человек, седой борода, говорить пришел. Ай, стыдно! Седой борода не для меня — для тебя пришел.

— Для меня? — Фандорин оглянулся на дверь. — А кто это?

— Старик какой-то. Имя сказал, я не запомнил. Махмуд, Максуд. Не в имя делo! — Гочи махнул рукой. — Он важный вещь сказал. Радоваться будешь.

— Я? Чему?

— Он живой. Можно его снова убивать, — плотоядно улыбнулся Гасым.

— Кто живой?

— Дятел.

У Эраста Петровича неизящно отвис подбородок.

— Как это возможно?! И откуда старик вообще знает про Дятла?

— Седой борода знает, что я Дятел искал. Поэтому пришел. Говорит, видели сегодня Дятел. Она живая, здоровая.

— А т-труп? С отрубленными руками...

— Я знаю? — пожал плечами Гочи. — Мы с тобой кто-то не тот убили. Обманула собака Шубин. Вот Седой борода, который ты прогнал (ай, стыдно!), вратъ не будет. Если сказал, что видели Дятел — значит, видели.

— Где видели? Когда? — спросил Фандорин, все еще не веря.

— Днем. В Черный Город. Около Насосная станция, где керосин качают.

— Что он там делал? Если это, конечно, был Дятел.

— Седой борода говорит, там около станция люди дорога чинили. Вроде рабочие, а сами не рабочие. Одна человек подошел к ним, долго шептала. Это Дятел была. Внук у старик ее знает. Пошел к дедушка сказал. Дедушка ко мне приходил. Потом ты пришел, дедушка прогонял. Ай, нехорошо.

Вот теперь Фандорин поверил. На Эраста Петровича внезапно сошло озарение.

«Для того чтобы нефтяная блокада стала полной, остается только одно: вывести из строя Казенный керосинопровод! Он не забастует, поэтому подпольщики собираются устроить там диверсию! Всё сходится. Дятел действительно жив!»

Мысли понеслись стремительно.

«Срочно сообщить Сент-Эстефу! Но что он может сделать? Ему подчиняется только полиция, а она в Баку ненадежна. Нужны войска. Однако, если отправить на станцию подкрепления, этот спугнет Дятла. Он нанесет удар позднее, когда я уеду. Придумает что-

нибудь, изобретательности этому субъекту не занимать. Нет, надо его обезвредить раз и навсегда!»

— Мне нужно подумать, — сказал Фандорин.

— Иди, пиши. Твой тетрадка где всегда лежит. Но я тебе без тетрадка скажу. — Гасым постучал себя по лбу. — Дятел хочет керосиновый станция жечь. Ночью. Там много, очень много керосин, она хорошо горит. Был Черный Город — будет Красный Город.

И засмеялся, довольный своим остроумием.

«Гасым ошибается. Сгорит не только станция. Пожар распространится по всему трубопроводу, на сотни километров, до самого Батума. В этом и состоит замысел революционеров.

Как сохранить станцию в неприкосновенности?

Подкрепления не понадобятся. На станции и так многочисленная охрана. Расчет Дятла может строиться только на внезапности.

Что бы предпринял я на его месте?

Предположим, что у меня есть люди. Оружия и взрывчатки тоже достаточно.

Вероятно, довольно прорваться на территорию и забросать резервуары с керосином бомбами. Вспыхнет пожар, и дальнейшее произойдет само собой. Очень просто.

Вывод: все силы перевести на охрану периметра. Внутреннюю охрану можно снять, она ничего не решает.

Кроме того, следует прочесать прилегающую местность. К ночи боевики сосредоточатся где-то неподалеку.

Всё это я могу сделать без чьей-либо помощи. Мандат дает мне такие полномочия».

Фандорин с удовлетворенным вздохом отложил тетрадку, вернулся к Гасыму.

— Ночью снова будем Дятел ловить? — спросил тот, жуя лепешку. — На станция пойдем?

— Ты мне там не п-понадобишься. Да и нельзя тебе. Жандармы, особый режим. Увидят — сразу арестуют.

Эраст Петрович не стал называть истинную причину, по которой решил не брать с собой помощника. С волшебной бумагой генерала Жуковского можно было провести на режимный объект хоть Али-бабу и сорок разбойников, но люди Дятла наверняка ведут наблюдение за станцией. Кара-Гасым — личность в городе известная. Узнают, насторожатся. Такого медведя не загrimируешь.

— Теперь мне нужно п-поспать. Ровно два часа. Я лягу в самой дальней комнате, пусть ко мне никто из твоих посетителей не суется.

— Свой кинжал на порог положу. Никто не перешагнет. Спи спокойно, Юмрубаш.

Вытянувшись на ковре, Фандорин принял позу тотальной расслабленности.

«Всё, что можно было сделать, сделано. Всё, что нужно будет сделать, сделаю. А сейчас отключиться. Два часа блаженной пустоты».

Дятел жевал пустой мундштук. Курить здесь строжайше воспрещалось. На белом кафеле темнела собственная тень — то густела, то светлела. Это мигала лампа под потолком. Скоро, наверное, перегорит.

— Что, приятель, — мысленно сказал Дятел силуэту, — охота входит в финальную фазу? Едет, едет, едет к ней, едет к любушке своей?

— Фандорин-то, а? — хохотнул Черт. — Да, ловко ты его.

Дятел посмотрел на часы. С писаниной Краб управится сам, бумажки заполнять можно и одной рукой. Минут десять еще, пожалуй, есть. Нужно войти в правильное настроение, максимально собраться. Малейшая ошибка может всё погубить.

Для того он и отлучился в уборную. Чтобы побывать одному.

— И поболтать с закадычным приятелем, правда? — шепнул Черт. — Теперь Слон от нас не уйдет.

Тупое животное немного встревожено, оно покачивает ушами, помахивает хоботом, но уверено, что настоящей опасности нет. Самое уязвимое место гигантской туши надежно защищено, сильно пугаться нечего.

Как во всяком большом деле, самое главное было — найти ахиллесову пяту: точку, удар по которой сразит насмерть, казалось бы, непобедимого врага.

Точка эта — Баку. Современные великие державы, сами того не заметив, стали топливными наркоманами. Без энергоресурсов государство моментально задохнется, как организм без кровотока.

В России два источника энергии: уголь и нефть. С углем сделать что-либо трудно, его копают во многих местах. С нефтью проще. Почти девяносто процентов добывается на одном пятаке — на Апшеронском полуострове, который отделен от остальной страны Кавказскими горами и морем. Нефтепродукты поступают всего по трем артериям: по Каспию кораблями, по суше железнодорожными составами и по керосинопроводу.

Железная дорога встала. Договориться с эсдеками-меньшевиками было непросто, но в конце концов пришли к общему знаменателю.

Эсеры, которые контролируют Каспийскую танкерную флотилию, поломались-поломались, но тоже согласились присоединиться к общему хору.

А нынче ночью произойдет иллюминация на бакинской Насосной станции. Огненная волна прокатится на восемьсот километров. Во многих местах выведет из строя железную дорогу, вдоль которой проложен трубопровод.

Товарищи в Донбассе и Сибири начнут всеобщую стачку угледобывающей промышленности. Шахтеры пока колеблются, им сейчас стали неплохо платить, но когда начнется всеобщая буза, возобладают пролетарская солидарность и неистребимый дух пугачевщины, присущий русскому народу.

Страна останется без нефти, мазута, машинных масел, а затем и без угля. Но важнее всего — останется без керосина. Встанут станки и транспорт — это еще ладно. Однако если в домах погаснет свет (а на восемьдесят восемь процентов освещение в России керосиновое), наступит эпоха Великой Тьмы.

Газеты начинают беспокоиться

На темных улицах городов вырастут баррикады. Их заполнят рабочие остановившихся заводов.

На темных просторах крестьянской страны вспыхнут поместья усадьбы.

В темных казармах зашевелятся разагитированные солдаты.

Военно-промышленной клике придется забыть об империалистической войне — кинутся спасать собственную шкуру. Но не спасут. Слон самодержавия, трехсотлетний одряхлевший исполин, не устоит на своих тумбообразных ножищах. Рухнет, издохнет.

И тогда всеобщая стачка прекратится. Свет воссияет вновь, озаряя бескрайнюю страну, наконец освободившуюся от рабства.

— Не зря операцию назвали «От тьмы к свету», — сказал Дятел собеседнику.

Черт не был бы чертом, если бы в ответ не ввернул шпильку:

— Ты всю жизнь в подполье, в темноте. Сможешь ли ты жить на свету? Не ослепнешь? — В голосе Лукавого зазвучали вкрадчивые нотки. — Может, и о семье задумаешься? Тебе скоро сорок, молодость тю-тю. Скажи мне, человек-остров, а не превратиться ли тебе в полуостров, когда закончится борьба?

— Не подкатывайся, тварь! — свирепо оборвал искусителя Дятел. — Сначала нужно завалить Слона.

И подумал — даже от Чертова тайком: когда свершится великое общее Дело, можно будет заняться личным счастьем. Насыпать перешеек к другому острову. А потом, глядишь, создать целый архипелаг.

После того как издохнет Слон, всё это станет возможно.

Бой с ракообразным

Фандорин подъехал к Насосной станции на извозчике. Был он в накладной бороде и очках, на голове — инженерская фуражка с окольшем горного ведомства.

Предосторожность оказалась не излишней. Хотя уже стемнело, площадка перед воротами и пропускным пунктом была залита электрическим светом. Вокруг же не горело ни одного огонька: производственные корпуса, нефтяные вышки, резервуары, склады казались безжизненными. Забастовка превратила Черный Город в безлюдную пустыню.

Охраняли керосинопровод без дураков: шлагбаум с часовым, прожекторные вышки, вдоль стены — патрули, находившиеся в пределах видимости один от другого.

Эраст Петрович назывался караульному начальнику.

— Так точно, ваше превосходительство. Вас ожидают.

— Где у вас мусорная к-корзинка?

Он отодрал фальшивую растительность, очки сунул в карман. Поручик не удивился: был предупрежден, что действительный статский советник явится в камуфляже.

Перед выездом Эраст Петрович позвонил Сент-Эстефу. Сказал, что ночью на станции ожидается диверсия, но предпринимать ничего не нужно. Людей там достаточно, а контроперацию возглавит лично он, Фандорин. К господину директору было две просьбы: дать начальнику охраны нужные распоряжения и прислать форменную одежду.

— И всё? — нервно спросил Эммануил Карлович. — Вы шутите! Я немедленно еду на станцию.

— Ни в коем случае. Это насторожит д-диверсантов.

Сент-Эстеф вздохнул и смирился.

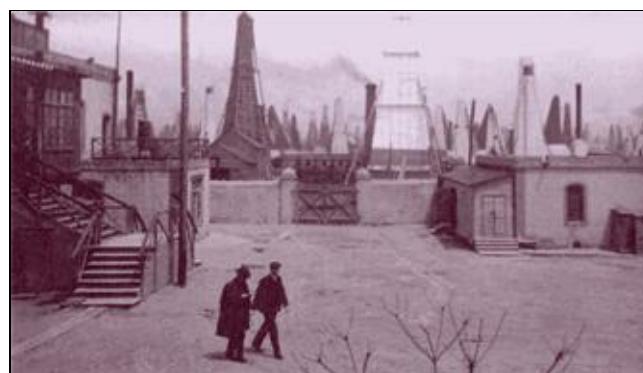
— С Богом! Я буду у аппарата.

Дежурный командир охранения капитан Васильев выполнил полученные по телефону инструкции в точности.

— Никаких изменений в обычном распорядке до прибытия вашего превосходительства не производилось. О диверсии знаю только я и мой помощник капитан Симонашвили. Известно ли, в чем именно состоит замысел преступников? Что это будет: штурм, подкоп, атака бомбистов?

— Не з-знаю. На какое время назначено нападение, тоже неизвестно. Поэтому не будем медлить. Проведите меня по территории, потом пойдем внутрь.

Осмотр выявил то, что и требовалось установить: здесь много небольших построек — подсобок, сарайчиков, будок, складских помещений. Если в расположение проникнет небольшая группа боевиков, спрятаться ей будет нетрудно.

«Как проникнет? А черт ее знает. Однако не собирается же Дятел в самом деле штурмовать объект, который охраняется целым батальоном жандармов, в лоб? Значит, придумал что-нибудь хитрое. Возможно, он и его люди уже где-то здесь. Ждут удобного момента или назначенного часа».

— Хорошо. П-покажите, где находятся уязвимые места станции.

— У нас тщательно продуманы меры противопожарной безопасности, — на ходу объяснял капитан. — Все покрыто толстым слоем невоспламеняемого лака. Трубы, по которым поступает с заводов керосин, снаружи огнеупорны. Единственная зона, где опасно любое возгорание и тем более взрыв, это насосный зал. Но вы сейчас увидите, как строго он охраняется.

Коридор, которым они шли, сделал поворот и вывел к двери. Над нею поблескивала странная металлическая дуга. Часовой с «маузером» на поясе отсалютовал начальнику и молча протянул руку.

Васильев стал расстегивать кобуру.

— Это техническая новинка, металлодетектор. Если кто-то пытается пронести внутрь металлический предмет весом более ста граммов, срабатывает сигнал тревоги. Поэтому огнестрельное оружие нужно сдавать. Даже мне. Мало ли что? Произойдет самопроизвольный выстрел, рикошет. Страшно вообразить. В насосном зале у охраны только короткие кинжалы в кожаных ножнах.

Оба сдали часовому пистолеты, капитан отстегнул шашку.

Пошли дальше — сверкающим, ослепительно белым проходом. Если б не всепроникающий резкий запах керосина, можно было бы подумать, что это сверхсовременная клиника или научная лаборатория.

С каждым шагом всё громче звучало мощное уханье, будто неподалеку шумно дышал запыхавшийся исполин.

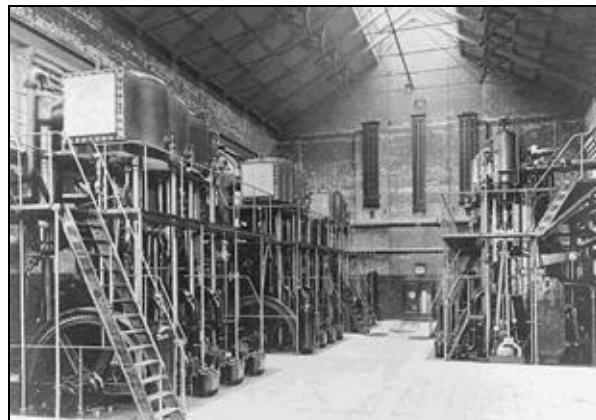
— Здесь сердце всей керосиновой индустрии. К нему, как кровеносные сосуды, сходятся трубы от всех перерабатывающих заводов, — с чувством объяснял капитан, видимо, гордясь своей службой. — Мощный Ваттовский насос загоняет поступающий керосин в трубу и толкает жидкость так, что она несется со скоростью 10 метров в секунду. На следующей станции, которая в пятидесяти километрах керосин снова подкачивают. И так далее до самого Батума. За год отсюда уходит почти миллион тонн. Мы даем свет всей России и половине Европы!

Он открыл стальную дверь и перешел на крик — ритмичное уханье стало оглушительным.

В противоположном конце просторного зала поблескивал боками огромный чан высотой почти до потолка, то есть никак не короче десяти метров. По верхней части стен и просто по воздуху к резервуару тянулись трубы — по ним в насос поступал керосин.

— Внутри ходит многотонный поршень, называется «ныряло»! — крикнул Васильев, показывая на гигантскую бочку. — Двигатель электрический, у нас собственная подстанция! Если прекратится подача тока, насос просто остановится. Но если хоть одна искорка попадет вон туда, в воздухозаборник... Видите, над верхней площадкой лестницы?

Но Фандорин смотрел не наверх — он оглядывал зал.

В насосном зале

Два техника в синих халатах, сидя на корточках, возились в углу. Двое часовых — у каждого на поясе кинжал — стояли по обе стороны железной лесенки, на которую показывал начальник охраны.

— И никто из посторонних сюда попасть не м-может?

— Никак нет.

— Другой доступ кроме коридора, которым мы прошли, имеется?

— Нет.

Эраст Петрович еще раз внимательно обвел взглядом помещение.

— Сколько у вас в наличии людей, капитан?

— На дежурство заступили первая и третья роты. Это по табелю 358 человек.

— Как распределено охранение?

— Согласно инструкции. Четыре взвода охраняют здание насосной станции. Два взвода расположены на территории, на вышках и на проходных. Еще два взвода, разбившись на полуотделения, патрулируют внешний периметр. Мышь не проскочит, выше превосходительство.

— Нам мало, чтоб м-мышь не проскочила. Ее нужно поймать... — Фандорин направился к выходу, капитан за ним. — Мы не будем сидеть и ждать, когда преступникам заблагорассудится на нас напасть. Нанесем опережающий удар. Расстроим их планы. Понадобятся все ваши люди. Внутри опасаться некого. Основная наша задача — защитить п-периметр.

— Согласно инструкции, я не имею права ни при каких обстоятельствах оставить без охраны насосный зал.

— Сколько это человек: двое внутри и один у металлической рамки? Пускай, — небрежно махнул Эраст Петрович. — На месте также останутся дозорные на вышках и караул у проходной. Всех остальных — за ворота. Поставьте сплошное оцепление по всей стене. Сколько для этого понадобится людей?

Начальник прикинул:

— Это 420 метров. При дистанции в три метра — 140 человек, то есть три с половиной взвода.

— П-превосходно. Прочих разделите на две группы. Одну возглавьте сами, вторую поведет ваш помощник. От ворот растянетесь в две цепи и прочешете прилегающую местность по всему радиусу: одна группа двинется влево, другая вправо. Задание понятно?

— Так точно, — неуверенно ответил Васильев. — Но тогда получится, что внутри почти никого не остается.

— Станция будет герметично запечатана внешним охранением. У ворот к-караул. Сам я тоже останусь внутри. Присоединюсь к той группе, которая обнаружит противника и вступит в бой. Если до сего момента мы делали вид, что ни о чем не подозреваем, то теперь решающий фактор — скорость. Давайте сигнал тревоги, командуйте «В ружье!». Всё быстро, всё бегом! Сейчас двадцать два сорок девять. Ровно в одиннадцать и ни на секунду позже операция по прочесыванию должна начаться. Исполняйте!

Офицер был настоящий, четкий. Получив ясный приказ, проявлять сомнения перестал. Достал свисток, дунул в него особенным образом, три раза. Через две или три секунды из разных концов территории донеслись такие же трели. Мгновения спустя повсюду раздались командные крики, топот сапог, лязг оружия.

Фандорин стоял во дворе перед воротами, со строгим видом глядя на часы, но думал не про начало операции, а про то, что к полуночи в «Националь» никак не вернется.

«Ничего. Поезд предназначен персонально для меня, никуда не денется. Генерал Жуковский тоже не барышня, подождет. К тому же Сент-Эстеф несомненно доложил ему, чем я занят».

Сердце начало биться быстрее. Азарт, предвкушение охоты, острый аромат риска — не это ли и есть настоящая жизнь?

«А может, и успею к полуночи», — подумалось Эрасту Петровичу, когда ровно в одиннадцать из-за ворот донеслось:

— Цепь, быстрым шагом вперед!

И еще раз, чуть в стороне, с грузинским акцентом:

— Цэп, быстрым шагом вперед!

Во дворе никого не было. Лишь у проходной, перед калиткой, врезанной в ворота, темнели две фигуры: часовой и караульный начальник.

«Пора!»

Шагом на вид неторопливым, но на самом деле очень быстрым Фандорин, как бы прогуливаясь, дошел до ближайшей постройки (кажется, это была электростанция, про которую поминал капитан). Уйдя с освещенного места, Эраст Петрович скинул с себя всю верхнюю одежду и сделался почти совершенно невидимым. На новоиспеченном действительном статском советнике остался облегающий черный костюм «крадущихся». Закрывать лицо маской Эраст Петрович не любил, поэтому просто провел по нему ладонью, окрашенной специальным раствором — и кожа потемнела.

Даже если кто-то сейчас внимательно следил за двором, нипочем не заметил бы бесплотный силуэт, проскользнувший вдоль стен ко входу в главный корпус.

По пустому коридору Фандорин передвигался еще быстрее, без единого звука.

«Они уже здесь!»

На полу под рамой металлодетектора ничком лежал часовой, из-под него растекалась темная лужа. «Маузер» остался в кобуре — убийца или убийцы его не взяли. И понятно почему: знали, что сработает сигнализация.

«Хотят не только произвести диверсию, но и унести ноги. Значит, будет бомба с часовым механизмом».

Эрасту Петровичу гул сирены тоже был ни к чему, поэтому он сунул «веблей» в ячейку. Побежал дальше.

Очень было любопытно, каким же все-таки образом Дятел сумел проникнуть в сию святая святых.

Приоткрыв дверь насосного зала, Фандорин получил ответ на свой вопрос.

«Ах, вот оно что. Ловко...»

Два тела в синих мундирах лежали на полу; две фигуры в синих халатах сидели на корточках и что-то сосредоточенно делали — за их спинами было не разглядеть, что именно.

«Так мы, стало быть, техники. Сняли охрану, что было нетрудно, и теперь собираем взрывное устройство. Нуте-с, а кто из нас Дятел?»

Несомненно тот, который отдавал приказания, сверяясь по какому-то листку. Левую руку человек держал в кармане. Всю работу выполнял второй.

Из-за шума, производимого насосом, главарю приходилось кричать. Эраст Петрович слышал почти каждое слово.

— ...Теперь кнопку до упора. Завести рычажок на двенадцать поворотов...

— Не так быстро! — ответил исполнитель. — Не успеваю! Вот теперь готово. Что дальше?

Старший сказал что-то неразборчивое, при этом показывая вверх. Тогда второй поднялся и побежал к лесенке. В одной руке он сжимал какую-то черную коробку, другой брался за поручни.

Дятел стоял спиной, по-прежнему держа руку в кармане. Смотрел то на листок, то на сообщника. Тот тоже не оглядывался — лез себе и лез.

«Пожалуй, сумею взять обоих».

Фандорин двинулся вперед.

— Видишь кожух? Нет, левее смотри! — командовал Дятел. — Там возле верхнего сальника должен быть воздушный регулятор!

— Есть, вижу! — донеслось сверху.

— Присоединяй магнитное крепление! Помнишь, как?

Черная тень стояла уже в одном шаге от распорядителя, а тот ничего не чувствовал, не слышал. Фандорин приоровился взять Дятла за шею, когда тот, задрав голову, громко спросил:

— Слушай, Дятел, а пяти минут нам хватит? Мало ли, у ворот провозимся. Переставь на семь.

«Значит, Дятел — тот, другой?».

Это меняло приоритеты.

— Ничего, Краб. Успеем! — ответил верхний, чем-то лязгая. — А не успеем — черт с нами.

Две минуты — лишний риск!

«Надо, чтобы он спустился. Иначе живьем не получится».

Вместо того чтобы отключить человека с листком, как планировалось вначале, Фандорин крепко взял его сзади за руки, шепнул в ухо:

— Продолжай инструктировать, Краб. Пикнешь — убью.

И подтолкнул оцепеневшего боевика вперед, для вящей убедительности сжав болевые точки на запястьях. Тот охнулся, послушно засеменил.

— Стоять!

Они оказались прямо под железной лестницей. Теперь сверху их было не видно. Краб тяжело дышал, но вел себя смирно.

— Крикни ему: «Тут какая-то путаница. Не могу разобрать. Спустись на минуту», — шепнул Эраст Петрович и сжал пальцы сильнее.

Вместо ответа подпольщик рванулся вперед, одновременно лягнув Фандорина каблуком по голени. От боли на миг потемнело в глазах, но растерялся Эраст Петрович не от этого. Левая рука Краба мистическим образом будто бы удлинилась, а потом вовсе отделилась от тела. Ошеломленный, Фандорин ослабил хватку.

Тогда диверсант окончательно высвободился. В руке у Эраста Петровича остался протез в кожаной перчатке.

Краб оказался одноруким!

Но удивляться было некогда. Блеснул нож.

Фандорин узнал замах — точно так же, от левого плеча к правому, рассекающим ударом, был человек под вагоном.

Едва успев отпрянуть, Эраст Петрович был вынужден пятиться и дальше. Калека отлично владел холодным оружием. Все время чередовал приемы, атаковал, не давал ни секунды передышки.

— Давай, Дятел, давай! — кричал он. — Я его держу! Ставь три минуты! Нет, две! И беги, беги!

Краем глаза (поднять голову не было возможности) Фандорин увидел, как по одной из труб, проходящих под потолком, движется тень.

Упругий, мягкий звук. Спрыгнул на пол.

Нападет со спины? Это было бы превосходно.

Проклятье! Хлопнула стальная дверь.

Уходит!

Наконец удалось перехватить руку нападавшего. Но у ракообразного сила в единственной клешне была фантастическая — вырвался.

Эраст Петрович разозлился, что столько времени тратит на инвалида. А мина вовсю тикает, и Дятел удирает!

«Делать нечего. Прощай, Краб. Не хочешь жить — твое дело».

Отскочив назад, Фандорин выхватил «дерринджер». Пистолетик весил меньше ста грамм, хитрый металлодетектор на него не среагировал.

У «дерринджера» есть множество недостатков: всего один патрон, крошечный калибр, убить противника наповал можно лишь при точном попадании в глаз. Но имелось и одно преимущество, в данных условиях бесценное. Им Эраст Петрович и воспользовался.

Хлопнул негромкий выстрел, пуля угодила туда, куда требовалось — в сверкающее яростью око. Если б стрелять из оружия с большой убойной силой, был бы риск, что свинец пройдет навылет и начнет рикошетить непредсказуемым образом. А тут никаких опасений: товарищ Краб повалился замертво, и пулька застряла у него в черепе.

Молнией, через две перекладины на третью, не касаясь перил руками, Фандорин взлетел по лесенке.

Несколько мгновений сосредоточенно смотрел на циферблат часовой мины, определяя, какой она системы.

Дятел поставил замедление не на три минуты и даже не на две — на шестьдесят секунд. И пятьдесят из них уже прошли.

Но и десять секунд немало. Особенно если бомба такого незатейливого устройства, с простеньким электролитиевым взрывателем Льюиса.

Эраст Петрович вынул батарейку, и стрелка остановилась.

Теперь можно заняться Дятлом. Далеко ли он успел убежать? И как собирается попасть за ворота?

Не теряя времени на спуск, Фандорин проделал тот же путь, каким минуту назад ушел Дятел: пробежал по керосиновой трубе, потом соскочил вниз. С высоты метров в семь неподготовленному человеку спрыгнуть непросто. Неудивительно, что это получилось у Эраста Петровича, он специально обучался науке прыжков и падений. Но каков Дятел?

«Трудный случай. Видимо, придется побегать», — подумал Фандорин. Не без удовольствия.

Белый человек в черном городе

«Веблея» в ячейке не оказалось. Эраст Петрович выругался. Проклятый Дятел не только умел прыгать не хуже «крадущихся», он еще и отлично разбирался в оружии. Губа не дура! На «маузер» зарезанного часового не польстился!

Ну теперь уж точно нельзя было упустить злодея. Другого такого «веблея» нет на всем белом свете. Усовершенствование существующей модели Фандорин разработал сам, образец изготовили на заказ, ждать пришлось чуть ли не год.

След преступника обнаружился, едва лишь Эраст Петрович выбежал во двор.

У ступенек, в тени, лежал, раскинув руки, человек в одной рубашке. Сапоги и брюки форменные. Это был тот самый караульный начальник, которому Фандорин менее часа назад предъявлял свой мандат. Возможно, услышал крики, доносившиеся из главного корпуса. Решил проверить, в чем дело...

Отсутствие фуражки, кителя и портупеи подсказало, в каком направлении мог скрыться убийца.

Эраст Петрович побежал прямиком к воротам. Навстречу выставил штык часовой.

— Не можиходить! Кто такой? — заорал он, в ужасе глядя на чумазую физиономию и черную фигуру действительного статского советника.

Судя по выговору, татарин. Должно быть, недавно заступил. На проходной Фандорин его не видел.

Предъявлять такому мандат — только время терять, а оно дорого.

Оттолкнув штык, Эраст Петрович схватил солдата за горло:

— Офицер сейчас выходил?

— Ходил, — просипел татарин. Он был совсем молодой, из новослужащих. — Говорил: «Пуговица застегни, болван».

Винтовку Фандорин отшвырнул подальше, чтоб служивый от усердия не пальнул в спину. Выбежал за шлагбаум.

Слева и справа из темноты доносились перекличка — цепи вели прочесывание местности. Но впереди было тихо. Дятел мог побежать только в том направлении.

Невидимый во мраке, почти невесомый, бесшумный, Эраст Петрович бежал по дороге, не столько глядываясь в ночь, сколько прислушиваясь к звукам.

Ночь в Черном Городе

Затеряться или затаиться в этом мертвом городе можно было где угодно. Но Фандорину

казалось, что он давно и хорошо знает противника.

Дятел не из тех, кто скрывается бегством. Он уже понял, что операция провалилась — станция не взорвана. Знает, кто сорвал план. И — можно не сомневаться — страстно желает поквитаться. Надо всего лишь предоставить ему такую возможность.

Не останавливаясь, Эраст Петрович стер рукавом краску с лица, скинул куртку, отшвырнул облегающую шапочку. Перестал быть невидимым. Материализовался. Еще и луна выглянула, будто ей захотелось посмотреть, как сойдутся два заклятых врага.

Обнаженный торс, белое лицо, поросшая седой щетиной голова должны были выделяться на totally черном фоне, как рисунок мелом на школьной доске.

Для пущего эффекта Фандорин еще и принялся покрикивать, не слишком быстро шагая между неосвещенными постройками:

— Эй, птица-дятел! Лети сюда! Я один!

Впереди виднелся освещенный фонарями перекресток. Двигаться дальше не имело смысла. Там полицейский участок, расположенный на границе Баку и Черного Города. В ту сторону Дятел точно не пойдет.

Звать на помощь полицейских Фандорину и в голову не пришло. Он даже «маузер» убитого часового с собой не взял. Чтоб не возникло искушения застрелить того, кого требовалось взять живым.

«Нет, не может Дятел убежать, признав свое поражение и не отомстив. Он обязательно захочет долбануть меня клювом. Иначе он будет не дятел, а воробышко. Он где-то здесь. Затаился. Проверяет. Эй, где ты? Никакого подвоха нет, не опасайся. Я один, без оружия. Идеальная мишень».

Эраст Петрович медленно шел в обратном направлении. Через каждые двадцать шагов останавливался, кричал в темноту:

— Я убил вашего однорукого приятеля! Не подставного, а настоящего! Разве вы не хотите за него рассчитаться?

Хочет, еще как хочет. Довольно вспомнить, как накануне масштабнейшей диверсии Дятел, рискуя всем, поехал в Ялту, чтобы убить Спиридонова, с которым у революционеров давние счеты.

Ночь тихая, вокруг ни звука. Крик должен разноситься далеко.

Дятел слышит. Он рядом. Крадется или уже занял позицию, целится.

«Веблей» — отличное оружие: меткое, удобное, скорострельное, но точно бьет в пределах двадцати пяти, максимум тридцати метров. Если Дятел предпочел «маузеру» этот пистолет, то наверняка знает его сильные и слабые стороны. Стрелять издалека не станет.

Поэтому Эраст Петрович старался двигаться так, чтобы не оказываться на линии прицельного огня больше, чем из двух точек одновременно. За двумя точками уследить можно, за тремя — уже затруднительно.

Время от времени Фандорин перемещался с середины дороги то правее, то левее. Внутренний дистанциометр всё время работал.

Но вот впереди возникло место, где стрелок мог затаиться сразу в трех местах: посередине улицы торчала темная трансформаторная будка. Когда Эраст Петрович шел от станции в сторону перекрестка, он миновал эту опасную зону не задумываясь — был уверен, что Дятел где-то впереди. Теперь же придется выбирать — обойти будку справа или слева. В любом случае расстояние от удобных для засады точек не превысит двадцати метров.

Сам Фандорин выбрал бы саманный домишко с выбитыми окнами, почти вплотную примыкающий к дороге. Но стрелять было удобно и из-за будки, и с другой стороны, где темнела груда битого кирпича.

Еще и луна засияла особенно ярко. Ветер согнал с неба легкие, прозрачные облака.

Кричать Эраст Петрович перестал, в этом больше не было смысла. Если Дятел все-таки сбежал, то не услышит. А если он здесь, то зачем зря напрягать связки?

Скосив глаза на зияющий оконными проемами домик, Фандорин замедлил шаг. В этой ситуации полагаться на слух не стоило. Противник не такой идиот, чтобы выдать себя звуком взводимого затвора. Патрон наверняка уже в патроннике, предохранитель снят. Весь расчет Фандорина был лишь на пресловутый хикан, «чувство кожи», то есть инструмент, наукой не изученный, а стало быть ненадежный. Ниндзя верят, что человеческий взгляд материален; если он на тебя направлен, его можно уловить. Чем взгляд сконцентрированней и эмоциональней, тем явственней его давление.

Очень возможно, что напряженные нервы морочили Эрасту Петровичу голову, однако по коже вдруг пробежали мурашки. Кто-то плялся на Фандорина из темноты. Судя по интенсивности ощущения — очень сконцентрированно и с исключительной эмоциональностью.

Странно было лишь, что холодок пробежал по шее, ниже затылка, хотя целиться должны были спереди. Позади осталась саманная лачуга, но оттуда никто не выстрелил.

Эраст Петрович замер, готовый прийти в движение одновременно со вспышкой.

— Руки поднимите, ваше превосходительство!

Голос звучал сзади — хикан не обманул. Надо было его слушаться.

«Все-таки в домишке! Кажется, крайнее правое окно. Почему он не выстрелил раньше? Почему не стреляет сейчас?»

За приятным разговором

— А вот оборачиваться не надо, — предупредил насмешливый голос. — Выстрелю. Очень хочется поговорить, но выстрелю.

«Я недооценил его хладнокровие. Он пропустил меня, чтобы оказаться в выигрышной позиции, сзади. Не стреляет, потому что хочет выяснить, откуда я узнал план взрыва станции».

— Медленно на колени, — приказал Дятел.

«Как быть? Подниматься с колен — лишнее мгновение представлять собой неподвижную мишень. А если сейчас, из положения стоя, запустить „карусель“ — черта с два он попадет с такой дистанции».

И все-таки Фандорин повиновался. С «каруселью» никакого разговора не получится. Дело закончится смертельной схваткой. Безгласный труп на вопросы отвечать не сможет. Допустим даже удастся взять Дятла живым — такой человек будет молчать, его не запугаешь. А кое-какие ответы получить очень хотелось.

Опять же, когда преклонишь колени, противник немного расслабится и приблизится. Что весьма и весьма желательно.

Но Дятел разочаровал — остался там же, где был. Очевидно, знал, что к Фандорину ни в коем случае приближаться не стоит. И был уверен в своей меткости.

Что ж, раз враг не сомневается в победе, значит, будет откровенней. Зачем врать без пяти минут покойнику? Этот рискованный, но безошибочно действующий прием Эраст Петрович использовал в своей жизни много раз.

— Кто вам выдал мой план? — спросил Дятел именно то, что и должен был спросить.

— Никто.

— Как же вы догадались?

— Никак. Я закинул удочку с наживкой, и вы клюнули.

— Не понимаю. Можно без аллегорий? — В голосе зазвучало раздражение.

— Не нужно чужие дневники читать. Или вы думали, я не догадался, что около Гасыма вертится кто-то из ваших людей и периодически сует нос в мои записи? Там проходной двор, подослать шпионов проще простого. Стоило мне написать про то, что нужно срочно заменить экипажи на кораблях и локомотивах, как тут же началась одновременная забастовка на железной дороге и флотилии.

Никакой реакции — настороженное молчание.

— Когда я узнал, что вы живы-здоровы, я чуть голову себе не сломал, почему это товарищ Одиссей перестал на меня охотиться, — продолжил Фандорин, совершенно не заикаясь, что с ним случалось в минуты крайнего напряжения. — А потом сообразил: зачем-то я вам нужен. Сегодня догадался зачем. Вы хотите каким-то образом мною воспользоваться. Вы от меня чего ждали?

— Что вы примчитесь, поднимете тревогу, и основная часть жандармов побежит прочесывать окрестности... Надо было мне догадаться, что дело нечисто, когда ушли все, кроме караула, — мрачно откликнулся Дятел, втягиваясь в игру.

— Старика к Гасыму вы подослали специально, — не спросил, а констатировал Эраст Петрович. Всё понемногу прояснялось. — А откуда вы знали, что приедет генерал Жуковский и наделит меня особыми полномочиями?

— Между Питером и Баку летали шифrogramмы. А я их читал. Есть у меня на спектрографе человечек... — Голос был задумчив. Дятел осмысливал услышанное. — Да, ловко вы меня с дневником проверили, ваше покойное превосходительство.

А вот теперь нужно было говорить очень быстро, потому что после этих слов должен был последовать выстрел. Всё, что ему было нужно, Дятел уже выяснил.

— Вам будет любопытно узнать еще кое-что... — сказал Эраст Петрович и запнулся.

На всем белом свете не найти человека, который убил бы того, кто начал фразу подобным образом.

— Что же?

«А ничего. Зубы заговариваю».

С этого момента Фандорин запретил мозгу всякую мыслительную работу. Сейчас следовало всецело довериться телу, в такой ситуации могло спасти только оно. Естественные рефлексы спонтаннее и быстрее любых сознательных действий.

Прямо с колен он кувыркнулся вперед через голову. Пуля с визгом рассекла воздух чуть выше.

Потом — прокатился боком и вскочил. Фонтанчик ударили у самых ног.

Настало время «карусели». Эраст Петрович с короткого разбега закрутил по земле колесо, отталкиваясь руками и переворачиваясь. Противник успел выпасть еще три раза, прежде чем Фандорин оказался в мертвой зоне — прижался к углу дома.

В «веблее» семь зарядов. Значит, придется подставляться еще дважды.

Бесшумно переступая, Эраст Петрович обогнул постройку с тыла, чтобы отрезать врагу путь к отступлению. С такого небольшого расстояния он услышал бы малейший шорох и определил бы движения противника. Но в доме было тихо. Дятел не трогался с места. Ждал.

«Хладнокровный господин, ничего не скажешь. Хорошо, что у него осталось две пули, а не одна. Последнюю он, чего доброго, потратил бы на себя, а так у человека иллюзия, что он еще может взять верх. Как же его там взять? Домишко маленький. Если ворваться через дверь или прыгнуть в окно, в упор он не промажет».

Наука «крадущихся» учит: если ты безоружен, как следует оглядись, и ты обязательно найдешь оружие.

Фандорин как следует огляделся. Никакого оружия не обнаружил. Зато увидел матово поблескивающую нефтяную лужу, каких в Черном Городе великое множество.

Снял тесные штаны и остался в одной набедренной повязке. Он надевал ее в предвидении бурных событий не из любви к экзотике. Затянутая особенным образом полоса ткани правильно стимулировала *тандэн* — точку силы, расположенную на один сяку ниже пупа.

Японские панталоны Эраст Петрович окунул в черную пахучую жижу. Поморщился. Какая все-таки гадость эта нефть! Никуда от нее, паскудной, не деться.

Протерся с макушки до пят и весь покернел, снова слился с ночью. Но и после этого не выкинул мокрые штаны, а скрутил их в жгут.

Под мышкой прямо к телу был приклеен специальным пластырем минимальный набор ниндзя: гибкий и узкий клинок с пилообразным лезвием (не понадобится); трубка с ядовитыми шипами (тоже); а вот непромокаемый трут с огнivом пригодится в самый раз.

Из дома донесся смешок.

— Что вы там возитесь, Фандорин? Заходите на огонек.

«Он напротив двери. Спиной к окну между центральным и левым окнами... Сейчас будет тебе огонек, погоди».

Эраст Петрович смотрел на луну, к которой медленно, но верно подбиралось качественное, плотное облако. Минуты полторы оставалось ждать.

— Вы случайно не знаете, кого мы прошлой ночью ухлопали вместо вас? — попробовал Фандорин вытянуть из противника еще немного информации. Но тот не клюнул.

— Правила игры поменялись. Больше никаких откровенностей. Если дадите себя

подстрелить, так и быть, перед смертью удовлетворю ваше любопытство.

«Уже кое-что. Значит, человек с отрубленными руками ему известен».

Свет начал стремительно меркнуть. Погас совсем. Черный Город окончательно покернел.

В тот же миг Фандорин высек искру и запалил пропитанную нефтью ткань.

Зажмурился, чтобы не видеть яркого пламени. Подбежал к зияющей дыре окна, бросил факел внутрь.

«Ниндзя за работой». Хокусай

Как тому и следовало, Дятел обернулся, инстинктивно нажал спуск. Фандорин же отбежал к следующему окну, нырнул через подоконник, распластался, застыл.

Человек с пистолетом, отчетливо видный на фоне огня, быстро поворачивался вокруг собственной оси, но увидеть слившуюся с земляным полом черную фигуру не мог.

«Только бы не застрелился!»

Эраст Петрович прибег к уловке совсем детской, в науке ниндзюцу не прописанной. Громко сказал: «Гав!» и откатился в сторону.

Вскинув руку, Дятел выпустил седьмую пулю — от стены полетели крошки.

— Ну вот. — Фандорин неторопливо поднялся. — Зря колебались. Нужно было сразу застрелиться, как только остался последний патрон. Драться будем или так сдадитесь?

Прикрывая ладонью глаза, побежденный противник вглядывался во тьму и по-прежнему ничего не видел.

Эраст Петрович приблизился.

— Не приближайтесь, ваше превосходительство. Вы грязный, как свинья. Одежду мне запачкаете, — с поразительным спокойствием сказал Одиссей-Дятел. — Нет, драться я с вами не стану. И стреляться мне незачем. Большевики не истеричные барышни, рук на себя не накладывают. Диалектика учит: каждое поражение — ступенька к победе.

Хотелось рассмотреть лицо этого философа, но он стоял спиной к огню. Ладно, успеется.

— Снимите китель. Без резких движений, а то сломаю руки. На всякий с-случай.

С похвальной медлительностью Дятел снял офицерский китель. Повернулся, демонстрируя, что другого оружия нет.

Спросил вполголоса:

— Что, ушастый? Спасся? Торжествуешь?

— П-почему это я ушастый? — удивился Фандорин.

Кажется, арестованный был немного не в себе. Начинал заговариваться.

— Слон так или иначе сдохнет, — сказал он. — А вы, фокусник японский, только сделали хуже. Революция все равно грянет. Только сначала придется пройти через мировую войну. Вместо нефти на растопку пойдут миллионы жизней. И будет Тьма, а за нею — Свет.

«Все пламенные революционеры, в сущности, психически больные люди, — подумал Эраст Петрович. — Их бы не на виселицу и не на каторгу, а в лечебницу».

— Не будет никакой мировой войны, — уверил он Дятла, ощупывая швы на одежде. — Уж можете мне поверить... Повернитесь лицом к свету. Хочу на вас посмотреть.

Несколько мгновений заклятые враги смотрели друг на друга.

«Похож на черта. Глаза будто из жидкого пламени — но это огонь отражается. Багровые тени — по той же причине. Вот и всё объяснение инфернальности».

Японские штаны дрогорели, свет погас.

Но мрак длился недолго. Почти сразу же, выбравшись из-за облака, засияла луна.

Страшная сказка

Давным-давно Фандорин открыл одну важную истину. Человека встречают не по одежке, но по иным параметрам: выражению глаз, манере говорить, движениям, а одежки может и вовсе не быть.

Что, казалось бы, должен сделать дежурный полицейского околотка, когда посреди ночи вваливается голый, покрытый липкой грязью субъект и втаскивает за шиворот другого человека, куда более приличного вида? Ответ вроде бы ясен: вызвать свистком наряд и тут же задержать черномазого, а приличного господина немедленно освободить. Но в голосе, каким нежданный визитер приказал: «Сменного начальника сюда. Живо!», было нечто такое, отчего служивый вскочил, застегнул ворот и опрометью кинулся за помощником квартирального, сладко хранившим в кабинете.

Через пять минут арестованный находился за решеткой, под неусыпным наблюдением двух городовых с револьверами наготове, а Эраст Петрович разговаривал по телефону с директором Департамента полиции. Тот уже знал, что на станции произошла попытка диверсии, офицер и три низших чина убиты, взрывное устройство обезврежено.

— Конвой за Одиссеем немедленно вышлю, — сказал Сент-Эстеф. — Давно мечтаю познакомиться. Отличная работа, Эраст Петрович. Имею также сообщить, что поезд готов и ждет. Ваши вещи сложены, адъютант Владимира Федоровича выехал за вами на Керосинопровод, чтобы сразу везти на железную дорогу. Сейчас протелефонирую капитану Васильеву, чтобы автомобиль перенаправили к полицейскому участку. Не позднее часа ночи вы будете на вокзале. Как раз у господина Жуковского будут все бумаги.

— Скажите Владимиру Федоровичу, чтобы не торопился. Мне еще нужно закончить некоторые дела. Это займет два-три часа.

Эммануил Карлович вздохнул:

— Вам теперь всё можно. Даже заставить ждать командующего Жандармским корпусом.

Не прошло четверти часа, как прибыл адъютант Жуковского. За это время Фандорин кое-как помылся, вернее отскребся. Водопровода в околотке не было, горячей воды тем более. Брезгливо к себе принюхиваясь, Фандорин надел что попроще (ничего проще песочного костюма «гольф» в чемодане не нашлось). Сунул в карман разряженный «веблей» и «дерринджер», тоже пустой. Грозный мандат остался на станции, но он теперь был уже не нужен.

— Едемте, полковник. А вы, — обернулся Эраст Петрович к сменному начальнику, — не спускайте с арестованного глаз. За ним скоро прибудет конвой.

Тело под одеждой зудело, кожа масляно поблескивала — в общем, физические ощущения были прегадостные. Зато душа наслаждалась восстановленной гармонией.

Злодейская диверсия предотвращена. Дятел схвачен и находится там, где положено быть пойманной птице: в клетке. Впереди важная работа. Возможно, самая важная в жизни.

Перед отъездом оставалось исполнить три дела.

— Полковник, едем в лечебницу Гюйсманса.

* * *

— Порадовать ничем не могу, — развел руками дежурный врач. — Пациент по-прежнему в критическом состоянии. По мнению господина профессора, главная причина — подавленная

психика.

— Попробую исправить, — сказал Фандорин.

Он рассказал Масе, как окончилась охота на Одиссея.

— Я рад, господин. Ваша честь восстановлена, а душа спокойна. Значит, и я спокоен, — ответил японец. — Теперь мы будем вместе, и я, может быть, поправлюсь.

Запинаясь, заикаясь больше всегдашнего, Эраст Петрович объяснил, что должен срочно ехать в Вену — иначе начнется большая война. Смотреть японцу в глаза не хватало мужества.

— Конечно, поезжайте, господин. Вы не можете не поехать. Я буду молить за вас Будду и Христа, потому что ничем другим помочь не могу. Извините меня.

Дальше предстояло выговорить нечто еще более мучительное. Фандорин прикусил губу, прочистил горло, но всё не мог собраться с духом.

Болезненную тему поднял сам Маса:

— Господин, понадобится надежный спутник, чтобы вас охранять. Возьмите Гасыму-сан. Я не буду ревновать, клянусь Христом. — (Фандорин мысленно отметил, что Будду в данном случае японец поминать не стал.) — Гасыму-сан совсем неотесанный, но он научится. Он, конечно, намного хуже меня, но это искренний человек. Такой не предаст, а это главное. Берите его и не страдайте. Никто кроме меня не виноват, что я дал себя подстрелить.

Сухим тоном, чтобы не дрогнул голос, Эраст Петрович сказал:

— Хм. Мне будут дважды в день, утром и вечером, телеграфировать о твоем состоянии. Как только станет можно, тебя переправят в Москву. Я же постараюсь не затягивать расследование и, как только сумею, сразу же...

— Не теряйте времени, господин, — устало молвил Маса. — Идите, выполняйте то, ради чего родились на свет. Спасайте мир.

И отвернулся к стене.

С тяжелым сердцем Фандориншел назад к автомобилю.

Если б остаться с Масой, всё время находиться с ним рядом, японец наверняка поправился бы. А теперь очень возможно... Комок подступил к горлу. «И весь остаток жизни будешь помнить, какой ты сделал выбор. Никогда себе не прошу. Даже спасенный мир — если его удастся спасти — не будет мне оправданием».

— Теперь в Старый Г-город. К Шемахинским воротам, — угрюмо сказал Эраст Петрович.

Адъютант выразительно посмотрел на часы, но спорить не посмел.

Однако, когда машина остановилась у въезда в Ичери-Шехер и Фандорин направился к темной арке, офицер выскочил за ним.

— Ваше превосходительство, у меня приказ повсюду вас сопровождать.

— Даже в б-бульвар к dame? — сардонически осведомился Эраст Петрович. — Ждите здесь, полковник, я скоро вернусь.

* * *

Весь день Саадат была занята делами. Весь день она витала в облаках. Раньше у нее никогда не получалось совмещать одно с другим: она могла или делать дело, или предаваться грезам. Но что-то в ней изменилось.

Работы было много как никогда. Почти все промыслы стояли, и заказы — устные, телефонные, телеграфные — поступали в контору «Валидбеков-нёют» один за другим. Когда Саадат небрежно говорила, что принимает заявки и на керосин, партнеры впадали в ажитацию. Готовы были взять любые объемы. Легко соглашались на фьючерсы, которые недавно

показались бы фантастическими. И все охотно авансировали оплату, хоть стопроцентную.

Время наступило горячее, золотое время. Но, ведя переговоры, крутя ручку арифометра, делая записи, Саадат думала не о нефти и не о прибылях.

Утром позвонила управляющему московским филиалом, очень дальнему человеку, не привыкшему задавать лишние вопросы, и к обеду получила всю информацию.

Эрастуш не голодранец, но и небогат, даже не имеет собственного дома. Род занятий не вполне понятен. Что-то вроде консультанта по разным конфиденциальным делам. Часто сотрудничает с правительственные органами. (Что ж, Саадат видела его в деле — чувствуются солидные навыки.) Возраст — 58 лет, намного старше, чем кажется. (Это, пожалуй, неплохо. Значит, уже напрыгался, наскакался.) Официальный семейный статус — вдовец, знаменитая актриса Клара Лунная является его гражданской женой, а проще говоря, сожительницей. (Эти сведения, положим, устарели. В Баку отношения прекратились, окончательно.) Никакой Эммы на периферии не обнаружено. (С этим еще надо разобраться, но после минувшей ночи особых сложностей от загадочной немки Саадат не ожидала.)

В общем, серьезных препятствий разведка не выявила.

«Ты этого действительно хочешь?» — спросила себя Саадат. И рассмеялась вопросу. «Больше всего на свете. Единственное, чего я по-настоящему хочу. Никогда в жизни ничего так не хотела. А хочу — значит, получу».

Она знала, что ночью он непременно придет. Не может не прийти, это читалось в его глазах. И еще было предчувствие — из тех, какие не обманывают.

Длинный, многотрудный день прошел в сладостном предвкушении, вечер — в приятных приготовлениях.

Зафар приготовил горячую ванну из ослиного молока, от которого кожа делается нежнее японского шелка. Оделась Саадат в несколько невесомых, прозрачных халатов, чтобы руки возлюбленного снимали их один за другим. Самый нижний халат был алого цвета.

Очень важно правильно выстроить каденцию ароматов: чтобы в прихожей томительно пахло лавандой, над накрытым столом витали запахи не еды, а лукавой вербены. Ложе любви сегодня будет благоухать не розами, уместными при первом свидании, а плотоядным мускатом.

Ужин был приготовлен легкий, не отягощающий желудка: шампанское, устрицы, острый овернский сыр, фрукты.

Ожидание затягивалось, но Саадат не тревожилась, не проявляла нетерпения. Самое приятное из женских времяпрепровождений — ждать любовника, твердо зная, что он придет. Она раскладывала пасьянс, потягивала пропитанный сладким вином дым из кальяна. Папирос не курила, чтоб дыхание не пропиталось табаком.

Эрастуш пришел уже за полночь.

Пока Зафар открывал дверь и вел гостя коридором, Саадат, томно потянувшись, задала себе важный вопрос: с чего начать — с разговора о будущем или...

Ну конечно с «или», потребовало тело.

Поэтому, когда он вошел, на пороге отдав панаму молчаливому евнуху, Саадат на цыпочках подбежала к возлюбленному, положила ему руки на плечи, потерлась о его губы кончиком носа.

— Ты пахнешь нефтью...

— П-прости. Не было времени как следует отмыться.

— Ванна из ослиного молока еще не остывала, — прошептала Саадат, расстегивая его воротничок. — Но мне нравится, как ты пахнешь. Запах нефти — мой любимый аромат. Им пропитается постель, я вся об тебя перепачкаюсь. Как это будет чудесно!

Вздохнув, Эрастуш сказал:

— Я на пять минут. П-попрощаться. Должен срочно уехать. Поезд ждет.

Она сразу поняла: действительно должен. Ночь страсти отменяется. Очевидно, очередное государственное дело. Чтобы во время железнодорожной стачки кому-то приготовили специальный поезд — это не шутки. Значит, консультации Эрастуша в цене. Однако правительство по-настоящему щедрым быть не умеет.

— Сколько тебе платят за твои услуги?

— Во-первых, это не услуги. Во-вторых, никаких. — Он мягко снял с плеч ее руки. — Мне в самом деле пора. Это дело исключительной важности и срочности.

Саадат велела голосу тела умолкнуть. Мешал думать.

— Но десять минут у тебя ведь найдется? Присядем.

«С ним нужно напрямую, без женских штучек и восточных витиеватостей. Он человек логики».

И она произнесла самую лучшую, самую честную речь в своей жизни.

— Милый, — сказала Саадат. — Жить на свете имеет смысл только ради счастья. Тот, кто прожил жизнь без счастья, подобен банкроту. Мне с тобой хорошо. Так хорошо мне никогда и ни с кем не было. Тебе со мной тоже хорошо, я знаю. Мы оба сильные, мы созданы друг для друга. Мне плевать на все условия Запада и Востока. Я делаю тебе предложение. Руки и сердца. — Он сделал порывистое движение, но Саадат приложила ему палец к губам. — Не перебивай... Я люблю приблизиться, но я богата, очень богата. У меня есть качество, которого мужчины не выносят в женщинах: мне нравится командовать. Но с тобой я готова быть на равных. Если у меня будет такой компаньон, как ты, мы заткнем за пояс всех конкурентов. Я всё тебе объясню про нефть и про Баку. Ты быстро научишься, я знаю. Каждый из нас будет заниматься тем, что хорошо умеет. Я — производством и торговлей, ты — охраной и решением конфликтов. Нам не будет равных, я уверена...

По его лицу скользнула гримаса, и Саадат сразу сменила курс:

— Не хочешь быть предпринимателем — не надо. Занимайся чем пожелаешь. Я знаю, у тебя есть собственные средства, но ты не представляешь, что такое настояще богатство. Любое хобби, любая фантазия — всё будет тебе доступно...

Опять не то, почувствовала она. С каждым словом он будто отодвигался. В сердце шевельнулась паника.

— Я люблю нефть, — быстро сказала Саадат, — но ради тебя я откажусь от нее. Продам свой бизнес — сейчас самое подходящее время, с руками оторвут. Я получу миллионы. Мы уедем в Москву или в Европу — куда скажешь. Ты будешь воспитывать Тураля. Ты сделаешь из него такого же мужчину, как ты. А я буду с тобой. И больше мне ничего не нужно... Почему ты молчишь? — в отчаянии воскликнула она.

Он погладил ее по руке.

— Мы обсудим это, когда я сделаю дело, из-за которого должен уехать.

— Не говори так рассудительно! — Она перехватила его пальцы. — Мне нужен твой ответ сейчас! Говори, чего ты хочешь? Я на всё согласна... А, я поняла! Ты гордый человек, тебе претит мысль жить на средства жены! Хочешь, я перепишу всё на тебя?

Эрастуш поцеловал ее запястье, поднялся.

— Тебе не нужно моих денег? Хочешь, я отдам всё свое состояние в доверительное управление до совершеннолетия Тураля? Мы будем жить бедно, только на твои средства!

Тут он прижал ее к себе, заставил замолчать поцелуем.

Потом сказал:

— Ты лучшая из женщин. Я непременно к тебе вернусь. Но сейчас мне действительно нужно уходить.

И ушел.

Саадат опустилась на стул, поникла, заплакала.

* * *

Зафар отодвинулся от потайного окошка, закрыл лицо руками. Он всегда подсматривал за тем, что происходит в будуаре. Не из сладострастия, которое было ему чуждо, а чтобы вовремя делать то, что нужно: прибавить или убавить освещение, раздвинуть занавес в нише и прочее. И потом, разве можно оставлять госпожу без присмотра с чужими людьми, чья душа потемки? Мало ли что.

Но никогда, ни разу за все годы он не испытывал такой муки. Как госпожа снимает перед любовником невесомые халаты, одетые один поверх другого, и остается совершенно нагой, Зафар видел множество раз. Но сегодня она слой за слоем обнажала свою душу, и это зрелище разбило ему сердце.

Случилось ужасное несчастье, которого он не ждал. Саадат полюбила.

«Это только для меня несчастье, для нее — счастье», — сказал себе евнух и подумал, что потом, быть может, найдет в этой мысли утешение. Но не сейчас.

Живешь с детства в беспросветном, враждебном мире, радости которого созданы не для тебя. Знаешь, что обречен на вечное одиночество, и даже находишь в этом состоянии свои выгоды: ты внутренне свободен, никому ничем не обязан, ничего не страшишься, не зависишь от низменных страстей.

И вдруг в твоей жизни появляется Саадат.

Когда он впервые ее увидел, показалось, что в наглоухо запертой и темной комнате распахнулись ставни, внутрь хлынуло яркое солнце, подул свежий ветер, и стало видно, в каком холодном, душном чулане ты жил прежде. Заболело оттаивающее сердце. В существовании появился смысл: быть рядом с ней, служить ей, греться ее теплом и пытаться ее светом. Вот это и есть счастье, которое он не променял бы ни на что, даже на возвращение отнятого мужества. Зачем оно нужно, если рядом не будет Саадат?

Целых десять лет прожил он, как в блаженном сне, после которого должно наступить еще более лучезарное пробуждение.

Дело в том, что у Зафара появилась мечта. Далекая, словно сияющая в небе звезда, но в отличие от звезды достижимая.

Когда-нибудь госпожа поймет, что на свете существует только один настоящий человек, а все прочие — мираж и химера, летучие тени. У нее откроются глаза, она увидит рядом душу, готовую слиться с ее душой без остатка.

У бесполых иные наслаждения («Муза увенчивает кастрата Фаринелли» Дж. Амигони)

Тому есть два препятствия. Саадат слишком женщина и слишком богата. Но первое со временем пройдет. Нужно подождать еще лет двадцать или тридцать. Когда ей будет пятьдесят или шестьдесят (у разных женщин это по-разному), сок перестанет бурлить. Тогда они сравняются. И будут жить с душой душа, счастливо и безмятежно — сколько даст Аллах.

Вторая преграда тоже может рухнуть. Всё материальное ненадежно. Может произойти банкротство, или упадет спрос на нефть, или грянет революция. Саадат всё потеряет. И тут окажется, что у ее преданного раба есть средства, на которые можно безбедно жить. Вот почему Зафар во всем себе отказывал, крал хозяйские деньги, втихомолку давал ссуды под хищный процент. Уже сегодня в швейцарском банке лежит немаленькая сумма, а через двадцать или тридцать лет она превратится в солидный капитал. Саадат ни в чем не будет нуждаться. Такая женщина не может жить в бедности.

Но госпожа произнесла слова любви другому человеку, и тот пообещал вернуться. Мечта рухнула. Всё кончено. Зафар сидел, согнувшись в три погибели, и кряхтел — это пытались и не могли пролиться слезы, потому что за всю свою жизнь евнух ни разу не плакал. Не умел.

Из-за мучительных этих потуг он не заметил, как в комнатку вошла Саадат. Она обняла своего верного слугу и засыпалась слезами за двоих.

— Ты слышал, слышал? — захлебывалась она. — Ты думаешь, он вернется? Нет, конечно, нет! С ним что-то случится, я чувствую. Я его никогда больше не увижу! Боже, какая я дура! Я всё всегда делала не так. Не так жила, не так себя с ним вела...

Она говорила еще много глупых женских слов, а Зафар молчал, гладил ее по голове. Сердце сильно болело — за нее, не за себя.

— Не убивайтесь, госпожа. Он сильный, а значит ничего с ним не случится. Он человек слова, а значит он вернется. А если не вернется, я отправлюсь за ним и привезу его. Можете на меня положиться, — твердо сказал он, когда ее рыдания немного утихли. — Я сделаю всё для того, чтобы вы были счастливы.

Никогда еще он не произносил при ней такой длинной речи.

Саадат подняла лицо, внимательно посмотрела на перса.

— Ах, Зафар, у меня есть сын, который мне дороже всего под солнцем. Теперь еще

появился мужчина, которого я полюбила... Но иногда мне кажется, что во всем мире у меня нет никого ближе, чем ты.

— Аллах с вами. Как можно такое говорить? — укоризненно покачал головой он. — Я калека, я ваш раб, а вы — царица из цариц.

* * *

Эраст Петрович вышел на совершенно темную, без единого огонька, улицу, и повернул голову вправо. Оттуда доносилось мерное похрустывание непонятного происхождения. От стены отделилась черная массивная тень.

— Быстро вышел, Юмрубаш. Думал, долго ждать буду.

— Ты? — обрадовался Фандорин. — Я как раз собирался к тебе. Но откуда ты узнал, что я здесь?

— Это Ичери-Шехер, всё тут знаю. Чего не знаю — люди рассказывают. — Гасым пожал плечами и снова захрустал. В руке у него был кулек, из которого он что-то доставал и совал в рот. — Козинаки хочешь? Зря не хочешь, вкусный. Ты убил твоя враг? Э, не отвечай, сам отвечу. Не убил бы — не пошел бы к женщина.

— Про это потом расскажу. У меня к тебе дело, важное.

— У меня тоже дело, Юмрубаш. Но ты старый, голова седой. Ты первый говори.

Хорошо иметь дело с человеком, который не любит долгих разговоров, подумал Фандорин. Особенно если времени мало. И спросил главное:

— Мне нужна твоя п-помощь. Поедешь со мной?

— Куда?

— В Вену.

— Где это Вена?

— Д-далеко.

— Дальше, чем Шемаха?

— Дальше.

Гочи помолчал, задумчиво похрустал.

— Зачем так далеко ехать?

— Я должен провести расследование убийства эрцгерцога.

— Ай-ай, — расстроился Гасым. — Кто он, этот Эрц? Твой родня?

Оказывается, можно жить в современном городе, где на каждом углу кричат газетчики, и не иметь ни малейшего представления о том, что происходит в мире!

— Нет, не родня.

— Друг?

Эраст Петрович начал объяснять, кем был Франц-Фердинанд и почему нужно немедленно отправляться в путь. Гочи не перебивал.

— Понятно. Его дядя твой друг, — сказал он, дослушав. — У старый царь нет никого, кто может за племянник мстить. Помогать надо. Дело хорошее. Почему не поеду?

«Надо будет купить ему в Батуме цивилизованной одежды, а то в Сербии его примут за башлыбузука. И обучить манерам. Пользоваться вилкой, носовым платком. Ладно, нам ехать три дня. Будет чем заняться».

— П-погоди, — вспомнил Фандорин. — Ты говорил, у тебя ко мне тоже важное дело?

Гасым вздохнул.

— Человек один приходил, записка приносил, мне читал. От твой жена записка.

— От Клары?

Про пленницу жгучих страстей Эраст Петрович, честно говоря, совсем забыл. Как она могла прислать записку Гасыму?

Он взял сложенный листок. Чиркнул спичкой.

Знакомым стремительным почерком сверху было написано: «*Ради Бога, добрый человек! Отнесите это в гостиницу „Националь“ господину Фандорину. Он даст вам денег! Клара Лунная.*»

Поморщившись, как от зубной боли, развернул бумажку.

«Спасите меня! Меня прячут в ужасном месте. Моей жизни угрожает опасность!

Во имя всего, что нас прежде связывало, во имя прежней любви, во имя милосердия к несчастной женщине — спасите!

Недостойная Вас погибающая Клара».

— Человек записка подобрал, мне принес, — флегматично сказал Гасым.

— Почему тебе, а не в «Националь»?

Гочи пожал плечами:

— Я тебе обещал, что найду твой жена. Спрашивал у люди. Люди знают.

— Где твой информант подобрал з-записку?

— В Черный Город. Место такой есть, «Черная улица» называется. Какой дом — знаю.

Едем быстро жена спасать или ну её?

На Черной улице

«Пропади она пропадом! Пусть сама разбирается со своим обожателем», — захотелось сказать Фандорину. Черт подери, мир на грани катастрофы, каждый час дорог, а придется снова тащиться в опостылевший Черный Город, вызволять Клару из плена, отвозить обратно в Баку. Да еще тратить время на истерики и утешения. Невозможно!

Но разве есть выбор?

В голову пришла новая максима про цзюнцзы — подарок Конфуцию в его список мудростей: «Благородному мужу только кажется, что у него есть выбор. На самом деле выбора никогда нет».

Пнув ногой каменную бровку тротуара, Эраст Петрович простонал:
— Ладно. Едем.

* * *

Чтобы не тратить лишнее время на объяснения с адъютантом, вышли через другие ворота. Средство передвижения нашли быстро. Гасым остановил ночного фаэтонщика, вежливо попросил слезть с козел. Узнав прославленного гоши, возница не испугался, а обрадовался. С поклоном передал поводья.

Фаэтонщик

Их короткого разговора Фандорин понять, конечно, не мог, но всё и так было ясно. Извозчик рад пригодиться великому человеку и знает, что в накладе не останется.

«Правильно ли я делаю, что увожу его из привычной среды обитания, где он как рыба в воде? Однако если расследование будет успешным, с Гасыма снимут все грехи... Впрочем, он ведь, наверное, немедленно наделает новых?»

Вот о чём думал Эраст Петрович, поглядывая на своего монументального возницу, нахлестывающего лошадей. Коляска мчалась по спящему городу назад в промышленную зону. Казалось, это гиблое место никак не желает расставаться с московским гостем.

«Полчаса туда. Там максимум минут десять. Клару высадить у полицейского участка. И ни в коем случае не давать себя вампирить: спас — и саёнара».

По самым оптимистичным прикидкам все равно выходило, что назад к Шемахинским воротам ранее третьего часа пополуночи попасть не получится, а поезд отправится в путь, пожалуй, уже перед рассветом.

«Ничего, дорога из-за забастовки пуста, на станциях можно скорости не сбрасывать, наверстаем», — успокаивал себя Фандорин.

Вот и снова Черный Город, давно не виделись.

На сей раз от переезда свернули в другую сторону, где воздух был еще закопченней, а ландшафт совсем мрачный: сплошные приплюснутые бараки со слепыми окошками.

— Тут мазутный завод, — объяснил Гасым. — Поэтому Черная улица. Рабочие, кто на завод работают, тоже черные. Сейчас их нет никто. Хозяин Джабаров, плохая человек, выгнал... Вон там записка лежал.

Он показал на домишко, ничем не отличавшийся от остальных — с такими же черными от въевшегося чада стенами.

«Джабаров? Это молодой нефтепромышленник, который на банкете в Мардакянах жадно пялился на Клару, — вспомнил Эраст Петрович. — Уж не он ли и есть таинственный похититель?»

— Странное место для любовного г-гнездышка. Ты уверен, что это здесь?

— Хороший место, — ответил Гасым, с кряхтением слезая. — Никто искать не будет. Можно ковер положить, на стена шелк вешать. Красиво будет. Зачем вопросы спрашиваешь? Откуда я знаю? Сейчас войдем, сами увидим.

Эраст Петрович вспомнил, что в обоих пистолетах, большом и маленьком, не осталось патронов.

— У тебя случайно нет з-запасного оружия? Я с пустыми руками.

— Почему нету? Всегда есть.

С револьвером, полученным от Гасыма, Фандорин осторожно двинулся вперед. В доме было тихо, но это ничего не значило.

Толкнул скрипучую дверь. Не заперта.

— Тсс! Я первый, ты за мной.

Посветил фонариком.

Кажется, здесь никто не живет: всюду мусор, щебень. Но что это за едва различимая светлая полоска на полу?

Щель, и через нее просачивается свет.

Эраст Петрович вздохнул с облегчением. Теперь — быстрота и натиск.

Он взялся за кольцо, приделанное к люку, рванул его — увидел спускающуюся вниз тускло освещенную лестницу. Кинулся вниз по ступенькам.

Вдруг на затылок обрушился тяжелый удар — и спуск Фандорин завершил не так, как собирался, а кубарем, с грохотом. И приземлился в темноту.

* * *

Очнулся и подумал: «Стоп. Это со мной уже было. Недавно. Что за дурацкое дежавю? Только жасмином не пахнет».

Он сидел прикрученный к стулу, совсем как давеча, в страховой конторе. Правда, без подушек, и связан был гораздо основательней: не одни руки, но и колени стянуты веревками.

В затылок недвусмысленно упирался металлический ствол. Помещение было без ковров и шелка, а все какое-то черное, но толком Фандорин не рассмотрел, потому что увидел перед собой человека, который никак не мог здесь находиться.

— Очухался? — спросил Дятел. — Я сейчас уйду. Просто хотел, чтобы ты на меня посмотрел и понял, кто из нас победитель.

В черной комнате пахло пылью и еще — слабо — чем-то знакомым. Кларинными духами.

— Где Клара? — спросил Фандорин скрипучим голосом.

— Отпустили. Зачем мне эта кукла? — дернул плечом подпольщик. — Я не сомневался, что ты решишь напоследок поиграть в рыцаря. Люди твоей породы слишком предсказуемы.

— Что с Гасымом? — спросил тогда Эраст Петрович.

Но Дятел обратился не к нему, а к тому, кто стоял сзади и целился Фандорину в затылок.

— Всё, ухожу. Он твой.

Усмехнулся, подмигнул, исчез из поля зрения.

Звук удаляющихся вверх шагов. Стук дверцы. Тишина.

Перед беспомощным Фандориным появился человек, одетый в черное.

— Я должен тебя убить, — сказал Гасым, покачивая револьвером. — Но сначала хочу с тобой поговорить. Ты сильный человек, ты не заслуживаешь бараньей смерти.

«Как чисто он говорит по-русски!» Вот что поразило Эраста Петровича больше всего.

— Этого не может быть, — сказал Фандорин, щурясь от света лампы. — До такой степени я не ошибаюсь в людях. А Маса тем более. Ты не можешь быть предателем. У людей, способных на предательство, глаза с двойным дном.

— Я не предатель, — ответил Гасым. Лицо его терялось в тени — он возвышался над пленником. — Просто я верен не тебе, а ему. Он открыл мне глаза на жизнь, когда мы сидели в одной камере. Научил меня хорошо говорить, хорошо думать. Всему научил. Он мне как отец. Ты тоже мог бы быть мне как отец, если бы я встретил тебя раньше. Но двух отцов не бывает.

— Я не понимаю, — признался Эраст Петрович. — Я совсем ничего не понимаю.

— Что тут понимать? Он сказал: «Мне понадобится этот человек. Японца нужно вывести из игры, мешает. Займи его место. Оберегай Фандорина до поры до времени». Поэтому ночью, в Мардакянах, в тебя не стреляли. Тебя кинули в скважину, я достал, и ты сделался как глина в моих руках.

— Значит, засаду организовал не Арташесов и не Шубин?

— Нет, там был Краб и его люди.

— А шайка Хачатура?

— Отец мудрый, — сказал Гасым. Его глаз Фандорин по-прежнему не видел. — Однорукий Хачатур мешал, не хотел договариваться. Отец сказал: «Одним Фандориным двух зайцев: избавимся от болванов-анархистов, а заодно пускай думает, что Краб мертв».

— А кто был человек, которому ты отрубил руки?

— Вор. Украл у партии деньги. Прятался, но мы нашли. Отец сказал: «Гляди, чтобы с трупа не сняли отпечатки пальцев, а то установят личность. Он проходит по полицейской картотеке». Поэтому я оставил его без рук.

Эраст Петрович закрыл глаза. Он вспомнил, как Гасым о чем-то шептался с Арташесовым, и тот взял вину на себя. С Шубиным гости тоже оставался в лодке один на один. То-то жандарм в последний миг крикнул: «Мы так не договаривались!».

— Что ты молчишь? — Гасым наклонился. Взгляд у него был острый, холодный — через знакомые черты будто выглядел совсем другой человек, о котором Фандорин совсем ничего не знал. — Ты думал, я тупой дикарь. Ты относился ко мне свысока. Я знаю грамоту. Я читал твой дневник, я знал все твои планы. Я долго водил тебя, как собаку на поводке. Один раз тебе удалось обмануть меня, и ты сдал отца в полицию. Но я освободил его. Я победил. Я умнее тебя.

— Предатель не бывает победителем, — с отвращением сказал ему Эраст Петрович. — Стреляй, предатель. Хвастаться, предатель, будешь потом.

— Я тебе уже говорил, я не предатель! — Черные глаза вспыхнули, они уже не были холодными. — Я человек чести! Ты тоже человек чести, поэтому я не хочу убивать тебя. Я просил отца, чтобы он тебя отпустил. Но отец сказал, что, пока ты стоишь на его пути, дело сделано не будет. Ты поедешь в Вену и помешаешь войне. А без войны не будет революции. Тебя обязательно нужно убить.

— Надоел. Стреляй.

Фандорин посмотрел в сторону, чтобы не видеть в последние мгновения жизни гнусную физиономию предателя. Лучше уж глядеть на черную стену.

«Сочинить бы предсмертное стихотворение, как предписывает „сидзюцу“, наука правильной смерти. Что-нибудь про черный цвет. Про то, что из такой черной комнаты совсем

не жалко уходить в еще большую черноту. И кто знает — может быть, за нею сияет свет?

Нет, не успеть. Наскоро такое ответственное дело не делается. Нужно было заранее озабочиться. Еще ведь надо слоги считать.

А если без арифметики? Попросту, как получится?

Три строчки:

Забираю душу в космос,
Возвращаю Земле взятую напрокат материю.
Спасибо, жизнь, и прощай».

Но человек в черном всё нудил что-то, мешал сосредоточиться на поэзии.

— Я обещал отцу, что обезврежу тебя. «Обезврежу» не обязательно значит «убью». Поклянись, что ты навсегда уедешь из России, что никогда не станешь вредить отцу и его делу. Забирай Саадат-ханум, уезжайте очень далеко, на другой конец света. Я читал, есть такая страна посреди моря, называется «Океания». Там хорошо, как в раю. Не заставляй меня убивать тебя. Дай честное слово. Я тебя изучил. Если ты дашь слово, ты его не нарушишь.

Эраст Петрович задумался. Попробовал представить, как они с Саадат живут на далеком райском острове.

Нет, невозможно. Вот еще одно изречение в дар Конфуцию: «Человек, долго шедший по Пути, а потом свернувший с него к тенистой роще, повесится там на первом же дереве».

Свернуть в сторону от зла, преградившего тебе путь, означает признать свою жизнь никчемной.

Можно было бы сейчас наврать — казалось бы, чего проще? Но и этого Фандорин позволить себе не мог. Сказано: «Летящая стрела хвостом не виляет». Гасым действительно хорошо его изучил.

Эраст Петрович качнул головой:

— Нет.

— Жаль. Но я знал, что ты так скажешь.

Человек в черном поднял револьвер и выстрелил связанному в голову.

Вдруг голос, очень знакомый, но уже не вспомнить чей, зашептал Фандорину на ухо сказку, под которую когда-то было так страшно засыпать: «В черном-черном городе, на черной-черной улице, в черном-черном доме...»

Данная книга была скачана с сайта Librs.net.

notes

Примечания

Межđу нами говоря (*фр.*)

Нравственный закон внутри меня (*nem.*)

Да, это мы, гризетки (*нем.*)

Ещё нет, но уже скоро! Всё, едем! (*nem.*)

Бакинское немецко-австрийское землячество (*нем.*)

Действительный член правления (*nem.*)

Ставки сделаны! (*фр.*)

«Мужайтесь, славные французы!» (*фр.*)

Так точно, господин консул... Нет, но уже скоро... Да, я совершенно уверен (*нем.*)

Господин консул! Теперь можете приезжать (*нем.*)

Эй, парни, живо сюда! (*нем.*)

На войне как на войне (*нем.*)

Буря и натиск (*nem.*)